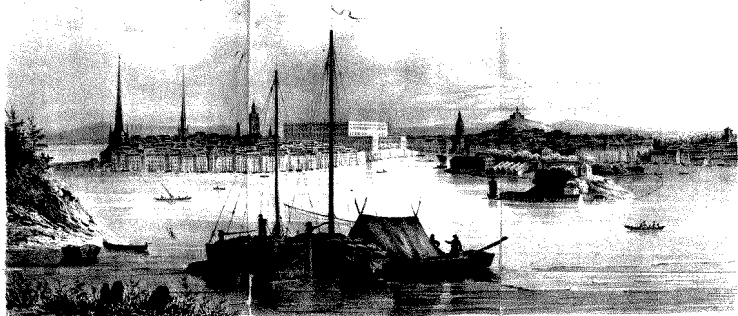

ЛѢТНЯЯ ПРОГУЛКА

ПО ФИНЛЯНДІИ И ШВЕДІИ.

STOCKHOLM.

ЛѢТНЯЯ ПРОГУЛКА
ПО ФИНЛЯНДІИ И ШВЕЦІИ,
ВЪ 1838 ГОДУ.

Ваддея Булеарина.

Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше.

Русск. поговорка.

Часть I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ.

1839.

ИЗДАВШИИ И ИДНРАНИИ Ф ОУ

ИЗДАВШИИ И ИДНРАНИИ Ф ОУ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи было представлено
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
плярровъ. Санктпетербургъ Февраля 3 дня 1839.

Ценсоръ Корсаковъ.

TRÜ Raamatukogu

1839

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Свойства души, такъ же какъ и свой-
ства тѣла, познаются по признакамъ. При-
знакъ души возвышенной и благородной и
ума просвѣщеннаго, разсудка здраваго есть
любовь къ истинѣ.

Что вы скажете о человѣкѣ, который
разобьетъ зеркало за то, что оно пока-
зываетъ пятно на лицѣ его и советуетъ
умыться? Каковъ умъ и какова правствен-
ность человѣка, который поднимаетъ руку
на врача за то, что онъ объявляетъ ему
объ его недугѣ, и предлагаетъ средства къ
исцѣленію?

Въ путешествіи моемъ говорю я то, что
мыслилъ, чувствовалъ, въ чемъ убѣжденъ
по опыту, и говорю безпристрастно, изъ
одной чистой любви къ истинѣ и для об-

ней пользы. Если я ошибся въ чемъ-либо, исправьте, я буду благодаренъ. Прошу объ одномъ: не осуждайте по словамъ и фразамъ отдѣльно взятымъ, но вникните въ полный смыслъ рѣчи и въ духъ цѣлаго сочиненія. Здѣсь одно желаніе добра и пользы, а кто этого не видитъ — о томъ сожалѣть

Ваддей Булаевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

- I. Прости! Lebewohl! — Дорога изъ Дерпта до Ревеля. — Городекъ Везенбергъ. — Важность различныхъ сосенъ въ Остзейскихъ провинціяхъ. — Русскіе товары. — Характеристика сосенъ. 1
- II. Не тотъ Ревель, что бывалъ прежде! — Пріемнымъ перекресткомъ. — Задняя парадная. — Церковь Св. Олава, послѣ обновленія ея. — Открытіе новой палаты. — Скуматоръ-слюсочка. — Ревельская архитектура. — Остзейское дворянство, ея познания и качества и страсти въ молодости или за двѣнадцать лѣтъ. — Александръ и князь Назаровъ. — Герои. — Награды Русскаго гостаринства въ Остзейскихъ провинціяхъ. — Семейная горечь и грустные воспоминанія. — Визитъ. — Историческія вѣсти Остзейскихъ губерній. — Вздыханія Русскаго Правительства. — Русский и Немецкій языкъ. — Просвиная монета. — Отъѣздъ. 29
- III. Проклятый духъ Фиксидинъ. — Финское мореходство. — Переходъ Стрелуурестъ и Кала Невенковъ. — Увеселительная прогулка (Lustfahrt) по морю. — Общество изъ парадныхъ. — Одеяніе и обувь, какъ fashion и vogue. 71
- IV. Видъ Своберга и Гельсингфорса. — Радужный пріемъ ледяныхъ пастисеръ. — Гостеприимство. — Новая и старая архитектура. — Воспоминанія о прощаніи. — Настоящее блестящее состояніе Гельсингфорса. — Прогрулка по городу. — Души ледяныя. — Морскія купанья, ванны и искупанья на морскомъ водѣ. — Строитель города, Г. Энгель. 86

V. Прогулка по Саломбурской крепости. — Памятник строителям. — Сады на скалах. — Офицерские жилища. — Баль в изведении «искусственных» вод. — Золотая рубка. — Чаша, отданная Русской Литературе. 107

VI. Палание в Финские шхеры (Skäröarna). — Что такое шхеры? — Моты и палание. — Исторические воспоминания. — Мисс Ганге (Händs-Gänge) в Нахре Великой. — Свенскаланд в Густаве III. — Анecdotes о Графе Стендалье. — Юнфруланд и Графа Гейдоль. — Первобытное прошество. — Новое общество на пароходах. — Занавес отливки. — в карикей. 127

VII. Прибытие в Або. — Квартира в транзит (Société-hôtel). — Визит в нахрелности. — Русское гостеприимство. — Видя города. — Древний собор и древний замок. — Лакки и промышленность. — Достоверный события. — Отъезд. 167

VIII. Алазский Острова. — Воспоминания о завоевании их. — Подвиги Куликина. — Образец моряка. — Визит в Шведский шери. 189

IX. Представление в Шведских шерах. — Фридрихсборг. — Вантола. — Видя Стокгольма с моря. — Плавание в Стокгольмской Залив. — Острова, принадлежащие к городу. — Пристань. — Благородное обхождение таможенных пристаней. — Наконный слуга. — Дачники. — Незабываемые квартиры. — Вопросы подлинности. — Русское гостеприимство. — Дрочинь-танго или Королевский уезд. — Встреча с А. А. Лавинусом. — Обед влюбленных в нем. — Стокгольмские театры. — Поклон кузнице. — Прекрасные прислушники. — Походка в шхеры. — Знакомство с Русскими Генералами. Консулом А. И. фон-Бринном. — Перевозчики. — Тишина в городе. 307

X. Прогулка по Древнему городу (Staden). — Разделение столицы. — Значение названия. — Предание об основании города. — Дворцы. — Архитектура Графа Тесселя. — Монументы гражданства Стокгольма и Густаву III. — Великая площадь (Stortorget). — Исторические воспоминания. —

Полный церковь (Storkyrkan). — Великий домь Кондлера Акселя Осенбергера. — Биржа и в шхер сакские Шведской Адаксий. — Первый приют, основанный основателем Адаксий. — Немецкая церковь. — Нахцы в Швеция. — Национальный древнего города. — Дворь разгара, или драконства. — Монумент Густава Вазы. — Видя улицы в лавах. — Приказная неадаксий для авторского самоделья. — Радостная дача для Русского. — Знакомство с переводчиками. Деметрия Самоделья. — Советь друзей на стою алазского. 233

ЛѢТНЯЯ ПРОГУЛКА ПО ФИНЛЯНДИИ И ШВЕЦИИ

въ 1858 году.

I.

Прости! Lebwohl! — Дорога отъ Дерпта до Ревеля.
— Городакъ Везенбертъ. — Важность разнѣчныхъ
сословій въ Остзейскихъ провинціяхъ. — Русскіе
товари. — Характеристика сословій.

Какъ искусны люди въ придумываніи для
себя горестей! Зачѣмъ эти прощанья, проводы?
Для терзанія сердца — и только!

Отецъ семейства или нѣжный сынъ, разлу-
чаясь, должны бѣжать изъ дому украдкою.
Зачѣмъ мучить другъ друга? Прости — ужас-
ное слово.

Только теперь понялъ я слова Д. В. Давы-
дова, что женатый солдатъ есть полусолдатъ!
— Я ѣду не на войну, не въ дальнія моря,
а сердце мое, при разлукѣ съ женою, бьется

сильнѣе, какъ, бывало, билось передъ сраженіемъ, пока пороховой дымъ не уравнивается крови. — Уже ль я теперь трушу? — Да, трушу, не за себя, а за моихъ казютокъ! — Они не чувствуютъ, теперь, что я имъ нуженъ, но я сильно чувствую это! Что значать въ свѣтъ дѣти литератора! Что такое у насъ литераторъ? Это не чинъ, и даже не званіе. — Есть даже добрые люди, которые почитаютъ занятіе литературою *бездѣломъ*, а литератора праздношатающимся! — Ночи, проведенныя въ изученіи великихъ нравственныхъ истинъ, или въ изслѣдованіи событій, и дни за письменною работою, люди дѣловые называютъ *потерянными временемъ*! Для этой службы человечеству — нѣтъ формулярнаго списка! — Съ какою завистью смотритъ свѣтъ на трудовую копѣйку литератора, выжатую, такъ сказать, изъ его мозга! Съ какою гордостью смотритъ на литератора подъячій, и какъ радъ случаю доказать бѣдному словеснику, что онъ ничего не значить въ свѣтъ! — Бѣдныя дѣти мои! когда меня не станеть, для васъ некому будетъ *сорокани*! Оставляю вамъ въ наслѣдство нѣсколько истинъ и воспоминаніе о томъ, что отецъ вашъ никогда и ни предъ кѣмъ не изгибался! . . .

Бѣду, и оставляю за собою все мое лучшее: любовь, надежды, радости, оставляю дѣтей моихъ и мать ихъ. Прости! *Lebe wohl!*

Добровольная разлука, на короткое время, есть добровольная горестъ. Но кто выдумалъ разлуку насильственную, средства къ исторженію дѣтей изъ объятій отца, отъ сердца матери! Уже ли человекъ? Теперь это необходимо, ибо вошло въ нравы, въ обычаи, въ законы всѣхъ народовъ . . . . Но я говорю о томъ, кто *первый* выдумалъ это! Ужасно подумать!

Тяжело, а надобно ѣхать, потому что надобно непрерывно учиться. Усталъ я читать въ мертвыхъ книгахъ: ѣду читать въ живой книгѣ природы и человечества, къ народамъ древнимъ по Исторіи, живымъ въ нравственномъ отношеніи. Простите, милые сердцу, опытность мою раздѣлю съ вами. Ваше наслѣдство моя труды.

«Прости!»

«*Lebe wohl!*»

Почтовые лошади понеслись по гладкой и ровной дорогѣ; коляска спустилась подъ гору. — Я еще разъ оглянулся: ничего не видно! — Пошелъ!

За нѣсколько дѣтъ предъ снѣмъ, Лифляндское дворянство, снесшись съ Эстляндскимъ, укре-

дило почтовую гоньбу на проселочной дорогѣ, изъ Дерита, чрезъ Везенбергъ, къ большому почтовому тракту, который пролегаетъ изъ Петербурга, чрезъ Еве, въ Ревель. Этимъ средствомъ облегчилось сообщеніе между двумя важными городами въ Остзейскихъ провинціяхъ. Теперь изъ Дерита можно поспѣть въ Ревель въ 20 часовъ, а прежде нельзя было доѣхать и въ 48. — Хотя на новой дорогѣ положено содержать только по шести лошадей, на каждой станціи, но помѣщики содержатъ вдвое, а иногда и втрое болѣе, потому что прогоны доставляютъ хорошій доходъ (по 7 копѣекъ за версту). Новое учрежденіе для крестьянъ Остзейскихъ провинцій оказываетъ уже благія послѣдствія. Пьянство уменьшается значительно, и доходы съ корчемъ едва приносятъ половину того, что давали за тридцать лѣтъ предъ симъ. Секта Моравскихъ Братій (Геригутеровъ) также много способствовала къ истребленію этого гнуснаго порока въ поселникахъ, а теперь учреждено, для этой же цѣли, *Общество Трезвости* (*Société de tempérance*), по образцу Англійскихъ и Американскихъ. При уменьшеніи доходовъ отъ корчемъ, доставлявшихъ ежедневно наличную копѣйку, прогонныя деньги служатъ

находка для помѣщиковъ. За то, къ чести ихъ, должно сказать, что они содержатъ прекрасныхъ лошадей, и что ѣзда, по этой дорогѣ, гораздо лучше, нежели на большомъ почтовомъ трактѣ.

Кто знаетъ Лифляндію только по большой почтовой дорогѣ изъ Нарвы въ Ригу, тотъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ этой странѣ. Странно, что большая почтовая дорога будто нарочно проходить чрезъ самыя безплодная и скучныя мѣста, которые нѣсколько оживляются только въ окрестностяхъ Дерита и Вольмара. Верста въ сторону — и виды безподобны! Вы знаете, друзья, что Лифляндія имѣетъ свою Швейцарію, такъ какъ Саксонія имѣетъ свою. — Саксонская Швейцарія величественнѣе, потому что усыяна гранитными скалами; но Лифляндская Швейцарія милѣе. Должна, по берегамъ рѣки Аа (Aa-Thal), сущая предѣсть! Извѣстный Лекса заимствовалъ въ Лифляндіи множество прекрасныхъ видовъ для своихъ косморалъ, удостоившихся одобренія всей Европы.

По дорогѣ изъ Дерита въ Ревель, до самой Эстляндской границы, виды прекрасныя. Особенно хороши окрестности мызы Кардись. —

Если бы Лифляндія была Англїей, т. е. если бы въ Лифляндіи было столько просвѣщенія, вкуса, денегъ и народонаселенія, какъ въ Англїи, то на пригоркахъ и въ оврагахъ, за нѣскольکو верстъ до мызы Кардисъ, былъ бы прелестный паркъ. И теперь это мѣсто, во всей дикости своей, удивительно хорошо. Въ нѣсколькихъ верстахъ за мызою Кардисъ начинается Эстляндія.

У насъ, въ Россіи, почти всегда сближаютъ три Остзейскія губерніи, потому что въ нихъ образованное сословіе — Нѣмцы. Но эти три губерніи разнятся между собою не только климатомъ и почвою, но даже правами, обычаями жителей и законами. Курляндія пользуется самымъ благодѣтельнымъ климатомъ, и почва ея изъ самыхъ плодородныхъ въ Россіи. Въ Курляндіи главные произведенія пшеница и ленъ. Простой народъ, древнѣе Куроны и Семигалы (Латышскаго племенн), трудолюбивы, живутъ и одѣваются чисто и опрятно, и занимаются домашнею промышленностью. Курляндія лучше и образованнѣе Восточной Пруссіи. Въ Лифляндіи, почва хотя не такъ хороша, какъ въ Курляндіи, но при удобреніи плодородна, а въ Феллинскомъ Округѣ отличная. Исключая

Черновскаго, Феллинскаго и Деритскаго Округовъ, въ которыхъ простой народъ Эсты, вся Лифляндія населена Латышами, которые хотя не такъ богаты, какъ Курляндскіе поселеніе, но столь же трудолюбивы, такъ же опрятны и промышленны. Вся Эстляндія населена Эстами, народомъ, который въ нѣкоторыхъ лѣтонисяхъ называется *Чудью благоглазю*. Это народъ мужественный, способный къ перенесенію величайшихъ трудностей, но вообще лѣнивый, угрюмый и упрямый. Многіе званія бѣдетвыи оставили на народномъ характерѣ пятна, которыя сходятъ съ трудомъ. Латыши народъ веселый и даже остроумный. Въ праздничные дни они любятъ проводить время въ пѣсняхъ и пляскахъ. Пѣсни ихъ веселыя, и пляски живыя. Напротивъ того, пляска Эстовъ мало чѣмъ разнится отъ пляски медвѣдей, и пѣсни ихъ суть нечто иное, какъ жалобныя стоны.

Физическимъ устройствомъ Эстляндія также различествуетъ совершенно съ Лифляндіей и Курляндіей. Въ Эстляндіи нѣтъ ни огромныхъ рѣкъ, ни обширныхъ озеръ. Почва въ ней известковая. Повсюду основаніе плита, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выходитъ наружу, на огромное разстояніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ органиче-

екой земли не болѣе четверти аршина. Отъ того въ Эстляндіи нѣтъ такой богатой растительности, (вегетации), какъ въ Лифляндіи, и особенно въ Курляндіи; корни деревь не могутъ углубляться, и отъ того деревья малорослы. Исключенія изъ правила рѣдки. Прекрасныя деревья, которыми мы восхищаемся въ Ревель, всѣ сажены и взлелѣны искусствомъ. Возвышенностей внутри края мало, и тѣ не живописны. Эстляндія прилетаетъ, большимъ своимъ протяженіемъ, къ Финскому Заливу, не защищена горами отъ сѣвера, и потому подвержена жестокимъ вѣтрамъ и туманамъ. Нельзя довольно удивиться постоянству, трудолюбію и экономическимъ познаніямъ Эстляндскихъ помещиковъ, которые, въ этомъ климатѣ и на такой холодной почвѣ, успѣли довести сельское хозяйство до высокой степени совершенства.

Поселяне въ Эстляндіи лучше живутъ и чище одѣваются, чѣмъ ихъ родичи въ Лифляндскихъ округахъ, но все таки жилище Эстляндскаго крестьянина, въ отношеніи къ чистотѣ и удобству, на одинъ только шагъ отъ шалаша дикарей Америки. Корчмы суть жестокая сатира на гостиницы Курляндскія и на Евро-

пейскіе деревенскіе трактиры. Куда ни обратишь взоры, вездѣ грязь, лохмотья, голодъ и водка. За то господскія усадьбы, или мызы, хорошо обстроены и содержатся въ чистотѣ и порядкѣ, а поля, особенно господскія, превосходно воздѣланы. Удивительно, какъ, въ теченіе столькихъ вѣковъ, Эсты не перенили у Нѣмцевъ чистоты и порядка! Вѣдь Латыши были точно въ такомъ же положеніи, до введенія новаго учрежденія о поселникахъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, однако жъ они давно уже отреклись отъ той дикости, которая составляетъ главную черту характера Эстонцевъ. Въ окрестностяхъ Верро, (въ Дерптскомъ Округѣ) Эсты едва ли отличаются чѣмъ нибудь отъ Эскимосовъ и Самоѣдовъ. Близъ Ревеля Эстонцы лучше и образованнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; но эта относительная похвала почти ничего не значить, въ сравненіи съ Латышами и однородцами Эстонцевъ, Финнами, которые имѣютъ уже свою литературу, довольно разнообразную. Впрочемъ Эстонцы одарены, отъ природы, большими способностями, которыя стоитъ только пробудить отъ вѣковаго усыпленія. Большая часть среднего сословія (Bürgerstand) въ городахъ Эстляндіи и Эст-

ландских округах въ Финляндии, населена жителями, происходящими отъ Эстовъ. Теперь эти господа граждане (Bürger), образовавшись въ Нѣмецкихъ школахъ, называются уже Нѣмцами; но предки ихъ, а часто и отцы, были Эсты. Изъ этихъ фамилій Нѣменко-Эстляндской крови, есть весьма много людей полезныхъ и образованныхъ, докторовъ медицины, пасторовъ, купцовъ и даже чиновниковъ. Тѣ, которые идутъ поприщемъ службы, переселяются, по большей части, въ Петербургъ и въ Москву. Изъ природныхъ Эстовъ мы имѣли даже нѣсколько знаменитыхъ генераловъ: Михельсона, побѣдителя Пугачева; Эриксона, прославившагося въ Финляндии, и другихъ. Въ гражданской службѣ также многіе Эсты дослуживались до высокихъ чиновъ, и были основателями почтенныхъ Русско-Нѣмецкихъ дворянскихъ фамилій. Твердость характера Эстовъ, и упрямство, которое при образованности превращается въ постоянство, доставляетъ имъ преимущество, не только предъ Латынцами, но даже предъ Русскими, вездѣ, гдѣ надобно взять терпѣніемъ. Вообще униженіе челоуѣка не въ природѣ его, но въ свѣтскомъ положеніи. Напрасно забавіе въ этотъ край иностранцы

почитать Эстовъ глупыми и неспособными ни къ чему, кромѣ земледѣлства! Событія доказываютъ противное.

Въѣзжаю въ городъ Везенбергъ, лежащій въ стѣ верстахъ отъ Ревеля. — Везенбергъ есть одно изъ тѣхъ гнѣздъ, гдѣ высиживаются ново-Нѣмцы изъ смѣси разныхъ породъ, то есть, городокъ, населенный Остзейскими биргерами. Почтенному Остзейскому биргеру стоитъ только окупить дѣтище свое въ безднѣ университетской премудрости, чтобъ сдѣлать ему доступными всѣ возможныя земныя почести и блага. За то Остзейскіе биргеры и чувствуютъ свою важность! Они ни за что въ мірѣ не примутъ Русскаго челоуѣка въ свое сословіе, хотя бы честность его была тверже ихъ плантовыхъ скалъ, а умъ превыше башни Св. Олая. Русскій челоуѣкъ, несущій всѣ тягости биргерскаго сословія, не можетъ называться биргеромъ, и даже въ Нѣмецкихъ бумагахъ именуется: meschtschanin (т. е. мѣщанинъ), не взирая на то, что по буквальному значенію словъ, это совершенно одно и то же. Каждый Остзейскій городишка, котораго все богатство не сравнится съ инымъ подваломъ Русскаго Надволжическаго поселенія, почитаетъ себя Ри-

момъ, въ отношеніи къ правамъ гражданства. Для Русскихъ оно недоступно!

Я въѣхалъ въ городъ въ пять часовъ утра, когда биргеры Везенберга наслаждались сномъ и грізиды о своемъ величїи. Здѣсь нѣтъ почтовой станции, и только тѣ изъ путешественниковъ останавливаются здѣсь, которые имѣютъ надобность въ подкрѣпленіи силъ своихъ пищею. Я постучался въ двери кандитерской. Меня ввели въ чистыя комнаты, убранныя со всюю патріархальною простотою. Въ этой кандитерской трактиръ, клубъ и танцевальное общество — первыя принадлежности каждаго Нѣмецкаго городка. Везенбергъ славится красотою женщинъ, слѣдовательно здѣшніе городскіе балы должны быть прелестью, хотя вокрыть залы простыми деревянными скамьями и люстры въ ней жестянныя, для вмѣщенія салъныхъ свѣчей. По моему мнѣнію, великолѣпіе бала зависитъ не отъ красоты помѣщенія, не отъ богатства нарядовъ и не отъ пышности ужина, а отъ красоты женщинъ. Гдѣ болѣе красавицъ, тамъ и балъ великолѣпнѣе. Ничего нѣтъ смѣшнѣе и жалче, какъ роскошь и великолѣпіе безъ красоты! Основываясь на репутаціи Везенбергскихъ дамъ, я съ удовольствіемъ

осматривалъ танцевальную залу, въ которой свѣжее дыханіе красавицы смѣшивается съ дымомъ вакстафа, и гдѣ прелестные взоры и горячій пуншъ согрѣваютъ природную холодность жителей Эстландіи.

Городокъ дежитъ весьма красиво. Съ одной стороны онъ примыкаетъ къ довольно высокой горѣ, а съ другой къ глубокому оврагу, на днѣ котораго протекаетъ ручей, имѣющій привилегію (здѣсь все основано на привилегіяхъ) лобызать струями своими прелесть Везенбергскихъ красавицъ, и нонѣ коней почтенныхъ биргеровъ. На вершинѣ горы сохранились, довольно хорошо, развалины древняго замка, построеннаго, по преданіямъ, Датскими Королями Вальдемаромъ II (т. е. Владиміромъ) въ 1224 году. Въ грамотахъ Датскихъ объ этомъ замкѣ упоминается уже въ 1252 году, какъ о значительномъ мѣстѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь, точно такъ же, какъ въ Дерптѣ, Ригѣ, Ревелѣ и другихъ мѣстахъ, туземныя селенія существовали прежде принествія нунеменинговъ, которые построили только замки, или города, т. е. крѣпости, для удержанія туземцевъ въ послушаніи. Эсты, т. е. Чудь, были въ тѣспомъ союзѣ съ Новгородскими

Славянами, и вмѣстѣ съ ними призвали Рюрика, для защищенія ихъ отъ набѣговъ Варяговъ, или Викингговъ Норманскихъ. Отъ того всѣ Эстляндскіе города имѣютъ свои Русскія названія. Ревель называется *Колманью*, а Везенбергъ *Ракоборомъ*. Последнее названіе происходитъ отъ Эстонскаго прозванія города: Раквере-лигъ *. Городакъ имѣетъ только одну улицу, т. е. большую дорогу, а на поворотѣ нѣчто въ родѣ площади, на которой находятся общественныя зданія, магистратъ и т. п. Здѣсь одна Лютеранская церковь, съ высокою башнею. Церковь построена изъ пилы, и кажется весьма древнею, но крайней мѣрѣ ветхою. Она покрыта была, встарину, досками, которыми теперь превратились въ какую-то зеленую тину. Самый любопытный предметъ въ Везенбергѣ есть мостовая, по которой экипажъ бьетъ, какъ корабль въ бурю. Даже Ревель, знаменитый своею предтопкоюю (anté-déluvien) мостовою, долженъ, въ этомъ отношеніи, уступить первенство Везенбергу.

Деревянные домики въ Везенбергѣ всѣ маленькіе, чистенькіе, выкрашенные, съ квадрат-

* Лигъ, значитъ городъ.

ными, такъ называемыми, Шведскими окнами. Здѣсь считается болѣе восьмидесяти домовъ; а въ томъ числѣ до десяти каменныхъ, и около 700 жителей обоего пола. Сколько въ этомъ числѣ красавиць, не знаю, ибо видѣлъ только трехъ, и то внѣ Везенберга. Везенбергцы ведутъ внутреннюю торговлю и занимаются ремеслами.

Пока варили кофе, я вышелъ на улицу. По близости кондитерской перестраивался деревянный домъ, и хозяинъ открывъ свою лавку. Зналъ, что Нѣмцы не любятъ рано приниматься за дѣло, я вошелъ въ лавку, и засталъ въ ней Русскаго купца, съ сѣдою бородою. Мы вступили въ разговоръ. Онъ сказалъ мнѣ, что лѣтъ за сорокъ поселился здѣсь, женился на Эстонкѣ (т. е. *по-нашему*, на Чухонкѣ); и имѣетъ нѣсколько сыновей, которые разбѣжались, съ товарами, по приморскимъ. Всѣ Русскіе, поселившіеся въ Эстляндіи и Лифляндіи, знаютъ языкъ простаго народа, а торговцы говорить чисто по-Нѣмецки. Молодые Русскіе, рожденные въ городахъ, обучаются въ первоначальныхъ школахъ, въ которыхъ Нѣмецкій языкъ есть господствующій, а Русскій преподается на такомъ же основаніи, какъ въ Русскихъ учебныхъ заведеніяхъ языкъ Француз-

скій и Нѣмецкій. По малымъ городишкамъ Остзейскихъ провинцій, самый прибыльный торгъ, такъ называемыми, крестьянскими товарами, изъ коихъ главнѣйшіе: табакъ (Русскій), соль, сельди, деготь, кожаные издѣлія, жѣлазо, топоры, косы, ножи, Русскія выбойки, ситцы, платки и т. п. Вообще весь товаръ въ Остзейскихъ провинціяхъ съ Русскихъ фабрикъ и заводовъ. Но фабричныя и мануфактурныя издѣлія такъ плохи, что жалъ смотрѣть на нихъ! Кажется, что въ первый день изобрѣтенія эти издѣлія были лучше, нежели нынѣ. На фарфоровую и стеклянную посуду страшно глядѣть! Криво, косо, съ пузырями! Ножи и замки будто деревянные. Замокъ, кажется, отворится, если дунуть въ него, а ножъ сломится на тѣстѣ. Краска на тканяхъ сходится отъ прикосновенія къ нимъ пальцами. За то и товары эти покупаются только по крайней необходимости, и репутація ихъ самая отчаянная. — Русскій товаръ и дурной товаръ — синонимы.

Виною всего этого наши Русскія: *авось и какънибудь!* Лишь бы сошло съ рукъ — а тамъ хоть трава не расти! — Съ этимъ не далеко уйдешь! Отъ этого торговли наша упадетъ

въ Азію, которую сама природа назначила для сбыта нашихъ произведеній и для обогащенія насъ тѣмъ, что мы должны, въ тридорога, покупать у нашихъ соперниковъ. — На выставку и для столичныхъ первостатейныхъ магазиновъ наши фабрики и мануфактуры ставятъ почти такой товаръ, какой выдѣлывается за границею, а для провинцій, для армарокъ стригаютъ *какъ-нибудь*. Миѣ скажутъ, что за дешевую цѣну нельзя сдѣлать хорошо. Отвѣчаю: можно сдѣлать прочно и хорошо, хотя и не изячно. Самые простые товары Нѣмецкіе, Французскіе и Англійскіе, назначаемые для употребленія поселянъ и бѣдныхъ мѣщанъ, дѣлаются прочно и даже красиво, а цѣны этихъ издѣлій гораздо дешевле нашихъ, въ сложности, не взирая на то, что за границею и хлѣбъ и работники гораздо дороже, нежели у насъ. Нынѣ замокъ, напримѣръ, можно купить, на армаркѣ, за двадцать конфетъ ижды, да что пользы, когда онъ не прослужитъ и трехъ дней! Возьмите за замокъ рубль, и сдѣлайте его прочно. Бѣдный человекъ отъ этого выиграетъ, ибо, вмѣсто десяти замковъ въ годъ, онъ купитъ одинъ, на три года. Въ самомъ необразованномъ человѣкѣ

есть столько ума, чтобы разсудить, что лучше купить разъ хорошую вещь за дорогую цѣну, чѣмъ платить дешево, десять разъ сряду, за дурную вещь. — И видѣлъ на Дерптской ярмаркѣ иностранца, который нарочно закупилъ Русскихъ издѣлій, чтобы, какъ диковинку, показывать въ своемъ отечествѣ. — Хорошо ли это, Г. г. фабриканты и мануфактуристы? И кто станетъ вѣрить вашимъ жалобамъ на медленный ходъ промышленности, когда вы дѣлаете все возможное, чтобы оживить ея движеніе и развитіе!

Жизнь биргеровъ Остзейскихъ городковъ весьма любопытна. Купецъ есть преважная фигура въ городѣ, особенно если онъ торгуетъ товарами дворянскими, т. е. употребляемыми высшимъ сословіемъ. Безъ сомнѣнія, ни одинъ изъ значительныхъ гражданъ древняго Рима и древнихъ Аѳинъ не почиталъ себя такимъ важнымъ лицомъ въ отечествѣ, какъ продавецъ шелковыхъ тканей, винограднаго вина и сахару, въ Остзейскомъ городишкѣ. — Никогда не породится онъ съ ремесленникомъ, хотя бы мастеръ былъ самъ Архимедъ. — Купцы водятся между собою,

съ такъ называемыми литераторами, * съ пасторами, учеными, и даже съ дворянами, которые нисходятъ иногда, съ аристократической высоты своей, къ картонному столу и трапезѣ купеческой, какъ нѣкогда боги нисходили съ высотъ Олимпа въ семейства слабыхъ смертныхъ, для вкушенія земныхъ радостей и приласканія миловидныхъ Гречанокъ и Римлянокъ. Жизнь купца совершенно сходствуетъ съ жизнью дворянина, съ тою разницею, что купецъ не имѣетъ чести скучать въ своемъ помѣстьѣ, и проводить лѣтнее время не въ тяжкомъ трудѣ, а въ полномъ наслажденіи, въ какомъ нибудь загородномъ домѣ или въ своемъ городскомъ саду. Общество купцевъ чрезвычайно приятно. Въ немъ меньше принужденности, нежели въ дворянскомъ обществѣ, а иногда много ума, потому что между купцами есть люди весьма образованные. — Вообще между купческою аристо-

* Литераторами, въ Остзейскихъ провинціяхъ, называются люди письменные и дѣловые, изъ средняго сословія: адвокаты, секретари Магистрата или другихъ присутственныхъ мѣстъ, то есть тѣ, которые умѣютъ сочинять бумаги.

кратію, въ Остзейскихъ провинціяхъ, весьма много людей порядочныхъ, умныхъ и честныхъ, и если бы они не были заражены смѣшнымъ чванствомъ, которое даже несносно, то это сословіе можно было бы поставить въ прииѣръ. Остзейскій купецъ крѣпокъ въ словѣ, а это великая добродѣтель въ его званіи! Мелкіе продавцы мало чѣмъ отличаются отъ мастеровыхъ. — Только и мелкіе купцы держатъ данное слово, а Остзейскіе мастеровые напротивъ того, суть непоколебимые представители неточности, неаккуратности и всякаго рода продѣлокъ и уловокъ, ко вреду жителей, принужденныхъ имѣть съ ними дѣло. Отъ того каждый, кто имѣетъ случай выписывать для себя вещи изъ Петербурга, Риги, Митавы или Ревеля, не входитъ въ сношенія съ мастеровыми малыхъ Остзейскихъ городовъ. Между этими ремесленниками есть весьма искусные люди, но ихъ также губитъ чванство и роскошь. Мастеръ почитаетъ за стыдъ приняться за работу. — Онъ живетъ бариномъ, полжизни спитъ, полжизни ѣстъ, пьетъ, куритъ табакъ и играетъ въ бостонъ и вистъ въ клубѣ, за стаканомъ нунну. Онъ только принимаетъ заказы, и приказываетъ своимъ

подмастерьямъ. — Позволь сегодня Русскимъ ремесленникамъ работать свободно по Остзейскимъ городамъ: завтра же чванство этихъ мастеровъ спадетъ на сто градусовъ, а цѣны на вещи упадутъ по крайней мѣрѣ на три четверти. — Теперь же господа мастера блаженствуютъ подъ покровомъ своей монополіи, т. е. привилегіи, запрещающей работать свободно каждому, кто не исповѣдуетъ Лютеранской религіи, и не признанъ мастеромъ въ корпорациі. — Расскажу нѣсколько примѣровъ (изъ многихъ тысячъ) аккуратности Остзейско-Нѣмецкихъ мастеровъ, которые на Руси пользуются, по слухамъ, великою славою. За два мѣсяца до появленія Галлсевой кометы, заказать и, въ Дерптѣ, стативъ (т. е. столѣкъ на винтахъ), для моего астрономическаго инструмента, и уѣхать, на шесть недѣль, въ Вѣдоруцію. Столярный мастеръ, одинъ изъ самыхъ важныхъ, гордый какъ панскій кандидатъ, зналъ очень хорошо, для чего мнѣ нуженъ столѣкъ, и обѣщалъ сдѣлать чрезъ три недѣли. Я заплатилъ деньги впередъ. Возвращаюсь, — нѣтъ столѣка. Хожу каждый день, всегда одинъ отвѣтъ: завтра! Наконецъ появляется комета — нѣтъ стола!

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, мастеръ приноситъ мнѣ столяр. — «Помилуйте, на что мнѣ онъ теперь!» восклицая я, въ досадѣ. — «Вы можете наблюдать, когда комета покажется въ другой разъ» отвѣчаетъ мастеръ, прехладнокровно — «Да это будетъ чрезъ 70 лѣтъ!» — «Это до меня вовсе не касается!» — отвѣчалъ мастеръ — и поставивъ столяр, вышелъ преспокойно. — Въ другой разъ я заказалъ лѣтнее платье для дороги (въ Маѣ мѣсяцѣ), а уѣхалъ въ Юль. — Мастеръ принесъ мнѣ платье въ Декабрѣ !!! Столяръ, подривившійся, по контракту, выставить всю деревянную работу, т. е. двери, окна, полы и пр., просрочилъ ровнохонко годъ, и новостроившійся домъ цѣлый годъ простоялъ у меня понапрасну. — На этихъ господъ мастеровъ нѣтъ ни суда, ни расправы, потому что на нихъ надобно жаловаться *нимъ же*, т. е. стариниамъ ихъ корпорации, а лучшие мастера всегда сами же старинны. — Грубость ихъ превосходить всякое описаніе! Одинъ кузнецъ приходитъ къ дворянину со счетомъ. Дворянинъ открывенно сознается, что у него теперь нѣтъ денегъ, и проситъ подождать. Кузнецъ, ничего не говоря, вынимаетъ изъ кармана трубку, закуривается ея и объявляетъ, что онъ до тѣхъ поръ не вый-

детъ, пока не получитъ своихъ денегъ. Дворянинъ долженъ былъ выйти со двора, занять денегъ, и уплатить немедленно. А если мастеромъ вамъ долженъ, за какіе либо припасы.... никогда не увидите гроша! Онъ скажетъ вамъ прехладнокровно: «Я вамъ заплачу работою.» — «Да мнѣ не нужно вашей работы!» — «Такъ ждите!» — Съ этими словами онъ надвинетъ косякъ на бекрень и пойдетъ, прехладнокровно, въ свой садъ, не удостоивъ васъ взглядомъ! Такова большая часть Остзейскихъ мастеровъ! — Исключеніе изъ общаго правила — величайшая рѣдкость! Въ большихъ городахъ, въ Ригѣ и въ Ревелѣ, соперничество заставляетъ некоторыхъ мастеровъ быть поакuratнѣе и повѣжливѣе.

Еще одно сословіе, принадлежащее къ биргеришфуту (т. е. Остзейскому гражданству), пользуется въ Россіи должною репутаціею: — это экономы или управители вотчинъ. У насъ, на Русѣ, вѣрять, что Лифляндскій или Эстляндскій управитель — чудо изъ чудесъ, а въ Лифляндіи и Эстляндіи хорошій управитель такая рѣдкость, что въ двухъ губерніяхъ все они на счету, по пальцамъ. Въ теченіе десяти лѣтъ я слышалъ похваля только четыре-

рыкъ или пятерымъ изъ нихъ и то съ прибавленіемъ: *aber* (но)! — Въ Лифляндіи существуетъ древняя пословица: «что если бы Эконоомъ (*Disponent*) упалъ съ неба, то упадетъ не иначе, какъ на господскій мѣшокъ съ рожью.» — Такова репутація ихъ вѣрности! Объ агрономическихъ познаніяхъ диспONENTОВЪ, т. е. управителей, даже не говорится въ Остзейскихъ провинціяхъ. — Дворяне, имѣющіе по нѣскольку мызъ, лежащихъ въ далекомъ разстояніи одна отъ другой, отдаютъ ихъ, обыкновенно, въ арендное содержаніе. Такъ же поступаютъ тѣ, которые находятся на службѣ или за границею. Весьма рѣдко случается, чтобы Остзейскій дворянинъ повѣрилъ свое имѣніе, управителю, а гдѣ это введено, тамъ имѣніе въ жалкомъ состояніи, и не приноситъ положенныя слѣдующаго дохода. Это дѣло испытанное и доказанное. Управитель, въ Остзейскихъ губерніяхъ, есть то же, что у насъ староста и писарь, въ одномъ лицѣ. Хозяйничаетъ самъ помѣщикъ, а управитель только исполняетъ его приказанія, ведетъ хозяйственные счета, и переписывается съ присутственными мѣстами. — Отъ Остзейскаго управителя требуется только, чтобы онъ зналъ Нѣмецкую

грамоту и языкъ туземцевъ, и имѣлъ понятіе о винокурении. Самые плохіе изъ этихъ господъ диспONENTОВЪ испрашиваютъ, ради Христа, свидѣтельство (атестатъ) отъ помѣщиковъ, у которыхъ они служили, съ грѣхомъ пополамъ, чтобы отправиться въ Перу или Мексику, то есть *nach Russland* (въ Россію) и помѣщики, будто въ насмѣшку (*par dérision*) даютъ имъ эти свидѣтельства, съ которыми господа Остзейскіе диспONENTЫ получаютъ въ Россіи значительныя мѣста! Смѣхъ и горе! А все таки управленіе этихъ диспONENTОВЪ лучше, нежели нашихъ старостъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія объ агрономіи! Но объ этомъ говорить здѣсь не катати. Довольно, если я объявлю, что я лучше бы согласился отказаться отъ имѣнія, нежели вѣрить его управленію Остзейскаго диспONENTА! Это лучшее средство имѣть менѣе ничего, т. е. не получать дохода и войти въ долги. — Настоящіе управители — сами господа, и имъ принадлежитъ вся честь благоустройства края и отличнаго состоянія сельскаго хозяйства въ Остзейскихъ губерніяхъ. Есть и плохіе хозяева, но они составляютъ непріятную часть цѣлаго.

И общалъ вамъ, друзья, рассказывать все что увижу и все что буду мыслить и чувствовать, во время моего путешествія. Списать ланцафты словами — тошно, — и такъ я раздумывалъ о томъ, безъ чего лучшая природа мертва: я думаю о людяхъ, населяющихъ этотъ край. Когда я изъѣхалъ на большую почтовую дорогу, положение мое измѣнилось. Единство исчезло. Множество экипажей ѣхало въ Ревель и изъ Ревеля. Это время ярмарки. Однакожь, благодаря исправности Г. Алланда, содержателя нѣсколькихъ почтовыхъ станцій (пяти или шести), меня нигдѣ не задерживали. Въ выѣзную мою поѣздку въ Ревель, я нашелъ значительное улучшение на станціяхъ, принадлежащихъ Г. Алланду, съ чѣмъ усердно поздравляю его и прошу объ одномъ, чтобъ онъ не держалъ малолѣтнихъ ямщиковъ. Правда, нечего опасаться, чтобъ лошади разбили или поѣхали, потому что онъ не изъ ретивыхъ, но все-таки неспроста ѣхать съ мальчишкой, которому надобно помогать поправлять упряжь, а она, по естественному Остзейскому почтовому праву, должна непременно рваться, по крайней мѣрѣ разъ на каждой станціи, или на основаніи

того же права, каждый ямщикъ долженъ непременно перепрыгать лошадейъ раза два. Къ чести Г. Алланда должно сказать, что на содержимыхъ имъ станціяхъ съѣстные припасы хорошаго качества и чрезвычайно дешевы, что составляетъ совершенную противоположность съ нѣкоторыми станціями на Петербургской дорогѣ, въ Лифляндіи. Кстати о содержателяхъ почты! Они, по большей части, изъ гражданъ, то есть биргеровъ, и имѣя случаи угождать первымъ лицамъ въ губерніи, Гг. ландратамъ и т. п., воображаютъ себя, что они также преславные мужи! Это сляки мѣщанской аристократіи! Обыкновеннаго приѣзжаго, т. е. челоуѣка, отъ котораго не возможно воспользоваться ничѣмъ, кромѣ прогону, и котораго покровительство не нужно, такого приѣзжаго содержатель станціи не удостоиваетъ ни взглядомъ, ни словомъ. Для записанія подорожной и отвѣтовъ на вопросы, на станціяхъ есть писарь, который обыкновенно въжливѣе, бѣднѣе и умнѣе своего хозяина.

Вы теперь видите, друзья мои, что я проѣзжаю страну, въ которой каждый гордится своимъ званіемъ, и гдѣ Русскому челоуѣку должно ходить на цыпочкахъ, говорить въ пологоса

и садиться на полстуду, если онъ не хочетъ получать, на каждомъ шагу, толчки своему, даже позволенному, самолюбію. Русский языкъ вамъ здѣсь вовсе не нуженъ, и вы можете здѣсь смѣло употребить слова и фразы новыхъ нашихъ языкообразователей. Во всякомъ случаѣ Русскаго человѣка здѣсь не многіе поймутъ, но первенство получить всегда новозычный, потому именно, что языкъ нашихъ преобразователей ближе къ Чухонской, нежели къ Русской фразеологій.

Я бы могъ рассказать вамъ нѣсколько встрѣтъ и сценъ на большой дорогѣ, но онѣ такъ мало важны, что я боюсь утруждать васъ. — А, вотъ и Ревель! —

II.

Ни тотъ Ревель, что былъ прежде! — Причины перемѣны. — Защита пароходовъ. — Цѣтковъ Св. Олая, послѣ обновленія ея. — Открытіе новой напты. — Скуахторъ — самоучка. — Ревельская марка. — Остзейское дворянство, его похвальные качества и странности въ недоросляхъ и напцандюнкерахъ. — Анекдотъ о нашемъ Назарическомъ герцоѣ. — Патриархъ Русскаго гостепріимства въ Остзейскихъ провинціяхъ. — Семейная горестъ и грустные воспоминанія. — Визитъ. — Историческія эпохи Остзейскихъ губерній. — Благодѣлніи Русскаго Правительства. — Русский и Нѣмецкій языки. — Ярославова монета. — Отъездъ.

Всѣ трактиры въ Ревелѣ были заняты. Только въ знаменитѣйшемъ изъ нихъ, у Г^{на} Веттерстрандъ, нашлась для меня каморка, не обшпирѣ каюты на купеческомъ кораблѣ. — Въ 6 часовъ вечера я поѣхалъ въ Екатериненталь, въ надеждѣ найти, въ дворцовомъ саду и въ заведеніи Г. Витта, общество и Петербургскихъ знакомыхъ. Садъ былъ совершенно пустъ; въ общей залѣ Г. Витта — ни одной души! На всемъ предѣлѣхъ ни одного

экипажа! Я удивился! Съ тѣхъ поръ, какъ я знаю Ревель (лѣтъ за тридцать) никогда не было въ немъ такой пустоты, особенно во время ярмарки. Невольно вспоминалъ я куплетъ, пѣтый, преужорительно, Французскимъ комикомъ Севъ-Феликсомъ, въ забавномъ водевилѣ *Le petit enfant prodige*:

«*Tout change, hélas, dans la nature!*»

Прошла мода и на Ревель! Еще за нѣсколько лѣтъ предъ симъ Петербургская знать и богатые люди прѣзжали на лѣто, пожить въ Ревель, подышать чистымъ воздухомъ, покупаться въ морѣ. Нарвиское предмѣстіе превращалось въ Петербургскую Милліонную или Вольную Морскую; у воротъ домовъ стояли липрейные лакеи; великолѣпные экипажи разѣзжались во всѣхъ направленіяхъ; множество дамъ прогуливалось въ саду, въ пегольскихъ нарядахъ. Первыя государственные чиновники, прѣзжавшіе отдохнуть въ Ревель, отъ своихъ многотрудныхъ занятій, сообщали здѣшнему обществу какое-то патриархальное величіе. Тенерь едва нѣсколько семействъ прибыло сюда изъ Петербурга, по преданію о пріятномъ препровожденіи лѣтняго времени, и нѣкоторые откровенно признались мнѣ, что жестоко ску-

чаютъ. Нынѣ не дождались даже окончанія курса купанья, и возвратились въ Петербургъ. Вечеромъ и бывалъ на общественномъ балѣ, въ заведеніи Г. Витта. Въ залѣ было чрезвычайно просторно. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, Петербургскіе гости давали здѣсь превеликолѣпныя и, что болѣе, премилыя балы. Тенерь все это прошло, какъ сонъ! Веселіе Ревеля зависить совершенно отъ Петербургскихъ посѣтителей, потому что жители города и дворянство губерній вовсе объ этомъ не помышляютъ. Уединенная прогулка за городомъ, партія виста и разговоръ о мѣстныхъ отношеніяхъ края, о хозяйствѣ и торговлѣ, удовлетворяютъ Остзейца. Они не думаютъ о шумныхъ увеселеніяхъ, и прекрасный полъ, который въ цѣломъ мірѣ любитъ танцы, здѣсь чрезвычайно скромнень въ своихъ желаніяхъ. Для Остзейскихъ дамъ не нужно большихъ затѣй. — Онѣ весьма охотно танцуютъ на мнѣхъ семейныхъ вечерахъ, и балъ есть здѣсь такое событіе, которое приводитъ въ движеніе цѣлую провинцію.

Пароходы подорвали Ревель. Тенерь мода ѣздить за границу. Вѣдствіе парохода Николай, нѣсколько устранило дамъ, но, наконецъ, онѣ убѣдились, что подобныя несчастія столь же

рядки, как крушение дома от землетрясения или смерть от нечаянного выстрѣла. Нѣтъ! пароходное сообщеніе есть не только самое благотворительное, но и самое покойное. Плывущій дождь, со всеми удобствами и, что всего важнѣе, возможность распорядить своимъ временемъ, независимо отъ погоды или состоянія почтовыхъ станцій, дешёвизна и наконецъ удовольствіе путешествовать въ обществѣ, все это выше всего, что только человекъ могъ когда либо, желать. Послѣ пароходовъ ничего не остается болѣе, какъ летать на воздушныхъ шарахъ, съ такою же точностью, какъ шны́ плаваятъ по морямъ. Пароходы уступаютъ только воздушнымъ шарамъ и ничему болѣе. Опасности! Да гдѣ нѣтъ опасностей для нашего брѣнного тѣла? Пылькомъ, перхожъ, въ экипажѣ, вездѣ угрожаютъ намъ опасности. Мечъ Дамоклеса виситъ надъ каждымъ человекомъ. Великій часъ, всякую минуту смерть слѣдитъ за нами. Вы скажете, что въ каждомъ дѣлѣ человекъ долженъ слѣдовать вычисленіямъ, по теоріи вѣроятностей, и избирать то, что представляетъ менѣе опасностей. Милости просимъ вычислить, и вы удостовѣритесь, что въ теченіе пяти или десяти лѣтъ, гораздо

болѣе случилось несчастій на сухомъ пути, нежели на морѣ. Дѣло въ томъ, что бѣдственное приключеніе съ пароходомъ дѣлается гласнымъ въ цѣломъ мірѣ, а на разбитыхъ каретахъ, на опрокинутыхъ экипажахъ вовсе не обращается вниманія, какъ на дѣла обыкновенныя. Повторю: опасность вездѣ, но ненадобно никогда помышлять объ ней. Принимай, тогда вооружись мужествомъ, и чему быть, того не миновать!

Я носились въ приходѣ въ Ревель, и долженъ былъ трое сутокъ ждать парохода. Что дѣлать? Ревель знаю я, какъ свой карманъ; давно уже осмотрѣлъ все, что есть любопытнаго въ немъ, и нѣсколько разъ уже писалъ о Ревелѣ. Зданія и все памятники древняго Ревеля не измѣнились, исключая церкви Св. Олава, которая, послѣ пожара, переродилась и украшена великолѣпнымъ шпидеромъ. Двѣ картины, внутри церкви, одна писанная Е. Май-делемъ, Лифляндскимъ дворяниномъ, другая молодымъ Кюгельхеномъ (если не ошибаюсь), по моему мнѣнію, саникомъ выхваляются жителями Ревеля и вообще Остзейцами, по чувству провинціального патриотизма. Гораздо было бы лучше, если бы, отложивъ на этотъ разъ

провинциальный патриотизмъ, украсить единственный въ Россіи храмъ Св. Олая произведеніемъ великихъ нашихъ художниковъ, напримеръ: Егорова, Брюллова, Бруни, Васина и т. п. Для этого можно было бы собрать достаточную сумму подпискою, во всѣхъ Остзейскихъ губерніяхъ, исповѣдующихъ Лютеранскую Религію, и не думаю, чтобы кто либо отказался отъ добровольнаго пожертвованія, въ такомъ похвальномъ дѣлѣ. Церковь возобновлена въ прежнемъ видѣ, съ удивительнымъ искусствомъ, особенно въ отношеніи къ каменной работѣ. — Недавно открыли, по близости Ревеля, известковый камень, особаго рода, который чрезвычайно мягокъ въ работѣ, и твердѣетъ отъ времени, принимая позитуръ. Простой Ревельскій мѣщанинъ, художникъ-самоучка сдѣлалъ всѣ готическія украшенія и колонны, изъ этого камня, для церкви Св. Олая, и я увѣренъ, что самый прихотливый знатокъ и любитель скульптуры похвалитъ эту работу. Не помню названія этого мастера, но знаю, что онъ не Нѣмецъ, а Эстонецъ.

Надобно было побывать на ярмаркѣ. Она производится, какъ вамъ извѣстно, въ оградѣ церкви Св. Николая. Вокругъ ограды и парал-

лельно съ нею выстроены изъ досокъ лавки, или правильнѣе балаганы, въ которыхъ разложены товары, а посѣтители ярмарки прохаживаются по тѣсной улицѣ, между балаганами, смотрятъ товары, торгуютъ, останавливаются для разговоровъ съ знакомыми. Второй рядъ балагановъ, т. е. непристроенный къ стѣнѣ, а параллельный съ нею, имѣетъ промежутокъ позади церковной стѣны, и на этой площадкѣ поставлены скамьи, гдѣ съ важностью, достойною времени рыцарскихъ, возсѣдаютъ дворянство Эстляндское и Лифляндское, то есть тѣ изъ нихъ, которымъ благоугодно низойти съ своего Олимпа, къ намъ, бѣднымъ смертнымъ.

У насъ въ Россіи, весьма мало знаютъ объ Остзейскомъ дворянствѣ, думая, что дворянство одно и то же въ цѣлой Россіи. Разница большая! Въ Россіи каждый штабъ-офицеръ, военный и гражданскій, а сверхъ того одинъ сынъ личнаго дворянина, пользуются всѣми правами родового и потомственнаго дворянства. Это ведется у насъ со времени Преобразователя или, правильнѣе, Создателя Россіи, Петра Великаго, и учреждено было для того, чтобы истребить даже слѣды хлѣбнчества и породить во всѣхъ благородное соревнованіе къ службѣ. —

Теперь нѣтъ ни какого различія между дворянствомъ древнѣйш., родовымъ и дворянствомъ иерархич., т. е. новымъ, выслужившимся. Въ Остзейскихъ провинціяхъ дворянство осталось на своихъ прежнихъ правахъ. Въ каждой губерніи, и кромѣ того на островахъ Эзель, есть свои метрическія дворянскія книги (Matrikel), въ которыя вписаны всѣ дворяне губерній или провинцій, помѣстные и безпомѣстные. Только внесенные въ метрическія книги дворяне имѣютъ голосъ въ дворянскихъ собраніяхъ или на *ландтагахъ*; только они имѣютъ право избирать чиновниковъ, и быть избираемыми, хотя бы не имѣли помѣстьевъ. Если бы уроженецъ Остзейскихъ провинцій изъ средняго сословія (von Bürgerstande) дослужился до генерала или дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, онъ, возвратясь на родину Русскихъ дворянствомъ, не есть еще Лифляндскій или Эстляндскій дворянинъ, и не пользуется ни какими правами, хотя бы даже кушанъ потчешу въ сихъ губерніяхъ. Тому же подвержены и Русскіе родовые дворяне. — Остзейское дворянство имѣетъ право, по своему благоусмотрѣнію, принимать въ свое сословіе кого угодно, не объявляя причинъ и заслугъ.

Кандидата представляютъ въ дворянскомъ Собраніи, и балотируютъ. Такимъ образомъ въ дворянскія Остзейскія книги внесено много Русскихъ фамилій, а именно тѣхъ, которыхъ члены были въ сихъ провинціяхъ генералъ-губернаторами, или занимали важныя государственныя должности, т. е. имѣли какое либо вліяніе на дѣла провинцій. Есть даже фамилія многихъ мелкихъ чиновниковъ изъ Нѣмцевъ, изъ чужестранцевъ или средняго Остзейскаго сословія, служившихъ въ провинціи, снискавшихъ благоволеніе дворянства, а кромѣ того есть много дворянъ изъ купеческихъ фамилій, снискавшихъ уваженіе своимъ богатствомъ. Можно нигдѣ не служить, и приобрести вѣчное и потомственное дворянское достоинство, по милости дворянъ, ибо оно распоряжается этимъ безответственно. Выбалотировали, вписали въ книгу, и дѣло кончено! Фамилія вашей достается въ удѣлъ слово *фонъ* — и всѣ права древнихъ рыцарей.

Никто изъ людей чуждыхъ Остзейскому дворянству, не питаетъ къ нему столько уваженія, какъ я, потому что прожить съ нимъ многою тою, и имѣть случай удостовѣриться

въ благородствѣ, честности и любви ко всему возвышенному, большей части членовъ этого почтеннаго сословія. Но любя его искренно и вполне уважая, почитаю долгомъ сказать нѣсколько полезныхъ истинъ, для его же блага.

Въ этомъ почтенномъ сословіи есть люди, не служившіе въ Государственной службѣ и не знающіе вовсе Россіи, которые заражены слѣдующими закоренѣлыми предразсудками. Первый: непохвальная гордость; второй, протекающій изъ перваго, неуваженіе къ Русскому дворянству; третій предразсудокъ, есть смѣшной провинціальный патріотизмъ, исполненный мелкихъ притязаній, ко вреду общихъ отечественныхъ выгодъ. Остзейскіе дворяне-недоросли почитаютъ себя какими-то Инками, особымъ племенемъ, выше всего рода человѣческаго — дѣтми солнца! Каждый дворянинъ, не имѣвшій чести родиться въ Остзейскихъ провинціяхъ, почитается получеловѣкомъ, тѣмъ же, чѣмъ дѣвѣной человѣкъ (*homme de couleur*) въ Америкѣ. Справедливо ли это и сходно ли съ понятіями нынѣшняго вѣка? Въ Россіи много выслужившихся дворянъ, т. е. новыхъ, не вѣковыхъ, но все-таки они служили и заслу-

жили свое званіе; слѣдовательно, они гораздо выше тѣхъ изъ Остзейскихъ дворянъ, которые записаны въ дворянскія книги, не по высокімъ, бластательнымъ заслугамъ предковъ, но по милости дворянства и по богатству. — Между Остзейскимъ дворянствомъ есть фамиліи, ведущія родъ свой отъ рыцарей, первыхъ покорителей страны, т. е. отъ XIII вѣка. Но этихъ фамилій весьма не много: не наберется больше пятидесяти въ Лифляндіи и Эстляндіи. Въ Россіи есть также дворянскіе и княжескіе роды, ведущіе свою родословную отъ Рюрика, съ IX вѣка, а фамилій съ XIII и XIV вѣка, у насъ множество. Въ родословныхъ дворянскихъ книгахъ Остзейскаго дворянства (исключая Курляндію) есть нѣсколько знатныхъ Шведскихъ фамилій, множество фамилій Шведскихъ мелкихъ чиновниковъ, служившихъ въ Лифляндіи и въ Эстляндіи, во время Шведскаго владычества. Шведы обходились съ Лифляндцами и съ Эстляндцами, какъ съ покореннымъ народомъ, держали ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, и Шведскіе чиновники были въ провинціи настоящими деспотами. Отъ того ихъ чтили и принимали въ родословныя книги. Весьма не многие изъ прирочныхъ Остзейцевъ занимались съ такимъ

прилежаніемъ общаю и частною Исторіею Остзейскаго дворянства, какъ я. Я знаю Исторію почти всѣхъ извѣстныхъ или извѣющихся притязаніе на извѣстность фамилій, и увѣрю смѣло, что Остзейскому дворянству вовсе не чѣмъ гордиться предъ Русскими. Остзейскій дворянинъ, какого бы онъ ни былъ происхожденія, поселясь въ Русскихъ губерніяхъ пользуется, безпрекословно, всѣми правами Русскаго дворянства, а Русскій дворянинъ, хотя бы князь или графъ, не имѣетъ ни какого права въ Остзейскихъ провинціяхъ, и если приобрѣлъ тамъ вотчину, то не имѣетъ даже голоса въ выборъ своего судьи. Да и вотчину онъ можетъ приобрѣсть тогда только, когда это благоугодно будетъ мѣстному дворянству, потому что въ теченіе года и шести недѣль отъ покупки, каждый Остзейскій дворянинъ имѣетъ право взять на себя это самое имѣніе, если оно ему нравится, заплативъ Русскому дворянину сумму, за которую онъ купилъ вотчину. Это называется: ближнее право (Näherecht). Въ Курляндіи даже и этого снисхожденія нѣтъ для Русскаго дворянина! Мы, Русскіе дворяне, за это не въ претензіи: пусть будетъ, какъ было, но мы имѣемъ право негодовать, когда какой нибудь

выскочка или человѣкъ безъ всякой заслуги, смотритъ на Русскаго дворянина, какъ на освобожденнаго негра, и, при всякомъ случаѣ, старается показать свою ничтожную важность. Это уже нестерпимо! Всѣ дворяне Русской Имперіи—родные братья, и каждый, нарушающій братство, виновенъ противъ всѣхъ. — Знайтесь и водитесь съ кѣмъ вамъ угодно, но уважайте званіе — не по провинціямъ, или губерніямъ.

Почти все Эстляндское дворянство служило или служить. Третья часть остается дома, и отъ того Эстляндское дворянство болѣеближено съ Русскими, и имѣетъ въ тысячу разъ менѣе предразсудковъ, нежели Лифляндское, изъ котораго весьма немногіе служатъ, а еще менѣе служатъ долго. Лифляндскій дворянинъ, побывавъ въ университетѣ, и не дождавшись экзамена, ѣдетъ за границу, привозить оттуда Германскій костюмъ и Германскій образъ мыслей и закупоривается въ деревню, изъ которой выѣзжаетъ снова за границу, накупивъ денегъ. — Многіе изъ нихъ, живя въ 300 и въ 400 верстахъ отъ Петербурга, никогда въ немъ не бывали, истоптавъ, между тѣмъ, всѣ тропинки на Рейнъ. Большая часть, зная даже

Русскій языкъ, не хотѣть говорить по-Русски, какъ только съ своимъ платникомъ или каменщикомъ, и ни за какія благополучія не заглянуть въ Русскую книгу. Почтенные Лифляндскіе ландраты, антографируя свои портреты, подписываютъ подъ ними: портретъ такого-то ландрата Герцогства Лифляндскаго, не упоминая вовсе о Лифляндской губерніи! Русскими называются Лифляндцы только въ чужихъ краяхъ! Тамъ только принимаютъ они на себя званіе Русскаго дворянина, на которое они имѣютъ вездѣ полное право. Если Лифляндецъ ѣдетъ въ Петербургскую губернію, то говорить, что онъ ѣдетъ въ Ингерманландію, а если ѣдетъ въ Псковъ, то говорить, что ѣдетъ: nach Russland (въ Россію) т. е. употребляетъ выраженія, существовавшія въ провинціи до Петра Великаго. Этотъ смѣшной, дѣтской провинціальный патріотизмъ поддерживается въ Лифляндіи юношествомъ, нынѣшняго поколѣнія, котораго всю силу составляютъ безпомѣстные дворiane, т. е. не имѣющіе ни кола, ни двора, и снискивающіе пропитаніе въ провинціальной службѣ, по выбору, въ который не требуется чиновъ. Эта молодежь составляетъ родъ особой партіи, подѣ-

управленіемъ нѣсколькихъ достаточныхъ молодыхъ людей и впрочемъ всѣмъ, въ дворянскихъ собраніяхъ, отбивъ охоту у людей зрѣлаго возраста и ума влиять въ дѣла. Словомъ, въ Лифляндіи господствуетъ юношество, т. е. дѣти надъ отцами, а причиною тому превратныя понятія о нравственномъ воспитаніи, въ которомъ главное правило составляетъ полная свобода юношеству, и отвратительная фамильярность дѣтей съ родителями. Это правило господствуетъ во всей Германіи, но выдуманно не Нѣмцами, а Жанъ-Жакомъ Руссо, котораго краснорѣчивыя бредни продолжаютъ производить свое вредное вліяніе, не взирая на то, что сочиненія этого мечтателя давно уже забыты. Въ этомъ отношеніи гораздо лучше слѣдовать Древнимъ, у которыхъ родители имѣли неограниченную власть надъ дѣтьми, въ теченіе цѣлой жизни.

Впрочемъ, изъ всего этого не происходитъ ни какого зла, а только одно смѣшное. Августъ Коцебу не истощилъ всего запаса, почерпая изъ этого богатаго рудника оригиналы для своихъ комедій, и обезсмертивъ лице Остзейскаго недоросля (Landjunker). Самая смѣшная сторона, какъ и уже сказано, это надменность,

превышающая всякое вѣроятіе, и самоудѣяность. Господа недоросли (иногда сѣдые) вѣрятъ, что только у нихъ свѣтитъ солнце и цвѣтеть земля, и что они созданы въ мірѣ, какъ алмазы въ рудникахъ Пotosи, для украшенія рода человѣческаго!!!!

Не стану распространяться о послѣдствіяхъ этого порядка вещей, и скажу только, что въ теченіе сляккомъ ста лѣтъ, какъ эти провинціи присоединены къ Россіи, не болѣе какъ одинъ Русскій дворянинъ поселился въ Остзейскихъ провинціяхъ, да и тотъ не выдѣржалъ, а возвратился на Русь. Напротивъ того, почти всѣ Остзейскіе дворяне, пріобрѣтшіе нѣжнѣе въ Россіи, остались въ ней навсегда. Даже старые воины рѣдко остаются на родинѣ, и проживъ нѣсколько времени, возвращаются въ Россію, если ихъ не привязываютъ къ Лифляндіи обстоятельства и дѣла.

Безпристрастіе водить можетъ перомъ. Повторяю, что никто болѣе меня не уважаетъ Лифляндскаго дворянства, въ которомъ я знаю многихъ умныхъ, честныхъ, истинно благородныхъ людей. Но эти умные люди вмѣстѣ со мною желаютъ, чтобъ многое измѣнилось въ этихъ провинціальныхъ обычаяхъ. Благо-

дѣтельная пережѣла наступитъ тогда только, когда безпомѣстное дворянство потеряетъ свое вліяніе, когда юношество станетъ служить въ государственной службѣ, и когда люди зрѣлые умомъ и возрастомъ будутъ управлять дѣлами провинцій и общими мнѣніемъ, и истребить изъ дворянскаго круга студентскіе обычаи. — До этого я вѣрно не доживу, и такъ обратимся къ другому!

Всѣ ярмарки вообще упали совершенно въ Остзейскихъ губерніяхъ, особенно Ревельская ярмарка, но это вовсе не означаетъ дурного состоянія внутренней торговли. Напротивъ того, это вѣрное доказательство, что купцы круглый годъ имѣютъ въ своихъ лавкахъ запасъ хорошихъ товаровъ, и потому для покупки ихъ нецужно періодическихъ сроковъ. Прѣжніе ярмарки процвѣтали отъ того, что провинціи наводнены были издѣльями заграничныхъ фабрикъ и мануфактуръ, привозимыхъ въ извѣстные сроки. Торговцы внутреннихъ городовъ Остзейскихъ, Литовскіе Жиды и даже Русскіе купцы, пріѣзжали на эти ярмарки запасаться товарами на цѣлый годъ, а помещики и граждане, пользуясь содѣйствіемъ продавцевъ, покупали, въ это время, товары дешевле,

нежели въ другое время. Теперь почти всѣ купцы выписываютъ товары прямо съ Русскихъ фабрикъ или изъ Петербурга и Москвы, а то что привозить на ярмарки сами Русскіе купцы, какъ я уже сказалъ, такой доброты, что только крайняя нужда можетъ заставитьъ къ нимъ прибѣгнуть. Туземные купцы даже не выносятъ нынѣ своихъ товаровъ въ балаганы, какъ бывало прежде, предоставляя эту продажу мелкимъ торговцамъ и иногороднымъ. На помѣстной Ревельской ярмаркѣ былъ только одинъ Русскій купецъ, съ пушными товарами, двое съ посудой и нѣсколько съ бумажными и льняными тканями, низшаго разбора. Книжки ни одной, на всей ярмаркѣ! — Я обошелъ нѣсколько разъ вокругъ: ни дать ни взять нантъ Щукинъ дворъ!

Одна выгода отъ этихъ ярмарокъ. Туземные купцы сбавляютъ, въ это время, цѣны на свои товары, особенно на сахаръ, чай, кофе, пряности и бакаліи, чтобъ подорвать, какъ говорится, Русскихъ купцовъ, приѣзжающихъ изъ столицы съ этими же товарами, а Русскіе купцы, чтобъ сбыть съ рукъ свой запасъ и избавиться отъ издержекъ за обратный провозъ, продаютъ товаръ чрезвычайно дешево. Мнѣ случалось

покупать, на Дерптской ярмаркѣ, Русскія мануфактурныя издѣлія гораздо дешевле, нежели въ Петербургѣ. — Да здравствуетъ со-
извѣстничество! — Привилегія всегда падаютъ тяжестью своею на потребителей, не возвышая ни торговли, ни фабричной промышленности.

Поскуцая съ часть времени на ярмаркѣ и не найдя ничего занимательнаго ни для глазъ, ни для ума (о сердцѣ ни слова, потому что оно здѣсь всегда должно быть подъ замкомъ), отправился я обѣдать на дачу къ Наваринскому герою, Ревельскому Военному Губернатору, Графу Логину Петровичу Гейдену.

Въ семьдесятъ сѣмь лѣтъ, Графъ Логинъ Петровичъ сохранилъ бодрость зрѣлаго возраста и пламенность юности, со всею любезностью свѣтскаго человѣка, возвышаемую опытностью жизни и самыми разнообразными познаніями. Бесѣда его очаровательная, гостеприимство истинно Русское, не поддѣльное. Въ миломъ семействѣ его я отдохнулъ душою, и въ разговорахъ съ нимъ нашелъ обильную пищу для ума и сердца. — Графъ рассказалъ намъ, за столомъ, важнѣйшее изъ приключеній своей юности, а именно причины, побудившія его поселиться, на всю жизнь, въ Россіи. Когда вснхъ

нула первая Французская революція, Графъ Логинъ Петровичъ былъ лейтенантомъ морской службы, въ Голландіи, своемъ отечествѣ. Княжеская Оранская фамилія (нынѣ королевская), которая пользовалась наслѣдственнымъ правомъ Статгудерства въ республикѣ, рѣшилась отправиться въ Англію, при приближеніи Французской завоевательной арміи, и Графъ Логинъ Петровичъ, всегда вѣрный долгу, чести и присягѣ, былъ избранъ въ начальники корабля. Совершивъ благополучно это тяжелое для сердца его порученіе, и разставившись со слезами съ Статгудеромъ, Графъ Гейденъ возвратился въ Гагу, и тотчасъ же былъ ввѣнъ подъ стражу и брошенъ въ темницу, по повелѣнію Французскаго Республиканскаго правленія, и по иуженію нѣкоторыхъ своихъ единомысленцевъ, обольщенныхъ несбыточными теоріями тогдашнихъ Французскихъ филантроповъ. Судъ былъ, въ то время, коротокъ. Обвиненіе и преступленіе было одно и то же, и изъ тюрьмы къ гильотинѣ былъ одинъ шагъ. Никто не сомнѣвался въ побѣдѣ Графа Гейдена, и родственники уже оплакали его. Но Провидѣнію угодно было спасти благороднаго юношу для будущей славы! Французскій Главнокомандующій Пиньерю,

который въ душѣ привязанъ былъ къ монархическому образу правленія, тронулся судьбою юнаго страдальца за честь и правду, и будучи не въ состояніи спасти его явно, доставилъ ему случай уйти изъ тюрьмы, посоветовавъ бѣжать за границу. Графъ Гейденъ переоделся въ крестьянское платье, приколовъ къ шляпѣ трехцвѣтную кокарду, и избѣгнувъ случайно опасностей въ пути, добрался до Прусской границы. Здѣсь, на таможенной Прусской заставѣ, въ присутствіи Голландскихъ республиканскихъ чиновниковъ, Графъ сорвалъ ненавистную кокарду со своей шляпы, втопталъ ее въ грязь и объявилъ кто онъ и по какой причинѣ ищетъ гостепріимства и покровительства въ чужой землѣ. Ему дали паспортъ, и Графъ Гейденъ отправился въ Петербургъ, надѣясь найти покровительство у Графа Головкина, бывшаго посломъ въ Голландію, и узнавшаго фамилію Графовъ Гейденовъ. — Графъ Логинъ Петровичъ не обманулся въ своихъ надеждахъ на благородство Русскаго характера. Графъ Головкинъ принялъ Графа Гейдена дружески, познакомилъ его съ Графомъ Марковымъ, а тотъ представилъ его Императрицѣ Екатерины. Великая Государыня обласкала Гра-

фа Гейдена, и въ награду за самоотверженіе въ пользу законнаго Правительства, благоволила принять его въ Русскую службу Капитанъ-Лейтенантомъ. Съ тѣхъ поръ Графъ Гейденъ привязался душою къ новому своему отечеству, и сдѣлался настоящимъ Русскимъ, посвятить жизнь свою службѣ. О подвѣтахъ его водѣ Навариновѣ мы говорить нечего, потому что это извѣстно всему просвѣщенному міру, а нечислять всѣ случаи, гдѣ онъ отличился, было бы нескладице. Графъ Гейденъ и отличіе — синонимы! За то, кромѣ всѣхъ знаковъ отличія, которыми онъ награжденъ отъ правосудія Русскихъ Государей и отъ всѣхъ иноземныхъ владыкъ, Графъ Гейденъ пользуется рѣдкимъ достоинствомъ, уваженіемъ начальниковъ, дружбою равныхъ и любовью подчиненныхъ.

Отъ Графа Гейдена поѣхалъ я къ патріарху Русскаго гостепримства въ Эстляндию, Генераль-Лейтенанту Леонтию Васильевичу Спафарьеву, который жилъ также за городомъ. Дача Графа Гейдена есть только загородный домъ, а дача Генерала Спафарьева настоящая ферма. Все селеніе было на сѣнокосѣ, въ роуцѣ. За два года предъ симъ, видѣлъ и всѣхъ ихъ веселыхъ довольныхъ, счастливыхъ, а теперь двѣ ужас-

ная потери повергли это милое и доброе семейство въ глубокую и неизлечимую горестъ. Оно лишилось, въ одинъ годъ, двухъ членовъ своихъ! Подпора старости ибжнмъх родителей, сынъ Генерала Спафарьева, отличившій артиллерійскій офицеръ, любимый всѣми знавшими его, былъ посланъ Правительствомъ въ Швецію, для изученія новой метода литья чугунныхъ пушекъ, на акційномъ заводѣ въ Окерѣ, на Меларскомъ Озерѣ. Онъ выучился Шведскому языку, былъ принятъ во всѣ Стокгольмскія общества, и снискалъ ту же общую любовь и уваженіе на чужбинѣ. О познаніяхъ его относились, съ величайшею похвалою, знаменитѣйшіе Шведскіе ученые. Быстротѣпныя надежды и счастливая сущность утѣшали добрыхъ родителей и вдругъ ужасная вѣсть поразила ихъ . . . . несчастный юноша утонулъ, купаясь въ ручьѣ! Въ этомъ ручьѣ воды было едва ли полось. Молодого Спафарьева нашли на днѣ, лежащимъ лицъ. Догадываются, что во время купанья, онъ подвергся апоплексіи, отъ внезапной простуды. Вскорѣ носъ брата слетѣлъ въ могилу сестра его *, примѣръ всѣхъ женскихъ добродѣтелей,

* Супруга Капитана-Лейтенанта Маркиза де Траверзе, Начальника Финскаго Флотскаго Экспедиціи.

оставив сиротами милых малюток . . . . Не-
исповѣдимы судьбы твои, Господи! Но изъ
всѣхъ испытаній земныхъ ужаснѣйшее—потеря
дѣтей . . . . Удивительно, что человеческое сер-
дце можетъ перенести такіе жестокие удары!
Тяжело мнѣ было смотрѣть на родителей,
удрученныхъ горестью, ищущихъ единственна-
го утѣшенія въ воспоминаніяхъ о милыхъ
сердцу, которыхъ они уже не увидятъ болѣе.
. . . . Я старался, по возможности, разсѣять ихъ
грусть, хотя на нѣсколько минутъ, и распро-
стившись съ милыхъ, добрыхъ, гостепріимныхъ
сѣмьею, далъ полную волю слезамъ . . . .
И я отецъ! . . . . Я вспоминалъ о потерѣ, по-
несенной другомъ моимъ Гречемъ, и о тѣхъ на-
деждахъ, которыя мы основывали на его ум-
номъ, даровитомъ, добромъ Николаѣ! Я любилъ
его какъ родное дѣтище, лишь только онъ
вышелъ изъ пеленокъ . . . . Ужасно вспомнить.
Не могу написать ничего связаннаго . . . . Свѣтъ
меркнетъ въ глазахъ, сердце обливается кро-
вью . . . .

Вечеръ былъ тяжелъ для меня. — Душа
моя была разстроена . . . . Я не могъ успокоиться.

На другое утро посѣтилъ я почтеннаго
Алексѣя Никитича Пенцурова, Псковскаго Гра-

жданскаго Губернатора, который пріѣхалъ въ
Ревель на короткое время, навѣстить семей-
ство свое, пользующееся здѣсь морскими ку-
пальнями. Какъ начальнику и помѣщику гу-
берніи, сосѣдней съ Лифляндіею, Алексѣю Ни-
китичу хорошо извѣстны мѣстныя обстоятель-
ства нашихъ провинцій. Отдавая полную спра-
ведливость честности, благородству, любви
къ порядку жителей Остзейскихъ провинцій,
мы согласились въ великой истинѣ, что распро-
страненіе Русскаго языка, въ этихъ провин-
ціяхъ, порученное нашимъ отеческимъ Прави-
тельствомъ Г. Министру Народнаго Просвѣще-
нія, и исполняемое самыми кроткими средствами,
необходимо для блага самихъ Остзейцевъ, скрѣ-
пленіе прочтѣ вѣчный и неразрывный братскій
союзъ ихъ съ общою нашею матерью, Россіею,
и облегчая имъ средства быть ей полезными.
Стоитъ только заглянуть въ Исторію, чтобы
удовѣриться, какія неисчерпаемыя выгоды
прояснели для Остзейскихъ провинцій, отъ
включенія ихъ въ составъ непокоримой, бога-
той, древней дѣтми, юной силами Россіи!
Что значила Курляндія, подъ покровитель-
ствомъ безсильной Польши? Курляндія была
страна, истощенная усиліями поддержать свое

существование, зависвшее от воли сильных сосѣдей, подверженная вліянію Польши, Россіи, Пруссіи и Швеціи, обремененная повиноваться каждой изъ сихъ державъ въ войнѣ и въ мирѣ; запасная житница для каждаго неприятельскаго войска! Лифлядія, во времена Епископскія и при Гросмейстерахъ Меченоснаго Ордена, была раздражена непрерывными междоусобіями. То Епископы сражались съ рыцарями, то города вели войну съ ними, то рыцари дрались между собою, и страна нищала, утѣняя одну дурность и силу. Кромѣ того, мощная даянь Россіи всегда простерта была на возвратъ древняго достоинства потомковъ Рюрика, и, по тогдашнему обычаю, Русскіе воины, вторгавшіеся въ Лифляндію, опустошали ее огнемъ и мечемъ. Прибѣгнувъ къ покровительству Польши, Лифлядія попала въ когти Чезуитовъ, и, страшась за вѣру свою, не знала, кому предаться, чтобъ избѣгнуть непрерывныхъ безпорядковъ. Покоренная Шведами, Лифлядія была для Швеціи житницею и рудникомъ, изъ которыхъ Шведское правительство извлекало хлѣбъ и золото. Лучшія земли раздавались были Шведскимъ вельможамъ, которые проживали доходы свои въ

Стокгольмѣ, и украшали на нихъ свои семейскія жилища въ Швеціи. Шведскіе чиновники получали жалованье изъ доходовъ края, и упрочивъ свое состояніе, переселялись на родину. Только бѣдные люди жили на чужбинѣ. Наконецъ Шведскіе Короли издумали рассмотреть письменные доводы, по которымъ Лифляндское и Эстляндское дворянство владѣть помѣстьями. * — Въ странѣ, подверженной непрерывнымъ войнамъ, трудно было сохранить каждому всѣ документы, а сверхъ того, древнѣйшія фамиліи владѣли вотчинами по историческимъ преданіямъ, со времени покоренія края рыцарями, въ XIII вѣкѣ. Такимъ образомъ почти всѣ фамиліи подвергались опасности лишиться достоинства предковъ въ пользу казны, и тогда-то знаменитый Паткуль, предохраняя родину отъ неизбежной гибели, увидѣвъ, что одно спасеніе ея въ объятіяхъ Россіи и приставъ къ створѣмъ Петра Великаго, возобновившаго

* Для этого учреждена была Редукціонная Комиссія изъ Шведовъ, которая своевольными хитраниями ошеломила дворянство. — Въ Швеціи было тоже, но по другимъ причинамъ, какъ то мы увидимъ въ послѣдствіи.

требования Царя Иоанна Грозного на обладание древнею Ливоною. — Эстляндия была еще несчастие. Принадлежа, съ XIII вѣка, Дании, которая обходилась съ нею какъ съ колоніею, не помышляя о ея благосостояніи, а заботясь только объ умноженіи доходовъ казны, Эстляндія, раздражая внутренними раздорами и мятежами, поддалась Меченосному Ордену (въ 1547 году) * и раздѣляя съ Лифляндіей всѣ общественныя бѣдствія, съ тою только разницею, что чаще подвергалась нападеніямъ Русскихъ, и что, перенивъ отъ богатыхъ Ливонскихъ рыцарей непомерную роскошь, дворянство Эстляндское болѣе разоряло свои помѣстья, для удовлетворенія своей страсти къ пирамъ и богатыхъ нарядамъ. Владычество Ливонскихъ рыцарей не только не возстановило желаннаго порядка, а напротивъ, породило еще большія смуты. Гроссмейстеръ Ливонскій, знаменитый Готтгардъ Кетлеръ, былъ не въ силахъ искоре-

* Генрихъ Дусенеръ (Dusenert), Гроссмейстеръ словія рыцарей Эстляндскихъ, продалъ Эстляндію Ливонскому Ордену за 247,000 р. серебромъ (18,000 маркъ чистаго серебра). Деньги раздѣлены были между знатнѣйшими дворянами.

нить зло, разлившееся по всѣмъ отраслямъ управленія, и общее возмущеніе поселятъ угрожало не только Ревелю, но и всему краю совершонною гибелью. Тогда городъ Ревель прибѣгнулъ къ Шведскому Королю Эрику XIV (въ 1561 году), прося его помощи, и повергался, съ цѣлою областію, въ подданство Швеціи. Кровопрлитная война между Швеціей и приверженцами Ливонскаго Ордена, въ которую вмѣшались Датчане и Ганзеатическіе города, опустошала Эстляндію восемь лѣтъ сряду, пока Шведы не утвердились въ ней. Тутъ начинается опять война съ Царемъ Иоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, а въ заключеніе жестокая язва опустошаетъ обѣ провинціи. Вся исторія Остзейскихъ провинцій состоитъ изъ опустошеній, угнетенія, жестокаго варварства, голода, бѣдъ. Богаты были, какъ и теперь, одна Рига и тѣ помѣщики, которые могли продавать въ ней свои произведенія или заставить купцевъ платить себѣ за покровительство внутренней торговли, т. е. за безопасность каравановъ отъ грабежа.

Мы имѣемъ важный документъ, составленный въ кратковременное Польское владычество въ Лифляндіи, а именно хозяйственное описаніе частныхъ и казенныхъ мызъ. — Чи-

тая это нельзя надвинуться переѣзжъ, происшедшей въ Лифляндіи, со времени Русскаго владычества. Тогдашнія мнѣ богатѣхъ помѣщиковъ были не лучше нынѣшнихъ корчемъ, и бѣдность поселить приводила въ ужасъ! Посмотрите теперь на Остзейскія провинціи! — Сто тридцать лѣтъ непріятель не бывалъ внутри Лифляндіи и Эстляндіи, и въ это время Россія, учредивъ Дерптскій Университетъ, разпространивъ гимназіи и школы, разлила просвѣщеніе, и образовавъ пасторовъ, которые должны изучать прихожанъ на туземномъ языкѣ, водворила правила Христіанской Вѣры между простымъ народомъ. До присоединенія этихъ странъ къ Россіи пасторы выписываемы были изъ Германіи и Швеціи, и не зная туземнаго языка (по-Эстонски и по-Латышски), не могли толковать прихожанамъ правилъ истинной вѣры, и наставлятъ ихъ на истинный путь, проповѣдями. Поселенцы въ Остзейскомъ краѣ, до Русскаго владычества, исполняли только наружныя обряды Вѣры Христіанской, не понимая ея сущности, а въ тайнѣ слѣдовали древнимъ преданіямъ язычества, смѣшивая ихъ съ Христіанствомъ. Россія, давъ вѣру поселенцу, сверхъ того обезпе-

чила: навѣки, его благо мудрыми законами, введя новое учрежденіе. Для дворянства открыто бластательное поприще государственной службы, и неисчерпаемый источникъ Монаршихъ милостей. Исключая исполнительнѣйшей части, все внутреннее управленіе провинцій, судъ и расправа, и всѣ распоряженія по частнымъ отношеніямъ помѣщиковъ, предоставлены дворянству. Земледѣльцы и опочествово ободрены значительными пожертвованіями: отъ казны. Однимъ словомъ; въ той отрасли общественнаго благосостоянія, которое бы наше отеческое Правительство оставило безъ вниманія, ободренія, помощи!—Лютеранскія Вѣра, языкъ Нѣмецкій, которымъ говорить образованное сословіе, и языки туземныя не только оставлены въ полной свободѣ, но пастыри Церкви, и учителя языковъ, пользуются даже постояннымъ покровительствомъ и наградами Правительства. Науки сильно распространяются и поддерживаются на счетъ Правительства, которое предоставляетъ всѣмъ сословіямъ значительныя преимущества, за отличныя успѣхи въ наукахъ. Каждое сословіе сохранило тѣ права, которыя нужны для его спокойствія и благосостоянія.

Въ этомъ случаѣ великодушіе и милость нашего отеческаго Правительства простерты до крайней степени! Не только оно покровительствуетъ все полезное, но, подобно нѣжной матери, имѣя попеченіе о здоровьи и образованіи своего дѣтища, позволяетъ ему даже забавляться безпредѣльными игрушками! Можно рѣшительно сказать, что въ нѣломъ мірѣ нѣтъ и не бывало провинцій, которыя бы, по присоединеніи ихъ къ сильной чужеземной державѣ, пользовались такими милостями, какими пользуется Остзейскій край отъ Русскихъ Государей! По справедливости должно сказать, что Остзейцы заслуживаютъ это покровительство. Посмотрите на мраморныя доски, вѣданныя въ стѣну дворискаго собора въ Ревель, и сосчитайте, сколько Эстляндцевъ погибло въ отечественную войну, и сколько въ ней участвовало! — Лифляндія дала Россіи Барклая-де-Толли и много отличныхъ воиновъ, хотя и не въ такомъ числѣ, какъ Эстляндія. Курляндія, хотя гораздо позже присоединена къ Россіи, но уже доставила Россіи много полезныхъ и истинно достойныхъ слугъ. — Одно бѣда, что лучшие изъ Остзейцевъ или остаются навсегда въ Россіи, или живя на родинѣ, не могутъ преобразовать своихъ

старыхъ и молодыхъ недорослей, или ланд-юнкеровъ (т. е. никогда и нигдѣ не служившихъ дворянъ), которые, отъ праздности и надменности, играютъ такую роль, которая въ глазахъ просвѣщеннаго человѣка болѣе нежели смѣшна, а между тѣмъ они своимъ киченіемъ бросаютъ тѣнь на доблестное сословіе. Все это я говорилъ неоднократно въ глаза почтеннымъ Остзейцамъ, и скажу тысячу разъ, потому что желаю имъ истиннаго блага, и люблю этотъ край.

Отогрѣвъ душу въ умной бесѣдѣ, я отпра-влялся въ городъ, чтобъ приготовиться къ пути. Будущимъ въ Швецію, чрезъ Финляндію, не совѣтую промѣнивать въ Ревель Русскія ассигнаціи на Русское серебро, чтобъ потомъ, въ Финляндіи промѣнять серебро на Шведскія деньги. Такъ сдѣлать совѣтовали мнѣ Ревельскіе жиды, но добрые люди предостерегали меня, и избавили отъ значительной потери. Лучше всего промѣнивать Русскія ассигнаціи на Шведскія въ Абовѣ, гдѣ курсъ гораздо выгоднѣе для путешественника.

Если вы хотите обѣдать въ одномъ изъ Ревельскихъ клубовъ или трактировъ, то должны явиться туда не позже двухъ часовъ по полудни: послѣ этой поры не достанете

обѣда въ цѣломъ городѣ. Потеря, правда, не велика, но все-таки лучше что нибудь, нежели ничего. Захлопотавшись, по дѣлаютъ, до трехъ часовъ, я уже не напью нигдѣ обѣда, и долженъ былъ довольствоваться котлеткою, въ такъ называемомъ Weinhaus, (т. е. въ трактирѣ, гдѣ только продаютъ вино и подаютъ завтракать). Къ удивленію моему, напелъ я здѣсь Сѣверную Пчелу, которую хозяинъ держитъ для Русскихъ офицеровъ! Русский журналъ въ Остзейскомъ краѣ.... о чудо изъ чудесъ!...

Для неприветливаго человѣка жизнь въ Ревелѣ весьма дешевая. Дороги одни извозчики, особенно для прѣѣзжихъ, незнающихъ настоящихъ цѣнъ. Въ лѣтние мѣсяцы семейныя квартиры, за городскою стѣною, чрезвычайно дороги, но одинокій человѣкъ можетъ имѣть весьма хорошую квартиру за сто рублей въ мѣсяцъ, и даже дешевле.

Народонаселеніе Ревеля съ предмѣстіями, составляетъ до 14,000 душъ, обою пола. Въ этомъ числѣ женщинъ почти двумя тысячами болѣе, нежели мужчинъ, отъ того именно, что всю прислугу въ домахъ исправляютъ женщины. Превосходный обычай, существующій между всѣми Германскими племенами! Отъ то-

го Нѣмецкіе дома чисты, и въ домахъ порядокъ. Толпа лакеевъ и мальчишекъ, какъ ведется у насъ, требуя огромныхъ надержекъ на ихъ содержаніе, вмѣсто пользы водворяютъ только беспорядокъ въ домѣ, а присмотръ за ними навлекаетъ тму неудовольствій. Только самыя богатныя Остзейскія дворянскія семейства держатъ по нѣскольку лакеевъ и по нѣскольку человѣкъ на конюшнѣ. — Въ достаточныхъ семействахъ имѣютъ обыкновенно одного лакея, для выѣзда, а много двоихъ и двухъ человѣкъ на конюшнѣ. Ловкая служанка получаетъ не болѣе пяти рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ! За десять рублей можно нанять уже закройницу или каютницу.

Женскій полъ въ Эстляндіи, особенно въ Ревелѣ, славится красотою. О вкусахъ не спорятъ. Въ самомъ дѣлѣ, Ревельскія и вообще Эстляндскія женщины отличаются удивительною свѣжестью лица и красотою формъ. Это, какъ говорится, кровь съ молокомъ. Притомъ онѣ чрезвычайно скромны, трудолюбивы и въ образованномъ сословіи отличаются всѣми женскими добродѣтелями. Въ этомъ не уступаютъ имъ ни Курляндки, ни Лифляндки: — Желательно только, чтобы во взорахъ Лифляндокъ

и Эстляндокъ было больше огня, больше жизни, больше игры въ физиономіи, больше развязности въ обращеніи съ мужчинами. Впрочемъ, если даже положить, что супружество есть бремя, то доказано, что самое легкое бремя съ женою Нѣмкою. Я даже не знаю примѣра, чтобы Нѣмка разорвала мужа своими модными прихотями, и жена, ищущая счастья вѣдъ дома своего, есть исключеніе изъ правила, между Нѣмками! — Многочисленный классъ служанокъ въ Остзейскихъ провинціяхъ отличается особыми приемами. Даже прочіихъ служанки Ревельскія, за то онѣ — санишкомъ востроглазы: такъ и смотреть, чтобы поддѣлать сердечко! — Мужчины также очень красивы въ Эстляндіи, особенно военные. Они, кажется, родятся съ солдатской выправкою. Молодцы! —

Въ Ревелѣ есть постоянная труппа Нѣмцкихъ актеровъ. Вкусъ къ драматическимъ представленіямъ водворилъ здѣсь извѣстный писатель Коцебу*, составивъ въ 1784 году труппу изъ любителей. Играли прежде въ частномъ

* Живя въ Остзейскомъ краѣ, Коцебу написала весьма много забавныхъ пьесъ, сниская съ натуры. Онъ былъ бичемъ кичливыхъ недорослей!

домѣ. Съ 1809 года устроены театры, не большой, но весьма не дурной. Съ тѣхъ поръ начали ангажировать настоящихъ актеровъ. Театръ состоитъ въ управленіи особаго общества. Даютъ драмы, комедіи, трагедіи, водевили, фарсы и оперы. Само по себѣ разумеется, что великіе таланты наши бы для себя обширнѣйшее поприще, и что ихъ не должно искать на Ревельской сценѣ. Я видѣлъ пару водевилей, разыгранныхъ очень хорошо. Во всякомъ случаѣ постоянное существованіе театра дѣлаетъ честь Ревельскимъ жителямъ и, безъ всякаго сомнѣнія, приносить нравственную пользу. Многіе пороки, особенно въ молодыхъ людяхъ, зараждаются отъ того, что они не могутъ найти ни какого разсѣянія. Если бы, на примѣръ, былъ театръ въ Дерптѣ, хотя на полгода или на четыре мѣсяца въ году, и душевно убѣжденъ, что это благородное препровожденіе времени сильно подѣйствовало бы на нравы многочисленнаго юношества, и доставляя нищу уму, возбуждало бы любовь къ націонной славности, которая, во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, составляетъ всегда маловажный предметъ. Нынѣшній Дерптъ есть единственный въ мірѣ университетскій

городъ, въ которомъ нѣтъ театра. Въ Казани, въ Харьковѣ, въ Вильнѣ (гдѣ находится знаменитая Медико-Хирургическая Академія), въ Кіевѣ и въ Гельсингфорсѣ бывають театральныя представленія.

Изъ всѣхъ заведеній въ Ревелѣ лучшее, по мнѣ, книжный магазинъ Г. Эггера и К^о. Запасъ новостей, по всѣмъ отраслямъ наукъ и по издичной словесности, на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкѣ, чрезвычайно богатъ. Я нашелъ здѣсь то, относительно къ моему путешествію, чего не могъ отыскать въ учебномъ Дерптѣ. Самого хозяина я не засталъ въ магазинѣ, но вѣжливость и услужливость его прикащиковъ сдѣлали на меня самое пріятное впечатлѣніе. Во всякой торговлѣ успѣхъ во многомъ зависитъ отъ пріема покупателя въ лавкѣ, а въ книжной торговлѣ это первое условіе.

Съ вечера поселился въ нашемъ трактирѣ молодой ученый, Г. Горловъ, воспитанникъ Московскаго Университета, окончившій курсъ ученія своего въ Дерптскомъ Университетѣ, въ такъ называемомъ Профессорскомъ Институтѣ. Г. Горловъ посвятилъ себя, исключительно, Политической Экономіи, и приобрѣвъ, по экза-

мену, степень Доктора Философіи, отправился теперь, чрезъ Петербургъ, въ Казань, для занятія каведры въ тамошнемъ Университетѣ. — Не вхожу въ разсужденія, въ какомъ изъ Русскихъ Университетовъ можно приобрести больше познаній, но вѣрю, что пребываніе въ Дерптѣ отличныхъ воспитанниковъ Русскихъ Университетовъ, чрезвычайно имъ полезно, въ отношеніи къ Нѣмецкому языку и Нѣмецкой литературѣ, безъ которыхъ невозможно обойтись не только ученому, но и литератору. В теченіе двухъ вѣковъ, Нѣмецкіе ученые изслѣдовали, съ глубокомысліемъ и терпѣніемъ, свойственными Нѣмцамъ вообще, всѣ отрасли человѣческихъ познаній. Ученые Германцы распространяли и усовершенствовали всѣ открытія, сдѣланныя другими народами, и подвели всѣ положительныя истины подъ правила, облегчающія ихъ изученіе. Даже самый Нѣмецкій идеализмъ, оказалъ величайшую пользу наукамъ, открывъ въ нихъ сторону духовную или философическую и давъ правильный ходъ и направленіе эмпиризму, который, будучи оставленъ своимъ собственнымъ силамъ, доводитъ, всегда почти, умъ человѣческій до матеріальнаго. Литература Нѣмецкая богаче всѣхъ Лите-

ратуръ, и вмѣщаетъ въ себя весь міръ духовный и вещественный! Рѣшительно утверждаю, что безъ Нѣмецкаго языка точно такъ же невозможно быть ученымъ, какъ слѣбому нельзя быть живописцемъ. Эту истину признали нынѣ даже Французы, и теперь во всѣ учебныя заведенія ввели изученіе Нѣмецкаго и Англійскаго языковъ. Но Англіійскій языкъ для ученаго есть роскошь — а Нѣмецкій необходимая потребность. Душевно радуюсь, что наше мудрое и отеческое Правительство сохранило въ Дерптскомъ Университетѣ Нѣмецкій языкъ! Это нункъ (фокусъ), изъ котораго расходится на наше любимое отечество лучи Германскаго просвѣщенія, въ самородныхъ формахъ! Молю Бога, да процвѣтаетъ Нѣмецкій языкъ въ Остзейскихъ провинціяхъ — рядомъ съ Русскимъ! Только злые невіжды могутъ думать, что образованный человѣкъ объявить себя врагомъ Нѣмецкаго языка, и пожелаетъ забыть его Русскимъ, между Нѣмцами! Но образованный человѣкъ не можетъ достигнуть, какъ можно отвергать изученіе Русскаго языка, въ Русской провинціи, между людьми, изъ которыхъ многіе обязаны будутъ жить посреди Русскихъ, большую половину своей жизни,

и даже писать по-Русски! А вѣдь недоросли именно и спорить противу этого!

Г. Горловъ сдѣлалъ удивительную находку въ Дерптѣ, о которой онъ напечаталъ краткое извѣстіе въ Сѣверной Пчелѣ. Къ мнѣ Ратстофу, (въ 2 верстахъ отъ Дерпта, по Петербургской дорогѣ, т. е. по сѣв. сторону рѣки Эмбаха) примыкаетъ саженный паркъ, и возлѣ него находится естественная роща. Въ этой рощѣ владѣлецъ маюрата (къ которому принадлежитъ также Ратстофъ) Г. Лингардъ, бывшій губерніискій маршалъ дворянства, вздумалъ построить Швейцарскую ферму. При рытій земли, Русскіе мужики нашли, на глубинѣ около двухъ аршинъ, глиняный сосудъ, въ которомъ былъ каменный крестъ и нѣсколько монетъ. Въ числѣ ихъ монета Великаго Кнзя Ярослава Владиміровича (княжества отъ 1020 до 1054). — До сихъ поръ извѣстность была только одинъ экземпляръ этой монеты! Та, которую нашли въ Ратстофѣ, такъ хорошо сохранилась, что кажется, будто она вычеканена за годъ предъ симъ. На одной сторонѣ изображеніе князя, а на другой стола (т. е. престола), съ надписью: *Ярославле сребро*. Поддѣлки здѣсь быть не могло, потому что Г. Горловъ купилъ эту монету копѣекъ за тридцать. Слѣдовательно

при Ярославѣ чеканили уже монету! Чеканъ превосходный, какъ на Арабскихъ монетахъ Аббасидской династїи. Однакожъ и все придерживаюсь мнѣнія, что при первыхъ Князьяхъ Русскихъ монеты чеканились иностранными мастерами, только для подарковъ иностраннымъ посламъ и первымъ боярамъ, а не для всенароднаго употребленія *. Для этого у насъ не было довольно мастеровъ, да и не было въ этомъ нужды, потому что при мѣновой торговлѣ, въ тогданнее время, когда благородные металлы принимались какъ товаръ, на вѣсъ, даже не было нужды въ мелкой металлической монетѣ, которую займѣли условные знаки или кожаная деньги.

Ничего нѣтъ скучнѣе, какъ сидѣть у моря и ждать погоды или, что все равно, прибытія парохода! Наконецъ онъ пришелъ! Тоска отлегла отъ сердца! Вѣту, слышу на пристань!

* См. Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ и проч.

III.

Промышленный духъ Финляндцевъ — Финское мореходство. — Пароходы Стороутрестъ и Князь Микшиковъ. — Увеселительная прогулка (Lustfahrt) по морю. — Общество на пароходѣ. — Огонь и вода, какъ флагма и кровь.

Финляндія принадлежитъ къ самымъ плодороднымъ провинціямъ Россіи. Земледѣіе находится, въ Остзейскихъ провинціяхъ, въ цвѣтущемъ состояніи. Образованность развита въ дворянскомъ и среднемъ сословіяхъ. Рига, послѣ Петербурга, второй торговый городъ на берегахъ Балтики. Всѣ отношенія благопріятствуютъ развитію, въ Остзейскомъ краѣ, промышленности и торговаго мореплаванія. Но въ жителяхъ недостаетъ того духа предпріимчивости и живости въ характерѣ, которые необходимы для управленія обстоятельствами. Со времени Лифляндскихъ Рыцарей, Рига ведетъ свой дѣлъ одинаково: продаетъ, въ чужіе края, земныя произведенія, привозимыя по Двинѣ, и снабжаетъ западные и нѣкоторые Великороссійскія губерніи

колоніальными товарами. Благосостояніе торговли зависитъ отъ заграничныхъ требованій. Въ Ригѣ не рискуютъ, а продаютъ навѣрное, но за то, когда требованія на Русскія произведенія уменьшаются, дѣла принимаютъ непріятный оборотъ. Торговое судоходство въ Остзейскихъ провинціяхъ ничтожно, и выгоды каботажна, или перевозки груза, находится въ чужихъ рукахъ. Въ Лифляндіи есть большіе капиталы, но они не въ дѣйствиіи, не въ ходу, а прѣютъ въ билетахъ провинціального банка (Credit-system) или казенныхъ кредитныхъ установленій, и показываются на свѣтъ только въ видѣ залоговъ, при торгахъ на винные откупа. Остзейское дворянство не любитъ фабрикъ, и всѣмъ заводамъ предпочитаетъ винокуренные, которые, однако жъ, въ послѣдніе годы болѣе обременительны, нежели выгодны для помѣщиковъ. Всѣ жалуются на недостатокъ денегъ въ оборотѣ, на худыя цѣны, на трудности, сопряженныя съ земледѣіемъ и овцеводствомъ, едва приносящими указаные проценты отъ капитала. Жалобы справедливы; но виноваты сами жалующіеся. Пусть откроются шкатулки и частныя капиталы сольются въ массы; пусть духъ предпріимчивости, родной братъ образованности,

пробудятся отъ въховаго усмиренія — и Остзейскія провинціи превзойдутъ богатствомъ всѣ приморскія страны Балтики! Возьмемъ въ примѣръ Финляндію, скупо надѣленную отъ природы физическими богатствами, но щедро одаренную всѣмъ, что доставляетъ народу благосостояніе, а именно предпріимчивостью, единодушіемъ и любовью къ роднѣ. Эти три качества Финляндцевъ, связанныя религіозною нравственностью народа, развили въ высшей степени его дѣятельность, подѣ просвѣщеннымъ Русскимъ Правительствомъ, открывающимъ подданнымъ всѣ возможныя средства къ его благосостоянію.

Главное занятіе Финляндцевъ есть торговое мореплаваніе. Лучшіе корабли строятся въ Або и Борго, и ихъ считается теперь за сто. Въ прочности и красотѣ, Финскія купеческія суда не уступаютъ лучшимъ Американскимъ и Англійскимъ. Моряки Финскіе трудолюбивы, ловки и неустранимы; никипера славятся искусствомъ въ управленіи судами, познаніемъ навигаціонныхъ наукъ и бдительностью. Въ Зундѣ Финляндцевъ не называютъ иначе, какъ Финскими Американцами. Это почетное прозваніе Финляндцы поддерживаютъ со славою. Финскіе моряки пользуются уваженіемъ не только въ

Англии, и новы Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, въ Бразиліи и по берегамъ Средиземнаго Моря. На Финскомъ кораблѣ пассажиръ и негодянтъ, вѣзвшіе Финскому экипажу свою жизнь и свое достоинствѣ, могутъ спать спокойно, потому что отличная субординація матросовъ и заботливость шкипера служатъ порукою въ сбереженіи судна. Но самыя вѣрныя исчисленія, Финскихъ судовъ разбивается гораздо менѣе, въ сравненіи съ судами другихъ народовъ. Все это покажется, можетъ быть, страннымъ и даже невѣроятнымъ тѣмъ, которые судятъ о Финляндцахъ по жителямъ Выборгской Губерніи. Я говорю о такъ называемой *Новой Финляндіи*, приобретенной въ 1808 и 1809 годахъ, какъ вы увидите въ послѣдствіи.

Необыкновенная дѣятельность Финляндцевъ заставила ихъ, въ числѣ множества другихъ предпріятій, устроить компанію на акціяхъ, для заведенія двухъ пароходовъ, съ тою цѣлю, чтобъ учредить постоянное сообщеніе между Петербургомъ, Ревелемъ, Гельсингфорсомъ, Або и Стокгольмомъ. Рига пробовала основать сообщеніе между нѣкоторыми портами на Балтійскихъ берегахъ, но предпріятіе это, безъ сомнѣнія, по недостатку дѣятельности, не имѣло

успѣха. Пароходъ переходилъ изъ рукъ въ руки и наконецъ, или сгнилъ, или развалился — словомъ, исчезъ съ своего поприща. Эта неудача не устранила Финляндцевъ. Компанія, при помощи Шведскаго Консула въ Петербургѣ, Г. Стерке, принимающаго участіе во всѣхъ полезныхъ начинаніяхъ, собрала капиталъ въ полмилліона рублей, и приступила къ дѣлу. Одинъ пароходъ, *Сторфурстенъ* (т. е. Великій Князь) построенъ въ Англіи, подъ надзоромъ капитана Налена, который теперь имъ управляетъ. Другой пароходъ, *Князь Меншиковъ*, построенъ въ Або, а машина для него куплена въ Швеціи, на заводѣ въ Моталѣ, знаменитомъ своими издѣліями. Вторымъ пароходомъ управляетъ капитанъ Калькмейеръ. Оба капитана опытные моряки, знакомые съ грозною стихіею въ теченіи тридцати лѣтъ. Машинисты на пароходахъ люди искусные и бдительные. Суда устроены самымъ покойнымъ образомъ для пассажировъ. Но если пароходъ Князь Меншиковъ блистательнѣе наружностью, за то Сторфурстенъ гораздо удобнѣе, въ полномъ смыслѣ болѣе comfortable. На Сторфурстенѣ жаръ отъ печи не такъ ощутителенъ для пассажировъ, и самое судно не подвержено такому сильному сотря-

себя от действия машины, как пароходъ Князь Меншиковъ, на которомъ, кажется, машина слишкомъ велика, по пропорціи судна. Кроме того, на пароходѣ Князь Меншиковъ, во второй каютѣ, нѣтъ вовсе косякъ для пассажировъ, и они должны проводить ночь сиди. Они платятъ меньше, но нѣтъ сомнѣнія, что большее число пассажировъ согласилось бы заплатить дороже и помѣститься покойнѣе. Постели, бѣлье и все, что только находится на пароходахъ къ услугамъ пассажировъ—отличное и даже роскошное. На обоихъ пароходахъ устроены рестораны, которые содержатся на откупъ, независимо отъ капитана, хотя капитанъ, какъ главный начальникъ вѣреннаго ему судна, обязанъ имѣть за всѣмъ надзоръ, и отвѣчать, предъ правленіемъ компаніи, за исправность всѣхъ частей парохода и за все относящееся къ выгодамъ пассажировъ. Въ каютѣ лежатъ книги, въ которую каждый пассажиръ можетъ записывать свои жалобы или причины къ неудовольствію. До сихъ поръ въ этихъ книгахъ, на обоихъ пароходахъ, листы бѣлы, и вѣроятно останутся въ этомъ состояніи до совершеннаго своего истлѣнія.

Пароходы начинаютъ курсы свои съ 2-го

Мая, и оканчиваютъ 10-го Октября. Цѣны за переѣздъ болѣе нежели умѣренны; онѣ даже слишкомъ малы. За переѣздъ изъ Кронштата въ Стокгольмъ, за первое мѣсто, платятъ 100 р., за второе на Сторфурстенъ 75, а на Князь Меншиковъ 60 руб. Наверху, т. е. подъ открытымъ небомъ, можно прокатиться въ Стокгольмъ за 50 и даже за 25 р. ассигнаціями. Рестораны платятся особо. Отъ Стокгольма до Ревеля, заплатилъ и около 10 р. 50 коп. въ теченіе тронхъ сутокъ угощеніемъ былъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ. Разумѣется, что за эту цѣну невозможно удовлетворить гастрономическихъ прихотей, и даже тѣснота кухни, на пароходѣ, не позволяетъ стряпать много кушанья. Довольно того, что привнесъ свѣжи, и что голодный можетъ насытиться. Впрочемъ, любителямъ хорошаго Французскаго вина, совѣтую заглянуть въ Петербургъ, потому что съ хорошаго Французскимъ (особенно краснымъ) виномъ, путешественникъ можетъ встрѣтиться только на званомъ обѣдѣ у богатаго хозяина. Кто любитъ хорошій чай, тотъ долженъ также взять его съ собою. Все прочее сносно.

Петербургскіе жители еще не довольно ознакомлены съ Финскими пароходами, и не мены-

тали еще всѣхъ пріятностей покойнаго и безопаснаго плаванія по Финскому Заливу и Балтійскому Морю, въ виду живописныхъ береговъ. Я увѣренъ, что когда достаточные люди побываютъ въ Гельсингфорсѣ, то непременно переселятся съ сырыхъ и холодныхъ дачъ своихъ, на лѣтніе мѣсяцы, въ здоровую и единственную по красотамъ природы Финляндію. Объ этомъ мы поговоримъ подробно въ Гельсингфорсѣ. До сихъ поръ Финскіе пароходы дали новую жизнь только Ревелю и Гельсингфорсу. Посѣтителі Ревельскихъ морскихъ купальнъ и Ревельской Ивановской ярмарки за долгъ поставляютъ себѣ побывать въ Гельсингфорсѣ. Многія семейства Эстляндскія и Лифляндскія нарочно прѣзжаютъ для этого въ Ревель. Переѣздъ совершается въ теченіе пяти часовъ, и называется *Lustfahrt*, т. е. *увеселительною прогулкою*. На этотъ разъ на пароходѣ Сторфуретенъ, на которомъ я взялъ мѣсто до Стокгольма, было 280 человекъ обоего пола, большею частью изъ Лифляндскаго и Эстляндскаго дворянства. Русскихъ было немного. Въ числѣ пассажировъ былъ мой совоспитанникъ и пріятель дѣтства, прославившійся плаваніемъ вокругъ Свѣта и открытіями, Отто Коцебу, сынъ знаменитаго

писателя. Почтенный морякъ теперь раздѣляется плугомъ нивы, наскучивъ раздѣлять волны Океана, и съ успѣхомъ занимается агрономіею. Странно, когда два человека, знающие другъ друга дѣтски, встрѣтятся подъ сѣдью, послѣ долговременной разлуки, пройдя различными путями трудное поприще жизни! Воспоминанія дѣтства оживаютъ, какъ неясное сновидѣніе, а наивнѣйшія черты стариннаго товарища наводятъ о прошедшемъ времени и о тѣхъ событіяхъ, которыми наполнили промежутокъ разлуки. Мы оба не готовились къ тому, что сдѣлала изъ насъ судьба или обстоятельства, дающія направленіе волѣ человека. Мы оба думали быть сухопутными офицерами, и кончить жизнь, какъ говорится въ просторѣчій, подъ красною шинкою. Между тѣмъ, мой товарищъ пустился плавать по морямъ, а я плаваю въ чернильномъ озерѣ, сражаюсь съ акулами, и лавирую между подводными камнями. Товарищъ мой уже вошелъ въ безопасную гавань и не боится бури, а я еще только причаиваю къ берегу. Впрочемъ, не ходивъ вокругъ Свѣта, подобно товарищу моего дѣтства, и въ чернильномъ морѣ плаванія не встрѣчалъ дикарей и вытерпѣлъ бури;

но какъ это не принадлежить къ нынѣшнему моему подлинному плаванію по Балтійскому Морю, то отъ аллегорій я перехожу къ существенности.

Съ истерійницею ожидали въ Ревелѣ прихода Сторфурстена, потому что нѣгода благопріятствовала предположенной прогулкѣ; вся пристань наводнилась народомъ. Одни спѣшили на пароходъ, другіе провожали знакомыхъ и родныхъ; многіе пришли для развлечения. Наконецъ ударило два часа, труба на пароходѣ задымилась, зашипѣла, колеса зашумѣли, пассажиры усадились на палубѣ, и Сторфурстенъ гордо повернулся, и какъ лебедь пошелъ скользить по гладкой поверхности залива. Тѣснота на палубѣ была необыкновенная. Только дамы могли сидѣть на скамьяхъ и на складныхъ табуретахъ, которые вынесли изъ каюты. Немногіе изъ мужчинъ усадились на чемъ понало, на свернутыхъ канатахъ, на грудѣ чемодановъ, сваленныхъ по срединѣ судна, и наконецъ на полу. Первая картина и притомъ великолѣпная, которая привлекала мое вниманіе во время этого странствія — это видъ Ревеля, со стороны моря. Видъ величественный и живописный, но превосходству, богатая картина Фламандской

благородной школы. Огромная плитовая гора, потертѣвшая отъ времени, казалась какинъ-то чудовищемъ, оставленнымъ здѣсь на стражѣ отъ бурныхъ порывовъ моря. Древнія башни города, которыя, не взирая на благотѣльную письменную распоряженіи высшаго Правительства, разрушаются, подъ своими прозрачными черепичными крышами, къ общему сожалѣнію любителей древности, эти потертѣныя башни, съ связующими ихъ стѣнами, образовали видъ діадымы, или *правильнѣе, Минервиной короны*. Изъ-за сѣрыхъ стѣнъ выглядывали красныя крыши и бѣлыя стѣны домовъ, которыхъ одна блестяла въ солнечныхъ лучахъ. Высокіе шпильы готическихъ храмовъ, и между ими гитантскій Олай, гордо возносились къ небесамъ. Весь Ревель похожъ былъ на какой-то мавзолей, мрачный, грозный, принадлежащій болѣе минувшимъ вѣкамъ, нежели настоящему времени. У подножія Ревеля, на поверхности моря, змѣсь извивалась стѣна военной гавани, на которой пушки казались чешуею. Какъ будто нарочно, для противоположности, по обѣимъ сторонамъ мрачнаго Ревеля представлялись взорамъ прелестнѣйшіе виды. Очаровательный Екатерининскій уголокъ въ зелени; за нимъ великолѣпная

развалины монастыря Св. Бригитты оживляли пустынный и несчастный берегъ. Сахарный заводъ Пономарева угодоблялся замку какого нибудь прихотливаго лорда, и украшала собою весь ландшафтъ. Наконецъ, вдали видѣлись Вимисъ. Пройди между островами Наргеномъ и Вольфомъ, нароходъ вошелъ въ открытое море, и катка едѣлась ощутительнѣе для тѣхъ, которые въ первый разъ находились въ морѣ. Ревель мелькала передъ нами, потомъ стала закрываться какинь-то темнымъ покрываломъ; берега облеклись въ темноглубой туманъ, и наконецъ всѣ предметы погрузились въ море, и передъ нами остались только вода и небо.

Юноша не такъ сильно ощущаетъ красоты природы, какъ человекъ, перенесшій за черту зрѣлаго возраста. Чѣмъ ближе разлука съ природою, тѣмъ болѣе мы въ нее любуемся. Въ природѣ лучше всего солнце, а на землѣ море и горы. Безъ нихъ дѣла картины. Кто не видитъ открытаго моря и горъ, тотъ не знакомъ съ природою, и никогда не достигнетъ ея поэзій. Видъ открытаго моря возбуждаетъ необыкновенныя мысли и чувства. Это символъ необъятной вѣчности — *колыбель жизни*, по мнѣнію древнихъ философовъ. Въ открытомъ

морѣ человекъ вполне постигаетъ всю ничтожность свою и все величіе Творца, одарившаго его умомъ, торжествующимъ надъ природою. Блгзательнѣйшія побѣды ума надъ вещественностью (матеріею) ознаменованы открытіемъ пороха и усовершенемъ мореплаванія, посредствомъ паровъ: полное торжество, триумфъ триумфовъ: изобрѣтеніе письма и книгопечатанія!

И вотъ бурные вѣтры и грозныя волны, по волѣ ума человека, покорились враждебной стихіи, огню, и человекъ безстрашно идетъ въ море, управляя огнемъ и водою, презирая недоброжелательство вѣтра! Чудеса! Самое удивительное зрѣлище для меня, съ человекъ на нароходѣ, съ *печатною книгою* въ рукахъ. И чувствовалъ всю истину Державина (въ одѣ Богъ):

«И тѣломъ въ прахѣ иславаю,

Умомъ громамъ повелѣваю,

Я царь, — я рабъ, — я червь, — я богъ!»

Престоль человека, царя природы: *нароходы*; скипетръ: *печатная книга*! . . . .

Размышлений моихъ ничто не прерывало. Между двумя стами восьмидесятью человекъ, я былъ какъ въ дѣсу. Повсюду тишина, иногда

перерываемая Русскою рѣчью . . . . . Гдѣ же эта *увеселительная поѣздка*? гдѣ же это *веселіе*? — Оно заперто въ сердцѣ или въ головѣ, и не объявляется наружными знаками. Я думалъ, что во время этой *увеселительной поѣздки* будетъ концертъ любителей, будетъ что нибудь соответствующее названію. Не тутъ-то было! Дамы тихо сидѣли на мѣстахъ, какъ на погребеньѣ; мужчины разговаривали въ полголоса или молчали. Холодность, безстрастіе, равнодушіе рѣзко изображались на всѣхъ лицахъ. Иногда слышно было только: «Schönes Wetter (прекрасная погода)! Ja wohl (Да-съ)! — Schöne Fahrt (прекрасная поѣздка)! Ja wohl (Да-съ)!» — Что бы тутъ было, если бѣ двѣсти восемьдесятъ человѣкъ Славянской крови или Французовъ собрались на увеселительную поѣздку! Ужъ вѣрно нѣкогда было бы ни читать, ни размышлять!!! Въ обществѣ на пароходѣ было множество прекрасныхъ и благоговоситанныхъ дѣвицъ, много умныхъ дамъ, много образованныхъ мужчинъ, но Остзейская флегма и Остзейскія приличія держали въ оковахъ умъ и любезность, и налагали на всѣхъ «свицовую» обязанность *важности*. Воля наша, а примѣсь Славянской крови къ Германской флегмѣ необходима! Какія

Славянской крови въ цѣлой семьѣ, есть то же, что изюмина въ бутылкѣ кислыхъ щей: она производитъ броженіе (ферментанцію), оживляетъ, пѣнитъ и придаетъ пріятную остроту. Человѣкъ не можетъ пользоваться одною водою, безъ огня, и въ жизни нужна теплота, нуженъ жаръ. Сколько мнѣ случалось наблюдать, нѣтъ прочіе дружбы, какъ между Славяниномъ и Нѣмцемъ; нѣтъ пріятіе общества, какъ смѣсь Славянъ съ Нѣмцами въ равномъ числѣ, и лучшая порода людей происходитъ отъ сочетанія Славянъ съ Нѣмцами, и обратно. — Одинъ Славяне слишкомъ живы и безпечны; одинъ Нѣмцы слишкомъ холодны и расчетливы. Отъ смѣси всего этого происходитъ, въ нравственномъ отношеніи, то же самое, что *парогорѣ*. Огонь дѣйствуетъ на воду, вода движется, и машина идетъ впередъ.

Но цѣль кончится эта *увеселительная поѣздка*? Ужели только молчаніемъ и пароксизмами морской болѣзни? На пароходѣ ждать болѣе нечего — потеримъ до Гельсингфорса. . . . . Вотъ уже на горизонтѣ видна туманная полоса, какъ дымокая лента. . . . . это берегъ! . . . .

IV.

Видъ Свеаборга и Гельсингфорса. — Радужный
приемъ всемъ пассажирамъ. — Гостеприимство. — Но-
вые и старые знакомства. — Воспоминанія о прошед-
шемъ. — Настоящее вѣстателъное состояніе Гель-
сингфорса. — Прогулка по городу. — Лучшія зданія. —
Морскія купальни, ванны и искусственныя мине-
ральныя воды. — Строитель города, Г. Энгель.

Природа соблазнула самую разительную про-
тивоположность въ устройствѣ береговъ Бал-
тійскаго Моря. Берегъ Эстляндіи она устлала
мягкою плитою, берега Лифляндіи и Курлян-
діи усыпала безплодными скалами, а берега
Швеціи и Финляндіи утвердила гранитомъ, и
въ недрахъ его сокрыла желѣзо. Если предпо-
ложенье натуралистовъ справедливо, что почва
отпечатлѣвается въ свойствахъ, въ физиче-
скомъ устройствѣ животныхъ и въ характерѣ
человѣка, то обитатели Финляндіи и Швеціи
должны имѣть постоянство гранитное и волю
желѣзную, чтобы извлечь существенную поль-

зу изъ своей почвы. Но мѣрь, какъ туманная
полоса прорисилась, и предметы становились
видимыми, грозное зрѣлище открывалось на-
шимъ взорамъ. Это были Свеаборгъ, нашъ
сѣверный Гибралтаръ, цѣльныя скалы, укрѣ-
ленные огромными обрывками скалъ, рас-
торгнутыхъ хитростью ума человѣческаго, и
сложенныхъ въ стѣны человѣческими искус-
ствомъ и терпѣніемъ. Это, въ полномъ значе-
ніи, вымыселъ боговъ и трудъ Титановъ. Стра-
шно смотрѣть на Свеаборгъ, со стороны моря.
Гранитныя стѣны возвышаются одна надъ дру-
гою, и изъ бойницъ ихъ выглядываютъ чудо-
вища съ развѣстою пастью, готовые изрыг-
нуть пламя и разрушеніе на дерзкій корабль,
который осмѣлился бы ослушаться этого без-
смертнаго стража Гельсингфорскаго рейда. Ри-
домъ съ Свеаборгомъ и въ тылъ его, на твер-
домъ берегу, возвышаются утесы. Гельсинг-
форсъ скрывается за Свеаборгомъ, и показы-
ваетъ только два величественныя зданія, по-
строенныя на скалахъ: обсерваторію и недо-
строенную Лютеранскую церковь. Узкимъ про-
ходомъ, подъ пушками Свеаборга, на разсто-
янн полувѣстръля pistolетнаго, вошли мы въ
Гельсингфорскій заливъ, и тутъ снова нежи-

данная, прелестная картина открылась передь нами. Ужели это городъ Финляндія, которую мы привыкли называть *блдною*? Да это уголокъ Петербурга! . . . . Только высокая скала, на правой сторонѣ пристани (полуостровъ Скагуденъ), усыпанная хижинами, остатками стариннаго Гельсингфорса, напоминаетъ мнѣ, что это Финляндія. Вотъ мы уже въ гавани! . . . . Тма народу ожидаетъ насъ на берегу; звуки музыки оглашаютъ воздухъ. Насъ встрѣчаютъ какъ званныхъ и жданныхъ гостей; намъ машутъ шляпами и платками; пароходъ привѣтствуетъ городъ тремя пушечными выстрѣлами, жизнь кипитъ на берегу, по лица пассажировъ парохода не проявляются; они важны и холодны, по-прежнему. Нарѣдка слышны на надубѣ восклицанія: «Das ist charmant!» и отцѣтъ obliged: «Ja wohl!»

Превосходная пристань убрана гранитомъ. Здѣсь часть моря завалена обломками скалъ и усыпана землею, чтобъ сдѣлать обширную площадъ, или, какъ здѣсь она называется, эспланаду. Она вѣнчается рядомъ домовъ *Петербургской архитектуры*. Этого ордева архитекъ урю нѣтъ въ наукѣ, но онъ существуетъ на дѣлѣ. Петербургскія зданія, особенно частныя дома,

имѣютъ свои особенности, которыхъ вы нигдѣ не найдете за границею. Климать, привычки, образъ жизни, почва, на которой построены городъ, расположеніе улицъ и требованія хозяйства, соображенія ихъ выгодамъ, заставили архитекторовъ непримѣтно удалиться отъ общихъ правилъ. Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ столько възданныхъ воротъ (porte-cochère) на улицу, какъ въ Петербургѣ, и нигдѣ нѣтъ такъ мало хорошихъ сѣней (vestibule) и лестницъ. Обширныя залы на счету въ Петербургѣ. Въ Гельсингфорсѣ избѣжали одного изъ важнѣйшихъ недостатковъ Петербургскихъ домовъ, а именно, здѣсь мало възданныхъ воротъ, изъ которыхъ, въ нашемъ милomъ Петербургѣ, вѣетъ простудою на прохожихъ. Пока другіе пассажиры расходились по своимъ квартирамъ, я стоялъ на площади и любовался величественнымъ ея видомъ. На пристани возвышалась гранитная пирамида, воздвигнутая признательными жителями, въ память посѣщенія ихъ города Ея Императорскимъ Величествомъ Государынею Императрицею Александрою Феодоровною. Между тѣмъ, какъ я разсматривалъ надписи на пирамидѣ, кто-то дернулъ меня за руку. Оглядываясь: это одинъ изъ пассажировъ, Дерит-

скій уроженецъ Аристъ Аристовичъ фонъ Вейсенбергъ, который, оставивъ свою родину, за двадцать пять лѣтъ предъ симъ, поселился въ Финляндіи, и за свои услуги и добродѣтели принятъ въ сословіе Финляндскаго дворянства, съ переименованіемъ фамиліи, по обычаю края. Аристъ Аристовичъ, разговаривая со мной на пароходѣ, предложилъ мнѣ остановиться въ его домѣ. Я почелъ это обыкновенною фразою учтивости, зная хорошо, на какой степени находится гостепріимство въ моей любезной Финляндіи. Но тутъ и удостоверился, что мой хозяинъ вовсе переродился, и совершенно принялъ обычаи новаго своего отечества, Финляндіи, славящейся, издревле, существеннымъ а не фразеологическимъ гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ. Добрый Аристъ Аристовичъ потащилъ меня за собою, повторяя: «Пойдемте же на вашу квартиру» — и я повиновался.

Упомяну объ этомъ обстоятельстве, во-первыхъ, потому что оно характеризуетъ обычаи края, а во-вторыхъ, что это доставило мнѣ случай узнать весьма много почтенныхъ людей въ городѣ, отъ которыхъ и многому научился, на счетъ Финляндіи.

Проведя вечеръ самымъ пріятнымъ образомъ въ кругу умныхъ, благовоспитанныхъ и веселыхъ людей, которые не почитаютъ смѣха униженіемъ своего достоинства, и шутки въ бесѣдѣ не принимаютъ за оскорбленіе своей важности, мы условились на другой день осмотрѣть городъ. Путеводителями моими вызвались быть Инспекторъ строеній во всей Финляндіи, Г-нъ Энгель, родомъ Берлинецъ, и старый мой Петербургскій знакомецъ, Финляндецъ, Г-нъ Норденгеймъ, любитель Русской Словесности, бывший переводчикомъ при Генераль-Губернаторѣ Графѣ А. А. Закревскомъ. Но прежде, нежели я поведу васъ съ собою по городу, позвольте мнѣ, друзья, сдѣлать маленький скачекъ *за тридцать лѣтъ* назадъ!

Путевыя мои записки посвящены *друзьямъ моимъ*, следовательно недруги не станутъ читать ихъ, а у постороннихъ читателей и дожжень просить извиненія въ томъ, что я говорю о себѣ и отъ своего лица. Можетъ быть, этотъ родъ описаній не хорошъ, въ отношеніи къ *искусству*; о которомъ у насъ такъ много и такъ *неискусно* пишутъ наши журнальные мензоры. Когда я пишу, т. е. *думаю*, тогда *живу*, а отъ жизни я никакъ не умѣю отделиться

мелкой персоны, съ моими чувствами и идеями. Правило Декарта: *cogito, ergo sum* (т. е. мыслю, следовательно существую), я почитаю неполнымъ. Надлежало бы сказать: мыслю и чувствую, следовательно существую. Наоборотъ: кто не мыслитъ и не чувствуетъ—тотъ не существуетъ, т. е. не живетъ, а только прозябаетъ. Послѣ этого не ценяйте, а простите великодушно, если я скажу вамъ моими мыслями и чувствами. . . .

Чувствованія и мысли тѣснились въ сердцѣ и въ головѣ моей, при воззрѣнн на Гельсингфорсъ! За тридцать лѣтъ предъ симъ, другъ вашъ былъ молодъ и безпеченъ. Сильно билось въ немъ сердце, подъ уланскою курткой, при имени славы, и въ головѣ, покрытой уланскою шапкою, не увидала ни одна черная мысль. Весело пелъ онъ жизнь свою въ жертву Царю и Россіи, когда приобрѣтеніемъ Финляндіи надлежало обезпечить невѣрище и сдвинкомъ близкіе къ столицѣ предѣлы отечества, и положить вѣчный конецъ всѣмъ предлогамъ къ войнѣ, между двумя сосѣдственными Державами. Русскіе войны 1808 и 1809 годовъ кровью своею искупили жертвы, которыя надлежало бы приносить будущимъ поколѣніямъ, и я, непри-

ятная точка въ массѣ, горжусь и утѣшаюсь тѣмъ, что былъ въ Финляндіи, подъ знаменами Барклая-де-Толли и Каменскаго (Графа Николая Михайловича), сражался подъ начальствомъ храбрца Кузьнева, былъ свидѣлемъ подвиговъ Эриксона, Сабапьева, Князя Голицына (Дмитрія Владиміровича), Графа Шувалова, и оплакивалъ на мѣстѣ, преждевременную кончину рыцаря — Князя Долгорукова. Финляндская Война (1808 и 1809 годовъ) занимаетъ мало мѣста въ общей и частной Исторіи и обрисована блѣдно, неясно; но эта война, по существеннымъ послѣдствіямъ своимъ (результатамъ), стоитъ на ряду важнѣйшихъ событій, со времени Петра Великаго. Приобрѣтеніе Финляндіи, послѣ Остзейскихъ провинцій, есть довершеніе Его великихъ предначертаній къ величію и безопасности Россіи. Въ частности, война эта любопытнѣе всѣхъ прочихъ войнъ, потому что въ эту пору дѣйствовали не массы, не тысячи громовъ, но люди, почти отдѣльно. Для каждаго прапорщика, для каждаго хорошаго стрѣлка было поприще для отличія, для выказанія своего дарованія, храбрости или ловкости. Финляндская Война образовала не только множество отличныхъ офице-

ровъ, но и доставила войнѣ 1812 года искусныхъ и опытныхъ генераловъ. Множество геройскихъ, любознанныхъ подвиговъ этой войны сокрыты еще во мракѣ и живутъ только въ памяти современниковъ. И хотѣлъ было описывать ихъ, и представлялъ нѣсколько опытовъ, но удостовѣрившись на дѣлѣ, что на нашей святой Руси любовь къ отечественному не проявляется еще довольно сильно привязанностію къ историческимъ предметамъ, и приостановился, пока счастливыя обстоятельства не дозволятъ мнѣ написать Исторію Финляндской Войны, хотя бы не для современниковъ. . . . Тогда и призову тѣхъ героевъ Россіи и Швеціи, которые обезсмертили скалы Финляндіи въ эту славную войну! Многихъ изъ нихъ я зналъ лично, о многихъ слыхалъ отъ ихъ приближенныхъ, и былъ самъ свидѣтелемъ многихъ славныхъ дѣлъ, пройдя, съ оружіемъ въ рукахъ, отъ Карелии до Торнео. Теперь, при вступленіи на Финскій берегъ, прошлое оживло въ моей памяти, и даже ущинуло за сердце. Гдѣ вы, добрые люди, которые оказывали ласки и гостеприимство молодому неприятельскому офицеру! Что стало съ вами, красавицы, съ которыми мы рвали дѣвѣ и

мануру* у подножія нѣковыхъ сосенъ, или перѣбѣли въ вальсѣ на балахъ въ Гамле-Карлсби и Улеаборгѣ, смягчая наши патріотическій гнѣвъ нашею покорностію и угодиностію! Больно созрѣли тогдашнія красавицы, носѣ тридцати лѣтъ, но нѣкоторые изъ тогдашнихъ пріятныхъ знакомствъ возобновились теперь, съ болѣею прелестію. Многие измѣнились, многое вновь учредилось въ Финляндіи, въ теченіе тридцати лѣтъ, и все кажется къ лучшему. Что былъ Гельсингфорсъ, во время войны 1808 и 1809 годовъ? Одинъ изъ самыхъ ничтожныхъ городишковъ Финляндіи, почти деревня, нѣсколько улицъ съ деревянными красными домами, на скалахъ и непроходимой грязи. Каменныхъ домовъ всего было пять или шесть и одна церковь, ни какой архитектуры. Между домами и улицами возвышались гранитные утесы, а гнилое болото примыкало къ заставѣ, и заражало воздухъ своими испареніями. Бѣдность была характеристикою этого городишка. . . . А теперь?

Теперь гранитные утесы и цѣлыя скалы

* Манура, тогда, почти то же, что наша есеница, только слаще ея, и имѣющая ананасный запахъ.

взорваны порохоми, для уравниния улицъ, площадей и мѣстъ подѣ строенія, а изъ обломковъ этихъ скалъ сложены фундаменты зданій, которыя могли бы служить украшеніемъ каждой изъ Европейскихъ столицъ. Пржеіе дома снесены какъ соръ, и новый городъ расположенъ по правильному плану. Всѣ улицы пересекаются подѣ прямыми углами. Во время войны, въ старинномъ Гельсингфорсѣ было только до 5500 жителей, а теперь, въ 1858 году, по исчисленію тридцати лѣтъ, здѣсь 12,000 жителей. Повсюду видно довольство и послѣдствія его — порядокъ и чистота. Главное мѣсто въ городѣ *Сенатская Площадь*, гдѣ была прежняя церковь, нынѣ не существующая. Здѣсь возвышались утесы, и придавали этой части города видъ дикости. Теперь эти утесы сглажены, и площадь представляетъ видъ правильнаго параллелограмма: одна сторона застроена частными домами, каменными и красивыми; направо (иди съ моря) огромныя зданія Финскаго Сената, назыво Университетъ, занимаютъ два фаса площади, а четвертый фасъ, лежащій параллельно съ моремъ или пристанью, составитъ украшеніе не только города, но и всей Финляндіи, когда постройки будутъ кончены. Во всю дли-

ну этой стороны площади возвышается скала. Она обдѣлана такимъ образомъ, что представляетъ собою кубическій *педесталъ*. Съ одной стороны, отъ главной улицы *Союза* (*Union-gatan*), къ этому педесталу придѣлана великолѣпная гранитная лѣстница; другая сторона, отъ площади, украшена портикомъ, въ которомъ находится караульня. На вершинѣ этого природнаго, гигантскаго педестала воздвигнута церковь, соединяющая въ себѣ великолѣпіе, величіе и такую необыкновенную прелесть, происходящую отъ правильности рисунка, простоты формъ и оригинальности въ основной идѣ, что нельзя довольно насмотрѣться на это шилое, граціозное зданіе. А между тѣмъ планъ его весьма простъ. Это Греческій крестъ, съ четырьмя портиками и высокою башнею, съ куполомъ, надъ центромъ зданія. Высота постройки придастъ церкви необыкновенный видъ. Я взобрался, по стѣлкамъ, на самый верхъ башни, которую оканчиваютъ въ это лѣто, и находился въ 500 футахъ надъ поверхностью моря. Весь городъ, съ окрестностями, моремъ, заливами, садами, казался игрушкою, моделью, выведенною изъ алебаstra и раскрашенною. Море казалось гладкимъ, какъ зеркало, созвнѣ

ярко отражалось на всѣхъ предметахъ. Свеаборгъ открывалъ мнѣ всю внутренность свою, потому что я смотрѣлъ на него сверху. Корабли мелькали, какъ чайки. Я не могъ довольно насладиться этимъ безподобнымъ зрѣлищемъ, и съ сожалѣніемъ сошелъ на землю, по опасному пути. Я говорю по опасному, потому что стѣлажи въ провинціальныхъ городахъ устроиваются не такъ, какъ въ Петербургѣ, гдѣ они прочны и красивы, но за то стоять иногда болѣе, нежели самое зданіе въ провинціи. Такъ напримѣръ, изъ стѣлажей Петербургскаго Исаіевскаго Собора можно было бы выстроить порядочный уѣздный городъ, во сто разъ лучше Кашиничъ или Орни, а изъ желѣза, которымъ эти стѣлажи скрѣплены, можно было бы устлать рельсами желѣзную дорогу, на порядочное разстояніе. Въ провинціяхъ же стѣлажи строятъ изъ негоднаго лѣсу, и связываютъ ихъ ивнякомъ. Вообразите, какъ весело, когда стѣлажи тресутся подъ вами на высотѣ 300 футовъ, и когда надобно шагать по доскамъ, которыми можно переломить ударомъ кулака! Но я ободрился и утѣшился, подумавъ, что въ жизни нѣтъ ни удовольствія, ни радости, которые бы не граничились горестью или опасностью... *voilà la galère!*

Изъ церкви мы пошли осматривать внутрен-

ность сенатскаго зданія. Стѣны превосходныя, лѣстница великолѣпная, а зала общаго собранія Сената, украшенная колоннадою, величественная и достойная своего назначенія. Каждая экспедиція имѣетъ свою особую залу; канцелярии помѣщены въ комнатахъ, имѣющихъ входы съ коридора. Вездѣ свѣтло, чисто, уютно.

Университетское зданіе великолѣпнѣе и величественнѣе сенатскаго, потому что построено послѣ и съ большими издержками. Достойный храмъ науки и просвѣщенія! Здѣсь стѣны и лѣстница могли бы служить украшеніемъ Римскому палаццо. Кромѣ лѣстницы въ С. Петербургскомъ Адмиралтействѣ (со стороны Невскаго Проспекта), я не помню, чтобы гдѣ либо выдавалась лучшую. Такъ сказать, разливъ этой лѣстницы и галерей — безподобны. Публичная зала, или ауд., устроена полукругомъ, въ видѣ амфитеатра, съ галереями. Полукругъ прикрывается обоими концами дуги къ высокой стѣнѣ, въ которой прорѣзаны окна, въ два яруса. Утвердить эту стѣну, безъ всякихъ связей и подпоръ. — дѣло глубокаго математическаго расчета. Вся сила и крѣпость ея въ центрѣ тяжести. Зала эта, кромѣ красоты своей, имѣетъ то удобство, что въ ней слышно во всѣхъ

концах, и что посетители не могут расхаживать и мѣнять чтенію, а должны непременно сидѣть каждый на своемъ мѣстѣ. Чрезъ все зданіе, въ длину его, во всѣхъ этажахъ проведены корридоры, а по обѣимъ ихъ сторонамъ аудиторія (т. е. классы), музеи, кабинеты, зала совѣта и канцелярія. Я восхищался порядкомъ и необыкновенною, примѣрною чистотою во всѣхъ частяхъ и даже углахъ зданія, но великолѣпныя аудиторіи удивило меня! — На такихъ скамьяхъ вѣрно не сидѣли никогда Германскіе студенты, и съ такихъ кафедръ никогда не читали профессора въ Германіи, когда я посѣщалъ Германскіе университеты. Это уже ученая роскошь! Извѣстно, что Университетъ лишился всѣхъ своихъ сокровищъ, во время пожара въ Або. Въ милицъ-кабинетѣ находится небольшое число монетъ, поврежденных пламенемъ, и нѣсколько рѣдкихъ вещей, а между прочими сѣдло Королевы Христіны. Зачѣмъ здѣсь это сѣдло — не понимаю! Вообще милицъ-кабинетъ бѣденъ. Особенное вниманіе заслуживаютъ кабинеты минералогическій и зоологическій, довольно полные и расположенные красиво, въ порядкѣ и систематически. Любопытно отдѣленіе зоологи-

ческаго кабинета, въ которомъ собраны животныя всѣхъ породъ, водившихся въ Финляндіи. Здѣсь весьма много такого, чего я никакъ не предполагалъ. Особенно красивы рыбы и морскія птицы. Библіотеки я не видалъ. Книги не приведены еще въ систематическій порядокъ. Новое зданіе, для помѣщенія книгъ, теперь только строится, рядомъ съ Университетомъ, противъ новой церкви, о которой я говорилъ выше. Послѣ потери библіотеки во время пожара, т. е. съ 1827 года, собрано уже до 40,000 томовъ, изъ коихъ большая часть поступила, по праву, предоставленному Университету Ценсурнымъ Уставомъ Имперіи, по одному экземпляру каждой книги, выходящей въ свѣтъ, въ предѣлахъ Россіи. Мнѣ чрезвычайно понравилась гимнастическая зала, на дворѣ университетскаго зданія, въ которой находятся всѣ вымыслы гимнастики. За введеніе гимнастическихъ упражненій въ казенныя учебныя заведенія, Россія обязана нынѣ благополучно царствующему Государю Императору. Мы теперь едва вѣримъ, читая въ Исторіи, что Римляне переплывали рѣки, въ полномъ вооруженіи, и едва можемъ двигать мечи нашихъ праотцевъ. Древнихъ укрѣпляли гимнастика, и

когда гимнастическія игры были во всеобщемъ употребленіи, тогда было меньше антекъ. «Въ здоровомъ тѣлѣ здоровая душа,» говорили древніе, и весьма справедливо. Что въ наукѣ, когда нѣтъ силы въ душѣ и въ тѣлѣ!

Изъ Университета мы пошли чрезъ весь городъ по прямой улицѣ *Солжа*, Гельсингфорскому Невскому Проспекту, въ обсерваторію, лежащую на высокой скалѣ. Зданіе состоитъ изъ трехъ башенъ, соединенныхъ корпусомъ (*corps-de-logis*). Здѣсь также инструментъ Фраунгоферскій, но онъ далеко уступаетъ Дерптскому рефрактору, съ помощью котораго почтенный профессоръ Струве приобрѣлъ себѣ заслуженную славу умноженіемъ каталога двойныхъ звѣздъ и своими обсервациями. Теперь въ Гельсингфорскомъ Университетѣ ваканція астронома. Видъ съ башенъ обсерваторіи на море и на городъ превосходный.

Изъ обсерваторіи мы пошли осматривать морскія ванны и купальни. Это, безъ всякаго преувеличенія, одно изъ лучшихъ заведеній въ своемъ родѣ, не только въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ. Прекрасное зданіе воздвигнуто на скалистомъ берегу моря. Чтобы имѣть воду солоновѣ, далеко въ море устроенъ насосъ, под-

нимающій ее и доставляющій въ котлы и ванны посредствомъ трубъ. Котлы, для нагреванія воды, и резервуары устроены во второмъ этажѣ, откуда разливается теплая или холодная вода, по желанію посѣтителей. Чрезъ все зданіе, въ обоихъ этажахъ, проведены корридоры, а по обѣимъ сторонамъ ихъ комнаты для ваннъ. Комнаты устроены не только великолѣпно, но и со всеми возможными удобствами для туалета. Въ верхнемъ этажѣ одно отдѣленіе убрано весьма богато; снабжено изящною ванною, устлано красивыми коврами и т. п. Это отдѣленіе предназначено для Императорской Фамиліи. На разстояніи полудверсты отъ купаленъ, построено другое зданіе, для рестораціи, баловъ и вѣнчанъ искусственныхъ водъ. Между двумя заведеніями была одна скала, т. е. сплошной камень. Скалу эту, съ большими трудами и издержками, покрыли землею, просверлили въ камнѣ отверстія и посадили въ нихъ деревья, провели дорожки и сдѣлали Английскій садъ. Все это устроено на акціяхъ. Когда любители морскихъ купаленъ увидятъ Гельсингфорское заведеніе, то вѣрно не рѣшатся купаться въ другомъ мѣстѣ! Здѣсь можно выспаться даже безъ купанья; однимъ

морскимъ воздухомъ. Здѣсь нѣтъ ни долинъ, ни болотъ, ни пушистыхъ лѣсовъ, портящихъ испареніями своими испаренія моря, столь полезныя во многихъ болѣзняхъ. Изъ Гельсингфорскаго гранита ничего не испарится, и тонкій морской туманъ, разлегающійся утромъ и вечеромъ по утесамъ, есть настоящій эликсиръ здравія. Притомъ же въ городѣ Гельсингфорсѣ, можно имѣть прекрасное и дешевое помѣщеніе. Всѣ припасы здѣсь не дороги, а колониальные товары и вина, привозимые по Финскому тарифу, гораздо ниже цѣны противъ Петербурга и Ревеля. Въ Гельсингфорсѣ жизнь пріятная, потому что высшее общество чрезвычайно сообщительно и гостепріимно. Финляндское дворянство и богатое кунечество не чуждаются прѣзжихъ, но стараются доставить имъ всѣ возможные развлеченія.

Осмотрѣвъ городъ во всѣхъ направленіяхъ, я такъ усталъ, что едва двигался, но рѣшился возвратиться домой пѣшкомъ, чрезъ *Площадь Казармъ*, чтобы взглянуть на прекрасное ея устройство. Зная щекотливость всѣхъ вообще артистовъ, я не смѣлъ спрашивать объ имени архитекторовъ различныхъ зданій, которыми я восхищался, потому что мнѣ со-

путствовалъ также архитекторъ и притомъ начальникъ архитектурной части. До всего доводить опытность, и мнѣ уже случалось оскорблять, неувыженно, пріятелей, выхваляя предъ ними труды ихъ соперниковъ. Однако жъ, на возвратномъ пути, я не могъ удержаться, чтобы не сказать почтенному Г-ну Энгелю, что господа архитекторы, которые украсили трудами своими Сенатскую Палату, построили обсерваторію и такое множество предѣстныхъ частныхъ домовъ, что эти архитекторы достойны всѣхъ возможныхъ похвалъ, и что Петербургъ долженъ непременно узнать ихъ имена. Почтенный Энгель потупилъ глаза, а одинъ изъ сопровождавшихъ меня пріятелей, сказалъ: «Списокъ вашъ будетъ весьма не великъ! Не только великолѣпная церковь, Сенатъ, Университетъ, но почти весь городъ (съ малыми исключениями) построенъ однимъ архитекторомъ, и этотъ строитель передъ вами!» — Я обнялъ отъ души добраго и скромнаго артиста. Странный и едва ли не единственный случай! Не многіе путешественники могутъ похвалиться тѣмъ, что имъ показывалъ городъ самъ строитель его! Это не послѣдняя рѣдкость!

Г-нъ Энгель, за двадцать лѣтъ предъ симъ, поселился здѣсь и сдѣлался Финляндецъ. Онъ здѣсь всѣми любимъ и уважаемъ за свой умъ и добродушіе. «Все богатство его, сказали мнѣ послѣ пріятеля, составляетъ небольшой деревенный домикъ съ садикомъ, выстроившійся изъ жалованья и награды, а чрезъ его руки прошли милліоны!» Тутъ я невольно залетѣлъ въ область товарища моего, Н. Н. Греча, и самъ, не зная какъ, состригала Нѣмецкій каламбуръ, сказавъ: «Nicht ein jeder ist ein Engel!» (т. е. не каждый можетъ быть Ангеломъ, или ангеломъ)*.

Въ этотъ день обѣдалъ я съ *первымъ* разъ, послѣ тридцати лѣтъ, по-Шведски, т. е. безъ супу и съ сладкими соусами. Шведы и Финляндцы почти во всѣхъ кушаньяхъ употребляютъ сахаръ и варенье. У всякаго свой вкусъ, а у меня, по счастью, все вкусы. Было бы здоровье въ тѣхъ, веселость въ душѣ и чистота въ стряпнѣ, а въ этомъ не было недостатка, равно какъ въ умѣ, добродушіи и хорошемъ пивѣ. Но потъ готовъ катерь — ѣдемъ въ Свеаборгъ!

* Энгель по-Нѣмецки значить ангелъ. *Сог.*

V.

ПРОГУЛКА ПО СВЕАБОРГСКОЙ КРѢПОСТИ. — ПАМЯТНИКЪ СТРОИТЕЛЮ ЕЯ. — САДИКИ НА СКАЛѢ. — ОФИЦЕРСКІИ ЖИЛИЩА. — БѢЛЪ ИЗЪ ЗАВЕДЕНІИ ИСКУССТВЕННЫХЪ ВОДЪ. — ЗОЛОТАЯ РЫБКА. — ЧЕСТЬ, ОТДАННАЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Основаніемъ Кронштата и устройствомъ военной гавани въ Ревелѣ, Россія совершенно овладѣла Финскимъ Заливомъ. Швеція вознамѣрилась также устроить вооруженный портъ на крайней своей морской границѣ и, въ 1749 году, возникъ Свеаборгъ. Постройка крѣпости поручена была Шведскому фельдмаршалу Эренсверду (Ehrensward). Цѣль постройки здѣсь военной гавани состояла въ томъ, чтобъ дать безопасное убѣжище для флота, во время войнъ, и содержать постоянную морскую стражу при входѣ въ Финскій Заливъ. Свеаборгъ замѣнили Шведамъ Кронштатъ и Ревель. Не возможно было выбрать лучшаго мѣста для порта и крѣпости. Гельсингфорскій Заливъ далеко уга-

блается въ твердую землю, и столь обширенъ, что можетъ вмѣстить въ себѣ самый огромный линейный флотъ. Входъ въ заливъ загражденъ шерами, или гранитными надводными скалами. — На этихъ-то скалахъ Фельдмаршалъ Эренсвердъ устроилъ защиту залива, который съ тѣхъ поръ превратился въ портъ, одинъ изъ обширѣйшихъ, безопаснѣйшихъ и крѣчайшихъ въ мірѣ. Свеаборгъ прозванъ, по сираведности, съвердъ Гибралтаромъ. Укрѣплены острова: Варгенъ, Стора-Эстра-Сваргенъ, Ленгеренъ и Густавсвердъ. Острова Лили (т. е. малый), Эстра-Сваргенъ и Вестра-Сваргенъ только защищены баттарееми, и видѣются въ себѣ мельницы, пекарни, госпиталь и другія принадлежности крѣпости. Настоящая крѣпость (corps de la place) на островѣ Варгенъ, а укрѣпленія на самомъ крайнемъ островѣ Густавсвердъ можно почесть цитаделью. Мимо ихъ находится единственный проходъ въ гавань, для военныхъ кораблей (Густавсвердъ-зундъ). Чтобы начать постройку надлежало сравнить грунтъ, но какъ весь острова чистый гранитъ, то скалы рвали, на части, порохоми, а изъ обломковъ складывали стѣны, скрѣпляя известью. Трудъ гигантскій, какъ и уже говорилъ!

— Смотришь и едва вѣришь, что это дѣло рукъ человѣческихъ! —

Не мое дѣло описывать Свеаборгъ въ стратегическомъ отношеніи. Крѣпости не описываются. Я смотрѣлъ на Свеаборгъ только съ поэтической стороны. Впрочемъ, чтобы понять полное устройство Свеаборгской крѣпости не довольно того, чтобы взглянуть на укрѣпленія. Крѣпость эту должно изучать и прожить здѣсь долгое время, къ чему я не чувствую ни малѣйшей склонности. Я осматривалъ только Варгенъ и Свартольмъ, то есть гулялъ по высокимъ стѣнамъ, проходилъ, для забавы, чрезъ подземные ходы, изсѣченные въ гранитныхъ скалахъ какъ сложенные изъ обломковъ гранита. Изъ всего видѣннаго мною мелкою, составилось въ воображеніи моеи что-то страшное, какое-то темное понятіе о древнемъ лабиринтѣ, о замкахъ среднихъ вѣковъ и о твердыхъ новыхъ временъ. Для непривычнаго взгляда эти массы гранита, ряды зданій и подземелій необъятны и непостижимы! — Главные острова, составляющіе крѣпость, соединены между собою планкоутными мостами. На Варгенѣ, противу комендантскаго дома, находится памятникъ строителя. На гранитномъ pedestalѣ

или гробницъ лежать, вылитые изъ лѣди, греческій шлемъ, латы и мечъ. Надписи на Шведскомъ языкѣ. Съ одной стороны: «Здѣсь почить Графъ Августъ Эренсвердъ, среди своихъ твореній!»— Съ другой стороны: «Воздвигнуть во предначертанію Густава III, къ ободренію служенія на пользу отечества»*. Отдѣлка памятника изящная. Онъ сохраняется тщательно, къ чести Русскаго правительства, уважающаго заслуги даже вчужѣ.

На стѣнѣ, при комендантскомъ домѣ, устроены садъ, т. е. на наносной землѣ посажены деревья, устроены дорожки, цвѣтники, бесѣдка. Между безплодною массою скалъ, среди моря, этотъ небольшой садикъ, на высотѣ, кажется уголкомъ рая. Въ другомъ мѣстѣ, на Густавсвердѣ, на наружной сторонѣ каменной стѣны, есть небольшая платформа, устланная дерномъ, на которой растутъ нѣсколько деревьевъ. Это любимое мѣсто жителей крѣпости. Я пробылъ въ ней только нѣсколько часовъ, и обрадовался, ступивъ на траву, а какъ же должно быть

* По сознанію знатоковъ Шведскаго языка, смыслъ второй надписи не ясно выраженъ: я старался здѣсь передать настоящее ея значеніе.

пріятно постояннымъ жителямъ крѣпости это отродное мѣстечко! Вообще видъ Свеаборга грозенъ, извнѣ и внутри, и наводитъ ужасъ на душу. Вездѣ камень и пушки, воины и арестанты, длинные ряды казармъ и тюремъ. Но несчастію, есть люди, которыхъ надобно запереть какъ звѣрей, чтобъ они не вредили своимъ смиреннымъ собратіямъ, не возмущали спокойствія семействъ, не отягчали собою гражданскаго общества! Шведскіе законы, которыми управляетъ Финляндія, строги для бродягъ, и весьма справедливо, ибо лѣнь и бродяжничество сперва порождаютъ пороки, а потомъ ведутъ даже къ преступленію. Люди низшаго сословія, которые не хотятъ заняться ни какою ремесломъ, работою или вступить въ услуженіе, подвергаются наказанію, т. е. отдаются, на извѣстное время, въ крѣпостную работу. Разумѣется, что это дѣлается не съ перваго раза и по удостовѣренію, что человѣкъ упорствуетъ въ лѣни и бродяжничествѣ. Отъ того - то здѣсь до 500 или 600 человѣкъ арестантовъ, которые, впрочемъ, полезны теперь по неволѣ, не хотѣвъ быть полезными по волѣ. Въ Финляндіи народонаселеніе не велико, работы много, и трудолюбивый человѣкъ можетъ найти

честное пропитание. Кто не хочет снискивать его, того силою заставляют кормиться трудом.

Больше всего привлекало мое внимание цистерны, т. е. бассейны, въ которыхъ хранится дождевая и сыговая вода, стекающая съ утесовъ. Источниковъ здѣсь нѣтъ, потому что острова, какъ и уже сказано, сплошная скала. Колодезь вырыть невозможно; да если бъ и попытаться сверлить артезианскіе колоды, то врядъ ли добрался бы до прѣсной воды. И такъ должно было прибѣгнуть къ цистернамъ. Со времени Русскаго владычества, въ административномъ краѣ, все улучшается: самая крѣпость усовершенствовалась и на цистерны также обращено особое внимание. Мнѣ показывалъ новостроющуюся цистерну самъ строитель ея, инженерный капитанъ Николай Ивановичъ Нибекъ (своинокъ А. А. Вейсенберга, моего добраго хозяина). — Въ скалѣ изъсѣчено огромное отверстіе, родъ пруда (формы параллелограмма), подъ крышею, особаго, превосходнаго устройства. Въ этотъ бассейнъ вода протекаетъ, изъ другаго бассейна, чрезъ песокъ, въ которомъ она очищается. При цистернѣ находится строеніе, комнаты для дежурнаго офицера и для караула, и машина-мил

насосъ, для добыванія воды. Механизмъ вездѣ простъ и не многосложенъ, постройки красивыя и прочныя, а самая цистерна приводитъ въ удивленіе, при мысли о тѣхъ трудностяхъ, которыя надлежало преодолѣть, изъсѣкая такое огромное углубленіе въ скалѣ! Другую цистерну строилъ братъ Н. И. Нюбека; она уже готова, но для меня было гораздо занимательнѣе видѣть это дѣло въ чернѣ, потому что до сихъ я не видывалъ подобныхъ работъ. Замѣтательно, что опыты показали негодность угля при очисткѣ воды, въ большой массѣ и въ теченіе долгаго времени. Сказываютъ, будто вода окисаетъ, хотя это и противно теоріи. Лучшее всего очищать воду, пропуская ея только чрезъ крупный песокъ или грантъ.

Вездѣ, гдѣ только есть свободное мѣстечко въ крѣпости, между зданіями и укрѣпленіями, устроены небольшіе садики, разумѣется на наносной землѣ. Это оживляетъ печальный видъ сѣраго гранита. На одномъ плацъ-дариѣ, (place-d'armes) между казармами, были выдавшіяся скалы, препятствовавшія гарнизону въ постройкахъ. Въ углу этой площадки находится садикъ. — Государь Императоръ Николай Павловичъ, осматривая крѣпость, замѣтилъ

неудобство отъ неровности площадки, но пощадили садикъ, и повелѣлъ сгладить выдавшіяся скалы. Ихъ разорвали на части, порохоми, сравняли рубкою, и теперь здѣсь прекрасная и ровная площадь, на которой бывають вахпаралы. — Птицы пѣли на деревьяхъ, которыми сохранены здѣсь волею Государя, и видъ ихъ произвелъ во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе. Если бъ я не боялся прослыть приторнымъ пѣженкой, то сказалъ бы, что мнѣ было бы жалко, если бъ истребленіемъ деревьевъ, лишили эту жертвую скалу частички растительной жизни, пробужденной здѣсь услаіемъ человѣческимъ. Эта одна черта въ Отцѣ Россіи изображаетъ Его великую душу! Петръ Великій также вездѣ насаждалъ деревья, а не истреблялъ ихъ. — Кто любитъ природу, тотъ не можетъ не любить челоѣчества.

Утомившись, рассказывая по гранитнымъ стѣнамъ и по гранитной почвѣ, мы вошли отдохнуть, на чашку чаю, къ любезному хозяину, Н. Н. Любеку, въ его квартиру. Проходи мимо фангеля, въ одно жилье, и увидѣлъ, въ окно, множество разнообразныхъ камней, расположенныхъ на столахъ. Мнѣ сказали, что здѣсь живетъ инженерный офицеръ, который соста-

вилъ коллекцію всѣхъ породъ скалъ, на которыхъ и изъ которыхъ построены Свеаборгъ. Мнѣ захотѣлось видѣть эту коллекцію и притомъ жилище холостого офицера, въ крѣпости. Мы вошли, безъ церемоніи. Офицеръ принялъ насъ радушно. Квартира изъ трехъ небольшихъ комнатъ, чистая, сухая и удобная. Книги, фортепiano, цвѣты на окнахъ, астамны на стѣнахъ, минералогическая коллекція, удостовѣрили меня въ образованности хозяина квартиры. Какой нестоимый запасъ счастья и наслажденія даетъ намъ просвѣщеніе и образованность! Бросьте на эти скалы одного изъ тѣхъ баловней сѣбной фортуны, которые цѣль жизни составляютъ въ наслажденіяхъ грубую чувствительность или которые, топясь за призракомъ, проводятъ время въ болтовнѣ, визитахъ, за картами и въ преслѣдованіи мнимыхъ почестей. Эти люди умерли бы или истаяли здѣсь, отъ скуки. Но въ комъ есть умъ, сердце, образованность и внутреннее побужденіе къ дѣятельности, для того не страшно уединеніе, съ книгами, кистью или карандашемъ. Просвѣщенный челоѣкъ носитъ внѣшній міръ въ душѣ своей! — Я совѣтовалъ бы всѣмъ родителямъ учить дѣтей своихъ музыкѣ и какому нибудь художе-

ству. — Это не только доставляет утѣшеніе, но можетъ быть полезнымъ, во многихъ случаяхъ жизни.

Я не успѣлъ познакомиться съ молодымъ офицеромъ, но, при первомъ свиданіи, почувствовалъ къ нему уваженіе, увидѣвъ въ немъ человѣка образованнаго. — При встрѣчѣ съ образованнымъ человѣкомъ, и обхожусь съ нимъ точно такъ, какъ толпа обходится съ богачемъ. Познанія и умъ производятъ на меня такое дѣйствіе, какое производятъ въ немыслимыхъ существъ алмазы, золото, серебро, экипажи, мебели, роскошный столъ — гордый видъ любимца фортуны.

Чужое положеніе имѣть квартира почтеннаго Н. И. Нюбека! Это небольшой деревянный домикъ, на берегу моря. Подъ окнами оторочены въ нѣсколько шаговъ, на скаль, о которую разбиваются волны. — Въ бурю, брызги ихъ должны доходить до самыхъ оконъ домика. Видъ изъ оконъ, въ открытое море и на острова, безподобный! Къ двору примыкаетъ небольшой садикъ. Все это миниатюрно, чисто и болѣе нежеледи красива, необыкновенно! Всѣ минуты во время моего путешествія были мнѣ дороги и пока добрая хозяйка дѣлала для насъ чай,

я написалъ письмо домой, подѣлюсь окномъ, посматривая на море и на утесы, которые насунулись съ дѣвой стороны надъ домикомъ. Черныя и печальныя мысли тѣснились въ головѣ моей, подѣ влияніемъ вышнихъ впечатлѣній. Между тѣмъ собралось нѣсколько офицеровъ гарнизона и дамъ, и мы, послѣ чаю, отправились на двухъ катерахъ, на балъ, на искусственную воду. Это было въ 7 часовъ вечера.

На обратномъ пути я изъяснялъ мое удивленіе, что не нашелъ ни малѣйшихъ слѣдовъ бывшаго въ Свеаборгѣ бѣдствія, при покореніи Финляндіи, а именно взрыва порохового магазина, разрушившаго часть крѣпости. Это было ужасное событіе! Не только Свеаборгъ потрясенъ былъ въ основаніи, но и въ Гельсингфорсѣ почти всѣ стекла въ окнахъ треснули, во многихъ домахъ оторвало двери и опрокинуло мебели. Многие люди повержены были на землю силою всколебавшагося воздуха. До сихъ поръ не извѣстно, отъ чего произошелъ взрывъ, но полагаютъ, что отъ неосторожности Шведскаго комиссара, имѣвшаго надзоръ за пороховымъ магазиномъ. — Съ нами, на катерѣ, былъ Русскій офицеръ Финляндскихъ баталіоновъ, родомъ Шведъ. Отецъ его былъ Шведскій чинов-

никъ въ Свеаборгъ, во время осады этой крѣпости. — Русскій офицеръ былъ тогда мальчикомъ лѣтъ двѣнадцати, и находился съ отцомъ въ стѣнахъ крѣпости, во время взрыва. Грохъ и потрясеніе были столь сильны, что все думали, будто вся крѣпость провалилась. Дымъ, пламя, пыль и обломки камней, вмѣстѣ смѣшанные, образовали, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, какое-то ужасное багровое облако, которое заставило многихъ вспомнить о преставленіи свѣта! Море всколебнулось, какъ во время землетрясенія. Часть крѣпости превращена въ развалины. Инженерные офицеры съ улыбкою дали мнѣ замѣтить, что именно тѣ стѣны и строенія, которыми я болѣе восхищался, удивлялся чистотѣ отдѣлки, новой, уже Русской работы, и воздвигнуты вмѣсто взорванныхъ на воздухъ. — Въ самомъ дѣлѣ Русское шегольство до такой степени принарядило эти утесы, что кажется, будто все работы выдѣлены изъ воску. — Вообще нынѣшняя кладка стѣнъ въ Свеаборгѣ и красивѣе и прочиѣе, прежнихъ. Кромѣ того, подвѣшаны террасы, ступени въ гранитъ, наружныя и внутреннія галереи. — Это, въ полномъ смыслѣ, волшебный замокъ! Теперь Свеаборгъ не имѣетъ той стратегиче-

ской важности, какую онъ имѣлъ прежде, принадлежа Швеціи, когда былъ пограничнымъ военнымъ портомъ. Ревельскій портъ выгоднѣе тѣмъ, что не такъ скоро замерзаетъ, и прежде очищается отъ льда, нежели прочіе гавани и порты въ Финскомъ Заливѣ, а Петербургъ защищенъ Кронштатомъ, въ буквальный смыслъ, неприступнымъ. Но охраняя Гельсингфорскій заливъ, въ которомъ, въ случаѣ нужды, можетъ укрыться многочисленный флотъ, Свеаборгъ навсегда останется первокласснымъ стратегическимъ пунктомъ. Для мирнаго путешествіиikka Свеаборгъ есть пріятное развлеченіе, представляя уму и взорамъ чудное торжество силы человѣческой надъ природою, и удивительную картину съ моря на крѣпость и съ крѣпости на море. — Въ модели Свеаборгъ долженъ быть самое пріятное игрищомъ, а на картинѣ, пронаведетъ чудный эффектъ.

Мнѣ сказывали, что зимою въ Свеаборгѣ очень весело. Офицерское общество, составленное изъ инженеровъ, моряковъ, артиллеристовъ — пріятное. Многіе офицеры женаты, старики имѣютъ взрослыхъ дочерей, и мнѣ говорили, что на Свеаборгскихъ балахъ собирается до 50 молодыхъ дамъ, премилыхъ и прелюбезныхъ.

Танцуютъ, какъ водится въ провинціяхъ, до перваго обморока. Старики играютъ въ вистъ, любуются, глѣда на молодыхъ, вспоминая старину, и время пролетаетъ весело, безъ большихъ издержекъ на туалетъ, на роскошное угощеніе и т. п. Зимой живетъ въ Свеаборгѣ нѣсколько купцевъ и между ими Русскіе. — У одного изъ нихъ есть воспитанница, по фамиліи Шведка, по душѣ и языку Русская, по красотѣ, уму и любезности космополитка, потому что всѣ милыя и прекрасныя женщины составляютъ особую полуземную и полурайскую породу, безъ различія націй. Всѣ Русскіе называютъ эту милую дѣвицу *золотою рыбкою*. Вотъ откуда произошло это прозваніе. Офицеры Свеаборгской крѣпости любятъ проходить по той улицѣ, гдѣ живетъ прекрасная питомица Русскаго купца. Противу его дома находится колодезь. Чтобы имѣть предлогъ останавливаться, молодежь выдумала, будто въ этомъ колодезѣ есть *золотыя рыбки*, которыхъ они высматриваютъ. Счастливы дѣта, когда насъ занимаютъ *золотыя рыбки*, и когда есть надежда поймать въ сѣтку *золотую рыбку*! Теперь намъ братъ радъ радехонекъ, чтобы только отвязаться отъ какой нибудь литературной

или-рыбки, а на *золотую рыбку* и взглянуть такъ въ честь намъ, военнымъ и литературнымъ ветеранамъ!

Разговоривая и раздобавивая, мы причадили къ берегу у самаго заведенія теплыхъ и холодныхъ морскихъ ваннъ, и пошли пѣшкомъ къ прекрасному дому, среди новоразведеннаго англійскаго сада, откуда неслись звуки музыки. — Передъ домомъ, на бульварѣ видѣлись бѣленькія плитыцы. Это то же, что флагъ мира и союза въ дальнемъ, чужомъ морѣ! Гдѣ веселятся женщины, тамъ мужчины должны быть веселы. Туда, туда! . . .

Валъ данъ былъ для прїѣзжихъ гостей изъ Ревеля. Зала прекрасная и довольно обширная, а на этотъ разъ она была полна. Красавицъ было много, а между ими уроженки Финляндіи и Петербургскія Нѣмки отличались какъ розы и лиліи въ цвѣтникахъ. Туземки одѣты были весьма просто, но мило и съ большимъ вкусомъ, т. е. каждая изъ дамъ одѣта была къ лицу, а въ томъ и вся тайна туалета. Нравы и обычаи Финляндцевъ и Остзейцевъ обозначались рѣзко. Первые, мужчины и женщины, веселились отъ души — Остзейцы соблюдали свою холодность и, какъ они говорятъ: Zurückhaltung. —

Остзейцамъ, особенно дамамъ, не нравилося, что общество было *смѣшанное*, или какъ называется въ Лифляндіи: *gemischte Gesellschaft*. — «Это кто такая?» — Дочь сенатора. — «*Charmant!*» — «А это кто такая?» — Дочь купца. — Въ отвѣтъ гримаса. — «Съ кѣмъ танцевала дочь моя?» — Съ Сенаторомъ. — «А моя?» — Съ отставнымъ полковникомъ. — «*Charmante Cavalier!*» — «А моя?» — Съ купцомъ. Въ отвѣтъ гримаса.

Въ Остзейскихъ провинціяхъ мужчинамъ изъ дворянъ, какъ я уже сказалъ выше, позволено посѣщать общества средняго сословія, но женщинамъ *никогда!* Лифляндская дворянка скорѣе согласится посѣтить чуждый лазаретъ, нежели навѣстить кунчиху, хоть бы она соединяла въ себѣ всѣ добродѣтели и одарена была всѣми благами земными. Изъ средняго сословія только одни университетскіе студенты пользуются правомъ танцовать съ Лифляндскими дворянками, но если бы этотъ студентъ имѣлъ роднаго брата купцомъ, то купецъ уже не смѣлъ танцовать съ фрейлейною, хотя бы онъ былъ умнѣе Вольтера. Отъ того въ Лифляндіи не могутъ никогда устроиться публичныя собранія. Все народонаселеніе раздѣлено на касты. Въ

дѣтнее время, на водахъ въ Ревелѣ и въ Либавѣ, бывають исключенія изъ правила, т. е. дворянки танцуютъ, на публичныхъ балахъ, рядомъ съ купеческими дочками — но только *рядомъ*, не мѣшаясь съ ними, и танцуютъ только съ дворянами.

Старинный мой Петербургскій знакомецъ, Александръ Евстафьевичъ Вульфбертъ, Финляндскій Почтъ-Директоръ, познакомилъ меня со всѣми важнѣйшими лицами на балѣ. Обѣ нехъ самою и о новыхъ моихъ знакомцахъ поговорю и послѣ, въ своемъ мѣстѣ. — Скажу только, что я удивился такому множеству людей отличныхъ заслугами, образованностью и даже ученостью, въ провинціальномъ собраніи! Въ Петербургѣ, въ Лондонѣ, въ Парижѣ невозможно болѣе требовать. Признаюсь, что и первый разъ въ жизни видѣлъ здѣсь сенаторовъ танцующихъ! У насъ обыкновенно этихъ почтенныхъ званіемъ облечены люди пожилые, отжившіе въхъ танцевъ. Здѣсь, напротивъ, я увидѣлъ въ числѣ сенаторовъ людей, въ полномъ цвѣтѣ возраста и силы. Въ Финляндіи между жителями господствуетъ какое-то братское сочувствіе, между всѣми сословіями и высшее изъ нихъ поставившее себѣ обязан-

ностью, подавать собою примѣръ и въ полезномъ трудѣ и въ невинныхъ забавахъ. Похвально и благородно!

Мнѣ показали наконецъ и *золотую рыбку!* Ужъ подлинно *золотая рыбка!* Я говорилъ съ нею по-Русски. — Воля ваша, а приятно услышать изъ устъ прелестной женщины, что она *знаетъ васъ*, по вашимъ сочиненіямъ! Эта самая блистательная награда для литератора, за его труды и всѣ непріятности, неизбежныя съ этимъ званіемъ. Русскій языкъ и Русская словесность вообще обращаютъ на себя вниманіе Финляндевъ. Почти всѣ чиновники и многіе купцы знаютъ хорошо по-Русски, и что важно, Русскій языкъ не въ презрѣніи, но въ чести, и даже многія дамы знатныхъ фамилій знаютъ по-Руски, и уважаютъ хорошее въ нашей литературѣ. — Русскій литераторъ здѣсь не на чужбинѣ, а есть уголокъ на Руси, гдѣ стараются систематически показывать Русскимъ литераторамъ неуваженіе къ Русской литературѣ, не зная изъ нея даже складовъ! Богъ съ ними!

Баль продолжался только до полуночи — и очень уныло! — Въ 11 часовъ я собирался домой, какъ вдругъ подошли ко мнѣ Русскій

офицеръ и Русскій купецъ, Г. Ушаковъ, и объявили, что они присланы ко мнѣ отъ друзей Русскаго слова, пригласить меня выпить бокалъ вина съ ними. — Я пью вино только однажды въ сутки, за обѣдомъ, но въ этомъ случаѣ не могъ отказаться, хотя бы пришлось занять здоровьемъ. Въ другой комнатѣ было множество офицеровъ и статскихъ. Бокалы зашумѣли и мы провозгласили: *благоденствіе Россіи и Русской Литературы!* Разумѣется, что изъ въжливости сказано было мнѣ много пріятнаго, но главное въ томъ, что на землѣ Финской провозглашенъ былъ тостъ въ честь Русской Словесности! За благоденствіе Царя и Его Россіи давно уже здѣсь и молятся и провозглашаютъ тосты, но за благо Русской Литературы едва ли не въ первый разъ раздалось Русское восклицаніе. Это меня душевно порадовало, и я, поблагодаривъ любителей Русскаго слова, отправился домой веселый, довольный и почти счастливый!

На другой день — походъ! Въ 6 часовъ утра всѣ пассажиры уже на пароходѣ. На берегу стоятъ друзья и родные. Капитанъ Палень расхаживаетъ, быстрыми шагами, по палубѣ, спускается внизъ, отдаетъ приказанія.

Въ трубѣ шумить! Погода неприя́тная, сырая, холодная; вѣтеръ противный. Ни одного веселого лица на всемъ пароходѣ: всѣ мы понахмурились. Пароходъ тронулся. Прощай, гостеприимный Гельсингфорсъ! Прощайте, добрые, благородные люди! Благодарю за ваше вниманіе къ страннику! — Дасть Богъ — свидимся!

VI.

ПЛАВАНИЕ ВЪ ФИНСКИХЪ ШЕРАХЪ* (Skärgård). — Что такое ШЕРЫ! — Мечты и правда. — Историческія воспоминанія. — Мисъ Ганге (Hänge-Udd) и Петръ Великій. — Свенскагундъ и Густавъ III. — Анекдоты о Графѣ Стединкѣ. — Юнгфрундъ и Графъ Гейднъ. — Прерванное пиршество. — Новое общество на пароходѣ. — Знакъ отанчя — въ карманѣ.

Море у Финскаго берега, отъ Выборга до Нернборга, усыяно скалами, образующими безчисленное множество острововъ различнаго

* У насъ неправильно произносятся и пишутъ *штеры* и *шкеры*. Это Шведское слово, и оно должно произноситься по-Шведски: *шеры*. Въ древнемъ Шведскомъ языкѣ это значить *мисъ*, напримеръ: Kediesskär (Кедиешеръ) *мисъ цепей*, promoteur des chaînes. Видъ выдавшихся съ берега скалъ былъ причиною этого названія. Во множественномъ числѣ шеры называются по Шведски: *шергордъ* (Skärgård). *Гордъ* или *гардъ* на древне-Германскихъ языкахъ значить то же, что по-Русски *ограда*, *городъ*, *градъ*.

вида и объема. До мыса Ганге * (Hangö-udd) острова эти тянутся вдоль узкою полоскою, но на углу Финляндии образуют обширный архипелаг, оканчивающийся Аландскими Островами и Шведским материком (между Экере и Грисельгамом) на 70 верст. Там опять начинается цѣль гранитныхъ острововъ, которые тянутся отъ береговъ Упландии до Сканин, образуя архипелагъ передъ самымъ Стокгольмомъ. Всѣ эти острова и скалы, съ проливами между ими, подводными и надводными камнями, называются по-Шведски *шергордъ* (Skärgård), а каждый отдѣльный скалистый островъ называется *шеръ* (Skär). Иностранцы называютъ весь этотъ архипелагъ *Шерами*, раздѣляя ихъ на *Шери* Финскія и Шведскія. Для большихъ военныхъ судовъ нѣтъ прохода въ проливахъ, раздѣляющихъ эти острова, исключая Архипелага Аландскаго, гдѣ есть открытыя мѣста, въ которыхъ линейный флотъ можетъ не только помѣститься, но и маневрировать. Впрочемъ, всѣ эти каналы опасны для плаванія,

* По-Русски неправильно пишутъ и говорить: *Гангутъ*. — Udd, значить *мысъ, носъ*. Собственно имя его Hangö (Ганге). Сох.

потому что наполнены подводными камнями. Опытность замѣняетъ здѣсь морскія познанія. Знаменитый Капитанъ Россъ, вонедѣ въ *шеры**, спернулъ свою карту, и отдалъ свой бригъ въ управленіе Финскому купцу, сказавъ: «Здѣсь я ничего не знаю и ничего не знаю.» Финны, такъ сказать, сроднились съ своими шерами, знаютъ всѣ входы и выходы, и помнятъ наизусть каждый подводный камень. До мыса Генге *шеры* необитаемы. На нѣкоторыхъ только находится рыбацкія хижины; на другихъ пасутся стада, которыя перевозятъ съ берега, на все лѣто, и оставляютъ безъ пастуха, потому что море защищаетъ ихъ отъ единственныхъ взяточниковъ въ здѣшнемъ краѣ, волковъ. Эта часть *шери* состоитъ, болѣею частью, изъ тощихъ скалъ. Немногія изъ нихъ поросли мохомъ и рѣдкою травой; нѣкоторыя покрылись мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ. Жизнь на шерахъ начинается отъ мыса Ганге. Въ Аландскомъ Архипелагѣ находится около 15,000 жителей. Слой земли, покрывающій

* Во время плаванія изъ Лондона въ Петербургъ, послѣ возвращенія изъ полярной экспедиціи.

гранитное основание острововъ, столь глубоко на Азандскихъ Островахъ, что производить крупный лёдъ и удобенъ для земледѣлства. Видъ острововъ этого архипелага весьма пріятный и оживленный. Пролиты здѣсь широки и не столь опасны для плавателей. Всѣ эти шеры составляютъ какъ бы отдельный міръ. Здѣсь своя природа и, по міру того, особая жизнь, особые нравы.

Вотъ намъ прозаическое описаніе шери! За поэтическимъ описаніемъ пожайте сами. Я не мастеръ! А должно сказать правду, что для поэтическихъ вдохновеній здѣсь едва ли не столько же предметовъ, какъ въ Крыму и на Кавказѣ. Здѣсь собраны всѣ противоположности: грозное и привлекательное, ужасное и милое. На каждомъ шагѣ образъ смерти и разрушенія, и картина жизни и возрожденія. Скажите мнѣ, неужели можно быть поэтомъ въ Петербургѣ, и искать вдохновенія въ Павловскомъ вокзалѣ? Сомнѣваюсь! Пожайте въ шеры, друзья мои, и даже если вы никогда не уносились духомъ въ міръ фантазіи, то здѣсь почувствуете электрическій ударъ поэзіи....

Выйдя изъ Гельсингфорсской гавани, вы вовсе не замѣтите, что плывете моремъ. Съ

обѣихъ сторонъ берега — и какіе берега! Ужась! Видите ли эти главы и хребты огромныхъ скалъ, поверженныхъ природою на дно морское? Это останки низложенныхъ гигантовъ творенія! Закругленія этихъ гранитныхъ громадъ, произведенныя водою — неслыханно. Грозно шумитъ море у подножія этихъ скалъ, и вѣчно пѣнится оно между обломками гранита. Повсюду смерть. Живутъ только море и воздухъ — живы жертвы! Разсѣяны скалы покрыты мохомъ, между которыми изрѣдка выглядываетъ дикій цвѣтокъ или низменный кустъ. Эти зеленныя полосы на голыхъ скалахъ то же, что вѣйки на трупахъ. Переходъ отъ жизни къ смерти разительнѣе: вдуритъ передъ вами лёдъ и зелень, въ которые дикая скала убралась, чтобъ скрыть свою бѣдность и безмядѣ. Между лёдомъ и дугами торчатъ толые бока гранита. Это то же, что тербы древней и бѣдной шляхты и Испанскихъ хидалгосовъ. Море, между островами, кажется изумистою рѣкою, раздѣляющеюся на тысячи рукавовъ; нѣкоторые изъ нихъ, расширившись постепенно, принимаютъ видъ озера, и вдругъ берегъ исчезаетъ передъ вами, и между рядами скалъ и острововъ, покрытыхъ зеленью, воз-

рамъ, вашими открывается безбрежное море, съ своею туманною пеленою, на которой парусныя суда мелькають, какъ чайки. За каждымъ поворотомъ колеса парохода, новая картина: то передъ вами рѣка, то озера, то море, то дикія скалы, то горы и долины, покрытыя льсомъ и тучною травою! Тутъ мнѣтся рыбачій челнокъ, а тутъ на холмѣ бѣлѣютъ овцы; далѣе раздаются звуки унылой Финской пѣсни, на нивѣ, покрытой богатомъ жатвою, а тамъ эхо разноситъ по скаламъ звукъ выстрѣла, и вы видите передъ собою охотника, сѣдлаго вѣтромъ полетѣ коршуна, и слышите пронзительный крикъ хищной морской птицы. Въ большихъ проливахъ встрѣчаются съ вами корабли, идущіе въ море. Это Финны, которые везутъ на родину соль и колоніальныя товары, и отвозятъ произведенія своей бѣдности и промышленности: доски, деготь, смолу, поташъ. Корабли эти идутъ въ Америку или возвращаются изъ Англіи и Средиземнаго Моря. Носѣнно поднимается Финскій, т. е. Русскій флагъ, и земляки приветствуютъ другъ друга пушечными выстрѣлами. Какъ я уже сказалъ, тѣмъ ближе къ Або, тѣмъ видъ шеръ пріятнѣе и живѣе. На этихъ

скалахъ впечатлѣніе всей ходъ жизни: воздѣ Або юность, при Юнтфераундѣ зрѣлость, а отъ Ганге къ Гельсингфорсу дряхлость и смерть.

Отъ восьми часовъ утра до десяти часовъ вечера, не сходя въ и съ палубы, и наслаждался этины необыкновеннымъ зрѣлищемъ, наслаждался, и досадовалъ, что мнѣ не съ хѣмъ было подѣлаться моими мыслями и чувствами. На пароходѣ было много образованныхъ людей, но на иностранныхъ языкахъ можно только *разговаривать*. Душа изнѣвается только на *отечественномъ* языкѣ, а Славянской крови — былъ только одинъ пассажиръ: *азъ*! За то подумался и почувствовался я въ воду! Извините, друзья, а я долженъ вамъ уделитьъ часть душевнаго моего бѣдства. — Если вы будете когда либо въ шерахъ, первая мысль, которая родится въ васъ, составить вопросъ: какимъ образомъ образовались шеры? Не будучи ученымъ геологомъ, я отвѣчаю вамъ рѣшительно: въ слѣдствіе страннаго и радикальнаго (кореннаго) переворота въ природѣ. Движителями этого переворота, по моему мнѣнію, были три важнѣйшіе рычага природы: воздухъ (т. е. атмосфера), огонь и вода. — Изъ первого во-

проса рождается другой: вода ли прорвала материк и образовала шеры, или онъ прежде покрытъ былъ водою и образовался отъ убыли воды? Я убѣжденъ въ послѣднемъ. — Известно, вода въ Балтійскомъ Морѣ ежегодно убываетъ, чему ясными доказательствами служатъ пятна и промоины на подножии скалъ. Но шеры должны были образоваться иначе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ прѣдѣсторическую эпоху, когда Сѣверъ могъ быть еще необитаемъ, здѣсь случился переворотъ въ природѣ, измѣнившій совершенно видъ земной поверхности. Я полагаю, что это были землетрясенія, вулканическія изверженія. Слѣды этого ясны. Разсѣлины въ огромныхъ массахъ гранита и необыкновенной величины обломки, набросанные кучами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Финляндіи и Швеціи, не могли произойти отъ другихъ причинъ, какъ отъ всеобщаго потрясенія сѣверной полосы Земнаго Шара. Новѣйшія изслѣдованія геологовъ подтверждаютъ мое предположеніе, что въ Балтикѣ были отисковыя изверженія. Этотъ ужасный переворотъ долженствовалъ произойти внезапно и съ ужасною силой. Вѣроятно, на днѣ морскомъ образовались глубины, требовавшія боль-

шаго количества воды, которыхъ часть могла низринуться на низменные берега, обмывавшіе ихъ въ другихъ мѣстахъ. При всколыханіи воды, она могла броситься къ Океану, и прорвать часть материка гдѣ нынѣ Эресундъ* (Oeresund). Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, возникли шеры и самый Финскій Заливъ. Для доказательства, что скалы, или шеры, находились прежде подъ водою, служить закругленный видъ ихъ вершинъ. Вода обтесала ихъ! Древность же событія доказывается слоевъ органической земли на многихъ островахъ, и превращеніемъ части гранитной поверхности въ землю органическую, отъ тысячелѣтняго дѣйствія солнца и атмосферы. Никакъ нельзя предполагать, чтобы вся земля на шерахъ была нанесена вѣтрами. Въ разсѣлинахъ скалъ и въ нѣкоторыхъ естественныхъ углубленіяхъ

* Во всѣхъ нашихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ географическихъ сочиненіяхъ, *проливъ* между Даніей и Швеціей, т. е. между Гельсингборгомъ и Гельсингборгомъ называется просто *Зундъ*. Это неправильно. Зундъ, на сѣверо-Германскихъ языкахъ, значить каждый *проливъ*. Собственно имя его *Эресундъ*.

видно, какъ гранитъ разлагается въ лабораторіи природы, превращаясь въ мелкій песокъ, который скрывается пясочною и моховою. Смерть и безплодіе существуютъ только въ языкѣ человека и въ слабости ума его. Въ природѣ все бессмертно и все плодородно. И эти грозныя скалы живутъ своею особенною жизнью, составляя часть общаго цѣлаго; онѣ живутъ, какъ кости въ тѣлѣ человѣческомъ. Для оплодотворенія одного вещества, нужна одна пора года, для другаго вещества необходимы лѣта, а для третьяго тысячи лѣтъ! Вотъ вся разница между ними! Жизнь человѣческая такъ коротка и опыты надъ природою такъ несвязны, такъ нерычливны, а мыслителей такъ мало, что мы, со времени направленія ума къ отвлеченнымъ предметамъ, т. е. отъ Египтянъ, Индіянъ и Грековъ, едва дошли понышѣ до *сладости* въ естественныхъ наукахъ. Мы хорошо знаемъ только одну азбуку: важнѣйшія задачи понышѣ не рѣшены. Ученость наша слишкомъ своекорыстна. Мы смотримъ на небо, но большей части, для того только, чтобы искать земныхъ звѣздъ, и роемся въ землѣ, чтобы выкопаты въ гору!

Вотъ что я думаю, друзья, сидя на па-

лубѣ, и плывя въ этомъ природномъ морскомъ лабиринтѣ, который въ тысячу разъ мудренѣе земнаго лабиринта Минотаврова. Историческія воспоминанія смѣняли нѣтическія мечты. Здѣсь каждый камень облитъ Русскою кровью, и эти скалы часто отражали звуки Русскихъ пушекъ и голоса Русскихъ витязей. Какъ жалокъ невѣжда, друзья мои! Для него въ природѣ все мертво, кромѣ вина и жаркаго; все нѣмо, кромѣ карточного столика! Когда невѣжда не пьетъ, не вѣст и не спитъ, ему скучно. Образованный человекъ знаетъ *грусть* и *горе*, но не *скуку*. Глухой человекъ для умнаго не скученъ, а слѣпому или жалокъ, а умный скученъ глушцу. Образованный человекъ, какъ вошешникъ, можетъ разговаривать съ неодушевленными предметами, и мысленно свою ожи- влять ихъ. По *доску* великую, дикія скалы превратились для меня въ книгу великолѣпнаго изданія, съ превосходными картинками, и я сталъ читать въ ней о подвигахъ Русскихъ витязей....

Вотъ ямы Ганге, славный морскимъ сраженіемъ, которое празднуется 27-го Іюля. Далеко въ море выдается здѣсь скалистый берегъ, на которомъ видны остатки батарей,

сложенныхъ, въ прошлую войну, безъ навѣсти, изъ гранитныхъ обломковъ. За скалою, въ узкой долинѣ, небольшое селеніе, съ каменными казармами. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, на скалѣ, выходящей изъ глубины морской, построена крѣпость, изъ гранита же, съ казармою. Въ тылѣ безплодная, плоская скала, на которую изъ крѣпости устроенъ перевозъ, вѣроятно, для прогудки гарнизона, потому что въ самой крѣпости тѣсно между строеніемъ и балами. Вокругъ море и голые, дикіе утесы; внутри крѣпости только порохъ и пушки; нѣтъ ни дустика, ни травинки.... Здѣсь ни кузнечикъ не стрекочетъ, ни ласточка не щебечетъ.... а вотъ раздаются звуки веселой Русской пѣсни, изъ-за гранитной скалы!... Чудное созданіе человѣкъ....

Въ 1714 году, т. е. ровно за 124 года предъ симъ, здѣсь, воцѣль Гангеуда стоялъ сильный Шведскій линійный флотъ, и держалъ взаперти Русскую гребную флотилію, которая, отъ неровной силы, укрылась въ Твережондскомъ Зундѣ. Погибель Русской флотиліи казалась неизбежною, и начальникъ Шведскаго флота, надѣясь на свои силы, выслалъ часть эскадры къ Ревелю, чтобы принудить его къ сдачѣ, не-

чаяннымъ нападеніемъ. Вдругъ 20 Русскихъ галеръ (подъ начальствомъ Канитанъ-Командора Змасьича) выходятъ изъ залива, и устремяются прямо на линію Шведскихъ кораблей. Шведы изумились! Тысячи ядеръ и картежей посылались на Русскія галеры, но онѣ, пользуясь безвѣтріемъ, пренитствовавшимъ дѣйствовать Шведскимъ кораблямъ, прошли подъ ихъ пушками. Русскій Бригадиръ Лефортъ послѣдовалъ, съ 15 галерами, за Змасьичемъ, и не взирая на странную канонаду, также прошелъ счастливо чрезъ непріятельскую линію. Шведскій Адмиралъ, дивясь такой смѣлости Русскихъ, въ недоумѣніи призвалъ свою эскадру, посланную къ Ревелю. Шведы думали, что Русскій линійный флотъ идетъ на помощь своимъ, ибо никакъ не могли предполагать, чтобы Русскія гребныя суда рѣшились на битву съ линійными кораблями. Но вотъ, на другой день, 27 Іюля, весь нашъ гребной флотъ стройно выступилъ изъ залива и бодро пошелъ на веслахъ на непріятельскую эскадру. Снова загремѣли тысячи пушекъ; снова посылались ядра и картежи, но Русскія суда прошли счастливо подъ выстрѣлами, потерявъ только одну галеру. Пройдя въ тылъ непріятельскаго фло-

та; Русскій авангардъ встрѣтилъ отрядъ, который былъ отряженъ для воспринятія Русскимъ уйти изъ Тверемондскаго Зунда, обогнувъ Шведскую эскадру. Начальникъ Русскаго авангарда, видя, что перестрѣлка будетъ для нашихъ невыгодна, скомандовалъ на abordажъ; и мелкія наши суда полетѣли на большіе Шведскіе корабли, какъ соколы на орловъ. Настала рѣзня и рукопашный бой: Русскіе шли грудью на пушки, и по трунамъ своихъ товарищей вѣзлали на непріятельскіе корабли. Начальникъ Русскаго авангарда пошелъ прямо на фрегатъ Олифантъ, на которомъ находился наубенахтъ Шведской эскадры, Зренниальдъ. Съ удивленіемъ смотрѣли Шведы на приближающуюся Русскую галеру! На корабль стоялъ начальникъ Русскаго авангарда, мужъ зрѣлыхъ лѣтъ, исполненнаго роста и красивой наружности. Черные его волосы развѣвались по широкимъ плечамъ; глаза его сверкали какъ молнія. Лѣвой рукой онъ управлялъ рулемъ, а въ правой рукѣ держалъ abordажную сѣкиру. Ядра и картечи свистѣли вокругъ его головы, но онъ былъ спокоенъ и неподвиженъ, и командный его голосъ слышенъ былъ между грохотомъ орудій. Быстро налетѣла Русская галера

на Шведскій фрегатъ! Русскіе гренадеры дали залпъ, и по слову: «*отсрѣдь!*» — бросились на бортъ непріятельскаго судна. На палубѣ была стѣна изъ Шведскихъ штыковъ, и твердой груди Скаддинавской. Тутъ должно умереть или побѣдить. . . . Является начальникъ Русскаго авангарда, какъ трюмъ среди грозы. Русскій исполнилъ ударить сѣкирою направо и налево, и Шведскіе штыки раздались, и неустрашимые наги! Съ торжествомъ несутъ Русскіе гренадеры Шведскій флагъ, и кладутъ его у ногъ героя. Онъ молится Богу, а вокругъ его раздаются радостные вопли: «Ура! слава Русскому Царю!»

Этотъ начальникъ Русскаго авангарда, этотъ герой, который первый пошелъ на abordажъ, первый вступилъ на Шведскій фрегатъ, и взялъ его, рукопашнымъ боемъ, въ виду цѣлаго флота — былъ . . . Петръ Великій!

Битва была ужасная и одна изъ кровопролитѣйшихъ, какія только запомнить Исторія. Петръ Великій написалъ собственною рукою въ журналѣ своемъ: «Воистину нельзя описать мужества нашихъ, какъ начальныхъ, такъ и рядовыхъ; понеже abordированіе такъ жестоко чинено, что отъ непріятельскихъ пу-

некъ нѣсколько солдатъ не ядрами и картечами, но духомъ пороха разорваны.» — Петръ Великій не говорить о себѣ, а вся честь и слава принадлежить ему! Онъ былъ вездѣ первый. Современный лѣтописецъ говорить: «Царь отираялъ тогда должность командира, корабельщика, солдата и матроса, и среди тысячи смертей повелевая словами, работая руками и ободряя своимъ прикрѣпомъ, напасть онъ самъ на адмиральскій корабль, и по сильномъ сопротивленіи взять оный, а за нимъ взяты и всѣ галеры.»

Шведскій наубенахтъ Эрениндъ хотѣлъ спастись на лодкѣ, но былъ постигнутъ и взятъ въ плѣнъ. Петру Великому это было чрезвычайно пріятно. Онъ писалъ объ этомъ къ высшимъ своимъ чиновникамъ и послалъ: «Правда, какъ у насъ въ сію войну, такъ и у алиртовъ (т. е. сованиковъ) съ Франціею, много не только генераловъ, но и фельмаршаловъ брано, а флагмана ни единого; и такъ сею милою у насъ бывшею викторіею насъ подражали.» — Петръ Великій, въ память сей победы, учредилъ ежегодное придворное торжество и молебствіе по всѣмъ церквамъ, въ день 27-го Іюля, т. е. въ день избавленія всего Русскаго

флота отъ блокады счастливымъ и мужественнымъ движеніемъ сквозь линію неприятельскую. Послѣ всего этого, можете судить, друзья, съ какимъ чувствомъ смотрѣлъ я на скалы Гангеуда! — Я готовъ побожиться, что видѣлъ здѣсь Петра Великаго! Онъ былъ у меня въ сердцѣ и въ головѣ.

Есть люди, которые стараются помянуть славу неприятелей и скрывать ихъ блистательные подвиги, не постигая, что унижая побѣжденного, унижаютъ побѣдителя. Не отдавать справедливости врагамъ не только малодушно, но и неадекватно, особенно послѣ торжества. Благовоспитанный игрокъ, выигравъ партію, утѣшаетъ проигравшаго похвалою его игры. И можетъ ли Россія стыдиться временныхъ неудачъ, послѣ столькохъ торжествъ и завоеваній! «Тщеславіе, сказалъ Княжичъ, есть огромная вывѣска маленькой души.» Петръ Великій не стыдился неудачъ своихъ. Послѣ победы подъ Полтавою, онъ сказалъ Шведскимъ плѣннымъ генераламъ: «Не прогнѣвайтесь, господа; я долженъ быть заплатить за урокъ, данный мнѣ подъ Нарвою.» — Воспоминаніемъ Нарвы онъ успокоилъ раздраженное самолюбіе Шведскихъ полководцевъ. Когда

Александръ Благословенному совѣтовали (по свидѣтельству Шатобриана) переименовать Парижскій Аустерлицкій мостъ, Государь не согласился, сказавъ: «Зачѣмъ отнимать у народа память его подвиговъ? Довольно того, что мои войска прошли по этому мосту. Каждому своя очередь!»

Неужели я долженъ скрыть предъ вами друзья, торжество Шведскаго оружія? Сохрани меня Богъ, отъ всякой лжи и неправды! Шведы народъ храбрый и благородный, и прежняя вражда наша съ ними возвеличила обѣ стороны. Победы надъ Шведами приходились намъ не дешево. Теперь вражда наша кончилась навѣки, и мы должны справедливо и благородно говорить о прошломъ.

Одинъ изъ многочисленныхъ проливовъ въ шерахъ называется Свенска-Зундъ. Въ царствованіе Императрицы Екатерины здѣсь была жестокая битва, въ которой много погибло нашихъ. Густавъ III, Король Шведскій, былъ одаренъ многими похвальными качествами, блистательнымъ умомъ и изысканнымъ вкусомъ. Онъ сдѣлалъ для Швеціи то, что Екатерина для Россіи, т. е. утвердилъ народную словесность, возвысилъ науки, распространилъ наци-

ный вкусъ и подвигнулъ художества. Онъ былъ жертвою ненависти аристократовъ, которыхъ онъ обуздывалъ для общаго блага. Я послѣ буду имѣть случай часто говорить о Густавѣ III, потому что на всемъ изысканномъ и прекрасномъ въ Швеціи напечатлѣно его имя. Теперь расскажу я вамъ о его неустрашимости и присутствіи духа, въ величайшихъ опасностяхъ.

Густавъ III, почитая себя оскорбленнымъ, и пользовавъ отсутствіемъ войскъ нашихъ, которые дѣйствовали противу Турокъ, объявилъ войну Россіи, въ 1789 году, и вторгнулся въ наши предѣлы. Война продолжалась съ перемѣнными счастлиемъ, до 1790 года, въ которомъ Густавъ, вооруживъ многочисленный линійный и грёбной флотъ, вознамерился напасть на Кронштадтъ. Угрожая намъ, Густавъ самъ попалъ въ бѣду, и былъ запертъ, со всѣми своими силами, въ Выборгскомъ Заливѣ, наполненномъ мелями. Цѣлый мѣсяцъ Шведскій флотъ былъ блокированъ Русскимъ флотомъ, и бѣдствие Шведовъ отъ голода и болѣзней дошло до высшей степени. Тогда Густавъ рѣшился на отчаянное средство и, воспользовавшись восточнымъ вѣтромъ, пробился силою сквозь многочисленный Русскій флотъ, приведенный въ смѣтеніе брав-

дерами и неизменною смелостью Шведовъ. Одинъ изъ Шведскихъ брандеровъ, вмѣсто того, чтобъ зажечь Русскій флотъ, присталъ къ Шведскому кораблю, и взорвалъ его на воздухъ. Пожаръ сообщился другому Шведскому кораблю, и оба флота, Русскій и Шведскій, подвергались величайшей опасности, между мелями, въ тѣсномъ мѣстѣ. Море было покрыто трупами и обломками кораблей; ядра, картечи, брандскугели сыпались, какъ градъ, съ Русскихъ кораблей на то мѣсто, чрезъ которое проходилъ Шведскій флотъ; вопли раненыхъ, умирающихъ и утопающихъ оглашали воздухъ: море сильно волновалось, и въ этомъ адѣ скользила по волнамъ легкая, богатоукрашенная шлюпка, подъ королевскимъ флагомъ, съ гребцами, въ парадной ливреѣ королевской. Густавъ III былъ въ полномъ мундирѣ, и спокойнымъ окомъ наблюдалъ движенія своего флота, повелевая спасать людей съ судовъ, свѣшивъ на мель или разбитыхъ непріятельскими ядрами. Одному изъ гребцовъ королевскихъ оторвало картечью обѣ руки, но Густавъ не перебивалъ на- правленія, и продолжалъ плыть подъ Русскими выстрѣлами. Его мужеству и рѣшительности Шведскій флотъ обязанъ своимъ спасеніемъ.

Императрица Екатерина отдала полную справедливость героизму врага своего. Въ современной реляціи объ этомъ сраженіи было напечатано: «Король находился всегда тамъ, гдѣ опасность была наиболѣе.»

Съ потерю многихъ судовъ, Шведскій линійный флотъ, подъ начальствомъ брата Королевскаго Карла, Герцога Зюдерманландскаго, * укрылся за пушками Свеаборга, и былъ снова запертъ Русскимъ флотомъ, а гребной Шведскій флотъ, подъ начальствомъ самого Короля, ушелъ въ шеры, и остановился въ одномъ заливѣ Свенска-Зунда, для необходимыхъ починокъ и отдохновенія. Принцъ Нассау, опытный морякъ, начальствовавшій Русскимъ гребнымъ флотомъ, съ превосходными силами немедленно атаковалъ Густава. Погибель Шведской флотиліи казалась неизбежною, и самому Королю угрожали смерть или плѣнъ. На всѣхъ парусахъ шла Русская флотилія, по вѣтру въ

* Царствовавшего потомъ подъ именемъ Карла XIII. Онъ былъ искусный и храбрый морякъ. Наши матросы вѣсто: Герцогъ Зюдерманландскій, говорили: *Сидоръ Ермолаевичъ*. Память объ немъ понынѣ сохранилась у старыхъ моряковъ.

залив. Шведы даже не надвинулись на спасение, не помыслили о побѣдѣ, но готовились только продать дорогою цѣною жизнь. . . Наконецъ загремѣли Русскія пушки, и ядра странно свирѣствовали въ сбитомъ въ кучу Шведскомъ флотѣ. Некоторые изъ передовыхъ судовъ были немедленно взяты Русскими. . . Уже побѣдное ура раздавалось, но вдругъ завылъ буря, небо почернѣло, и вѣтеръ съ ужасною свирѣдностью сталъ дуть отъ берега. Въ одно мгновеніе разстроился порядокъ въ Русскомъ флотѣ, множество судовъ сбилось въ кучу, и остальные не знали, куда взять направленіе. Въ эту минуту Густавъ, закинувъ нѣсколько изъ своихъ транспортныхъ судовъ, пускаетъ ихъ по вѣтру въ тѣсныя ряды наши, и поднимъ наурса на всей своей флотилии, слѣло идти впередъ, бросая въ наши суда смерть и пожаръ. Весь нашъ флотъ разбился. Часть была потоплена на мѣстѣ, часть взята въ плѣнъ, небольшое число спаслось подъ пушками нашего линійнаго флота, при Свееборгѣ. Густавъ возвратился съ торжествомъ въ свою столицу.

Принцъ Пассау былъ въ отчаяніи отъ этой неудачи, и отослалъ Императрица Екатерину

всѣ свои ордена, при покорномъ письмѣ, признавая себя недостойнымъ ея милостей. Но Государыня возвратила ему знаки отличія, купленные кровью, оставила его при прежнихъ должностяхъ, и написала къ нему слѣдующее письмо: «Я не забыла, что вы семь разъ были побѣдителями на югѣ и на сѣверѣ. Сей же разъ буря противоборствовала вашему предпріятію, а ея трудно избѣгнуть человѣку, находящемуся въ морской службѣ. Вы мнѣ служили, служите и впредь будете служить, чтобъ вознаградить сей уронъ.» — Боги ваша, друзья, а я думаю, что этотъ поступокъ Екатерины Великой съ заслуженнымъ воинствомъ, стоитъ самой блистательной побѣды! — Это письмо сдѣлало мнѣ драгоценнымъ Шведска-Зундъ.

Говоря о Густавѣ III, я долженъ упомянуть объ одномъ изъ отличившихся Шведскихъ моряковъ, Графѣ Стединкѣ. Шведы любятъ разсказывать объ немъ, какъ Французы о своихъ Дюкеменахъ и Жакъ-Бартахъ. Стединкъ былъ человѣкъ мужественный, прямодушный и притомъ весельчакъ. Во время несчастной блокады Шведскаго флота въ Выборгскомъ заливѣ, онъ первый поднялъ голосъ, въ советѣ,

итти на проломъ, и первый бросился съ своимъ кораблемъ въ Русскую линію. Король произвелъ его, за это, изъ канитановъ въ контръ-адмиралы, а когда весь флотъ возвратился на Стокгольмскій рейдъ, навѣстили Графа, на его корабль. Прохаживаясь по палубѣ, Король съ удивленіемъ увидѣлъ козу, которая спокойно разгуливала на кораблѣ. «Это что такое?» — сказалъ Король, взглянувъ на Графа Стединка. «Государь — это *корова*!» отвѣчалъ хладнокровно Стединкъ. — «Какъ *корова* — это что значить?» — «Это значить, Государь, что хотя это животное получаетъ *козью порцію*, но за усердную службу произведена мною въ *коровы*!» — Густавъ улыбнулся, и не сказалъ ни слова. Онъ понималъ дѣло. Графъ Стединкъ произведенъ былъ въ контръ-адмиралы не на вакансію, слѣдовательно оставленъ на канитанскомъ жалованьи, потому что въ Швеціи жалованье вылачивается только на штатныхъ мѣстахъ. Король велѣлъ производить Стединку контръ-адмиральское жалованье изъ собственныхъ своихъ доходовъ, и написалъ ему: «Я замѣтилъ что ваша *корова* худа, и прибавилъ ей *порцію*.»

Графъ Стединкъ поссорился съ однимъ ста-

рымъ адмираломъ, который вызвалъ его на поединокъ, и предложилъ избрать родъ оружія. На счетъ вѣрности супруги стараго адмирала носились неблагопріятные слухи, и Стединкъ имѣлъ также прекрасную, молодую жену, которую долженъ былъ часто оставлять одну, при блистательномъ дворѣ Густава III. Стединкъ отвѣчалъ письменно адмиралу: «Какъ вы мнѣ предложили избрать родъ оружія, то я полагаю, что намъ всего приличнѣе будетъ *бодаться*.» Шутка дошла до Короля: онъ поспѣхалъ и помирилъ противниковъ.

Много забавныхъ анекдотовъ рассказывали мнѣ о Стединкѣ, которые я сообщу вамъ на словахъ. Онъ былъ ужасомъ хвастуновъ, тщеславныхъ, льстецовъ, и громилъ ихъ своими эниграммами не хуже товарища моего, Н. И. Греча.

Я могъ бы вамъ рассказать много историческаго, друзья мои, но какъ вы должны подѣлиться моими разсказами съ публикою, то на меня находитъ страхъ. Вы знаете, что она не любитъ слишкомъ *серіознаго*, особенно же *историческаго*. Это говорю я не въ упрекъ ей, а напротивъ, радуюсь этому, ибо это значить, что наше просвѣщеніе еще юно, и что для

насть впереди еще обширное поприще. Счастливы люди, когда его можно занять иногда рассказами про Ивана, да про Матрену, и который наслаждается *Ревизором* после *Горь отъ ума*, и проч. и проч. Для этого человека на всяком шагу забава и развлечение. А вотъ беда, когда перебираешь книги книгъ и журналовъ, и едва, едва найдешь что либо удовлетворительное, и когда дремлешь отъ нашего водевильнаго остроумія! . . . Но какъ бы то ни было, а я не могу умолчать, при видѣ Юнгфрузунда, о бывшемъ здѣсь сраженіи, котораго слава принадлежитъ любимому и уважаемому мною и вами Адмиралу Графу Логину Петровичу Гейдену. Здѣсь расцвѣли завры, соарѣвшіе при Наваринѣ.

Надобно вамъ знать, друзья, что проливъ или проходъ между шерами, называемый Юнгфрузундомъ, есть важнѣйшая морская позиція въ Финскихъ шерахъ, не только для гребнаго флота, но и для второстепенныхъ линійныхъ судовъ. Кто владѣетъ Юнгфрузундомъ, тотъ хозяинъ Аландскаго. Архипелага и береговъ Остерботнии. Здѣсь, въ Іюль мѣсяцъ 1808 года, находилась Шведская эскадра, состоявшая изъ нѣсколькихъ фрегатовъ, бриговъ, кутеровъ

и многочисленной гребной флотилии. Русскіе пытались, нѣсколько разъ, проникнуть въ Юнгфрузундъ и вытѣснить оттуда Шведскій флотъ или ежели его; но усилія нашихъ были напрасны. Всѣ острова и скалы, лежащія въ Юнгфрузундѣ, были укрѣплены батареями и установлены пушки. Особенную важность этой укрѣпленной позиціи придавали скала Реваренъ (Refvaren) и островъ Санде (Sandö), почитаемые неприступными. Графъ Гейденъ, выступивъ изъ Свеаборга, съ тремя дивизіями гребнаго флота, на которомъ посажено было четыре баталіона пѣхоты, подъ начальствомъ Генерала Муханова, потянулся вдоль береговъ къ Юнгфрузунду, тѣмъ самымъ путемъ, которымъ и плыву теперь преспокойно, на Финскомъ пароходѣ. Прибывъ къ острову Кимито, Графъ Гейденъ удостовѣрился, что безразсудно было бы атаковать Шведскую позицію съ фронта, а потому онъ велѣлъ очистить проливъ, почитавшійся непроходимымъ, между островомъ Кимито и матеркомъ, чтобы зайти Шведамъ въ тылъ и съ ихъ лѣваго фланга. Инженеры наши отлично исполнили свое дѣло; но Шведамъ дано было знать, съ берега, о нашихъ работахъ, и они поставили за островами силь-

ный отряд своей флотилии, чтобъ воспрепятствовать намъ выйти изъ прохода. Здѣсь завязалось жестокое сраженіе. Нашииъ помогали батареи, устроенныя на твердой землѣ, и стрѣлки дивизіи Генерала Тучкова 5-го. Шведы уступили, но лишь только наши прошли проливъ, то встрѣтили снова непріятеля, уже въ большихъ силахъ, потому что Шведскій Адмиралъ Гельмсиерна (Helmstierna) ввелъ въ дѣло почти всю свою эскадру. Тутъ началась страшная борьба! Главнокомандующій всеми Русскими войсками въ Финляндіи, Графъ Буксгевденъ, стоялъ съ своимъ штабомъ на скалѣ, близъ селенія Кимито, и передъ его глазами Шведская и Русская флотилии маневрировали такъ стройно, что сухопутные офицеры не могли надвинуться. Отряды гребныхъ судовъ наступали, отступали и дѣлали всѣ движенія линіями и колоннами, какъ пѣхотные взводы или баталіоны. Стрѣльба была ужасная съ судовъ, съ берега и съ острововъ. Дрались на разстояніи пистолетнаго выстрѣла. Суда разбивало въ дребезги, людей въ клочья. Но несчастію, въ это время былъ раненъ Графъ Гейденъ. Капитанъ Додтъ (Dodt) принялъ посылъ его начальство, но продолжалъ дѣйстви-

вать по предначертанному Графомъ Гейденомъ плану. Долгое время побѣда не склонилась ни на чью сторону, но наконецъ Русскій штыкъ, славный на сушѣ, уловилъ ее и на морѣ! Вдругъ переимѣняется видъ. Гренадеры Минскаго пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ Капитана Скерметова, бросаются на пушки, которыми устлана была скала Репаренъ, и на неприступной батарее разбивается Русское знамя. Ядра и пули свистѣли на нихъ съ близкаго острова Санде, гдѣ также устроены были Шведскія батареи и для стрѣлковъ засѣки. Часть Русскихъ grenadierъ перебѣгаетъ туда на рыбацкихъ лодкахъ, но большая часть бросается впасть, и батареи взяты и засѣки вылаютъ.... на флотъ и на берегъ раздаются радостное: ура! Никогда не видано въ мірѣ, чтобъ пѣхотные солдаты дрались, впадая, въ морской битвѣ! Не только Шведы, но и мы сами удивились! Послѣ этого Шведы оставили Юнгфрузундъ во власти Русскихъ. Наша флотилия не могла преслѣдовать непріятелей, потому что всѣ наши заряды и патроны были издержаны, въ этотъ знаменитый день. Наши солдаты и матросы такъ утомились и сдѣлали такъ много, что не возможно было требовать отъ нихъ большихъ усилій.

Русские и на берегу и на судах торжествовали победу, и Главнокомандующий Графъ Вукстевандъ, насладившись великолѣпнымъ зрѣлищемъ морекой и сухонутной на морѣ битвы, возвратился въ приготовленную для него квартиру, на мызу Вестанскеръ (Westanskär), по близости морскаго берега. Пока наши воины рѣзались съ Шведами, наши повара рѣзали куръ, телятъ и барановъ, и приготовили на мызѣ превкусный обѣдъ. Услужливые адъютанты съ нетерпѣньемъ ждали той минуты, когда придется раскупоривать зановѣдныя бутылки, и провозглашать здравіе побѣдителей. . . . Вотъ ужъ докладываютъ, что кушанье подано. . . . Но вдругъ Главнокомандующій взглянулъ въ окно и, видя . . . онъ едва вѣрить глазамъ своимъ: Шведы! Всѣ наши къ окнамъ — точно Шведы. Они идутъ скорымъ шагомъ, почти бѣгомъ къ мызѣ, и уже не далѣе ружейнаго выстрѣла! Что тутъ дѣлать? Всѣ на конь и къ берегу, къ побѣдоносной нашей флотиліи, а Полковникъ (нынѣ Генералъ-Лейтенантъ въ отставкѣ) Ансельмъ де Жибори построить конвой Главнокомандующаго, и прямо ударилъ на Шведскую пѣхоту. Шведы удивились отчаянному и нечаянному сопротивленію. Они пола-

гали напасть въ распахъ, и взять всѣхъ въ суматохѣ — и ошиблись. Мужественно защищался Полковникъ Ансельмъ де Жибори, и выигралъ столько времени, сколько нужно было, чтобъ получить помощь. Первый явился Адъютантъ Главнокомандующаго, Капитанъ Нейдгардъ, съ двумя ротами, подъ начальствомъ Полковника Графа Ивелича. Потомъ присѣли Генералы Коповичицы (бывшій послѣ Графомъ) и Тучковъ 3, и напали на Шведовъ. Ихъ вышло на берегъ 1,100 человекъ, а возвратилось на лодки только 700. 400 человекъ заплатили жизнью за то, что вѣдулами явились незваные къ обѣду. Но за то и обѣдъ пропалъ! Посуетились, подрались, а потомъ поохотились; тѣмъ дѣло и кончилось! Жаль, что мы не были на войнѣ, друзья мои, господа *Аполлоновичи*, а то бы вы удостоверились, что подъ пулями чаще и искреннѣе смѣются, нежели въ ученыхъ и литературныхъ бесѣдахъ.

Эту драму въ главной квартирѣ разыгралъ Шведскій Полковникъ Палсънъ *, котораго Адмиралъ Гельмшернъ высадилъ на берегъ, чтобъ сдѣлать намъ диверсію, показавшись въ тылъ

* Удареніе на послѣднемъ слогѣ.

Русскихъ баттарей во время морскаго сраженія. Но взятіе нигурмою Шведскихъ баттарей убѣдило Полковника Палёна, что на берегу дѣлать ему нечего, и онъ мимоходомъ вознамѣрился взять въ плѣнъ нашу главную квартиру, узнавъ отъ жителей, что она находится въ сторонѣ отъ войскъ, стоявшихъ по берегу на бивакахъ. Но, вмѣсто того, чтобъ броситься опрометью. Полковникъ Палёнъ сталъ маневрировать, высматривать позицію, и далъ нашимъ время опомниться. Вообще Шведы, въ кампанію 1808 и 1809 года, много потеряли отъ излишней учености своихъ предводителей. Долгое время не бывъ на войнѣ, эти господа хотѣли дѣйствовать всегда по *книжкѣ*, по теоріи. Теорія, по моему мнѣнію, есть брусокъ, а практика бритва. Бритвой рѣжутъ, и на брускѣ только точатъ бритву. И то и другое хорошо вмѣстѣ. Ежедневно молюсь я Богу, чтобъ онъ избавилъ меня отъ пожара, болѣзней и *теоретиковъ*!

Но уже давно пора обратиться къ моему плаванію. Мы вышли изъ Гельсингфорса при довольно сильномъ вѣтрѣ, сырой и холодной погодѣ. Къ полудню день разгулялся; сдѣлалось ясно и тепло. Многихъ изъ дамъ нашихъ

указало, и онѣ, бѣдненькія, сидѣли приторможенные, какъ малиновки послѣ бури, а другія спрятались въ гнѣздышки, т. е. въ койки. До сихъ поръ море ко мнѣ милостиво, не подливаетъ меня приёмами своей впекаакунгги, и хотя крѣпко кокетничаетъ передо мною, не вскружило мнѣ головы. Я влюбленъ въ море какъ эгоистъ, покойно, безъ головокруженія, и мнѣ такъ хорошо на пароходѣ, что къ полному моему счастью не достаётъ только семьи моей и вась, друзья! Общество на пароходѣ вовсе измѣнилось. Весь холодъ и вся важность увеселительной прогулки, Lustfahrt, остались въ Гельсингфорсѣ. Пароходъ населенъ настоящими путешественниками, къ которымъ присоединились пассажиры изъ Финляндцевъ, ѣдущіе въ Або и въ Стокгольмъ, большая часть за дѣлами, нѣкоторые для свиданія съ родственниками, весьма не многіе для развлечения. Другой тонъ водворился тотчасъ на пароходѣ. Финляндцы изъ образованнаго сословія чрезвычайно обходительны и сообщительны (communicatifs), а образованныхъ людей въ Финляндіи почти столько же, сколько фраковъ и дамскихъ шляпокъ Французскаго покроя. Черезъ нѣсколько часовъ водворилась, между большою частью

пассажировъ, какая-то родственная непринужденность, основанная на самой разборчивой въжливости и добродушии. Каждый старался оказать товарищу путешествія какую нибудь услугу, уступить хоршее мѣсто, предложить что нибудь лакомое, не мѣшать въ занятіяхъ или развлечь разговорами, смотря по желанію каждаго. Пароходъ нашъ вовсе не походилъ на Ноевъ ковчегъ, потому что я вовсе не замѣтилъ скотовъ; но его можно было сравнить съ плывущею миниатюрною моделью города. У насъ была своя Морская Улица (въ Петербургѣ) или Парижское Сентъ-Жерменское предместье и Лондонская Реджентъ-Стритъ, т. е. первая каюта; Петербургскій, Васильевскій Островъ или Литейная, или Парижская Сентъ-Оноре и Лондонское Сити, т. е. вторая каюта, и наконецъ передняя часть палубы, отъ канцелярѣй до бака, или наша Выборгская Сторона и Парижское предместье Св. Антонія. Это значить, что у насъ были своя аристократія, свое среднее сословіе, и свой народъ. Разувайтесь, что какъ на сухомъ пути, такъ и въ морѣ, нѣтъ были не на своемъ мѣстѣ, но это не мѣшало дѣлу, и различіе между двумя первыми сословіями было почти незамѣтно, хотя нѣкоторые стара-

лись, чтобъ на этой разнообразной картинѣ ярко обозначены были свѣтъ, и густо положены тѣни, какъ у Рембранта и Теньера. Какъ пчела и извлекалъ сокъ изъ всѣхъ веществъ. Отъ Г-на Аренберга, который около двадцати лѣтъ занимаетъ важное и трудное званіе сельского судьи, узналъ я весьма многое о нравственномъ состояніи Финскихъ поселянъ, объ ихъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ земель и къ Правительству, и о хозяйственномъ раздѣленіи земли. Всего нельзя найти въ книгахъ, и просвѣщенный судья объяснилъ мнѣ весьма многое, на счетъ устройства края, особенно относительно крестьянскаго сословія. Объ этомъ я поговорю съ вами послѣ, друзья! На пароходѣ были артисты Стокгольмскіе. Г-нъ Северинъ, почитается первымъ комикомъ въ Швеціи и однимъ изъ лучшихъ артистовъ вообще. Онъ уже не молодъ, но въ его физиогноміи чрезвычайнаго много живости, и въ глазахъ много огня. Въ обхожденіи онъ весьма пріятенъ. Здѣсь же были первый танцоръ и балетмейстеръ и первая танцовщица Стокгольмскаго театра. Балетмейстеръ обучался въ Парижѣ, и танцевалъ тамъ въ балетахъ. Онъ еще молодъ и красивой наружности. Отъ этихъ Гг. артистовъ узналъ я о

беззавидномъ положеніи сцены въ Швеціи. Недостатокъ не въ талантахъ, а въ деньгахъ. Мнѣ кажется, что Гг. Шведскіе артисты почли меня лжецомъ, но крайній мѣръ хвастуномъ, когда я сталъ имъ рассказывать о постановкѣ на сцену, въ Петербургѣ, балетовъ и оперъ, о содержаніи и наградахъ артистовъ, и вообще о покровительствѣ, оказываемомъ извѣстнымъ художествамъ въ Россіи. Слушая мои рассказы, они съ удивленіемъ поглядывали другъ на друга и покачивали головою, однако жъ не противорѣчили. Мнѣ простиительно не вѣрить нашимъ успѣхамъ на поприщѣ образованности, когда Германскіе ученые, живущіе въ трехъ стахъ перстахъ отъ Петербурга, почитаютъ Россію *Asien*. Въ числѣ пассажировъ замѣтилъ я молодого человека, пріятной наружности, который рассказывалъ по полубѣ, и поглядывалъ на море такъ нѣжно, какъ на любовницу. По жилету была у него голубая лента, ширинкою почти въ вершокъ, которой концы находились въ карманѣ. «Это вѣрно морякъ», сказалъ я Г-ну Аренбергу. «Морякъ и притомъ отличный», отвѣчалъ онъ. «Знаете ли вы, что у него на этой лентѣ?» — «Присмотрѣлись Г-ль Аренбергъ. «Часы!» — «Нѣтъ, знакъ отличія!» — «Какъ,

въ карманѣ?» — «Да, потому что онъ данъ Англическимъ женскимъ филантропическимъ Обществомъ, т. е. частными людьми. Объ этомъ происшествіи прогрессѣи Англическія и Шведскія газеты, но оно забыто, какъ все забывается... Я вамъ расскажу его. Этотъ молодой человекъ, Отто Рейнгольд Спруфъ (Spruf), родомъ изъ Абова. Страсть къ морю заставила его опредѣлиться юнгомъ на купеческомъ Финскомъ кораблѣ, по двѣнадцатому году отъ рожденія. Однажды, послѣ сильной бури въ Северномъ Океанѣ, съ Финскаго корабля Дугденъ (Dugden) на пути изъ Архангельска въ Англію, увидѣвъ что-то плывущее вдали, не похожее вовсе на корабль, на 54 градъ северн. шир. и 15 град. на Западъ, отъ Гринвичскаго меридіана. Это было 1 Октября 1857. Вскорѣ рассмотрѣвъ, чрезъ подзорную трубу, что это корабль, погружившійся корпусомъ въ воду, и что на шнѣхъ сидятъ нѣсколько человекъ. Качка была сильная, вѣтеръ крѣпкій и противный, и помочь несчастнымъ было трудно. Спустили лодку, но когда волненіемъ стало бить ее объ корабль, матросъ по веревкѣ изъѣлъ обратно на судно, а штурманъ Спруфъ остался одинъ и пустился въ лодкѣ по бурному морю. Долго онъ лавировалъ, пока пристасть къ

опрокинутому кораблю, и съ большими трудомъ и опасностью спасъ шесть человѣкъ, которые находились въ послѣдней крайности. Въ жестокой штормъ, Англійскій корабль Каледоньенъ, шедшій изъ Квебека, потерялъ руль и мачты, и опрокинулся на бокъ. Онъ былъ нагруженъ дѣсомъ, и это спасло его отъ потопленія. Девять человѣкъ спаслись на наружной сторонѣ судна. Съѣстные припасы были затоплены, и вскорѣ голодъ и жажда одолѣли несчастныхъ. Они дошли до послѣдней степени отчаянья, и рѣшились убивать, по очереди, другъ друга и питаться человѣческой кровью. Около двухъ недѣль они находились въ этомъ ужасномъ положеніи, и когда Спущъ спасъ ихъ, уже три человѣка были съѣдены, а двое погибли отъ изнеможенія. Представьте радость этихъ несчастныхъ, а особенно того, который былъ на очереди къ смерти и къ похоронамъ въ желудкѣ своихъ товарищей! Вотъ за какой подвигъ Спущъ носить знакъ отличія — въ карманѣ!

При этомъ случаѣ я не могъ удержаться отъ нѣкоторыхъ разсужденій; но и избавляю васъ друзья, отъ нихъ, потому что они принадлежать къ такъ называемымъ *общимъ мыслямъ* (desа communs), т. е. величайшимъ истинамъ,

которыя отъ того сдѣлались скучными, что безпрерывно повторяются. Вы сами можете догадаться, какія мысли родятся въ головѣ, при видѣ знака отличія въ карманѣ, за величайшую заслугу, какую только человѣкъ можетъ оказать, т. е. за спасеніе своихъ собратій отъ смерти и преступленія, хотя невольнаго, но ужаснаго!

Городъ Бристоль далъ празднество въ честь Финскихъ мореходцевъ. Весь экипажъ былъ награжденъ щедро и Спущъ получалъ подарковъ болѣе нежели на 4000 рублей. Государь Императоръ, узнавъ объ этомъ подвигѣ, наградиъ Спуща Золотою медалью для ношенія на шеѣ, на Владимірской лентѣ.

Но вотъ мы вошли въ самый очаровательный паркъ, какой только могла устроить сѣверная природа. Этихъ прелестныхъ острововъ, между которыми мы плывемъ теперь, недостаетъ только солнца Италіи. Все зелено вокругъ, море свѣтло какъ зеркало, и въ отдаленіи видны башни древняго замка, который нѣкогда сторожилъ входъ въ рѣку Ауру (Aurajoki), а теперь стоитъ здѣсь, на берегу, только для украшенія ландшафта и на пишу времени, которое его жестоко гложетъ. Убывающая вода, не только

въ Балтійскомъ Морѣ, но и повсюду, особенно въ сѣверной и восточной части Европы, т. е. въ Швеціи и у насъ, въ Россіи удала этотъ замокъ отъ моря. Старикъ еще помнитъ, что волны обмысли его основание, а теперь этотъ заливъ до того обмелѣлъ, и заросъ травою, что часть его превратилась въ твердую землю, и что для входа въ рѣку Ауру надлежало прокопать въ заливѣ каналъ, т. е. сдѣлать искусственный фарватеръ. Теперь работаютъ надъ этимъ, и нашъ пароходъ, убавивъ ходу, медленно двигался по мутной водѣ, утѣшая нашу нетерпѣливость прехрестными видами окрестностей. Привѣтствуютъ тебя, Або, древняя столица Финляндіи! Мы старые знакомцы, но съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались, Або помолодѣла или правильнѣе, возродилась, а я постарѣлъ, хотя, благодаря Бога, только тѣломъ, а не духомъ. Або изродило пламя, покрывъ его прежде — и меня жглы страсти и терзали бѣды, но не сожгли и не разрушили, а только закаляли. Человѣкъ все его можно сравнить съ тѣмъ угодно. Тогда только больно и досадно, когда его надобно сравнивать съ звѣремъ или съ камнемъ. Наконецъ мы въ городѣ.

VII.

Привѣтіе въ Або. — Квартира въ трактирѣ (Societets huset). — Бѣда отъ изнѣженности. — Русское остроуство. — Видъ города. — Древній замокъ и древній замокъ. — Лавки и промышленность. — Достопамятныя событія. — Отъѣздъ.

По обѣимъ сторонамъ рѣки Ауры находятся дома, купеческіе магазины — но это еще не городъ, а предместье. Здѣсь строится купеческія суда, лучшія не только въ Финляндіи, но можетъ быть на всемъ Сѣверѣ. На стѣнахъ было нѣсколько новостроившихся и нѣсколько починиваемыхъ кораблей. Три пушечные выстрѣлы съ нашего парохода вызвали на берегъ любопытныхъ жителей. Финскіе мадъчики, будущіе моряки, садовали за пароходомъ, на малыхъ челнокахъ, какъ хищныя птицы за китомъ и нарочно входили въ струи воды, всколебанныхъ колесами парохода, чтобы насладиться каккою челнока. Примая морская натура! Смѣлость, мужество начертаны на физиономіи этихъ маленькихъ моряковъ и юв-

кость ихъ въ управленіи челонокъ предска-
зываетъ будущую ихъ участь. На пристани
было множество гражданъ, ожидавшихъ при-
бытія парохода и съ ними друзей, родныхъ
или извѣстій отъ нихъ. Насъ, чужихъ людей,
никто не ждалъ, но и для насъ было здѣсь
привѣтствіе. . . .

Мы прибыли поздно въ Абовъ, около 10
часовъ вечера. Нѣкоторые пассажиры рѣши-
лись провести ночь на пароходѣ, а я нанялъ
для себя комнаты, въ такъ называемомъ домѣ
общества (Societät-huse) т. е. домѣ построен-
номъ на акціяхъ, для помѣщенія клуба, а съ
тѣмъ вмѣстѣ и трактира. Зданіе довольно боль-
шое, каменное, съ обширнымъ дворомъ, во-
кругъ котораго построены деревянные фла-
гелъ, въ одно жильѣ. Я помѣстился во фла-
гелѣ, въ двухъ весьма чистыхъ комнаткахъ.
Въ каменномъ домѣ не такъ чисто.

Оставить военную службу, я саникомъ раз-
нѣжился, въ домашнемъ быту, и теперь, во-
преки всей Англійской націи, скажу: что нѣтъ
ничего пагубнѣе для челоѣка, какъ непре-
рывный comfort (т. е. удобства жизни). Это
самое вѣрное средство къ несчастію и отча-
янью. Англичанинъ, простой поденщикъ или

ремесленникъ, который не можетъ, каждый
день, пресыщаться ротсбифомъ и портеромъ
и уливаться грогомъ или виски, по крайней
мѣрѣ разъ въ недѣлю, почитаетъ себя — бѣ-
днымъ и требуетъ помощи своихъ сограж-
данъ. Англійскій Джентлеменъ, который не мо-
жетъ нѣтъ ежедневно клерету, портвейну, у
котораго платье нитъ не моднымъ портнымъ
и комнаты не устланы богатыми коврами и у
котораго нѣтъ верховой лошади, считаетъ се-
бя нищимъ и отъ снѣлка переходитъ къ само-
убійству. Для излеченія этихъ нравственныхъ
болѣзней, порождаемыхъ излишествомъ обра-
зованности (civilisation) лучшее лекарство —
военная служба, особенно во время войны.
Ниваки, ускоренные марши, быстрые перехо-
ды, разбѣды, гранъ-гарды или пикеты, суть
настоящіе уровни богатства и бѣдности. Тогда
только челоѣкъ чувствуетъ свое достоинство
и свою самостоятельность, когда золото не
имѣетъ своей цѣны и когда сухарь, нуль со-
ломы и полѣно дровъ составляютъ подлинный
сокровища. Тотъ только чувствуетъ, вполнѣ,
наслажденіе жизни, кто прошелъ чрезъ эту
школу. Каждый разъ, когда громъ гремитъ,
молнія раздражаетъ небо, продолжительный дождь

дается съ шумомъ или когда трескучій морозъ сжигаетъ землю — я чувствую сладость теплой комнаты или покойнаго экипажа, и благодарю судьбу, что въ это время я не на бивакахъ! А между тѣмъ, всѣ наслажденія юности изгладились изъ моей памяти и самыми пріятными изъ всѣхъ воспоминаній сдѣлались именно тѣ, которыя представляютъ уму картину претерѣнныхъ страданій. Потому-то ни объ чемъ я такъ охотно не вспоминаю, какъ о моихъ походахъ и бивакахъ. Теперь во время моего путешествія, возобновились воспоминанія о походной жизни, хотя весьма слабыми отблесками. Ночная вахта, лихой жанъ въ трактирѣ, принужденіе и дѣла на пароходѣ, а въ Гельсингфорсѣ жизнь хотя роскошная, но слишкомъ дѣятельная, слишкомъ напряженная, истощили меня до крайности. Я чувствовалъ нужду въ отдохновеніи, въ успокоеніи, въ уединеніи и ничего этого не нашелъ въ Або-скомъ трактирѣ. Меня положили спать на пуховикахъ! Думаю, что лучше уснулъ бы въ бочкѣ Регула, нежели въ этихъ несносныхъ пуховыхъ ванахъ! Мои солдатскія кости не привыкли къ этой мягкости и мнѣ все казалось, будто я проваливаюсь или падаю съ постели.

Кромѣ того, рядомъ со мною поселились какіе-то веселые Германскіе странники, которымъ вдумалось всю ночь пѣть пѣсни и провозглашать тосты за благоденствіе Германіи — и я всю ночь провелъ безъ сна. Въ шестеро сутокъ я едва пожертвовалъ сну одніи сутки и къ удивленію никогда не чувствовалъ себя крѣпче и здоровѣе. Сильному человѣку нѣга — убійство, а борьба съ трудностями, то что Швицы называютъ Strappatzen — настоящее лекарство.

На другой день навѣстилъ я старато Петербургскаго знакомаго, Або-скаго Команданта, Генералъ-Маіора К. О. Дершау, который оставилъ по себѣ такую добрую память у всѣхъ жителей Петербурга, въ долговременное свое служеніе Полиціе-мѣстеромъ и заступая мѣсто Оберъ-Полиціе-мѣстера. Почтенный Карлъ Фёдоровичъ и его семейство приняли меня по-Русски, какъ говорится, съ хлѣбомъ и солью. Разулился, что мнѣ не позволили обѣдать въ трактирѣ, а до обѣда поѣхалъ я осматривать городъ.

Рѣка Аура, по Фински Аурайоки вытекаетъ съ горъ, близъ кирки Оригнее (Oigiråa) и проходитъ почти прямою линіею, между холмовъ

около 50 верстъ, впадаетъ въ море, при Або. Воды Ауры тихи и мутны. Путь сомнѣнія, что здѣсь было значительное Финское селеніе, прежде пришествія Шведовъ. Або и понынѣ имѣетъ Финское названіе Турку или Туруккауунки (Turku, Turuk-Каурункі). Шведскій Конунгъ Эрикъ IX, прозванный святымъ, за усердіе къ растроюранію Христіанства, первый познамѣрился присоединить Финляндію къ Швеціи единствомъ Вѣры, водворяя ея между Финнами силою убѣжденія и оружія (1156—1157). Около 1229 года возникъ здѣсь Шведскій городъ, съ Шведскими переселенцами, а въ 1500 г. воздвигнута соборная церковь, которая существуетъ и понынѣ. На всѣхъ Сѣверѣ, равномѣрно какъ и въ Россіи, всѣ города, въ древности, строились изъ дерева. Только городскія стѣны и храмы воздвигали, въ иныхъ мѣстахъ, изъ камня, гдѣ было его достаточно, и потому древнихъ зданій, со времени измѣстства, вообще мало на Сѣверѣ. Болѣе всѣхъ странъ изобилуетъ древними памятниками языческихъ временъ, Швеція. Въ Або только двѣ древности, вышеупомянутая церковь и замокъ, при устьѣ рѣки. Съ незапамятныхъ временъ Або былъ главнымъ городомъ

Финляндіи, но никогда не отличался красотою зданій. Дома всегда были деревянные, выкрашенные красною краскою. Улицы всегда были узкія и не правильныя. Шведское правительство начало строить, въ 1802 году, красивыя и просторныя университетскія зданія на площади, близъ соборной церкви, которыя окончаны, великолѣпно, при Императорѣ Александрѣ, въ 1813 году. Вообще со времени Русскаго владычества городъ началъ улучшаться, очищаться и обетраниваться, какъ вдругъ постигло его несмысленное бѣдствіе. Съ 4 на 5 Сентября 1827, городъ сторѣлъ, какъ говорится до тла! Исключая нѣсколькихъ отдаленныхъ и уединенныхъ зданій, въ концѣ города, всѣ городскія зданія, частныя и казенныя, деревянныя и каменныя, сдѣлались жертвою пламени! Вѣтеръ былъ жестокой, огонь распространился съ такою силою, что невозможно было пресѣчь его. Удивительнѣе всего, что пожаръ перешелъ даже чрезъ рѣку и превратилъ въ пепелъ обѣ части города. Искры и горящія головни, какъ ракеты носились по воздуху и зажигали самыя прочныя и отдаленныя строенія. Университетскія зданія, со всею сокровищницею наукъ, библиотекою (около

50,000 томовъ) всѣми кабинетами, сгорѣли совершенно. На древнемъ соборѣ сгорѣла крыша и повреждены башни. Внутренность храма также много пострадала, хотя и удалось спасти главное. Словомъ, городъ Або исчезъ съ лица земли, и на его мѣстѣ остались только пепелища, развалины и тола несчастныхъ, лишившихся крова и имущества. Думали, что уже Або никогда не возродится изъ своего пепла и что существованіе его будетъ перенесено въ Исторію. Но Русскій Царь, признавъ на помощь Бога, зарекъ: да будетъ Або — и есть Або, чистый, прекрасный, милостивый городъ, одинъ изъ лучшихъ городовъ въ Русскомъ царствѣ и даже изъ значительныхъ городовъ Европы!

Волю Государя Императора исполняя по большей части бывший Генералъ-Губернаторъ Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, который построениемъ Або, поставилъ вѣчный памятникъ великодушію и отеческой любви Русскаго Царя къ подданнымъ, противу воли своей оставилъ имъ свое, на подножіи этого памятника, усердію и неутомимой ревности Графа А. А. Закревскаго обязанъ Або своимъ быстрымъ и блистательнымъ возрожденіемъ. Это

сказали мнѣ сами туземцы, въ то время, когда они вовсе не зависѣли отъ Графа Закревскаго! И такъ вѣрно правда!

Городъ построенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки, по правильному плану. Улицы широки, какъ въ Петербургѣ и все превосходно въстроенъ. Дома, по большей части, деревянные въ одно жилье, на гранитномъ фундаментѣ, обитые досками и выкрашенные масляною, свѣтлою краскою. Архитектура домовъ довольно однообразная, т. е. почти все дома похожи одинъ на другой. Двухъ-этажныхъ деревянныхъ домовъ не много. Каменнымъ зданіямъ отличаются красотою и обширностью, они похожи архитектурою на дома Петербургскіе. Лучшее мѣсто въ городѣ: площади, вокругъ древней кафедральной церкви. Здѣсь все зданія каменныя и красивыя. Вышнія зданія Университета обновлены и въ нихъ помѣщаются присутственные мѣста. Однимъ фасомъ площадь эта примыкаетъ къ рѣкѣ, которой берега пѣсьма красиво украшены эспланадой и дерпомъ. На одномъ концѣ площади устроенъ скверъ. Эта часть города великолѣпна! Другая площадь, назначенная для военныхъ эказерцій и въѣздовъ, теперь возвышается и

мостится, такимъ образомъ, какъ Царицынъ лугъ, въ Петербургѣ, т. е. по системѣ Макъ-Адама. На этой площади строится теперь, на акціяхъ, театр, прекрасное и обширное зданіе. Теперь театральныя представленія (на Шведскомъ языкѣ) бывають въ деревянной залѣ, построенной, нарочно для этого, частнымъ лицомъ.

Або производитъ тоже впечатлѣніе какъ Потсдамъ, возлѣ Берлина. Кто выдастъ одну улицу, тотъ выдастъ весь городъ, потому что всѣ улицы и дома устроены одинаково. Симетрія удивительная, пріятная для глазъ, съ перваго взгляда, но утомительная, въ продолженіе времени.

Позади Соборной церкви, рядомъ за домами, находится скала, вышиною около 250 футовъ, и на ней построена, ротондой, обсерваторія, которая по перенесеніи Университета въ Гельсингфорсъ, упразднена, а въ зданіи помѣщается нынѣ *Училище купеческаго мореплаванія*. Видъ съ балконовъ этого зданія безподобный! Весь городъ какъ на ладони. Видишь, все что дѣлается не только на улицахъ, но даже на дворахъ. Рѣка, какъ голубая лента, протекаетъ по зеленымъ лугамъ, между холмами. Взморье украшен-

ное замкомъ въячаетъ видъ. Рѣдкая панорама! На другой сторонѣ рѣки, также на скалѣ, противу длинной и широкой улицы, находится красивое зданіе, для помѣщенія полиціи. Не трогаясь съ мѣста и сядя спокойно у окна, полиціймейстеръ можетъ наблюдать все, что дѣлается въ городѣ. Вотъ уже подлинно покойное мѣсто!

Во время моего пребыванія въ Або, оканчивали обновленіе древняго собора. Наружности зданія много потеряла пониженіемъ, или правильнѣе сказать, полнымъ уничтоженіемъ двухъ башенъ, надъ главнымъ фасадомъ храма. Въѣсто башенъ теперь двѣ какія-то бесѣдочки, для вмѣщенія колоколовъ. — При необыкновенной вышины самой церкви, это производитъ самый дуриной эффектъ. Церковь такъ называемой (неправильно) готической архитектуры, т. е. архитектуры преобладавшей въ Европѣ въ Среднихъ Вѣкахъ, до возрожденія наукъ, въ вѣкъ Медичисовъ и Папы Леона X, и составляемой изъ формъ Арабскиххъ, для украшеній, и массивности, отпечатка дикости Германскиххъ племенъ. Этотъ родъ архитектуры имѣетъ двѣ свои эпохи: изящную и грубую. Абовскій храмъ принадлежитъ къ второй эпохѣ. — Укра-

шений, которые я назову *кружевами*, какъ въ Рейнскомъ и Кельнскомъ соборахъ, здѣсь вѣтъ, но своды и колонны готическія, и отличаются необыкновенною смѣлостью и гигантскими формами. Я уважаю всякое вѣрованіе и не люблю только безвѣрія; никогда не входилъ и не вхожу въ диспуты богословскіе, но признаюсь, не могу вспомнить, безъ горести, о тѣхъ временахъ, когда протестанты, въ наипачтѣе своего фанатизма, издумали лишить храмы Божіи ихъ величія, обнажили стѣны, украшенныя произведеніями живописи и позлотою, и разбили иконостасы! Сущій вандализмъ! Если мы украшаемъ свои жилища, и по превосходству тѣ комнаты, въ которыхъ принимаемъ гостей, какъ же не украсить храма Божія, въ которомъ мы возносимся душою къ Творцу, въ часы радости и скорби, гдѣ возсылаемъ къ Предвѣчному мольбы и благодаренія, и гдѣ всѣ братья, во Христѣ, съ равнымъ спиреніемъ присутствуютъ при совершеніи жертвы? Въ глубочайшей древности храмы Божіи украшались всегда всѣмъ, что народъ имѣлъ драгоценнѣйшаго. Этотъ обычай происходитъ изъ сердца, и горе намъ, если сердечныя движенія раздѣляются по масштабу расчета! Говорятъ, что Богу

не нужно золота и драгоценныхъ произведеній художествъ! Знаемъ, что Богу ничего не нужно, но намъ, людямъ нужны молитвы, для облегченія души нашей, намъ нужны пожертвованія отъ нашего достоянія и дарованія, для удовлетворенія чувству нашей благодарности! Украшая храмы Божіи, мы облагораживаемъ свои чувства. . . . Не распространяюсь объ этомъ, чтобъ не вайти далеко. Довольно, что вы знаете друзья, мысли мои на этотъ счетъ. . . . Видѣ въупречности Абовской соборной церкви произвелъ во мнѣ грустные впечатлѣнія. Зданіе огромное, какъ площадь, съ своимъ собственнымъ небомъ, т. е. сводомъ на неимоверной вышиной, и эти высокія стѣны безъ всякихъ украшеній, выбѣлены известіемъ! Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились огромныя каменныя купиды, вѣданныя въ стѣну, во время католицизма, и разбитыя во время реформации. Ниши, въ которыхъ стояли изваянія святыхъ угодниковъ, пусты. — По счастью, дворянству удалось сберечь отъ разрушенія гробницы предковъ своихъ, украшенныя мраморными статуями. Въ Средніе Вѣки были обычай украшать гробницы высокіхъ дворянскихъ фамилій, изображеніемъ умершихъ. Эти статуи заказывали обыкновенно

но, въ Италиі или выписывали оттуда нарочно скульпторовъ, когда не было своихъ. Знатныхъ и богатыхъ людей, какъ извѣстно, хоронили въ церквахъ, и такимъ образомъ изображенія ихъ перешли къ позднему потомству. Для искусства осталась большая польза, именно современныя отпечатки костюмовъ и полного рыцарскаго вооруженія. — Всѣ статуи въ Абовскомъ соборѣ лежатъ на гробницахъ, мужъ въ своемъ парадномъ паридѣ и въ латахъ сидитъ съ женою, въ высокомъ чепцѣ и старинномъ роборонѣ или кофтѣ. Это производитъ странное впечатлѣніе! Кажется, что видишь предъ собою свидѣтелей минувшихъ вѣковъ! Одна только группа, мужъ съ женою, стоячая, въ нинѣ на лѣвой сторонѣ, отъ алтаря. Эта группа отличнѣйшей работы, особенно въ отношеніи къ вооруженію и одеждѣ. Всѣ мелочи, особенно кружева, отдѣланы превосходно. Это должна быть работа одного изъ лучшихъ скульпторовъ, въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка. Статуи сіи изображаютъ, кажется, членовъ древней и знаменитой фамиліи Графовъ Браге, по имени которыхъ называется городъ Брагештадъ.

Замокъ нинѣ пусть и быстро стремится къ

разрушенію. — Въ одномъ флигелѣ его магазина, и воинская команда. Въ темницѣ, въ которой содержался Король Шведскій Эрикъ XIV, сынъ и наслѣдникъ знаменитаго Густава I Вазы, нинѣ хранится старая рогожа. Любители древностей тяжело вздыхаютъ о запущеніи этого замка, единственнаго въ Финляндіи по древности и по воспоминаніямъ. Вообще въ Финляндіи нѣтъ замковъ, остатковъ Среднихъ Вѣковъ, потому что знатнѣйшія Финляндскія фамиліи большую часть времени проживали въ Швеціи, и кажется даже, что Шведы не позволяли Финляндцамъ строить замки. Послѣ разскажу вамъ, друзья, романтическую исторію Эрика XIV, которая можетъ служить основаніемъ для историческаго романа. Но для этого романа нуженъ непремѣнно авторъ съ теплымъ Балтеръ-Скотта.

Въ исторіи Финляндіи Або играетъ важную роль, потому, что въ немъ, какъ въ столицемъ городѣ, принимались въ соображеніе всѣ важнѣйшія предначертанія правительства, и здѣсь же начиналось всегда исполненіе. Въ Русской новой исторіи Або памятенъ миромъ 1743 года, по которому часть Финляндіи уступлена Россіи. Это было, такъ сказать, первый шагъ Россіи

хъ Торнео! Победы въ войну, предшествовавшую этому миру, прославляли Домоногова, одерживая не менѣе славныя и полезныя для Россіи победы, надъ намкомъ. Отъ похвальныхъ одъ Домоногова Императрица Елизавета, начинается исторія новой Русской поэзіи.

Въ кампанію 1808 и 1809 годовъ, Або былъ нѣсколько разъ главною квартирою Главнокомандующихъ Русскими войсками, Графа Вуксгенде-на и Кнорринга, и сборнымъ мѣстомъ резервовъ, парковъ, магазиновъ и т. п. Въ окрестностяхъ его происходило нѣсколько кровопролитныхъ сраженій. Городъ много выигралъ отъ пребыванія здѣсь главной квартиры, потому, что тогда было много денегъ въ оборотѣ. Важнѣйшее происшествіе, случившееся въ наше время, есть свиданіе Императора Александра Павловича, съ Наслѣднымъ Принцемъ Шведскимъ, нынѣшнимъ Королемъ Карломъ Іоанномъ XIV, въ Августѣ 1812 года. Здѣсь были рѣшены два весьма важныя для тогдашней политики. Наполеонъ надѣялся, что Шведы воспользуются отсутствіемъ Русскихъ войскъ, нападутъ на Финляндію, и такимъ образомъ произведутъ диверсію, т. е. отвлекутъ Русскія силы отъ главнаго пункта военныхъ дѣйствій. Наслѣдный Принцъ

Шведскій, управляя вѣншею политикою еще при жизни Короля Карла XIII, предвидѣлъ паденіе Наполеона въ Россіи, и зналъ, что Россія не уступитъ Финляндіи, хотя бы Шведа и несчастливилось въ началѣ. Чтобы избавить Швецію отъ тяжелой зависимости Наполеона, и вознаградить за потерю Финляндіи, Наслѣдникъ Шведскаго престола искренно вступая въ союзъ съ Россіею противу Наполеона, и приобрѣлъ согласіе своего союзника на присоединеніе къ Швеціи Норвегіи. Все это было конечно въ Абовѣ, и здѣсь же Императоръ Александръ, узнавъ лично Карла Іоанна, почтилъ его своею дружбою, которая столько полезна была Швеціи на Вѣскомъ конгрессѣ. Во время переговоровъ въ Абовѣ, Шведы, бывшіе съ Наслѣднымъ Принцемъ, настаивали, чтобы Русскій Императоръ, въ порученіе своихъ обѣщаній, отдалъ Швеціи, до исполненія трактата, часть Финляндіи отъ Торнео до Абова, или по крайней мѣрѣ Аландскіе Острова. Время было тяжелое, но Императоръ Александръ не согласился, представляя весьма справедливую причину, а именно, опасность, что Русскій народъ придетъ въ уныніе, когда, сражаясь съ непріятелемъ на своей родной землѣ, услышитъ, что

часть Финляндія занята. Нынѣшній Король Шведскій сказалъ: «Въ важнѣйшемъ для Швеціи дѣлѣ, я вѣрю вамъ, Государь, на слово и не требую ни какого залога и поручительства!» Государь былъ тронутъ этими словами, и до своей кончины пребылъ вѣрнымъ союзу.

Не взирая на то, что въ Абоѣ нынѣ болѣе 13,000 жителей, городъ кажется пустымъ, отъ того, что онъ слишкомъ просторенъ по числу жителей, и что улицы чрезвычайно широки, не соответствуя величинѣ домовъ. Теперь же достаточные люди и владѣльцы мызъ живутъ по деревнямъ. Кромѣ нѣсколькихъ Финскихъ карюдокъ, и не выдавъ ни одного экипажа на улицахъ. Оживлена только одна часть города, возлѣ моста, и тамъ, гдѣ пристаетъ пароходъ.

Я посѣтилъ многія лавки и лучшіе магазины въ городѣ. Вездѣ бездна Русскихъ издѣлій! Есть много и иностранныхъ товаровъ, которые весьма не дороги, по причинѣ низкихъ пошлинъ, но Финляндскому тарифу. Изъ Финскихъ произведеній замѣчательнѣе холстъ, отличной доброты и чрезвычайно дешевый. Сама природа указала Русскимъ эту отрасль промышленности. Нигдѣ нѣтъ льна, въ такомъ изобиліи, какъ въ Россіи, и воздѣлываніе его можно бы-

ло бы увеличить вдеситеро, безъ ущерба для хлѣбопроизводства. Отъ насъ вывозятъ множество пеньки и льна за границу, а между тѣмъ, всѣ вышніе сословія въ Россіи должны покупать иностранный холстъ и столовое бѣлье, по неимѣнію цѣнамъ. Я нѣсколько разъ разговаривалъ объ этомъ, съ промышленными людьми, совѣтуя имъ завести холщевыя фабрики, на которыхъ бы выдѣлывались издѣлія равныя добротой Голландскимъ и Бельгійскимъ, но мнѣ всегда отвѣчали, что это невозможно, потому, что у насъ не умѣютъ такъ нѣжно и прочно прістѣ, какъ за границей! Помните, господа, вѣдь и за границей прідутъ не бѣлоручки, не киянины и не графини, а тоже крестьянки! У насъ дворовыя дѣвки и крестьянки превосходно выдѣлываютъ кружева, шьютъ и ткутъ узоры, ужели они не смирятъ лучше Финляндокъ? Пустое! Стоить захотѣть и приняться крѣпко за дѣло. Я останусь навсегда при моемъ мнѣніи, которое неоднократно печаталъ, что каждая страна можетъ разбогатѣть отъ такого только рода промышленности, для котораго сырые матеріалы родятся дома. Обдѣлывая же произведенія чужестранныя, мы всегда останемся въ зави-

симости отъ тѣхъ странъ, откуда получаемъ сырые матеріалы, особенно, когда они привозятся изъ колоній, не на своихъ, а на чужихъ корабляхъ. Не говорю о странахъ, съ избыткомъ населенныхъ, гдѣ нужно чѣмъ нибудь занимать бѣдный классъ народа; но у насъ выдѣлка сахару изъ сахарнаго песку, а не свекловицы, приращеніе хлопчатой бумаги и тканіе шелковыхъ тканей; суть занятія второстепенныя. Намъ должно производить холсты, капаты, сукна, юфть и желѣзные издѣлія такой доброты, чтобы они не уступали ни Англійскимъ, ни Французскимъ, ни Голландскимъ, а какъ, но дешевѣе чужестранныхъ привасовъ и рабочихъ рукъ, мы можемъ продавать дешевле другихъ народовъ, то разумѣется, что, не взирая на запретительную систему въ другихъ государствахъ, наши издѣлія возмуть перевѣсъ на всѣхъ рынкахъ въ мірѣ. Одно условіе: выдѣлывать *прочно и красиво*. На первый случай и желать бы только, чтобы холсты у насъ выдѣлывались такъ хорошо, какъ въ Финляндіи, и чтобы они были такъ же дешевы.

Въ Або двѣ книжныя лавки. Французскихъ книгъ очень мало, и то что есть, только Брюссельскаго изданія, по части текущей словесно-

сти. Нѣмецкихъ книгъ также не много, однакожь есть, по крайней мѣрѣ, творенія Германскихъ классиковъ, Шиллера, Гете, Виланда, Лессинга, Клопштока и проч. Англійскихъ книгъ еще меньше. Торговля основана на продажѣ произведеній Шведской литературы и учебныхъ книгъ, печатаемыхъ въ Финляндіи, съ одобренія афинской цензуры.

Мнѣ очень хорошо было въ Абовѣ, въ гостеприимномъ и добромъ семействѣ почтеннаго К. О. Дернау и въ обществѣ Русскихъ офицеровъ; но спутники мои рѣшившись не сходить съ парохода, весьма недовольны были распоряженіями пароходнаго Финскаго общества, возложившаго обязанность на пароходы, стоять по двое сутокъ въ Гельсингфорсѣ и Абовѣ. Намъ сказывали, что это распоряженіе сдѣлано для того, чтобы дать время желающимъ ѣхать въ Стокгольмъ, прибыть изъ деревень въ Або, и изготовить посылки. Но вѣдь курсъ пароходовъ расписанъ на все дѣло, и господа Финляндцы могли бы приготовиться въ дуть, къ назначенному сроку, потому что пароходы приходятъ съ величайшею точностью, въ назначенные дни и минуты. Заставлять ждать другихъ пассажировъ и стѣ-

снять сообщеніе, безъ всякой нужды! Стоянка въ Ревелѣ, Гельсингфорсѣ и Абовѣ замедляетъ переездъ изъ С. Петербурга въ Стокгольмъ, почти четырьмя лишними сутками! Я говорилъ объ этомъ съ Гг. правителями пароходнаго Финскаго общества, и они обѣщали исправить это неудобство.

Я не описываю годовыя систематически, а только бросаю на бумагу мои впечатлѣнія, потому мнѣ нечего сказать вамъ болѣе объ Абовѣ.

Здѣсь были драматическія представленія, давшія артистами, пріѣзжими изъ Стокгольма. Не зная довольно Шведскаго языка, чтобы понимать красоты Шведской Мельпомены, и не ходилъ въ театр. Рѣдкостей, кромѣ собора и замка, здѣсь нѣтъ, и такъ, осмотрѣвъ городъ и его мѣстоположеніе, мнѣ нечего болѣе дѣлать тѣмъ болѣе, что почти всѣ значительныя лица находились по деревнямъ. Поблагодаривъ семейство Карла Фёдоровича за радушный пріемъ, и вымѣнявъ Русскія ассигнаціи на Шведскія, безъ всякой потери, отправился я утромъ, 5 Іюля, на нашемъ пароходѣ, въ дальнѣйшій путь, при самой благопріятной погодѣ.

VIII.

Аландскіе Острова. — Воспоминаніе о закованіи ихъ. — Подвиги Кудасева. — Образецъ моряка. — Входя въ Шведскія шеры.

Взгляните, друзья, на карту Финляндіи, на тотъ уголокъ, гдѣ сливаются съ Балтійскимъ Моремъ Заливы ея, Ботническій и Финскій. Тутъ безчисленное множество острововъ, какъ узоры, нестрять карту. Вотъ нашъ пароходъ гордо несется по волнамъ, между этими островами! Важнѣе изъ нихъ имѣютъ общее названіе Финскихъ шеръ, дальнѣе называются Аландскими Островами, и составляютъ отдѣльную группу. Въ срединѣ архипелага находится обширное пространство открытаго моря, въ родѣ озера или бассейна.

Аландскіе Острова надреве составляли особый округъ, и были столь же важными для Швеціи, какъ и нынѣ для Финляндіи. Всѣ Аландскіе Ос-

трова и все шеры, за исключением нескольких, населены Шведами. Господствующий здесь язык Шведский. Здешнее народонаселение, без сомнения, есть потомство первых колонистов Шведских, при введении Христианства в Финляндию. Группа Аландских Островов имеет в длину, от сѣвероапада, къ юговостоку 12 Шведских миль (по 10 верст); значительная ширина группы, от сѣверовостока къ югозападу, простирается на 10 миль; поверхность всех островов составляет 10 квадратных миль, а окружность 54 миль. В этой группе островов есть несколько голых скал и несколько островов, хотя производящих траву и мелкий лес, но необитаемых, а служащих для пастбищ. На Аландских Островах пять городов. Сборные места при церквях, как было в глубокой древности. Главных церквей (*loverkirkor*) восемь, часовень (*kapellar*) семь. Всех островитян считают до 14,000 душ. Жители крѣпкого сложения, трудолюбивы и неустранимы. Они съ успехом занимаются скотоводством, земледѣіем, рыболовством, ловлею доней, и стрѣляіемъ морскихъ птиц. На большомъ Аландѣ, имѣющемъ три мили въ ширину и болѣе трехъ миль

въ длину, почва превосходная и лесъ (сосна, ель и береза) достигаетъ значительнаго роста. Солины испаренія изъ моря утучняютъ дуга, и даютъ особый вкусъ травѣ, сообщаемый молоку. Здѣшніе коровы и овцы сыры превосходны. Вообще жители Аланда пользуются довольствомъ.

Со времени завоеванія Аландскихъ Островов, на большомъ изъ нихъ всегда стояли, на квартирахъ, Русскіе солдаты, и очевидно, что они жили дружно съ хозяевами, потому что теперь Русскій языкъ здѣсь не чуждъ. Почти все жители понимаютъ по-Русски. Для помѣщенія солдатъ, воздвигаются нынѣ на Аландѣ вооруженныя казарны, родъ блокгаузовъ, въ которыхъ окна могутъ служить амбразурами. Большая часть этихъ построекъ уже окончена и удивляетъ путешественника прочностью, массивностью и гигантскими формами.

Любуясь пріятнымъ видомъ зеленѣющихъ острововъ, и огромными дикими скалами, мы увидѣли Русскую эскадру, стоящую на якорѣ, въ ожиданіи возвращенія Генералъ-Адмирала Его Императорскаго Высочества Константина Николаевича, отправившагося осматривать военныя постройки на Аландѣ. Пароходы наши

поднять Русский флаг и салютовать флоту, из трех своих пушечек, но на нас не обратили внимания с флота, и наши добрые Финны, повѣся носъ, прибавили ходу, чтоб скорѣй скрыться изъ глазъ. Прелестная картина: флотъ на якорѣ, въ живописной окрестности, между островами и скалами! Здѣсь я разсказалъ товарищамъ моего путешествія дивное, чудо чудное, о подвигахъ Русскихъ богатырей, за двадцать девять лѣтъ предъ симъ на этихъ же водахъ, но только не на корабляхъ, а по морю, аки по суху, т. е. пѣшкомъ и верхомъ.

Въ началѣ 1809 года, рѣшено было дѣйствовать сильными средствами для окончанія войны въ Финляндіи, стоившей въ прошломъ году столько крови и усилій обѣимъ воюющимъ державамъ. Съ Января мѣсяца новый Главнокомандующій, Генералъ Кноррингъ, готовился къ экспедиціи на Аландъ, но разныя обстоятельства препятствовали ему исполнить это предпріятіе. Въ концѣ Февраля прибыть изъ Петербурга, Военный Министръ Графъ А. А. Аракчеевъ для наблюденія за экспедиціею, вмѣстѣ съ Инженеръ-Генераломъ Графомъ Сухтеленомъ. Въ одно время положено было ударить

съ трехъ пунктовъ на Шведовъ. Графъ Шуваловъ долженъ былъ идти, чрезъ Торнео, во внутренность Швеція, преслѣдуя остатки Финской арміи. Генералу Барклаю-де-Толли предоставленъ былъ дивный подвигъ пройти, по ледянымъ горамъ, чрезъ проливъ Кваркенъ, на Шведскій материкъ, а Аландская экспедиція, занявъ острова, должна была идти чрезъ море, по льду, прямо въ Стокгольмъ.

Тридцать батальоновъ пѣхоты, четыре эскадрона гусаръ Гродненскаго полка и 600 чело-вѣкъ казаковъ, съ 20 орудіями, составлявшие корпусъ Князя Багратиона, раздѣлены были на пять колоннъ, подъ начальствомъ Генераловъ Графа Павла Александровича Строганова, Демидова, Сазонова, Кнорринга 2 и Тучкова 3. Резервомъ командовалъ Генералъ Алексѣевъ, авангардомъ храбрецъ Кульневъ, у котораго въ отрядѣ находился позѣ-воишъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ. Здѣсь онъ, впервые, отличился въ партизанскихъ дѣйствіяхъ, которыми въ отечественную войну доставили ему заслуженную славу.

Шведскій Генералъ Дёбельнъ (Döbeln), которому Король вѣдѣлъ защищать Аландскіе Острова до послѣдней крайности, имѣлъ только де-

сять батальоновъ пѣхоты, нѣсколько эскадроновъ кавалеріи и малое число полевыхъ орудій, но средства его къ защитѣ острововъ были незначительны. — Всѣ тѣснины между островами укрѣпленны были батареями и засѣками, всѣ высоты заняты пушками. Для морской защиты Швецы взяли съ своего флота огромныя каронады, стрѣлявшія на далекое разстояніе. Всѣмъ жителямъ острововъ, отъ Шеръ до большаго Аланда, велѣно было удалиться, взявъ съ собою скотъ и всѣ съѣстные запасы, и зажечь свои жилища, что и было исполнено, въ точности, на разстояніи около 150. верстъ. Кромѣ того съ каждымъ днемъ могла наступить оттепель, и при сильномъ вѣтрѣ валомъ ледъ на морѣ, что уже не разъ случалось въ эту пору года. Во всякомъ случаѣ завоеваніе Аланда представляло неминуемыя трудности, и угрожало безчисленными опасностями. Король Шведскій собирался выслать всѣ резервы, на защиту Аландскихъ Острововъ. Успѣхъ Русскихъ зависѣлъ отъ Суворовской тактики, быстроты въ движеніяхъ, а корпусомъ начальствовалъ ученикъ великаго полководца, Князь Ваграціонъ. Погода благоприятствовала Русскимъ. Холоды были значительны, но безъ вѣтра, и дни были

ясные. Снѣгъ едва покрывалъ ледяную поверхность, и не затруднялъ шествія. Отраженіе лучей было чрезвычайно сильное, на снѣжной поверхности, и Русскія колонны, сосредоточивая снѣгъ на оружіи, двигались какъ огненные массы, среди мертвой природы. За колоннами тянулись огромные обозы, съ съѣстными припасами, на цѣлмъ мѣсяцъ, и даже съ дровами, для биваковъ, среди моря. Въ воздухѣ вились стаи хищныхъ птицъ, ожидая добычи, какъ нодалье, въ спорѣ людей. Ночные биваки, на льду, представляли удивительную картину. Воины окунавались снѣгомъ, чтобъ защититься отъ холоднаго вѣтра. Костры пылали, ровными линіями. Впереди корпуса, уживался Кузьмичъ, съ летучимъ своимъ отрядомъ, открывая непріятеля, ища опасностей и славы. Колонны наши шли отдѣльно, обходя острова и обходя укрѣпленныя посты. Шведскій Генералъ чувствовалъ всю опасность своего положенія, когда Русскіе, въ превосходныхъ силахъ, обойдутъ всѣ острова, и занявъ крайнюю позицію, отрѣжутъ ему ретирату отъ Швеціи. Обѣщанная Королемъ помощь не появлялась. Но для чести Шведскаго оружія Генералъ Дебельнъ долженъ былъ выжидать послѣдней крайности.

Не стану рассказывать вамъ всѣхъ подробностей экспедиціи. Русскія колонны шли быстро впередъ. Шведскія войска сосредоточивались на большомъ Аландѣ, гдѣ были ихъ магазины и множество всякихъ запасовъ, а Кульневъ, между тѣмъ, очищалъ малые острова отъ отдѣльныхъ Шведскихъ отрядовъ. Успѣхъ видимо склонился на Русскую сторону. Замѣчу здѣсь, что поэтъ-воинъ Д. В. Давыдовъ, начальствуя небольшою партіей, въ отрядъ Кульнева, первый встрѣтился съ непріятелемъ, и открылъ военныя дѣйствія на морѣ, снятіемъ Шведскаго шкота.

Вотъ Дегерби, предѣльный, зеленѣющійся островокъ, съ пристанью и крайнею Русскою таможенною, въ этомъ морѣ. Пароходъ нашъ остановился, и Капитанъ съѣхалъ на берегъ, съ нашими наскортами. Въ этомъ мѣстѣ зимовала Шведская гребная флотилія, въ 1809 году. При приближеніи Кульнева, Шведы хотѣли съечь ее, но нашъ храбрецъ бросился на нее стремглавъ и взялъ неповрежденною. Изъ Дегерби Кульневъ устремился впередъ, поспѣлся съ пути, въ ледяныхъ степяхъ, и попалъ на Шведскія батареи, устроенныя для защиты зазимовавшихъ кораблей. Кульневъ обошелъ Швед-

скую позицію, и угрожая нападеніемъ съ тыла, принудилъ Шведовъ къ отступленію, взявъ одинадцать пушекъ и нѣсколько судовъ.

Въ это время Шведскій Генералъ получалъ извѣстіе о переворотѣ, наступившемъ въ Стокгольмѣ и о лишеніи престола Густава Адольфа IV, партіей дворянства, желавшей мира. Обстоятельства призывали Дёбельна въ столицу, но Главнокомандующій не могъ согласиться на предложенное перемиріе, не довершивъ начатаго завоеванія Аландскихъ Острововъ. Дёбельнъ, истребивъ флотилію, зазимовавшую въ Марстрандѣ, и всѣ запасы, рѣшился на отступленіе, чрезъ проливы, отдѣляющій Аландъ отъ Шведскаго материка. Войско его устроено было въ подвижныя карреи, которыя вмѣщали въ себѣ необходимыя обозы, а по угламъ вооружены были пушками. Кавалерія шла впереди. Ретраду прикрывалъ сильный арріергардъ. Русская пѣхота не могла поспѣть для преслѣдованія непріятеля. Но Кульневъ явился тутъ, по Суворовскому выраженію, какъ снѣгъ на голову!

Завидѣвъ непріятеля, Кульневъ немедленно бросился въ атаку, и въ первомъ жару дѣйствія, отбылъ у него двѣ пушки, и набралъ множество плѣнныхъ. Шведскій арріергардъ

пришелъ въ замѣшательство, но, не взирая на отчаянное положеніе, Шведское мужество пробудилось, и Майоръ Энгельбрехтенъ, съ храбрыми Зюдерманландскихъ полкомъ, удержалъ натискъ нашихъ гусаръ и казаковъ. Завязалась жаркая битва, въ которой Шведы сдѣлали важную ошибку, а именно, увлекаясь своею храбростію, отстали далеко отъ своего корпуса. Кульневъ воспользовался обстоятельствами. Чувствуя, что Шведская пѣхота не сдѣлается конному отряду, Кульневъ построилъ пѣхоту Шведовъ во фронтъ, въ отдаленіи, и велѣлъ имъ идти впередъ. Мителъ пренятствовалъ Шведскому аррьергарду распознавать обманъ, и храбрый Энгельбрехтенъ думалъ, что Русская пѣхота настигла его, сдѣлалъ военнопленнымъ. Ошибка за ошибкой!

Послѣ этого удивительнаго подвига, Кульневъ попалъ въ величайшее затрудненіе, имѣя вътрое болѣе пѣхоты, нежели людей подъ ружьемъ, въ своемъ отрядѣ. По счастью, на послѣднемъ изъ острововъ, Сигнальшеръ, пришелъ къ нему полкъ Русской пѣхоты, которому Кульневъ сдалъ своихъ пѣхотныхъ.

Восемь сутокъ сряду, Кульневъ, съ своимъ отрядомъ, носился день и ночь, по необори-

мыми ледяными пространствами, сражаясь каждый день, и каждый часъ, подвергаясь опасности быть отрѣзаннымъ или попасть въ засаду, и наконецъ, на послѣдней точкѣ Аландскихъ Острововъ, въ первый разъ могъ дать отдохновеніе своимъ богатырямъ, подъ крышею! Самъ онъ никогда не помышлялъ ни о покоѣ, ни объ отдохновеніи!

Аландскіе Острова были завоеваны въ шесть сутокъ! Побѣдителямъ досталось 5000 пѣхотныхъ, 50 пушекъ, пять военныхъ судовъ, богатые магазины съ съѣстными припасами, военные госпитали и проч. Потери Русскихъ были незначительны, ибо обыкновенно отступающіе или защищающіе терять вдвое, противу наступающихъ.

Но здѣсь не кончился подвигъ Кульнева. Съ тремя эскадронами гусаръ и 600 казаками, Кульневъ поплылъ по саблямъ Дебеляна, по льду, на Шведскій берегъ, и по прошествіи военныхъ часовъ, увидѣвъ его, уснынный Шведскими стрѣлками. Здѣсь льдины образовали горы и крутизы, между которыми нельзя было дѣйствовать кавалеріи. Кульневъ сгруппировалъ своихъ гусаръ и казаковъ, повелъ ихъ въ атаку, на берегъ, завязавъ перестрѣлку и овладѣвъ высотами. Пошли

переговорах, и Шведы уступили Кульневу порты Гриссельгамъ, и заключили аванпостное перемирие. Опять ошибка, со стороны Шведовъ! Этотъ неожиданный успѣхъ Русскаго оружія дѣлаетъ столько же чести уму Кульнева, сколько и его храбрости. Онъ убѣдилъ Шведовъ, что за нимъ слѣдуетъ весь Русскій корпусъ!

Кульневъ, давъ извѣстіе о своемъ положеніи, въ самомъ дѣлѣ надѣлся, что весь корпусъ Баграціона къ нему нагрянетъ. Отъ Гриссельгама до Стокгольма только два или три перехода. Можно было ждать великихъ событий! — Не видя помощи, Кульневъ почувствовалъ всю опасность своего положенія, на непріятельскомъ берегу, среди народа храбраго, доведеннаго неудачами до отчаянія. Однакожь Главнокомандующій, Генералъ Кноррингъ, не рѣшился отваживать участь цѣлаго корпуса, который, при первой бурѣ, могъ быть отрѣзанъ отъ арміи разбитіемъ льдовъ, и какъ въ то же время, новое Шведское правительство прислало полномочныхъ, для заключенія конвенціи, которой основаніемъ долженствовала быть уступка всей Финляндіи, то Кульневъ былъ отозванъ изъ Швеціи. Съ тѣхъ поръ Аландскіе Острова принадлежать Россіи.

Въ это же самое время Генералъ Барклай-де-Толли совершилъ свой чудный подвигъ, переходя по лдянымъ горамъ, чрезъ Кваркенъ, изъ Вазы въ Умео. Этотъ подвигъ описанъ мною, подробно. Но таково наше равнодушіе ко всему отечественному, что это мое описаніе обратило на себя большее вниманіе въ чужихъ краяхъ (въ переводѣ), нежели въ отечествѣ! На святой Руси никто, даже изъ участвовавшихъ въ этомъ дивномъ подвигѣ, не сказалъ мнѣ *спасибо*, за то, что я первый представлялъ свѣту это чудное событіе, списавъ, какъ говорится, съ натуры! — Не жалеюся — я награжденъ въ душѣ!

Разсказывая, вкратцѣ, о завоеваніи Аланда, я смотрѣлъ на скалы, выходящія изъ морской глубины, и мнѣ казалось, что въ лучахъ солнца я вижу имена нашихъ героевъ, которые попирали стопами своими эти волны, окованныя льдомъ, и безстрашно шли надъ бездною, чтобъ встрѣчать смерть, во славу Россіи! Мнѣ это видѣлось. . . . Шумъ волнъ напечатывалъ мнѣ имена Баграціона, Кульнева, Сухтелена. . . .

Быстро мчится пароходъ. Острова остались въ тылу, и мы вошли въ открытое море. Бе-

реговъ не видно, на всѣ четыре стороны. Вѣтеръ свѣжій, качка довольно сильная, но морская болѣзнь падаетъ на меня, укладывая напихъ спутницъ въ койки или на палубѣ. Славный человекъ дантъ Капитанъ Палень! Образецъ дѣлительнаго, неустоимаго, добродушнаго моряка! Съ нимъ, я бы поплылъ на край свѣта! Капитанъ Палень кажется беззаботнымъ, безпечнымъ, но повсюду взоръ его наблюдаетъ, непримѣтно, за порядкомъ; вездѣ видно его поначеніе о каждомъ пассажирѣ, отъ богатаго до бѣднаго, отъ господина до слуги. Капитанъ Палень будто прохаживается, для разсѣянія, по пароходу, а между тѣмъ, не стѣсняя никого въ его занятіи и обязанности, онъ безпрестанно подходитъ къ камасу, спускается къ печи, поглядываетъ на колеса, и объясняется морскими выраженіями съ штурманомъ, который служить намъ также вмѣсто лодмана, зная это море, будто родился на днѣ его. Заботливая обязанность быть Капитаномъ судна, назначеннаго единственно для перевозки пассажировъ, особенно столичныхъ! Мало того, что надобно угождать имъ въ существенномъ: нельзя же не отвѣчать на вопросы, а имъ цѣль числа! Особенно дамскіе вопросы тяже-

ды для стараго морехода! Капитанъ Палень, съ удивительнымъ искусствомъ и ангельскимъ терпѣніемъ отдѣлывался отъ этихъ нападокъ. — «Г-нъ Капитанъ, что это значить, что у васъ все противный вѣтеръ?» — «Судариня!» — отвѣчалъ Капитанъ: — «попутный вѣтеръ необходимъ только глупцамъ. Умный человекъ дойдетъ, до своей цѣли, и при противномъ вѣтрѣ!» — «Г-нъ Капитанъ, ахъ, какъ страшны эти надводные камни, между которыми намъ должно проходить!» — «Не бойтесь, судариня, эти камни положены здѣсь природою для тюленей, а не для опытныхъ моряковъ.» — «Г-нъ Капитанъ, ну что будетъ съ нами, если нашъ пароходъ загорится, какъ загорѣлся пароходъ Николай?» — «Тогда и высажу васъ на берегъ, и васъ перевезутъ на другомъ пароходѣ. Впрочемъ, вы можете быть спокойны, на этотъ счетъ! На моемъ пароходѣ я не ручаюсь только за новарскую кастрюлю, въ которую не люблю заглядывать.» — Съ мужчинами Капитанъ Палень вѣлъ друтія рѣчи, не сходя, однакожъ, съ палубы, и, даже въ жару разговора, не отвращая вниманія своего отъ дѣла. Онъ много видѣлъ, много читалъ по-Шведски, по-Нѣмецки и по-Англійски, и знаетъ всѣ новыя

путешествія. На одинъ трусливый вопросъ пассажира, на счетъ морскихъ опасностей, Капитанъ Паленъ отвѣчалъ: «Замѣьте, господа, что самые отважные люди не погибли отъ тѣхъ опасностей, которымъ они безпрерывно подвергались. Цесарь и Наполеонъ не пали на полѣ битвы. Магелланъ, Кухъ, Васко де Гама, Колумбъ не утонули! Опасности существуютъ въ мірѣ—только для трусовъ! Человѣкъ, такое слабое созданіе, что не только на морѣ, но и на сухомъ пути, онъ каждую минуту можетъ лишиться жизни, почитая себя въ совершенной безопасности. Камень или льдина съ крыши, опрокинутый экипажъ, дымящаяся карета и тысячи другихъ вещей, точно такіе же опасности, какъ подводные камни, возлагмеленіе парохода или ядро непріятельское! Не думать объ опасности, значить не быть въ ней, бояться всего — есть всегдашняя опасность! Есть люди, которыхъ обязанность состоитъ въ томъ, единственно, чтобъ лишиться объ устраненіи опасностей отъ другихъ. Эта обязанность лежитъ теперь на мнѣ! Вы, господа, будьте спокойны, и предоставьте мнѣ беспокоиться за всѣхъ васъ.» — Съ такимъ Капитаномъ наше плаваніе было вдвое пріятнѣе. Всѣ пассажиры,

дамы и мужчины, полюбили его и онъ пользовался общимъ уваженіемъ.

Къ вечеру погода сдѣлалась пасмурнѣе, и вѣтеръ сильнѣе. Море кнѣло и вокругъ насъ порхали парусныя суда. Капитанъ Паленъ, по первому взгляду, узнавалъ, которой націи принадлежали корабли, и по постройкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, догадывался, кто ими начальствуетъ. Старыхъ пріятелей своихъ онъ привѣтствовалъ выстрѣлами, изъ своихъ трехъ пушечекъ и поднятіемъ флага и ему отвѣтствовали тѣмъ же. Это развлекало насъ.

Наконецъ показались Шведскія шеры. Видъ ихъ превосходить все, что насъ восхищало доселѣ. На этихъ островахъ гранить, кажется, брошенъ природою только для украшенія ихъ, какъ въ Англійскомъ паркѣ. Пронзрастеніе богатое и тучное, деревья красивыя, домики чистенькіе и опрятные. Здѣсь нѣтъ дикости и безплодія, наводящихъ ужасъ на душу, въ Финскихъ шерахъ, между Гельсингфорсомъ и Ганге-удомъ. И здѣсь природа не Италійская, не лѣжная и не упокительная, но, при грозности своей, она, по крайней мѣрѣ, не лишилась улыбки и плодотворности. Нарядъ природы здѣсь важный, но красивый. Наступила ночь, и на-

роходъ нашъ сталъ на якорь. Капитанъ Паленъ не хотѣлъ подвергаться опасности въ темнотѣ, между подводными и надводными камнями, и рѣшился простоять на мѣстѣ, до разсвѣта, т. е. три часа времени. Пассажиры улеглись спать. Тишина водворилась на пароходѣ. Между островами море было гладко, какъ зеркало. Мы скрылись за островомъ отъ сѣверо-восточнаго вѣтра, который возобновляе море.

Содержаніе главы

IX.

Прекрасныя виды въ Шведскихъ шхерахъ. — Фредериксборгъ. — Вакерсальмъ. — Видъ Стокгольма, съ моря. — Паладинъ въ Стокгольмской Залѣ. — Острова, принадлежащіе къ городу. — Пристань. — Благоустроенное обхождение таможенныхъ приставовъ. — Наемный сауга. Датчаннинъ. — Исканіе квартиръ. — Вопросы полиціи. — Русское посольство. — Дронинъ-гатакъ или Королевскій Улицъ. — Встрѣча съ А. А. Давыдовымъ. — Общая любовь къ нему. — Стокгольмскіе трактиры. — Плохое кушанье. — Прекрасная прислужница. — Поездка въ звяринскъ. — Знакомство съ Русскимъ Генеральнымъ Консуломъ А. И. Фанъ-Бриномъ. — Переговорицы. — Тишина въ городѣ.

— «Наверхъ, наверхъ!» — кричали мнѣ пріятели мои. Я проснулся и почувствовалъ, что пароходъ уже въ движеніи. Иду на надубу, ... огадулся, и не могъ прийти въ себя отъ удивленія, не зная, на чемъ остановить взоры! Солнце величественно возносилось на горизонтѣ, снимая, постепенно, мрачный покровъ съ острововъ и холмистыхъ береговъ, которые представлялись намъ въ самомъ очаровательномъ видѣ, украшенные зеленью и жилищами. Ни какое искусство не могло бы такъ мило рас-

положить этих островов и такъ красиво обрисовать берега, какъ сотворила ихъ сѣверная природа. Лучшаго я ничего не видывала, въ моей жизни! Наѣвъ, въ отдаленіи, блещутъ, въ солнечныхъ лучахъ, между темною зеленью, замокъ Фридериксборгъ. Со всѣхъ сторонъ выглядываютъ, изъ густыхъ рощей, красныя кровли и бѣлыя стѣны мыза. Множество большихъ барокъ или лайбъ, лавируютъ, въ разныхъ на-
правленіяхъ, уловляя парусами легкій вѣтеръ. Земли и море оживлены дѣятельностью чело-
вѣка! Замѣтно сжимается заливъ, и вотъ, при поворотѣ, открывается предъ нами замокъ Ваксгольмъ, единственный стражъ Стокгольма, со стороны моря. Замокъ этотъ весьма не великъ, думаю не болѣе нашего Кроншлота, построенъ на острову, въ тѣсномъ проливѣ, имѣетъ высокія каменные стѣны и бастіоны и красивую башню. Стѣна, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, починается теперь. Напротивъ замка, на материкѣ лежитъ городокъ Ваксгольмъ, расположенный на берегу. Въ немъ одна церковь и около 1200 жителей. Изъ города перевозили солдатъ, и, кажется, арестантовъ, на крѣпостную работу, въ замокъ. На крѣпостной стѣнѣ стояли, на часахъ, артиллеристы, въ

красивыхъ шлемахъ. Офицеръ, вѣроятно караульный, направилъ на пароходъ зрительную трубу, и махнулъ фуражкой, въ знакъ привѣтствія. Съ необыкновеннымъ любопытствомъ смотрѣлъ я на Шведскихъ воиновъ, которыхъ научили уважать со времени войны въ Финляндіи, гдѣ неоднократно были свидѣтелями ихъ отчаяннаго мужества и презрѣнія опасностей. Храбрый воинъ, въ момахъ таазахъ, есть существо пинтическое. Эту позаню тотъ только можетъ понимать, кто самъ бывалъ въ жаркихъ битвахъ, и переносилъ трудности войны. Находясь между воинами, какой бы то ни было націи, мнѣ кажется, что я въ семьѣ.

Лодка отдалась отъ берега, пароходъ убавилъ ходу, и къ намъ прибылъ таможенный приставъ, который остался у насъ, чтобы про-
водить до Стокгольма. На приставѣ былъ, обыкновеннаго покроя, синій сюртукъ, съ гербовыми пуговицами, и синія фуражка. Онъ скромно помѣстился на передней части парохода, не безпокоя никого своими таможенными взглядами. Но жръ приближенія нашего къ столицѣ, мызы на берегахъ появлялись чаще, сады и рощи становились великолѣпнѣе. Но вотъ и Стокгольмъ, во всей красѣ своей.

Мы вошли сперва въ узкій проливъ. Направо разстилался предъ нами знаменитый паркъ, городское гулябище, называемое Забрищемъ (Djorgården), украшенное прелестными дачами и королевскими дворцами. Отъ угла забрища Стокгольмъ представляется вамъ, какъ на задони. Великолепное зрѣлище!

Вообразите себѣ обширный заливъ, по обѣимъ сторонамъ высокіе берега, а между ними, въ концѣ залива, большой полуостровъ, застроенный высокими домами, среди которыхъ дворецъ королевскій кажется титаномъ между карликами. Передъ полуостровомъ лежатъ нѣсколько знаменитыхъ острововъ и одинъ холмистый островъ. Они также застроены дачами и таклмъ образомъ Стокгольмъ представляется взорамъ вашимъ съ двухъ боковыхъ сторонъ въ видѣ амфитеатра, на скатѣ горы, и въ горизонтальной линіи, на полуостровѣ. На этомъ полуостровѣ находится древній городъ (Staden), а на возвышенныхъ берегахъ новый городъ, или такъ называемыя Сѣверное (Nör-malm) и Южное Предмѣстье (Söder-malm). Древній городъ, на полуостровѣ, соединяется съ твердою землею, съ сѣверной стороны, великолѣпнымъ гранитнымъ мостомъ, а съ южной плотиною со

плотинами, гдѣ устроены магазины, для складки жѣлѣза.— Съ восточной стороны полуострова, т. е. древняго города—море, а съ западной Меларское Озеро. Чудное положеніе! Нѣтъ сомнѣнія, что на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ другаго такого полуострова, который былъ бы омываемъ съ одной стороны прѣсною водою, т. е. озеромъ, а съ другой стороны соленою водою, т. е. моремъ. И вотъ почему кажутся вамъ справедливыми темныя преданія, будто этотъ проливъ искусственный! *Ловред. Море. Восточн. гора!*

Въ концѣ морскаго залива, лежащаго, такъ сказать, посреди города, и образующаго обширную Стокгольмскую гавань, находятся, какъ я уже сказалъ, нѣсколько небольшихъ острововъ, служащихъ къ украшенію и пользѣ порта и города. Первый островъ при входѣ въ гавань называется Вексольмъ. Онъ застроенъ магазинами. Второй островъ, *Кастельмольмъ* (т. е. островъ цитадели), есть высокая гранитная скала, отлогая (en pente douce) съ одной стороны, и утесистая съ другой. На отлогой сторонѣ берегъ украшенъ дерновъ и прекрасными деревьями, образующими тропицы и аллеи. На маковѣ скалы построены навигонты; оттуда видны весь городъ, гавань и дальнія окрестности. Не

направ на название острова, здесь нет ни каких укреплений. Кастельгольмъ соединяется, посредством пловучаго моста, съ Шипсгольмъ (Skeps-holm), т. е. островомъ Адмиралтейства, на которомъ находится казармы и огромные сараи, для хранения канонирскихъ лодокъ, и строится суда. Черезъ весь островъ проходитъ прекрасная аллея. Островъ Шипсгольмъ соединяется также съ материкомъ, пловучимъ мостомъ.

Изъ плотной массы домовъ, которыми обстроены заливы, возвышаются высокія шпицы куполовъ церквей, между которыми церковь Св. Екатерины, стоящая на возвышеннѣйшей изъ скалъ, рисуется до половины, изъ закровель зданий. Въ путешественники, описывавшіе Стокгольмъ, единогласно сознаются, что онъ, исключая Константинополи, имѣетъ самое красивое мѣстоположеніе, между всеми Европѣскими городами. Я не видалъ Константинополи, но видѣлъ большую часть Европы, и сознаюсь, что лучшей картины не видывалъ, какъ Стокгольмъ, и вѣрно лучшей быть не можетъ въ натурѣ. Вода, (и такая вода), горы, утесы, предѣстѣнная зелень, деревья, которыми по завидовали бы жители юга, все здесь есть, и

притомъ въ изобиліи, а кромѣ того, здесь есть то, что рѣдко встрѣчается даже у великихъ художниковъ, а именно *единство* въ изображеніи или расположеніи картины. Здесь вы должны принять за непреложное правило, что видъ Стокгольма, со *всѣхъ сторонъ*, есть настоящая картина, т. е. высокое произведеніе искусства! Позвольте объясниться! *Последній день Помпеи*, картина К. П. Брюллова, есть превосходное произведеніе искусства, но она не имѣетъ *единства*. Это нѣсколько превосходнѣйшихъ картинъ, въ одной рамѣ, но не *одно цѣлое*, и я, по чувству души моей, почитаю картину *Распятіе*, произведенія того же художника, гораздо выше въ эстетическомъ отношеніи. — Здесь есть *единство*: главный пунктъ картины — Христосъ на крестѣ. Говорю это не въ обиду художника, но въ славу его, потому что этимъ доказывается его высочайшій талантъ. Это значитъ, что онъ идетъ вперёдъ! Въ картинѣ Стокгольма соблюдено величайшее единство въ цѣломъ, и главный пунктъ, въ которомъ сходится и изъ котораго расходится лучъ зрѣнія, есть *Королевскій Дворецъ*. Онъ построенъ на полуостровѣ, въ древнемъ городѣ, на берегу моря, на скалѣ, утесистой съ восточной и сѣверной стороны, и обтесанной

въ видѣ террасы. Зданіе само по себѣ не слишкомъ огромное, но кажущееся вдвое выше, отъ мѣстоположенія. Особенно красивъ фасадъ его, со стороны моря. Здѣсь, отъ главнаго корпуса выходятъ два флигеля; между которыми находится площадка, усаженная деревьями. Отъ этого сада къ набережной ведетъ прекрасная дѣстница, или крыльцо, съ гранитными ступенями. Площадка имѣетъ такую ограду, и на каменныхъ ея столбахъ, въ видѣ пѣdestаловъ, стоятъ фарфоровыя вазы, съ цвѣтами. Южнѣе отъ дворца, на пристани, передъ дворцовою площадью, возвышается бронзовая статуя Густава III, а за площадью, вдоль домовъ, находится главная пристань Шипс-бро (Skepsbro), гдѣ сосредоточена вся торговая дѣятельность столицы, какъ у насъ, на биржѣ. Купеческіе корабли стоятъ здѣсь въ нѣсколько рядовъ, а набережная завалена бочками и ящиками съ товарами. Въ домахъ, противъ набережныхъ, находятся лавки, магазины и купеческія конторы. Этого вида города изображенъ на приложенной къ сей книжкѣ картинкѣ. Пароходъ нашей пристани возилъ самого дворца, противъ сѣвернаго флигеля, въ виду площадки. Было семь часовъ утра.

Тотчасъ явился таможенный чиновникъ, важливый, обходительный, но, какъ видно, опытный въ своемъ дѣлѣ. Онъ болѣе всматривался въ лице пассажировъ, въ ихъ приемы, нежели въ ихъ вещи, и кажется, по формѣ сундуковъ и узлачковъ догадывался, что они имѣяютъ въ себѣ. — «У меня есть вещи, которыхъ, кажется, нельзя ввозить безъ пощанина», — сказалъ я досмотрщику; и я охотно заплачу, что сабдуеъ. Вотъ два фунта чая, безъ котораго мнѣ тяжело жить. Вотъ четыре фунта табаку, къ которому я привыкъ; ящикъ Гавайскихъ сигаръ, и фляжка со спиртомъ, для камфорки, на которой я кипячу воду, для чая. — «Вы имѣете это для собственнаго употребленія, а не на продажу, следовательно съ нашей стороны было бы весьма нецелесообразно, брать пощанину съ путешественника, отнявъ у нѣя таможенный досмотрщикъ. Я было сунулъ руку въ карманъ, но Гельсингфорскій купецъ, нашъ спутникъ, сказалъ мнѣ по-Русски: «Вы можете оскорбить его подаркомъ», и я поспѣшно, снявъ шляпу и поблагодаривъ его, на моемъ Шведскомъ ломаномъ языкѣ. Въ полчаса времени всѣ вещи пассажировъ были осмотрѣны, и контрабанды не нашлось. Явился разносчикъ и

нѣсколько человекъ, съ предложеніемъ услугъ. Я принялъ тотчасъ на службу Датчанина, по имени Андерсона, который былъ, съ Англическимъ путешественникомъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, и говорилъ по Шведски. Два Шведскіе Геркулеса взымали на посылки мой багажъ, и мы отправились искать квартиры.

Въ Стокгольмѣ одинъ только трактиръ, Hotel de Commerce, гдѣ отдаются въ наемъ квартиры, но всѣ онѣ были заняты. Прѣѣзжіе изъ провинціи и путешественники останавливаются въ частныхъ домахъ, гдѣ отдаются въ наемъ комнаты съ постелью, мебелями и всѣми удобствами. На такихъ домахъ находится всегда выписка, съ надписью: Room för Resande, т. е. комнаты для путешественниковъ. Мы прошли чрезъ весь старый городъ (Staden), и нигдѣ не нашли квартиры. Но какому-то необыкновенному случаю, множество инородныхъ и помѣщиковъ съѣхалось въ столицу, въ эту пору, и всѣ квартиры были заняты. Мой новый слуга, между тѣмъ, сомнительно поглядывая на меня, и нѣсколько разъ спрашивалъ, хочу ли я очень хорошаго жилища или какойнибудь. Я рѣшительно отвѣчалъ, что и залятой вратъ всего, что только приносится какънибудь,

и хочу имѣть квартиру удобную. Датчанинъ поклонился, и удивляясь наги. Мы обошли дворецъ, съ западной стороны, взошли на великолѣпный гранитный свѣриный мостъ (Norrbro), прошли чрезъ площадь, гдѣ стоитъ статуя великаго Густава Адольфа, въ Сѣверномъ Предмѣстьѣ (Norr-malma), начинающемся лучшую частью столицы, повернули направо и вошли въ узкую улицу, Norra-Smidien-gatan, т. е. Сѣверную Кузнецкую. Тутъ, на углу, т. е. на перекресткѣ, въ домѣ подъ № 16, Датчанинъ мой вошелъ въ сѣни, и возвратился съ извѣстіемъ, что квартира готова къ моимъ услугамъ. Я пошелъ осмотрѣть. Меня приняла пожилая женщина, одѣтая въ обыкновенный нарядъ средняго сословія, и показала мнѣ комнаты. Лучшаго жилища я даже не ожидалъ. За три комнаты, чисто и даже нарядно убранныя, съ постелью, и за одну комнату, съ постелью же, для моего Русскаго служителя, съ меня спросили около 19 рублей съ полуною, на нани деньги, въ недѣлю! Я едва вѣрилъ этой дешёвизнѣ и для удостовѣренія себя, просилъ хозяйку написать цѣну на бумагѣ. Замѣтите, что у оконъ были прекрасныя занавѣсы, мебели всѣ краснаго дерева, съ шелковою покрыш-

кою, передь диваномъ коверъ, одѣло на постель шелковое и поветское, бѣлье тонкое, туалетъ со всѣми принадлежностями, словомъ полное удобство — comfort. Чистота въ квартирѣ поразительная! Нигдѣ не видно было ни пылинки и ни капли. Для вещей моихъ былъ особый темный чуланъ съ полками, и я тотчасъ расположился, заглаживъ двумя посланщикамъ столько, сколько у насъ даютъ павошикакъ на водку, сверхъ условной платы. Я далъ то, чего они сами просили, но когда они стали благодарить меня за такую малость, я далъ имъ второе, и все это еще было чрезвычайно дешево. Хозяйка моя, мадамъ Рундбергъ, принесла мнѣ печатные вопросы полиціи, по-Французски, по-Нѣмецки, по-Английски, по-Шведски и по-Русски. Вотъ въ чемъ они состояли: «Кто вы?» отвѣтъ (писанный мною по-Руски); «Русскій дворянинъ и литераторъ?» Откуда? Изъ Петербурга. За чѣмъ прѣехали? Въ ожиданіе Русской пословицы: людей посмотреть и себя показать, т. е. безъ дѣла, на прогулку. «Долго ли здѣсь пробудете?» Смотря по тому, какъ мнѣ понравится или какъ позволятъ обстоятельства. «Намѣрены ли вы проживать въ столицѣ или ѣхать въ провинціи?» Это зави-

ситъ отъ того, какъ мнѣ вздумается. Теперь, право не знаю. — Подписать эти отвѣты и приложить къ нимъ мой паспортъ, и переодѣлся и, въ сопровожденіи моего Датчанина, пошелъ въ городъ.

Первымъ деломъ почать и явиться въ Русское посольство, какъ средоточіе Русской власти, надъ всѣми Русскими подданными. Посланника нашего, Графа Л. С. Потоцкого, не было въ Стокгольмѣ. Онъ уѣхалъ на воды въ Германію. Новѣреннѣйшій въ дѣлахъ, въ отсутствіе посла, Дмитрій Григорьевичъ Глинка, не могъ меня принять, потому что былъ нездоровъ, а Секретаря Посольства Александра Абрамовича Лавонюса не было дома, но мнѣ сказали, что онъ скоро возвратится: такъ, не зная что дѣлать, я пошелъ вдоль по улицѣ, на которой находится домъ, занимаемый Русскимъ Посольствомъ.

Улица эта называется Дронингъ-гаттанъ (Drottning-gattan) т. е. Королевина, и есть тоже, что въ Петербургѣ Невскій проспектъ. Она довольно широка, застроена съ обѣихъ сторонъ высокими, порядочными домами и пролетаетъ прямою линіею чрезъ всю часть города Норр-мальмъ или Сьерраго-Предмѣстія. Мостовая

не блестящая, и тротуаровъ, какъ у насъ, нѣтъ. Я захожу въ лавки и магазины. Товаровъ много и очень хорошихъ, но великолѣпнѣе въ убранствѣ магазиновъ здѣсь не въ модѣ. У насъ, въ Петербургѣ, часто богатые шкафы и полки составляютъ все имущество хунца, а здѣсь это напротивъ, и отъ того, всѣ магазины кажутся бѣдными. Съ перваго взгляда меня поразило устройство оконъ въ домахъ. Вообще простѣйки между окнами весьма малы, а окончины (или рамы) вставлены сплошь съ наружною стѣною. Удобство отъ этого въ нашемъ сѣверномъ климатѣ очевидно! Во первыхъ снѣгъ не лежитъ на уступахъ оконъ, а во вторыхъ солнечныя лучи сильнѣе дѣйствуютъ во внутреннюю комнату, переломляясь на стеклахъ. Отраженіе ихъ производитъ странный видъ. Кажется, будто окна горятъ!

Возвратясь въ Посольство, я засталъ уже дома почтеннаго А. А. Лавоніуса. Хотя и не зналъ его прежде, и не имѣлъ къ нему рекомендательныхъ писемъ, но онъ принял меня такъ радушно, съ такою искреннею простотою, что сердце мое разогрѣлось. Въ Петербургѣ, въ Ревелѣ и въ Финляндіи мнѣ предлагали множество рекомендательныхъ писемъ, въ

Стокгольмѣ, но я отказался. Ужасно не люблю я появляться, какъ школьникъ, съ рекомендаціями и быть обязаннымъ за ласковый пріемъ, пріязни или уваженію не ко мнѣ, а къ другому. На отказъ мой взять письма, мнѣ всѣ говорили одно и то же: «Въ Стокгольмѣ вы найдете добраго, любезнаго и услужливаго А. А. Лавоніуса: это путеводительная звѣзда для всѣхъ Русскихъ, въ Швецію». Такъ и случилось! Съ рѣдкимъ добродушіемъ предложилъ мнѣ свою помощь благородный Александръ Абрамовичъ, и ему обязанъ я всѣмъ, на чужбинѣ. Г. Лавоніусъ родомъ изъ старой Финляндіи, съ молодыхъ лѣтъ находится въ государственной службѣ, знаетъ порядочно Русскій языкъ, и любитъ искренно Россію и все Русское. Онъ знаетъ весьма основательно Шведскій языкъ, пишетъ на немъ и объясняется, какъ природный Шведъ. Во время долговременнаго пребыванія своего въ Швецію (болѣе 16 лѣтъ), онъ снискалъ такую любовь и уваженіе всѣхъ сословій, что не испытать этого, трудно повѣрить. Въ Стокгольмѣ всѣ знаютъ его, отъ мала до велика, отъ знатнаго барина, до ремесленника, и именемъ Г. Лавоніуса, какъ талисманою, отворяются сердца и двери. Хотите ли познакомиться

ей съ кѣмъ нибудь или видѣть что либо любопытное; скажите, что васъ прислали Г. Лавонюсъ, и васъ примутъ, какъ стараго пріятеля, все покажутъ, всюду пустятъ. Объявите въ лавкѣ, что вы знаете Г. Лавонюса и будьте увѣрены, что вамъ продадутъ вещь хорошую и дешевле обыкновеннаго. Даже часовые пропускали меня, когда я говорилъ имъ, что Г. Лавонюсъ сказалъ мнѣ, что я могу здѣсь пройти. Откуда же эта нравственная сила? Отъ добродушія, единственно отъ добродушія и прямоты характера! Г. Лавонюсъ никому не отказалъ въ совѣтѣ, въ помощи, въ ходатайствѣ, въ услугѣ, и добрыя дѣла и благонамѣренность возбудили къ нему общую любовь въ благородномъ, нравственномъ Шведскомъ народѣ. Молва разнесла его имя по всей Швеціи, а просвѣщенный умъ и любезность Г. Лавонюса снискали ему знакомство и пріязнь ученыхъ и всего, что есть лучшаго въ Швеціи. Замѣчу здѣсь, что самая фізіономія Г. Лавонюса съ перваго взгляда принадлежитъ къ нему сердце.

Г. Лавонюсъ былъ знаетъ куда-то къ обѣду, а послѣ обѣда предложить мнѣ прогулку

въ звѣринцы. Я пошелъ обѣдать въ трактиръ. При этомъ случаѣ скажу вообще о Стокгольмскихъ трактирахъ.

Всѣ они плохи, дурно меблированы или правильнѣе вовсе не меблированы, и даже не отличаются особенною чистотою, когда напротивъ, въ частныхъ домахъ чистота доведена до бездѣлства. Кушанье нестерпимо дурно. Гастроному пришлось бы здѣсь умереть съ голоду. Я хотѣлъ не вѣрши прихотавъ въ выборъ нищи, но сознаюсь, что только голодъ могъ заставить меня къ ней прикоснуться. Въ Стокгольмѣ нѣтъ обѣда за извѣстную цѣну или table d'hôte. Обѣдаютъ по картѣ. Шведы не любятъ супу, и начинаютъ жаркимъ. Жаркое въ трактирахъ неспособное, вываренное въ водѣ и потому подавленное. Зелень приготовлена дурно. Выбѣсто бифтекса намъ подають кусокъ жареной голланди, твердой, какъ пикура, но это одно только кушанье, которое можно еще назвать сноснымъ. Соусовъ нѣтъ и въ поминѣ, и что всего удивительнѣе, въ городѣ, лежащемъ при морѣ и озерѣ, нѣтъ хорошей рыбы. Лучшая и любимая рыба здѣсь: окунь (Aborre). Пирожное плохое, а салату т. е. травѣ съ уксусомъ, нельзя взять въ ротъ. Здѣсь обычай,

какъ въ Остзейскихъ провинціяхъ, завтракать, когда обѣдъ уже на столѣ. Завтракъ изъ соленыхъ рыбъ, редисовъ, масла и проч. стоитъ на особомъ столѣ. Каждый подходитъ къ этому столу, выкушаетъ водки, и закуситъ, а потомъ уже садится за столъ. Я замѣтилъ, что изъ ста человѣкъ не нашлось ни одного, который бы не выпилъ водки, и удивился огромному размѣру рюмокъ! Водка эта оказалась мнѣ отвратительною, но необыкновенной сладости. Это родъ сиропа, безъ благовопія, которое умѣютъ сообщать ликерамъ наши дистилаторы. Всѣ стоимъ въ трактирѣ были заняты, но только я одинъ спросилъ Французскаго вина. Вообще Французскихъ винъ здѣсь нѣтъ мало, и отъ того они дурнаго качества. Я не могъ выпить ни одной рюмки. Шведы пьютъ за столомъ свой портеръ или мадеру и хересъ, Обыкновенное нитѣ здѣсь швадрикъ, середина между нашимъ квасомъ, и слабымъ пивомъ. Это ячменный взваръ, безъ хмѣля. Но Шведы стыдятся спрашивать его въ трактирѣ. Любимыя кушанья Шведовъ, какъ я замѣтилъ, суть кислое молоко, ягоды (земляники) съ сладкимъ молокомъ и жареное мясо. Мелкій сахаръ стоитъ въ вазахъ на всѣхъ столахъ, потому что Шве-

ды сахаряютъ почти всѣ кушанья. Отсюда переняли этотъ сладкій обычай Лифляндцы и Эстляндцы. Но если кушанье дурно, за то ужъ и дешево! Порція стоитъ отъ 30 и 40 до 60 конфектъ. Самая высокая цѣна, такъ называемыхъ, лучшихъ блюдъ 80 конфектъ.

Если въ Шведскихъ трактирахъ нѣтъ отрады для вашего поднебенья и желудка, за то для глазъ полное наслажденіе. Самыя дурныя и безвкусныя въ мірѣ кушанья, подають вамъ самыя милостивыя дѣлушки.

«Которыхъ краше не сыскать,

Отъ стѣнъ Московскихъ до Пеккина!»

Во всѣхъ трактирахъ, кофейныхъ домахъ и у частныхъ людей (исключая знатныхъ и весьма богатыхъ) всю домашнюю прислугу составляютъ женщины, а для прислуги въ трактирахъ избирають самыхъ прекрасныхъ изъ красавицъ. Трактирные прислужницы одѣты весьма чисто, красиво и даже роскошно, служатъ ловко и еще ловче бросаютъ нѣжныя взгляды, сопровождая каждое движеніе привлекательною улыбкою. Замѣчательно, что во многихъ трактирахъ, эти милостивыя прислужницы не получаютъ вовсе жалованья, а гдѣ имъ платятъ, то самую малость, пять или шесть рублей ассиг-

нациями въ мѣсяцъ. Посѣтители трактировъ не привыкли дарить прислужницъ, по обычаю Французскому. Не знаю, изъ какихъ доходовъ наряжаются эти Гебен! Что онѣ богаты красотой, въ этомъ я свидѣтельствую моею подписью, но чтобы онѣ имѣли капиталы, въ этомъ сомнѣваюсь! Вѣроятно, онѣ, въ свободное отъ службы время, занимаются какою нибудь прибыльною промышленностью, но это до меня вовсе не касается. Голодный, любовался я этими подвижными куколками, и унесъ изъ трактира съ тѣмъ, чтобы пообѣдать дома чаемъ, съ хлѣбомъ. Вѣрный хлѣбъ въ трактирахъ похожъ на жидовскіе калачи. Онъ черенъ и вязокъ. Шведы употребляютъ весьма мало хлѣба. Они ѣдятъ сушеные оврѣскоки, кнеке-бре (kneke-brö), которые для непривычнаго не имѣютъ ни какого вкуса.

А. А. Лавоніусъ, прѣхавъ за мною, въ колесѣ, долженъ былъ выслушать мои горькія жалобы на Шведскую кухню, и посмѣялся надъ нашею Петербурскою извѣженностью. Онъ обѣщалъ пособить моему горю. Мы отправились въ звѣринецъ.

Ни одна изъ Европейскихъ столицъ не имѣетъ гульбища, которое можно было бы сравнить

съ Стокгольмскимъ звѣринцемъ, по красотѣ мѣстополюженія и обширности. Парижскій Булонскій Лѣсъ, Лондонскій Гринъ, Вѣнскій Пратеръ, Берлинскій, такъ называемый, Звѣринецъ (Thiergarten) далеко отстали отъ Стокгольмскаго гульбища! Оно устроено на обширномъ полуостровѣ, усѣянномъ скалами, различныхъ видовъ, между прелестными долинами. Произрастеніе нынѣшное, богатое. Тополы, дубы, ялмы, дикіе каштаны удивительно хороши! Иныя скалы вовсе обнажены, другія заросли мохомъ или травою, и только мѣстами показываютъ голыя свои ребра; на иныхъ скалахъ, въ ущельялахъ, выросли высокія деревья, на наносной вѣтромъ выслѣ. Вокругъ всего острова и поперекъ его проведены аллеи, для ѣзды въ экипажахъ и для пѣшиходовъ. На каждомъ шагу взорамъ представляется новая картина, единственная въ своемъ родѣ! Мимо гульбища проходятъ корабли, на всѣхъ парусахъ, и быстро несутся пароходы: множество лодокъ порхаетъ, во всѣхъ направленіяхъ. Море, заливъ, живописныя окрестности, острова и городъ видны съ различныхъ точекъ гульбища, рисуясь то напораномъ, то ландшафтомъ, а кромѣ того, самое гульбище привлекаетъ взоры своимъ разнообразіемъ. Ве-

ресть застроены прелестными дачами, принадлежащими частным людям. Тут же находится заведение минеральных водъ, съ квартирами на лето, лѣтній театръ и нѣсколько трактировъ. При самомъ вѣздѣ въ Ахернинецъ, стоитъ колоссальный бюстъ анакреонтическаго поэта Бельмана, самаго народнаго изъ Шведскихъ писателей. Памятникъ поэту на народномъ гудбинцѣ! Видали ли вы это гдѣ-либо, друзья мои? — Это памятникъ нѣжному чувству Шведскаго народа: я сильно заплачу и поклонюсь. . . .

На сѣверной сторонѣ полуострова, на берегу залива (*Sufbrans-viken*), построены пышнѣйшіе Королевъ Карломъ XIV небольшой дворецъ или, какъ здѣсь говорятъ, *павильонъ*, называемый *Розендалъ*. Дворецъ въ два этажа, не болѣе нашего Петергофскаго Монплезира. Архитектура дворца простая, но благородная, въ новомъ Итальянскомъ вкусѣ. Король, съ своею фамиліею, часто здѣсь обѣдаетъ и проводить время до вечера въ жаркіе лѣтніе дни. Паркъ кругомъ Розендала убранъ цвѣтами и цвѣтущими кустарниками. Деревья здѣсь превосходно группированы. Передъ дворцомъ стоитъ знаменитая порфиrowая ваза, какъ говорятъ, огромнѣйшая

въ свѣтѣ, какая только была когда-либо издѣлана изъ этого красиваго и рѣдкаго камня. Ваза эта изъ одного куска, имѣетъ одиннадцать футовъ въ діаметръ, девять футовъ вышины и тридцать шесть футовъ вокругъ верхняго отверстія. Она сдѣлана по образцу одной древней вазы, найденной въ Геркуланѣ. Цвѣтъ порфира свѣтло-красный, съ черными, зелеными и бѣлыми пятнами и жилами. Полировка превосходная. Ваза стоитъ на огромномъ кускѣ или обломкѣ неполированного гранита. Драгоценный порфиръ находится въ рудникѣ Эльфдалъскомъ, въ Далекарліи, принадлежащемъ Королю. Обработка порфира производится на мѣстѣ, въ Эльфдалѣ.

Мы осмотрѣли внутренность дворца. Нижний этажъ (*rez de chaussée*) убранъ чрезвычайно просто, но второй этажъ (*au premier*), великолѣпно и съ большимъ вкусомъ. Картины, по большей части, представляютъ драгоцѣнныя воспоминанія для хозяина этого очаровательнаго жилища. Чудные виды Норвегіи и Швеціи, со всѣми ужасами и прелестями грозной сѣверной природы, писанные Шведскими живописцами, по большей части Шведскими офицерами; видъ сраженія при Денисандѣ (въ 1815 году),

писанный также офицеромъ, и портреты Королевской фамилии, украшаютъ стѣны второго этажа. Изъ старыхъ товарищей импѣриалаго Короля, я нашелъ портретъ одного только Генерала Клебера, командовавшего въ Египтѣ, послѣ отъѣзда Вонапарты. Ни въ одномъ королевскомъ дворцѣ нѣтъ ни портрета, ни бюста Наполеона. Напротивъ того, во всѣхъ окнахъ Стокгольмскихъ лавокъ и магазинахъ выставлены его портреты, а во всѣхъ частныхъ Шведскихъ домахъ портретъ или бюстъ Наполеона есть перья принадлежность комнатъ. Небольшой кабинетъ королевскій, превосходенъ по удобству и расположенію. Библиотека состоятъ изъ Французскихъ классиковъ и военныхъ авторовъ. Всѣ комнаты расположены въ одну линію, вокругъ дворца (en enfildé).

Изъ Розендала мы отправились гулять пешкомъ по звѣринцу, и преположили зайти, на чашку чаю, къ нашему Генеральному Консулу, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Исааку Абрамовичу фанъ - Брину, съ которымъ хотѣлъ познакомить меня мой ангель-хранитель, А. А. Лавоніусъ. Но едва прошли мы нѣсколько сажень, какъ встрѣтили почтеннаго фанъ-Брина, вмѣстѣ съ зятемъ его, Генераломъ

Дюнейрономъ (Почтъ-Директоромъ и Губернаторомъ королевскаго замка Гринегольма) и первостатейнымъ кушечемъ Г. Шеномъ. Мы познакомились подъ открытымъ небомъ, погуляли вмѣстѣ, и пошли на чай къ Господину фанъ - Брину, который представилъ меня своей супругѣ, умной, любезной дамѣ. При первомъ свиданіи я принялъ ее за Француженку, по ея пріятному разговору и пронашенію. Намъ Русскій Генеральный Консулъ есть истинный представитель Русскаго гостепріимства и хлѣбосолюства и Русскаго добродушія. Я провелъ въ его домѣ весьма пріятный вечеръ; въ разговорахъ я много узналъ на счетъ торговли Швеціи, и принеся домой записалъ слышанное въ мой журналъ, чтобы потомъ повѣрить.

Мы, съ А. А. Лавоніусомъ, рѣшились возвратиться домой пешкомъ. Изъ звѣринца переѣхали мы, на лодкѣ, на островъ Адмиралтейства. Меня удивило, что здѣсь перевозятъ женщины, обыкновенно Далекарлинки! Онѣ приходятъ толпами изъ своей бѣдной провинціи, для заработка денегъ въ столицѣ. Мужчины почитаютъ униженіемъ для себя заниматься легкою работою и служатъ въ домахъ.

Благороднымъ занятіемъ Шведъ считаетъ только земледѣіе, обработываніе рудниковъ и морскую службу. За все другое онъ берется неохотно. Слуги составляютъ, такъ сказать, особое сословіе. За то женщины дѣлаютъ все, что только не превышаетъ ихъ силъ. Лодкою управляютъ онѣ съ величайшимъ искусствомъ. Мы прошли чрезъ красивую аллею Шинсь-гольма, чрезъ длинный плывучій мостъ, соединяющій островъ съ материкомъ и, въ 12 часовъ ночи, я былъ дома. Пройдя большое пространство городомъ, мы не встрѣтили патрулей, не видали часовыхъ или будочниковъ, а притомъ не замѣтили ничего такого, что бы требовало посредничества полицейской власти. Вездѣ тихо, смирно и благопрістойно. Такой патриархальности нравовъ не замѣчали я ни въ одной Европейской столицѣ!

X.

ПРОГУЛКА ПО ДРЕВНЕМУ ГОРОДУ (Staden). РАЗДѢЛЕНІЕ
СТОЛИЦЫ. — Значеніе названія. — Преданіе объ
основаніи города. — Дворецъ. — Архитекторъ Графъ
Тессенъ. — Монументы: гражданамъ Стокгольма и
Густаву III. — Большая площадь (Stortorget). — Истори-
ческія воспоминанія. — Большая церковь (Storkyr-
kan). Бывшій домъ Канцлера Акселя Оксеншер-
на. — Биржа и въ ней засѣданіе Шведской Академіи.
— Первый визитъ, одержанный основателями Акаде-
міи. — Нынешняя церковь. — Иконы въ Швеціи. —
Площадь древняго города. — Домъ рыцарства, или
дворянства. — Монументъ Густава Вазы. — Видъ уагдъ
и лабоксъ. — Приятная печальность для авторскаго
самодурія. — Радостныя вѣсти для Русскаго. — Зна-
комство съ переводчикомъ Дмитріемъ Самохваломъ.
— Советъ друзьямъ насчитать знакомства.

Весь нынѣшній день посвящать я прогулкѣ
по городу и осмотру главнѣйшихъ зданій. Я
вышелъ со двора въ 7 часовъ утра, запасшись
планомъ города и различными моими замѣтками и
выписками. Проводникомъ и толмачемъ былъ мой
наемный слуга, Датчанинъ. Позвольте, друзья,
быть систематическимъ безъ недостатка, и раз-
сказать вамъ все видѣнное мною, по порядку.

Городъ раздѣляется на шесть частей. 1-я Такъ называемый *городъ* (Staden), расположенный на полуостровѣ и трехъ островахъ. Густавсъ - гольменъ, лежитъ прямо передъ вами, когда вы приближаетесь къ столицѣ, съ моря; Риддартъ-гольменъ (дворянскій островъ) и Гельгеандсъ-гольменъ (Helgeands - holmen) лежаще съ тыла, на Меларскомъ Озерѣ. 2-е Норртъ-малмъ (Сѣверное Предмѣстіе) съ Вазанъ-гольменъ, находится по правую руку, когда вы въѣзжаете въ Стокгольмъ съ моря. 3-е Ладугарсландетъ (Ladugårdslandet) часть города, прилегающая, съ восточной стороны, къ Сѣверному Предмѣстью и смежная съ полемъ (Ladugårdsgården), на которомъ бывають уменыя, маневры и смотры войскъ. 4-е Кунгсгольменъ (Kungsholmen), т. е. Королевскій Островъ, на западъ отъ сѣвернаго предмѣстья, на Меларскомъ Озерѣ. 5-е Сальтсѣ-гольмарне (Saltstö-holmarne) т. е. морскіе острова, какъ то: Шинсъ-гольменъ, Кастель-гольменъ. Вальденарсъ-анъ и Векгольменъ, мимо которыхъ надобно проходить, входя въ Стокгольмскій портъ, и 6-е Сѣдербъ-малмъ (Södermalm) т. е. Южное Предмѣстіе, лежащее съ лѣвой стороны, при въѣздѣ, съ моря, въ Стокгольмъ. Къ этому предмѣстью

принадлежать, на Меларскомъ Озерѣ, острова Денггольменъ и Рекнигтъ-гольменъ, соединяющіеся мостами между собою и съ Сѣдербъ-малмъ. Заливы моря и Меларскаго Озера глубоко проникають, своими рукавами, внутрь холмистаго материка, на которомъ построенъ городъ, и чрезвычайно украшаютъ виды. Весь городъ состоитъ изъ острововъ и полуострововъ, соединенныхъ между собою мостами. Предмѣстіе южное, окружено водою, со стороны моря и со стороны озера, и имѣетъ два перешейка. Гдѣ ни станете, отсюду открываются прелестныя виды на городъ, на море, на Меларское Озеро и на очаровательныя окрестности! Панорама здѣсь на каждомъ шагу.

Стокъ (Stock) на древне-Германскомъ языкѣ значить *текущую воду*, а по-Ланландски *проливъ*. *Гольмъ*, значить по-Шведски *островокъ*. Вотъ происхождение названія города. Первое поселеніе, по преданіямъ, было на самомъ маломъ изъ острововъ *Гельгеандсгольмена*, который въ старину назывался *Стокгольменъ*. Въ преданіяхъ или сагахъ, это мѣсто называется *Асифитъ* (т. е. *Агни* или *Агна*). Агни (по сагамъ) былъ дивнымъ Шведскій Кунунгъ, послѣ Одена. Побѣдивъ Финскаго старшину или

Конунга Фроста, Агнъ увезъ дочь его Скъялфу (Skjalf), знаменитую красотою. Прибывъ на Шведскіе берега, Агнъ въ одинъ день праздновалъ похороны отца своего Дага, и свою свадьбу съ прекрасною Скъялфой. Когда, послѣ пиришества, Агнъ уснулъ въ своей палаткѣ, Скъялфа, въ отмщеніе за смерть отца, повѣсила своего пьянаго супруга на деревь и бѣжала въ Финляндію, съ нѣсколькими изъ своихъ приверженцевъ. Съ тѣхъ поръ это мѣсто называлось *Агнефитъ*, т. е. противъ Агна. Происшествіе это случилось между третьимъ и пятымъ вѣкомъ; неизвѣстно, когда именно. *
Выгодное мѣстоположеніе Агнефита привлекало туда жителей, и, постепенно изъ рыбацкй деревни возникъ здѣсь городишка, на Гельгеландгольменѣ, и сѣверо-восточной оконечно-

* Въ древнихъ сагахъ не должно искать хронологіи, потому что при изустномъ повтореніи событій, происшествія запутывались и достоверность замѣнялась поэзіей. Иногда одно событіе приравнивалось къ различнымъ лицамъ и оттого сбивалось въ дѣтосчисленіи. Мы думаемъ, что поэзія обо Агнѣ принадлежитъ ко времени, предъ началомъ набѣговъ Норманскихъ.

сти полуострова или Стадена. Новое селеніе названо Стокгольмомъ, отъ мѣстности.

Скандинавскій Полуостровъ, какъ извѣстно, раздробленъ былъ на множество мелкихъ удѣловъ, явившихъ своихъ владыкъ или Конунговъ. Вся сила настоящаго племени Шведскаго, правильнѣе Свейскаго * (Svea), т. е. народа Готскаго племени, пришедшаго съ Оденонъ, отъ Чернаго Моря, на Сѣверъ—сосредоточивалась на Меларскомъ Озерѣ. На берегахъ его было семь городовъ и множество замковъ. Столица Свейскаго Государства (по древнему Svea — rik, по новому Sverige) была Сигтуна, городъ на берегу сѣвернаго рукава Меларскаго Озера. Тогдашняя столица означала мѣсто, гдѣ происходили Сеймы (Thing), и гдѣ Конунгъ будучи и первосвященникомъ, совершалъ жертвоприношенія въ главномъ храмѣ. Самъ Конунгъ рѣдко оставался на одномъ мѣстѣ; онъ долженъ былъ безпрестанно обѣзжать область, для наблюденія за правосудіемъ и соби-

* Нашъ Историъ весьма правильно называетъ, Шведовъ *Свейми* (отъ Svea). По справедливости, Шведовъ и нынѣ должны мы называть этимъ же именемъ, не подражая Нѣмцамъ.

раніемъ подати, или находился на войнѣ. Въ 1188 году, по Р. Х., Эстонцы, которые издревле занимались морскими разбоями, въ чѣмъ имъ, безъ сомнѣнія, помогали союзники ихъ, Новгородцы, вторглись въ Меларское Озеро, и стали грабить окрестныя селенія. Конунгъ, съ отборнымъ воинствомъ, былъ въ отлучкѣ, на войнѣ съ сосѣдями, и Эстонцы взяли Сигтуну, разграбили и сожгли ее до тла. Послѣ этого несчастія большая часть жителей Сигтуны переселилась въ Стокгольмъ. Селеніе сдѣлалось значительнымъ и для защиты его укрѣпили проливъ, соединяющій Меларское Озеро съ моремъ. Первое укрѣпленіе, какъ водилось на Сѣверѣ, было деревянное.

Городомъ назвался Стокгольмъ при правителѣ Виргерѣ-Ярлѣ, который далъ ему привилегіи, въ 1255 году. Виргеръ-Ярль, мужъ великій въ исторіи Швеціи, полюбилъ Стокгольмъ и укрѣпилъ его двумя замками*, при устьѣ двухъ проливовъ (отъ 1260 до 1270 годовъ). Городъ ограничивался однимъ Стаденомъ, т. е. боль-

* Замки эти нынѣ не существуютъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти замки были деревянными, т. е. срубы съ башнями.

шимъ островомъ, съ принадлежащими къ нему двумя островами. Дома, какъ на всемъ Сѣверѣ, были деревянные. Частые пожары истребляли городъ. Густавъ Ваза издалъ указъ (въ 1532 году), которымъ повелѣно было сносить всѣ деревянные дома въ городѣ, и на мѣсто ихъ строить каменные. Но это распоряженіе не было исполнено во всей силѣ, и только казенныя зданія и церкви воздвигались изъ кирпича. Постепенно возрастающее величіе Швеціи и водвореніе порядка въ государствѣ, послѣ долговременныхъ смутъ и войнъ съ внѣшними врагами, возвысая промышленность, дали возможность наслѣдникамъ Густава Вазы распространить и украсить столицу. Стокгольмъ отъ Густава I (Вазы) до Густава III безпрерывно украшался и распространялся. Нынѣшній Король сдѣлалъ также много для украшенія города и для его пользы.

Важнѣйшій изъ главнѣйшихъ зданій и памятники, достойные вниманія, и начнемъ съ древняго города (Staden). Первое зданіе въ Стокгольмѣ и въ цѣлой Швеціи и даже одно изъ первыхъ въ мірѣ, есть, безъ сомнѣнія, Королевскій дворецъ, по мѣстоположенію и по архитектурѣ. Древній замокъ, въ которомъ помещались Ко-

роли Швеции, пришелъ въ такую ветхость, что Карлъ X, выписавъ изъ Франціи архитектора (Jean de la Vallé), вознамѣрился перестроить древнее зданіе. Смерть Короля уничтожила это предположеніе, и Карлъ XI рѣшился воздвигнуть дворецъ въ новомъ вкусѣ. Одинъ изъ Французскихъ выходцевъ, поселившихся въ Швецію, Графъ Никодимъ Тессинъ (Tessin), знаменитый архитекторъ, представилъ въ 1688 году планъ, который восхитилъ всѣхъ знатоковъ дѣла. Лудовикъ XIV, которому Парижъ и вообще Франція обязаны возобновленіемъ вкуса въ Архитектурѣ, былъ чрезвычайно доволенъ планомъ Стокгольмскаго дворца, и приказалъ даже поздравить Шведскаго Короля, на счетъ пріобрѣтенія такого отличнаго художника, какъ Графъ Тессинъ*. Къ постройкѣ приступлено въ 1692, году, и въ нѣсколько лѣтъ конченъ сѣверный фасадъ, въ которомъ находилась придворная церковь, чудо искусства, по современнымъ запискамъ. Всѣ барельефы, колонны, нозы и даже скамьи были изъ бѣлаго мрамора. Превосходныя картины украшали стѣны. Но прежде нежели началъ строить три

* По его же плану выстроитъ дворецъ въ Копенгагенѣ.

оставшіе фасады, новое зданіе сгорѣло, 7 Маи 1697 года, въ то самое время, когда смертные останки издителя его были еще на катафалкѣ. Съ трудомъ спасли тѣло покойнаго Короля. Карлъ XII утвердилъ новый планъ, представленный Графомъ Тессинномъ, но въ царствованіе сего воинственнаго Государя, всѣ мирные труды или медленно, и постройка дворца прерывалась нѣсколько разъ, по недостатку денегъ. Наконецъ Сеймъ рѣшилъ собрать подать, на окончаніе постройки дворца, которая возобновилась въ 1628 году, послѣ двадцатилѣтняго бездѣйствія. Надзоръ за постройками порученъ былъ сперва сыну Графа Никодима, Карлу Густаву Тессину, Сенатору, а потомъ Барону Герлеману и въ 1732 году Королевская фамилія наконецъ водворилась во дворецъ, не имѣвъ достойнаго своему сану помѣщенія, въ теченіе 56 лѣтъ.

Четыре фасада дворца образуютъ внутри квадратъ *. Главную красоту зданія составляетъ

* Длина сѣвернаго фасада 328 футовъ. Ширина зданія съ сѣверною фасадъ 42, съ западною 53 футовъ. Сѣверный фасадъ отътого дѣлится, что къ нему пристроены два флигеля. Южный фасадъ короче, одинъ флигель.

удивительная пропорція всѣхъ частей. Наружныхъ украшеній нѣтъ вовсе, исключая колонны и орнаментовъ надъ четырьмя въѣздами. Крыша плоская, Италіанская. Въ главномъ зданіи большія окна въ три ряда, а кромѣ того, надъ первымъ и послѣднимъ ярусами находится по одному ряду малыхъ антресольных оконъ и рядъ оконъ въ подвалѣ. Изъ приложенной здѣсь картинки можно имѣть нѣкоторое понятіе объ архитектурѣ дворца. Но самый великолѣпный видъ дворца съ сѣверной его стороны. Высокое гранитное основаніе, въ родѣ террасы, служащее подножіемъ дворцу, сообщаетъ ему двойное величіе и одноэтажные флигели, по обоимъ концамъ, увеличивая протяженіе фасада, даютъ главному корпусу видъ необычайной огромности. Ни одинъ дворецъ въ мірѣ не имѣетъ такого величественнаго подѣзда, какъ Стокгольмскій, по террасѣ съ сѣверной стороны. Дворецъ имѣетъ одинъ только дворъ, между четырехъ своихъ фасадовъ. Съ западной стороны пристроены флигели, образующіе другой дворъ, имѣющій видъ полулуннаго. Здѣсь находятся караулы пѣхоты, конницы и артиллеріи, съ заряженными пушками. Конный караулъ содержать, такъ называемые гѣдохранители

(gardenes du corps). Они одѣты по-гусарски въ голубые доломаны, съ желтымъ (у офицеровъ золотымъ) шитьемъ, и имѣютъ Венгерскіе кивера, съ крыломъ и бѣлымъ султаномъ. Люди всѣ молодые и на подборъ красавцы, набранные изъ охотниковъ, ловкіе, поворотливые. Большой дворъ пусть совершенно.

Южными воротами вышелъ я, на такъ называемую, Замковую Гору (Slottshagen) правильные дворцовую площадь. Она отлогая въ море, расширяясь при склоненіи, въ видѣ треугольника. На возвышенной точкѣ площади стоитъ гранитная пирамида, построенная Королемъ Густавомъ III, въ честь гражданъ Стокгольмскихъ, за пожертвованія, оказанныя ими во время войны съ Россією (въ 1798 — 1799). Пирамида сія кончена въ 1800 году. Напротивъ ея, на морскомъ берегу, гдѣ кончится площадь, стоитъ бронзовая статуя Густава III, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ ступилъ на родную землю, по заключеніи мира съ Россією, въ 1794 году. Король изображенъ опирающимся лѣвою рукою, на кормило, въ правой держитъ оливковую вѣтвь, и кажется, хочетъ направить шаги во дворецъ, смотря ласково на площадь, которую воображеніе художника наполнило

народомъ. Король въ рыцарскомъ парадѣ, въ мантии, съ обнаженною головою. Статуя имѣетъ 11 футовъ вышины, и утверждена на pedestalъ, изъ Шведскаго порфира. Моделировалъ статую знаменитый Шведскій скульпторъ Сергелъ (Sergell). Выливалъ изъ бронзы Апелъквистъ. Она открыта была 24 Января (день рожденія Густава III) 1808 года, при смѣнѣ его, Густавъ Адольфъ IV, и воздвигнута изданиемъ гражданъ Стокгольмскихъ, ижно любиминыхъ Густава III. Статуя имѣетъ нѣсколько театральную позу, это правда, но вообще это одно изъ лучшихъ произведений искусства, по простотѣ и правильности формъ и тщательности отделки. Я призадумался, смотри на эту статую: Густавъ III, котораго достоинства и заслуги не многими оценены, въ полной мѣрѣ, есть мой герой. вопреки всѣмъ Шведскимъ историкамъ! Я поговорю объ этомъ подробнѣе, въ своемъ мѣстѣ.

Отсюда пошелъ и на знаменитую, такъ называемую Большую Площадь, (Stortorget), которая не болѣе шестой части Петербургской Малой Морской Улицы. Это самая древняя площадь въ Стокгольмѣ. Весьма замѣчательно, что площадь или рынокъ по древне-Шведски назывался *torge* (torg), выговаривается также

torg). По-Славяно-Русски говорится *торжище*, по-Поляски (*targ*) *таргъ*, по-Чешски *torze* (trh), по-Сербски *torozsto* (torozszo), по-Каринтски и по-Вендски *terge* (terg), по-Кроатски *terbozina* и *terge*, по-Далматски *tarze* (tarzh), по-Боснийски *terge*, по-Рагузски *tarze*, *тарговиште* (targowiste), *тарговина* (targowina) и т. д. Вопросъ: кто у кого занялъ это слово, необходимое въ гражданскомъ быту, Славяне отъ Шведовъ или Норманы отъ Славянъ? Защитники жуземищины, которые утверждаютъ, что мы все заимствовали отъ Нѣмцевъ, и ничѣмъ не обязаны нашему Славянскому уму, скажутъ, что Норманы, проходя чрезъ Россію (т. е. Гардарику и Аустурветъ) въ Грецію и къ Черному Морю, научили Славянъ *торговати*, и завели у нихъ *торжища*. Положимъ даже, что это правда, но отъ кого же взяли это слово Поляки, Чехи, Венды, Адриатическіе Славяне? Ужели заимствовали отъ Нормановъ или отъ Русскихъ Славянъ? Но они не знали Нормановъ, а нѣкоторые племена вовсе не имѣли даже сношеній съ Русскими Славянами! Неужели всѣ эти Славянскія племена не *торговали* прежде, пока Норманы не завели *торговли* у Русскихъ Славянъ? — Странное предположеніе! Господа Нѣ-

мецкие ученые и их сланные последователи между Славянами, уверяют насъ, что Славяне не знали ни оружія, ни торговли, пока Нѣмцы не научили ихъ *соевѣтъ, торговѣть* и плавать по водамъ *, а между тѣмъ, во время Карла Великаго, на Востокъ Европы только одни Славяне жили города и вели торговлю; только они умѣли противустоять могуществу Франковъ, и когда Норманы были только морскими разбойниками, Славяне сосредоточивали уже въ своихъ прибалтійскихъ городахъ всю торговлю Сѣвера! Враги Славянскаго имени говорить одно, а факты указываютъ другое! Враги Славянъ основываются на отрывистыхъ рѣчахъ невѣжественныхъ миссіонеровъ и писцовъ Среднихъ Вѣковъ, а дѣла наши оставили по себѣ слѣды во всѣхъ исторіяхъ Сѣвера!

Вотъ что я объ этомъ думаю! На обширномъ пространствѣ, занимаемомъ Славянами на Востокъ и Сѣверовостокъ Европы, между дѣсами и болотами, были какъ бы оазисы, гдѣ находились поселенія Славянскія. Торжища и

* Эти толки приняты за историческую истину даже въ Исторіи Карамзина!

перевозы * при селеніяхъ означали ихъ важность и въ послѣдствіи, когда образованность возникла, селенія съ торжищами и при перевозахъ сдѣлались городами. Славяне издревле были землепашцы, скотоводцы и звѣроловы, т. е. были богаты тѣмъ, что составляетъ истинное богатство, въ полудикомъ состояніи. Климатъ въ Скандинавіи и на Сѣверо-востокъ Россіи былъ тогда гораздо жесточе нынѣшняго, и бѣдныя племена шли за хлѣбомъ, медомъ, восккомъ и рогатыми скотомъ къ Славянамъ, обитавшимъ въ странахъ болѣе умѣренныхъ и плодородныхъ. Шкуры, воскъ и медъ покупали у Славянъ не только Скандинавы, но даже Арабы и Греки, и нѣтъ сомнѣнія, что когда Норманы и Скандинавы узнали Славянъ, предки наши были уже народъ *торговой*, земледѣльскій и воинственный и находились съ ними на одинакой степени просвѣщенія. И такъ вѣроятно, что Славянское слово забрело на Сѣверъ! Какъ бы то ни было, но вотъ древнѣйшее торжище въ Стокгольмѣ, припоминающее много историческихъ событій!

* См. Россія въ истор. геогр. стат. и литер. описаніяхъ и проч.

Исторія Швеції писана кровью сыновъ ея. Отъ баснословныхъ временъ до новѣйшей эпохи, Швеція раздраема была междоусобіями и войнами. Только Исторія Англіи превосходитъ ужасами бытописанія народа Шведскаго! Географическое положеііе Швеції спасло се отъ совершенной гибели, но если бы она лежала на берегахъ Эльбы или Одера, то вѣрно бы не существовала уже до сихъ поръ! Причиною всѣхъ золъ была борьба аристократіи съ властью, раздоры въ недрахъ самой аристократіи для приобрѣтенія власти, и право избранія Королей. Это было то же самое, что въ древней Польнѣ, съ тою разницею, что въ Швеції городскіе и сельскіе жители участвовали въ раздорахъ, и что здѣсь было болѣе звѣрства и жестокости въ месть и въ средствахъ къ достиженію цѣли.

По смерти послѣдн.го Датскаго Короля Валдемара III (1375), Геконъ Король Норвежскаго (1580) и сына его Олофа (1587), провозгласившаго, въ юности, Королемъ Даніи и Норвегіи, Маргарита, дочь Валдемара III, супруга Гекона и мать Олофа, была избрана правительницею Даніи и царствующею Королевою Норвегіи. Въ Швецію былъ избранъ Королемъ Албрехтъ, Герцогъ Мекленбургскій (братъ цар-

ствующаго Герцога) которыхъ Шведы были недовольны, за предпочтеніе, оказываемое имъ Нѣмцамъ и за дачность къ деньгамъ. Маргарита, прозванная, по справедливости, Сѣверною Семiramидою, Государыня мудрая, твердая духомъ и красавица, умѣла воспользоваться спорами дворянства Шведскаго, за наследство богатѣйшаго изъ аристократовъ (Бонсонса), и собрала партію, которая провозгласила ее Королевою Швеції. Разумѣется, что Албрехтъ защищалъ права свои оружіемъ. Разбить войско Албрехта, и взявъ его въ плѣнъ, Маргарита объявила наслѣдникомъ своего малолѣтнаго племянника своего, Эрика², (1596 г.), который въцѣпъ на царство въ присутствіи Маргариты, въ Кальмарѣ, въ 1597 году. Маргарита собрала на это торжество, знатѣйшее дворянство и духовенство изъ Даніи, Норвегіи и Швеції и убѣдила ихъ подписать, отъ имени своего народа, согласіе на вѣчное соединеніе трехъ Государствъ, подъ однимъ скипетромъ. Отъ имени Швеції подписались неболѣе 17 вель-

² Сынъ Вратислава VII, Герцога Поморскаго (Помераніи), потомка Славянскихъ Князей, жемчуга на сестрѣ Маргариты.

можъ. Это знаменитое событіе извѣстно въ Исторіи подъ именемъ *Кальмарскаго союза* (*Calmarische Union*). Главныя статьи союза были слѣдующія: вѣчный миръ и согласіе между тремя государствами; общее избраніе Короли, съ предпочтеніемъ королевскихъ сыновей; особое управленіе для каждаго государства, по кореннымъ туземнымъ законамъ; общая защита отъ враговъ, съ условіемъ, однако жъ, не принуждать туземцевъ служить внѣ отечества, и наконецъ, запрещеніе бѣглецамъ изъ отечества скрываться въ союзныхъ государствахъ. Планъ Маргариты былъ мудрый и великій, и если бы замыслы ея приняли такое направленіе, какое она дала имъ при своей жизни, то три сѣверныя государства, слившись вмѣстѣ, могли бы сдѣлаться сильнѣйшею державою на Сѣверѣ, и взять перевѣсъ въ Европѣ. Но этотъ союзъ принесть самыя горькіе плоды, и въ Исторіи трехъ государствъ это самая плачевная эпоха! Избирательные Короли, большею частью, имѣли пребываніе въ Даніи, поручая управленіе Швеціи и Норвегіи правителямъ, и отягчая народъ податями. Честолюбіе вельможъ порождало безпрерывныя интриги и мятежи, которые влекли за собою кровопролитія и грабительства,

а въ слѣдствіе того ненависть къ чужеземному владычеству. Кровь лилась безпрерывно на знамяхъ и на полѣ битвы, города и села пылали, голодъ и болѣзни, слѣдствіе безпорядковъ, опустошали Скандинавскій Полуостровъ. Послѣдній изъ Королей эпохи Кальмарскаго союза, Христіанъ II, переполнялъ мѣру жестокости и угнетенія. Еще при жизни отца своего, онъ сдѣлался извѣстнымъ своимъ беззастѣнчивымъ, при управленіи Норвегіею. Вступивъ на престолъ трехъ Королевствъ, онъ воспользовался междоусобіемъ, происшедшимъ въ Швеціи отъ вразды Епископа Густава Тролле, съ правителемъ государства, Стеномъ Стуре, испросилъ отъ Папы отлученіе отъ Церкви правителя и всѣхъ его приверженцевъ, пошелъ съ войскою въ Швецію, разбилъ противниковъ (22 Іюля 1518 года), и захватилъ Швецію кровью. Весь 1519 годъ продолжались казни и убійства. Въ слѣдующемъ году умеръ добрый и мудрый правитель Стень Стуре, и въ Швеціи водворилось безначаліе. Нѣкоторые города, однако жъ, не сдавались Королю Христіану. Стокгольмъ защищала мужественная вдова Стена Стуре (Христіна Гилленшерпе), но вельможи, собравшись въ Упсаль, рѣшились поддаться

Королю, который обещать всепрощение и управление Швецией по ее законам, на основании Кальмарскаго союза. Стокгольм сдался и Король Христианъ, занявъ городъ и замокъ своимъ войскомъ, пригласилъ на совѣщаніе знаменитѣйшихъ вельможъ Швеции и знатнѣйшихъ гражданъ.

Шведы согласились признать Христиана наследственнымъ Королемъ, для прекращенія междоусобій. Король торжественно короновался, въ Стокгольмѣ, пировалъ весело съ вельможами, ласкалъ ихъ и обнимался съ ними, замысливъ ужасную месть. На третій день послѣ торжества, Епископъ Густавъ Тролле возобновилъ жалобу о насиліи и неуваженіи, оказанныхъ епископской властью покойнымъ правителемъ Швеции, Стеномъ, Стуре и его приверженцами. Это сдѣлалъ Епископъ по наущенію Короля, не зная, однакожъ, о кровавыхъ его замыслахъ. Вдова правителя, великодушная Христина Гилленерне, защищая память мужа своего, объявила, что Епископъ долженъ былъ сана по общему согласію Сейма, и что всѣ участвовавшіе въ немъ обязались, писменно, отпѣчать другъ за друга. Этого-то и надобно было Королю! Онъ велѣлъ взять, немедленно,

подъ стражу всѣхъ бывшихъ тогда въ замкѣ и въ городѣ вельможъ, а въ томъ числѣ двухъ Епископовъ, и объявилъ, что долженъ, непременно, привести въ исполненіе рѣшеніе Рима, преданнаго проклятію всѣхъ возставшихъ противу власти Епископа Тролле. На другое утро собрался судъ и обвинилъ всѣхъ взятыхъ подъ стражу въ ереси и непослушаніи Риму. Жителямъ столицы запрещено было выходить изъ домовъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не созовутъ трубными звуками на площадь, и тогда всѣмъ надлежало туда явиться. Ужась объялъ всѣ сердца. Чужеземные войны свалили на коняхъ по опустѣлымъ улицамъ, войско заняло всѣ выходы изъ города. Наконецъ, въ полдень, 8 Ноября 1520 года, данъ сигналъ, и жители толпами поили на площадь, треща отъ страха. Тутъ воздвигнуты были эшафоты и висѣлища, при которыхъ стояли палачи и ихъ помощники. Вывели подъ стражею двухъ Епископовъ, двѣнадцать первыхъ государственныхъ вельможъ, бургомистра и членовъ Стокгольмскаго магистрата и множество почетныхъ дворянъ и гражданъ. Король показался на балконѣ ратуши (гдѣ нынѣ находится вновь построенная биржа) и одинъ изъ

Датскихъ рыцарей, Нильсъ Люке, произнесъ къ народу рѣчь, въ которой обвинялъ несчастныхъ узниковъ въ измѣнѣ и ереси, и грозилъ народу подобною участью, если онъ осмѣлится впередъ ослушаться воли Короля и Рима. Епископъ Тролле, бывшій постороннею причиною этихъ ужасовъ, трижды бросался Королю въ ноги, просилъ помилованія своимъ единоземцамъ. Король даже не хотѣлъ слушать его. Изъ среды осужденныхъ на казнь, возвысилъ голосъ Епископъ Винцентій изъ Скера (Vincentius aus Skōra), и прервавъ рѣчь рыцари Нильса Люке, сказалъ, что все это ложь и обманъ, и что Король измѣнитъ своему слову. Всѣ осужденные повторили, въ одинъ голосъ, слова Епископа, но палачи кинулись на нихъ, и, по данному знаку повлекли на казнь. Девицъ четырехъ знатнѣйшихъ мужамъ отрубили головы, на плахѣ, прочіе были повѣшены или умерщвлены тирански, въ мукахъ. Всего лишилось жизни, въ это утро, 128 человекъ, кромѣ тѣхъ изъ гражданъ, которыхъ палачи и воины убивали за то только, что они проливали слезы, смотря невольны на гибель безвинныхъ, и слыша стоны мучениковъ. Три дня сряду продолжались убійства въ Стокгольмѣ, безъ суда и расправы, по воли

свирѣпыхъ любимцевъ Христіана и по алчности и разврату его воиновъ, которые по почамъ грабили дома убитыхъ и оскверняли ихъ семейства! Трое сутокъ площадь и улицы наполнены были тѣлами убитыхъ, а на четвертый день ихъ сожгли, на Южномъ Предмѣстіи, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится прекрасная церковь Св. Екатерины. Въ то же самое время послано было королевское повелѣніе въ Финляндію, для умерщвленія знатнѣйшихъ дворянъ и гражданъ. Не долго пробывъ Христіанъ въ Швеціи, и почитая ее успокоенною, возвратился чрезъ южную ея часть, въ Данію, избывая на пути всѣхъ, казавшихся ему подозрѣтельными или опасными, на будущее время. Не щадили ни дѣтъ, ни пола, и отъ Ноябрь 1520 до начала 1521 года, болѣе шести сотъ жертвъ дали подъ ударами тирана.

Но всему въ мірѣ есть конецъ! Терпѣніе Шведовъ истощилось. Когда благородная Шведская кровь лилась подъ мечами палачей, когда имущество знатнѣйшихъ родовъ грабили прищадцы, тогда въ дѣсахъ Далскарии уже раздавался голосъ мести и отчаянія, и юный Густавъ Ваза, оплакивая замученнаго родителя

своего и угнетенное отечество, собирать толпы простодушных поселянъ, честныхъ Далекарльцевъ, и не вымыслами краснорѣчія, а вѣрными изображеніемъ сущности, возбуждать ихъ на борьбу съ врагами Швеціи. Изъ кроваваго событія на Стокгольмской площади возникла зари счастья и свободы Швеціи! Въ крайности ведутъ къ перелому, къ жизни или къ смерти! Тираниство Христіана дошло до послѣдней степени и должно было обрушиться. Провидѣніе подняло десницу Густава Вазы на этотъ подвигъ!

Съ любопытствомъ осматривалъ я всѣ уголки площади. Главныя эшафоты были воздвигнуты на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ общественный колодезь. До постройки колодезя, на мостовой находились четыре камня, на которыхъ были насажены пагубный 1520 годъ. Съ тѣхъ поръ всѣ дома здѣсь возобновлялись. Свидѣтели злодѣяства остались: небо, землія и Исторія!

Самое древнее и замѣчательнѣйшее зданіе въ старомъ городѣ есть церковь Св. Николаи, называемая обыкновенно *Большою церковью* (Storkyrkan). Она имѣетъ 186 футовъ длины и 404 фута ширины. Вышина ея башни въ 308 фу-

товъ. Она построена, по преданію, около 1260 года, правителемъ Виргеромъ-Ярломъ, при основаніи города, но послѣ того церковь была нѣсколько разъ перестроена. Густавъ Ваза уменьшилъ ея длину, и увеличылъ ширину 50 футами. При передѣлкѣ ея въ 1756—1745 годахъ, фасадъ дана форма Италіанской архитектуры, эпохи возрожденія художествъ. Этотъ фасадъ отличается простотою и благородствомъ. Башня весьма красивой формы. Боковыя стѣны церкви сохранили древній готическій видъ и поддерживаются огромными контрафорсами. Внутренность церкви великолѣпная. Послѣ возобновленія и починокъ, сдѣланныхъ въ нынѣшнее царствованіе (1825 — 1826) древнія украшенія приняи видъ свѣжести. Стѣны и колонны украшены позолотою и богатыми орнаментами. Церковь эта не обнажена, какъ другіе протестантскіе храмы, но сохранила величіе церковей западныхъ. Особенно замѣчательны здѣсь алтарь, сдѣланный въ Аугсбургѣ и подаренный церкви въ 1654 году, Сенаторомъ Адмеромъ Сильнгузомъ, знаменитымъ по заключенію Вестфальскаго мира. Этотъ алтарь рѣзной работы, изъ слоновой кости, съ золотомъ и серебромъ, изображающій Рождество, Страсти и Воскре-

снѣ Господа нашего Иисуса Христа. Очевидно, что это произведение времени католическихъ. Капедра произведениа превосходной рѣзной работы, не раззолоченная. Мѣсто для Королевской фамилии, подъ baldachinomъ, богато раззолоченное и украшенное рѣзбою. На одной изъ колоннъ, близь алтаря, находится изображение угря, котораго держать въ когтяхъ левъ и львица. Надпись на старинномъ Нѣмецкомъ языкѣ.

Der Ael ist fett ok ein stark fisk.
Mit ledigen henden iss he.
Nicht gut to fangen, dat is wiss.
Wer im will verwarren.
Немня неосебе одди кистен не спарен.

1521. — 1521. —
т. е. : Угрь рыба жирная и сильная. Не трудно уловить голою рукою. Кто хочетъ сохранить ее, тотъ не долженъ жалить ни новыхъ мѣшковъ, ни лѣщиковъ. Эта премудрость выдана однимъ изъ губернаторовъ тирана Христана II, въ урокъ Шведскому народу! Не помогли однакожъ ни мѣшки, ни лѣщики и угрь ускользнула въ свободное море!

Конная статуя св. Георгія, побѣждающаго аспида, изваянная по преданіямъ, въ 1489 году, на иждивеніи правителя Стена Стуре,

не хорона. Здѣсь хранятся щитъ и шпору св. Олофа, найденныя въ гробницѣ его, находящейся въ церкви Трондгеймской и перенесенныя сюда при Эрихъ XIV. Возлѣ алтаря помѣщено государственное знамя Швеція. Какъ историческій памятникъ замѣчателенъ бронзовый подсвѣчникъ, принесенный въ даръ церкви Королемъ Магнусомъ (сыномъ Эриха) прозваніемъ Смекъ (Smek), въ память ужаснаго фамильнаго событія, именно голодной смерти отца его Эриха и дяди Вольдемара, въ замкѣ Ниченингъ (въ 1317 году), гдѣ они были заключены братомъ ихъ, Королемъ Виргеромъ Магнуссономъ, лишившимся престола, за свою жестокость. Съ умиленіемъ вгляднись и на люстру, подаренную церкви прекрасною Графиней Эббонъ Браге, въ память своего вѣнчанія, въ этой церкви, и смерти своего супруга Графа Якова де-ла Гарди. Графиню Браге любилъ вѣжно, великій Густавъ Адольфъ и хотѣлъ даже на ней жениться, но величіе сана и политическія отношенія разстроили надежды влюбленнаго. До смерти своей Густавъ Адольфъ сохранялъ въ сердцѣ вѣжное чувство къ той, которая снискала любовь его своею красотою, умомъ и добродѣтью.

Въ художественномъ отношеніи лучшее украшеніе церкви составляютъ двѣ колоссальныя картины, одного изъ древнѣйшихъ и лучшихъ Шведскихъ живописцевъ, Давида Клевера Эренстради (умершаго въ 1698 году). Первая картина изображаетъ снятіе со креста Спасителя, вторая Страшный Судъ. Снятіе со креста, картина не безъ достоинства, но въ лицахъ мало божественности, и въ позѣхъ мало благоговѣнія. Фигуръ множество! Страшный Судъ почитается въ Швеціи мастерскимъ произведеніемъ Эренстради, и въ самомъ дѣлѣ эта картина высокаго достоинства. Она имѣетъ 56 футовъ вышины и 25 футовъ ширины. На лицахъ грѣшниковъ изображены, мастерски, хотя нѣсколько карикатурно, пороки и страсти, вовлекшіе ихъ въ преступленіе. Это что-то напоминаетъ Гогарта! Рисунокъ иногда неправиленъ, колоритъ яркій, но тѣло писано хорошо и тѣны расположены искусно. Эренстраль усовершенствовался въ Римѣ у извѣстнаго въ свое время художника Петра Кортона (Pietro Cortona).

Церковь эта знаменита многими важными событіями. Здѣсь короновались: Магнусъ Сmekъ въ 1536 году (лишенный потомъ престола); добрый Іоаннъ, Король Датскій, въ 1497 году,

Христіанъ II, прозванный учителемъ и немилосерднымъ, 4 Нолбрия 1520 года; Карлъ XII, 14 Декабря 1697; возложилъ на себя корону собственными руками. Коронованы здѣсь же: Адольфъ Фридрихъ, 1775 года; Густавъ III, 1772 года; Карлъ XIII, 1809 года Іюня 29; низложенъ Король Карлъ XIV Іоаннъ, 11 Мая 1809 года и супруга его, Евгенія Беритгардина Деапре, 21 Августа 1829 года. Въ этой церкви въ первый разъ происходила служба Божія на Шведскомъ языкѣ, по введеніи протестантской религіи, въ 1525 году, и здѣсь же слылъ великаго Густава Вазы, Эрихъ XIV, принужденъ былъ отречься отъ престола, въ пользу брата своего; Іоанна III. Историческія воспоминанія служатъ лучшимъ украшеніемъ памятниковъ искусства и зодчества. Для неимѣды все глухо жѣлмо.

Съ любопытствомъ взглянуть и на зданіе стараго банка (Gamla Banken), гдѣ помѣщаются нынѣ выспшія присутственные мѣста, находящіеся въ заведеніи Канцлера Юстиціи (то же, что во Франціи Королевскій Генераль-Прокуроръ). Это было жилище знаменитаго Аксели Оксеншерна (Oxenstierna), друга и помощника, въ великихъ трудахъ, Густава Адольфа Дюмъ.

губернатора Стокгольмского, противъ дворянъ, принадлежавшихъ знаменитому Архитектору Графу Тессину и имъ самимъ построенный, хотя весьма малъ, но въ фасадѣ своемъ заключаетъ всѣ архитектурныя прелести, эпохи возрожденія художества. Замѣчательна также биржа, на большой площади, въ которой имѣетъ свои засѣданія Шведская Академія, учрежденная въ 1786 году Густавомъ III, для наблюденія за чистотою языка и для распространенія изящнаго вкуса въ Литературѣ. Весьма замѣчательно, что первую награду, по учрежденіи Академіи, получилъ самъ Король, за похвальное слово одному изъ лучшихъ полководцевъ Густава Адольфа, Леонарду Торстенсону. Сочиненіе прислано было въ Академію по почтѣ, безъ подписи имени сочинителя. Тайна соблюдена была со всѣми предосторожностями и самъ Король, находясь въ засѣданіи, говорилъ до вѣду своего сочиненія. Слѣдовательно похвала и награда автору были истинными и заслуженными.

Нѣмецкая лютеранская церковь, находящаяся также въ древнемъ городѣ, построена въ 1642 году на счетъ Нѣмецкихъ жителей столицы. Гдѣ жить Нѣмцевъ? Въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ городахъ Италіи, въ Мадридѣ, Лиссабонѣ,

Константинополѣ, во всѣхъ городахъ Америки, въ Индіи, словомъ въ вѣдомъ мірѣ, особенно между Славянскими народами! Нѣмцы, въ Западной Славянщинѣ, населяютъ всѣ почти города. Нѣмецкія колоніи находятся въ Россіи, на Кавказѣ, въ Азіи, въ Африкѣ и въ Америкѣ. Нѣмцы повсюду торгуютъ, занимаются ремеслами, фабриками и науками. Удивительное дѣло! Вездѣ толковали и толкуютъ о космополитизмѣ, а только одинъ Нѣмецъ осуществилъ его. Держась въ полномъ смѣхѣ древней поговорки: *ibi bene, ibi patria*, т. е. «тамъ отечество, гдѣ мнѣ хорошо». Какая нужда Нѣмцу, что онъ не знаетъ языка народа, между которыми жить, что онъ чуждъ нравамъ, обычаевъ, климату! Куда бы ни пошелъ Нѣмецъ, вездѣ онъ найдетъ своихъ земляковъ, найдетъ работу и хлѣбъ, по древней репутаціи германской честности и трудолюбія. Признаюсь, я самъ страстно люблю Нѣмцевъ, но люблю болѣе въ собственномъ ихъ отечествѣ. Нѣмцы въ родѣ чужеземномъ то же, что пчелы между пчелками. Въ Швеціи Нѣмцы долгое время были предметомъ народной ненависти, потому что во время царствованія Королей изъ Нѣмцевъ, въ эпоху Кальмарскаго союза, имъ поручены были

важнѣйшія государственныя должности исполненіе мѣръ, тѣхъ, необходимыхъ для народа. Съ тѣхъ поръ Нѣмцы стали приходить толпами, въ Швецію, и распространили въ ней искусства и ремесла. Въ этомъ отношеніи вліяніе ихъ было благотворно. Теперь въ Швецію всѣ чиновники и ученые — природные Шведы или чужеземцы, сдѣлавшіеся настоящими Шведами, въ теченіе вѣковъ Нѣмцы занимаютъ только ремеслами и торговлею. Они составляютъ большинство между чужеземцами, даже безъ сравненія, ибо Французовъ и Англичанъ здѣсь весьма мало, едва нѣсколько фамилій. Церковь хорошей архитектуры, при ней находится кладбище (замѣтьте, внутри города) весьма не обширное, осыпанное превосходными деревьями. Съ одной стороны жилище для пастора, церковнослужителей и помѣщеніе, для приходской школы, а въ оградѣ лавки, которыя, однако жъ, закрыты. На этомъ кладбищѣ собирались кунцы, когда строилась новая биржа. Высота башни въ 222 фута. Внутри церкви замѣчательны украшенія алтаря, сдѣланное въ 1639 году, изображающее послѣднюю вечерю. Кафедра проповѣдника изъ бѣлаго мрамора и чернаго дерева, съ рѣзбовою, а пор-

треты Лютера и Меланхтона, писаны, какъ гласитъ преданіе, съ натуры.

Древній городъ (Staden) извѣстъ нѣсколько, такъ называемыхъ площадей: Железная (Jerntorget), гдѣ въ старину складывалось жѣлѣзо, для торговли. На этой площади замѣчательно зданіе Шведскаго банка (съ 1780 года), въ которомъ хранится превосходное собраніе древнихъ медалей *. Хлѣбная площадь, (Kornhamnstorget) на берегу Меларскаго озера, достопамятна тѣмъ, что здѣсь водрузилъ знамя свое Энгельбрехтъ, патріотъ-крестьянинъ, предшественникъ Густава Вааза (въ 1463 году) возставшій, впервые, противу чужеземнаго ига. Площадь монастырской набережной (Munkbrotorget) противу острова рыцарей (Riddarsholmen). Площадь дворняскаго собранія (Riddarshustorget) также напротивъ рыцарскаго или дворняскаго острова, на берегу Мелара. Рыцарскій домъ, или Дворянское собраніе

* Замѣчательнѣйшая между монетами и медалями суть: малая серебряная монета Эрика IX, 1150 года, въ подлинности которой ученые не сомнѣваются; единственный экземпляръ медали Іоанна II, 1497 года. Риздальеръ Стена Стуре 1512 года, весьма рѣдкая монета; медаль Карла Густава 1634 года и медаль Браге 1665 года, также весьма рѣдки.

отъ котораго площадь получила название, есть замѣчательное зданіе по своей архитектурѣ, составляющей средину между готическомъ и такъ называемымъ возрожденіемъ (*la renaissance*). Мѣсто, на которомъ построено зданіе, принадлежало аристократу Акселю Оксеншьерну, и продано имъ, въ 1641 году. Постройка начата въ 1648, Французскими архитекторами Симономъ де ля Валле, и кончена въ 1680 году, подъ руководствомъ сына его. Въ этомъ году дворянство имѣло въ новомъ зданіи первое свое засѣданіе, во время сейма. По плану, предполагалось построить два флангеля на площадь и два павильона къ озеру, но это не исполнено, и теперь это зданіе кажется будто отъ чего-то отторгнутымъ (*isolé*). Оно въ два этажа, съ нижнимъ жильемъ (*rez-de chaussée*). У каждого окна по два колонны, коринтскаго ордена, и все зданіе не штукатуренное, но древней Голландской методъ, но испещрено украшеніями. На четырехъ фасахъ его, на карнизахъ или гзизисахъ, находится Латинскія надписи, а на двухъ-этажной крышѣ помѣщены аллегорическія фигуры. Трубы дома украшены позолотою. Притому надпись, которую каждый изъ васъ, друзья, затвердить еще въ дѣтствѣ: Dulce et

decorum est pro patria mori. Вообще видъ этого зданія необыкновенный и невольно останавливаетъ на себѣ взоры.

Зала, гдѣ собирается Дворянство, во время сеймовъ, не болѣе залы въ Ангельгартовомъ домѣ, въ С. Петербургѣ. Стѣны украшены гербами дворянскихъ фамилій Швеции. На первомъ мѣстѣ, надъ креслами, записанными маршаломъ Сейма, помѣщенъ гербъ фамиліи Ваза: черный козъ (хлѣбный) въ золотомъ полѣ. Подъ нимъ надпись: *Salus populi suprema lex esto*. — Маршальскія кресла рѣзной отдѣлки, изъ слоновой кости и чернаго дерева, были подарены Густаву Вазѣ, городомъ Любекомъ. Всего гербовъ 2825, а въ томъ числѣ 141 графскихъ и 578 баронскихъ. Въ 1850 году находилось въ живыхъ 81 графъ, 206 бароновъ и 980 дворянъ. Потолокъ расписанъ по холсту, масляными красками, знаменитымъ Эренстралемъ. Аллегорическія фигуры съ ихъ атрибутами расположены весьма искусно. Смыслъ этой картины заключается въ четырехъ надписяхъ по угламъ залы:

Pie et sincere

Iuste et moderate

Provide et concorditer

Sapienter et fortiter

Въ залѣ помѣщенъ бронзовый бюстъ знаменитаго маршала Барона Риббинга. Каведры нѣтъ. Дворникъ сидитъ въ собраніи съ покрытою головою. Желаящій произнести рѣчь, становится на скамью, на которой сидѣлъ, и снимаетъ шляпу. Въ нижнемъ этажѣ находится зала, украшенная портретами маршаловъ, отъ 1626 до 1800 года. Всѣхъ портретовъ сорокъ одинъ. Въ одной изъ залъ средняго этажа помѣщены шесть портретовъ маршаловъ, съ 1800 года.

Противу дома дворянскаго собранія находится бронзовая статуя Густава Вазы, лицомъ ко дворику. Герой изображенъ въ Бургундскомъ костюмѣ, и драпированъ длинными плащомъ. На головѣ лавровый вѣнокъ, въ рукахъ скипетры. Физиономія Густава Вазы выражена превосходно и вообще статуя имѣетъ большое достоинство въ отношеніи изобрѣтенія и отдѣлки. — Она вышиною въ 11 футовъ, и вылита изъ пушскъ, завоеванныхъ въ 1700 году. Моделировалъ статую Французскій скульпторъ Петръ Аршенекъ. Она открыта 25 Іюня 1774, ровно чрезъ 251 годъ послѣ торжественнаго вшествія героя въ столицу освобожденнаго изъ отечества. Этотъ намятникъ воздвигнутъ на издвигеніи дворянства.

Самая красивая площадь *монетная* (Myntorget) передъ сѣвернымъ фасадомъ Дворца, противу прелестнаго сѣвернаго моста (Norrbro). Въ углу площади монетный дворъ, не большое, но красивое зданіе.

Всѣ эти площади мнѣніи, но древнему обычаю. Улицы въ древнемъ городѣ узкія. Самую широкую едва ли можно сравнить съ Чернышевскимъ переулкомъ, въ Петербургѣ. Поперечныя улицы такъ узкія, что двѣ телеги съ трудомъ могутъ разѣхаться, а въ нѣкоторыхъ переулкахъ четыре человека не могутъ пройти рядомъ. Прекрасное мѣстополюженіе для влюбленныхъ! Изъ окна въ окно не только можно разговаривать и передавать письма, но въ случаѣ нужды и перенагнуть! Разумѣется, что при такой тѣснотѣ, дворы въ нѣсколько квадратныхъ саженъ, и что ни въ переулкахъ, ни на дворахъ не возможно сохранить должной чистоты. Солнечные лучи не достигаютъ туда никогда, и отъ того тамъ сыро, воздухъ смертъ и зараженъ вредными испареніями. Вотъ почему холера дѣйствовала съ такою силою въ Стокгольмѣ, и отъ чего здѣсь бывають частыя лихорадки!

Почти вся торговля сосредоточена въ древ-

неют городъ (Staden). Въ купеческой улицѣ (Körnansgatan), въ каждой домѣ магазинъ. Эта улица кажется самая длинная, въ сей части города. Я уже сказалъ, что богатыхъ магазиновъ нѣтъ вовсе. Помѣщеніе вездѣ самое ограниченное. Товары сбиты въ кучу. Особенно неприятны лавки колоніальныхъ товаровъ. Запахъ соленой рыбы и окороковъ заглушаетъ благоуханіе припестей, и вы можете себя представить, каковъ долженъ быть чай, лежащій рядомъ съ табакомъ, и подверженный испареніямъ соленыхъ рыбъ и мяса! Я заходилъ въ нѣсколько, такъ называемыхъ, модныхъ магазиновъ. После Петербургской роскоши странно смотреть на эту простоту! У насъ не только въ губернскихъ, но даже во многихъ уѣздныхъ городахъ лавки и магазины устроены богаче и красивѣе. Лучшие изъ нихъ на монетной площади, близъ Дворца. Ихъ уже можно сравнить съ нашими гостинодворскими лавками. Книжные лавки довольно, но иностранныхъ книгъ вообще мало. Когда въ одной изъ книжныхъ лавокъ я перебиралъ книги, относящіяся къ Швеціи, и разсматривалъ гравюры, изображающія дичіе виды ея, вошли двѣ дамы. Одна изъ нихъ спросила по-Шведски «Falska Deme-

trius af Thaddeus Bulgarin?». Сердце у меня вздрогнуло. Я оглянулся. Эти слова произнесла прекрасная брюнетка, и въ эту минуту она показалась мнѣ вдвое прекраснѣе. Я зналъ, что мой Иванъ Выжигинъ и много мелкихъ шестъ уже давно переведены на Шведскій языкъ, но о переводѣ моего Димитрія Самозванца узналъ въ эту минуту, изъ устъ красавицы. Этотъ переводъ появился въ свѣтъ за нѣсколько недѣль до моего приѣзда въ Стокгольмъ, и, не вѣдѣвъ буди сказано мною литературнымъ прагматъ, книга имѣла успѣхъ, у одного изъ просвѣщеннѣйшихъ Европейскихъ народовъ! Выжигина нѣтъ уже въ лавкахъ! Наданіе разошлось. Любезныя друзья, вамъ нечего сказывать, что всѣ мы, авторы, имѣемъ маленькое самолюбіе и нѣсколько женскаго тщеславія. Женщинѣ приятно, когда она поделушается, что за глаза хвалятъ ея красоту, а автору любо, когда обращаютъ вниманіе на его сочиненіе. Я спросилъ экзекуляръ Димитрія Самозванца, и подавая его дамѣ, просилъ принять изъ рукъ автора, какъ первую дань Шведскому гостепріимству. Молодая дама смѣялась, но спутница ея, нѣсколько постарѣе лѣтами, отблагодарила меня въжливостію за въжливость и мы разошлись, почти знакомые.

Во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, во всѣхъ магазинахъ, гдѣ торгуютъ галантерейными вещами и астамнами, въ окнахъ вывѣшены портреты Государи Императора и Наслѣдника Русскаго Престола. Я прѣхалъ чрезъ нѣсколько дней послѣ Высокихъ Путешественниковъ, и вся столица была занята только ими. Шведы поздравляли меня съ нашимъ Государемъ, точно такъ, какъ поздравляютъ человека съ тѣмъ, что онъ имѣетъ честь принадлежать къ знаменитому семейству. Особенно военные въ восторгѣ отъ нашего Государи. Тѣ же, которые имѣли счастье быть представленными Государю Императору, не могутъ довольно наговориться объ Немъ. Малѣйшія подробности Его величаваго прѣзда въ Стокгольмъ, всѣ слова и дѣйствія повторяются съ умиленьемъ. Можете представить себѣ, какъ пріятно было мнѣ слышать эту хвалу, вѣружъ! Одинъ почтенный, пожилой Шведъ, отличнаго ума и притомъ мужъ заслуженный, сказалъ мнѣ, пожимаю мою руку: «Много было великихъ Государей на земномъ шарѣ, но не всегда земное величье соединяется съ благородствомъ характера, примодушiemъ и откровенностью. Вотъ ненадѣльные поручительства народнаго блага!»... Я обнимъ доброто Шведа и разцѣловать его за это!

Я такъ усталъ въ это утро, расхаживая нѣжкомъ по городу, отъ семи до двухъ съ половиною часовъ, что едва добрался до квартиры А. А. Лавоніуса. Тутъ засталъ я переводчика моего Димитрія Самозванца, Г. Бара (Jean Frédéric Bahr), молодого, любезнаго человека, умнаго и образованнаго. Мы съ первой встрѣчи познакомились и подружились. Я держусь правила, что жизнь слишкомъ коротка, чтобы можно было тратить время на фразы и комплименты. Соехался съ человекомъ—хорошо; не поправились другъ другу—Богъ съ тобой! Вы, друзья, знаете хорошо, что я всегда сѣдую первому впечатлѣнію, и не прячу сердца въ карманѣ. Каковъ есть—невиновать—лучшимъ быть не умѣю! Совѣтую вамъ, берите всегда человека со всѣми его слабостями, и поступайте съ нимъ, какъ на золотыхъ прискахъ: пользуйтесь золотомъ и не занимайтесь нескотъ. У лучшаго человека есть этотъ баласть въ нравѣ или въ обычаяхъ. Было бы золото въ сердцахъ! Берегитесь тѣхъ людей, у которыхъ вы не можете замѣтить ни какихъ недостатковъ и которые всегда, обо всемъ и обо всѣхъ говорить одинаково хорошо, которые со всѣми одинаково ласковы, и никогда ничего не поху-

лить. Это рыбаки, которые далеко видать въ
ищем!

Мы всё трое пошли обдаться въ трактирь.
Обдади мы хотя не роскошно, но весело.
Послѣ обѣда мы разошлись по домамъ, усло-
вившись сойтись вечеромъ, подъ Норрабро (Сѣ-
вернымъ Мостомъ).

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЛѢТНЯЯ ПРОГУЛКА

ПО ФИНЛЯНДИИ И ШВЕДИИ.

**ЛѢТНЯЯ ПРОГУЛКА
ПО ФИНЛЯНДИИ И ШВЕЦИИ,**

ВЪ 1838 ГОДУ.

Одбелъ Булгарина.

Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше.

Русск. пословица.

Часть II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ.

1839.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ законченное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, Февраля 3 дня, 1839.

Ценсоръ Корсаковъ.

1. Преступка по Северному Предѣлу. — Северный Мостъ (Негавенъ) и посѣпный домъ въ аркадѣ. — Палада Густава Адольфа и монументъ его. — Палада Карла XIII и статуя его. — Палада Брунабертъ. — Церковь: св. Клары, св. Николы и Фредриха Адольфа. — Стокгольмскіе часовни. — Обсерваторія и родильные дома. — Магистер порфиромыской коней Элефальской фабрики. — Дорожная. — Бесновальная вода. — Знакомство съ знаменитыми Бермудскими. — Обѣдъ по рецепту. — Пароходство. — Палада на инженерномъ пароходѣ въ Архангелъ. — Дворецъ, садъ и парк. — Семейство Кронпринца Оскара. — Любовь народная ко всему семейству, особенно къ Кронпринцессѣ Іозифинѣ. — Образованность и необыкновенная вѣжливость Шведскихъ воиновъ. — Удивительная вера добродѣтели въ дѣлахъ Кронпринца. — Возвращеніе въ городъ.
- II. Палада на пароходѣ по Северному Озеру, въ замки Гринстама. — Приятное дѣловое общество. — Круглая исторія замка. — Вражда сѣмьи Густава Вагма и какъ заключеніе въ Гринстама. — Старинныя Русскія пушки. — Собраніе историческихъ портретовъ. — Драгоценныя ювелиры. — Добыча Тридцатилѣтней Войны. — Арсеналъ древняго и стариннаго оружія. Возвращеніе въ Стокгольмъ.
- III. Общій взглядъ на Стокгольмъ. — Улицы, площади, дома, парки и лѣса. — Гудиски. — Необыкновенная жизнь народа. — Преподобная порода людей. — Красота женскаго пола. — Вѣжливость и орязательность Шведовъ. — Честность и богобоязненность. — Характеристическія слабости. — Преступка по Раддигскому и Южному Предѣлу (Земельная). — Гробницы Шведскихъ Королей и великихъ мужей въ Раддигскомъ паркѣ. — Ноши зугунныя

Отъ

1

30

руническая надпись и фигура. — Шведские почты. — Битва Шведских преставив. — Древнее Саламанское мусайское орудие. — Шведское гостеприимство. — Рудники Адамора. — Мыза и трактир Эстерби. — Деятельность Швеции. — Возвращение въ Упсалу. 250

IX. Возвращение въ Стокгольмъ. — Приглашения. — Шведское войско и статистика его. — Государственные доходы и расходы Швеции. — Промышленность, торговля и орошаемые земли. — Рудники. — Кочевья и земледѣлие. — Знакомство съ знаменитыми Гегеромъ. — Магстерская скульптора Вистрона. — Наилучшее плава путешественія, въ скандинавскомъ движеніи. 307

X. Продолженіе знакомствъ. — Последний разговоръ съ Бернгардсомъ. — Вечеръ у скульптора Гете. — Мастерская его. — Проводы. — Знакомство съ поэтомъ Бесковомъ. — Отъѣздъ изъ Стокгольма. — Пріятное общество на пароходѣ. — Безтолковая ночь на якорѣ. — Прибытіе въ Або. — Новое знакомство и новое гостеприимство. — Минеральные воды и Общество сельскаго хозяйства. — Статистическій, этнографическій и философскій взглядъ на Финляндію. — Народонаселеніе, городскій и сельскій бытъ Финляндіи. — Права жителей. — Промышленность, торговля, промышленность, кораблестроеніе и земледѣліе. — Управленіе. — Учебная заведенія. — Войска. — Общие выводы. — Торжество въ честь Русской литературы. — Отъѣздъ. — Буря. — Конецъ прогулки. 339

ПОЯСНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Въ 1-ой части, на стр. 33 сказано, что въ Оландскій архивъ, въ Ресвалъ, одна картина писана Г-мъ Майдемомъ. Картина писана, и весьма плохо, не Майдемомъ, а Г-мъ Вальтерсомъ. Въ 1-ой же части на стр. 37, гдѣ говорится о принятии купеческихъ фамилій въ дворянское сословіе, должно прибавить, что эти фамиліи получали прежде дворянскіе дипломы, на границѣ, тамъ гдѣ они продаются.

I.

ПРОГУЛКА ПО СЪВЕРННОМУ ПРЕДИМЬЕЮ. — СЪВЕРНЫЙ МОСТЪ (Norttåen) и кофейный домъ въ аркадѣ. — ПЛОЩАДЬ ГУСТАВА АДОЛЬФА И МОНОУМЕНТЪ ЕГО. — ПЛОЩАДЬ КАРАА XIII И СТАТУА ЕГО. — ПЛОЩАДЬ БРУНКЕВЕРГА. — ЦЕРКВИ СВ. КЛАРЫ, СВ. ИКОВА И ФРИДРИХА АДОЛЬФА. — СТОКГОЛЬМСКІЕ НЕБОЖИКИ. — ОБСЕРВАТОРІЯ И РОДИТЕЛЬНЫЕ ДОМЫ. — МАГАЗИНЪ ПОРОХОВЫХЪ ВЕЩЕЙ ЭЛЬФВЭЛЬДСКОЙ ФАБРИКИ. — ДОРОГОВИЗНА. — БЕЗНОЧНАЯ НОЧЬ. — ЗНАКОМСТВО СЪ ЗНАМЕНИТЫМЪ БЕРЦЕЛІУСОМЪ. — ОБЪѢДЪ ПО РЕЦЕПТУ. — ПАРОВОДСТВО. — ПОЕЗДКА НА МИНИАТЮРНОМЪ ПАРОВОДѢ ВЪ АРОНИНГГОЛЬМЪ. — ДВОРЕЦЪ, САДЪ И ПАРКЪ. — СЕМЕЙСТВО КРОНИНГРИЦА ОСКАРА. — ЛЮБОВЬ НАГОДНАЯ КО ВСЕМУ СЕМЕЙСТВУ, ОСОБЕННО КЪ КРОНИНГРИЦЕССѢ ІОЗЕФИНѢ. — ОБРАЗОВАНОСТЬ И НЕОБЫКНОВЕННАЯ ВЪЗРАЖНОСТЬ ШВЕДСКИХЪ ВОИНОВЪ. — УДИВИТЕЛЬНАЯ МЕРТА ДОРОДНОСТЬ ВЪ ДѢЛАХЪ КРОНИНГРИЦА. — ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ ГОРОДЪ.

Меларское Озеро изливается въ море, узкимъ проливомъ, съ величайшею быстротою. На этомъ проливѣ, находящемся между древнимъ городомъ и Сѣвернымъ Предимьемъ, лежитъ небольшой островокъ Гельгеандсгольменъ (*). Здѣсь

(*) Гельгеандсгольменъ, значитъ островъ Св. Духа.

устроены аркады, на которыхъ воздвигнутъ каменный мостъ, соединяющій древній городъ, или *Стабенъ*, съ Сѣвернымъ Предмѣстiemъ, или *Нормальмюмъ*. Это одинъ изъ прекраснѣйшихъ мостовъ въ Европѣ, по отдѣлкѣ и положенію. Длина его въ 320 Шведскихъ локтей, или до ста сажень, ширина въ 32 локтя, или около восьми сажень. По обѣимъ сторонамъ устроены широкіе тротуары, единственные въ Стокгольмѣ, хотя ни одинъ городъ въ свѣтѣ не имѣетъ столько матеріаловъ для построекъ сего рода, потому что гранитъ вездѣ подъ ногами, а цвѣты множество въ окрестностяхъ. Видъ съ моста единственный! Съ одной стороны великолѣпнѣйшій изъ фасадовъ дворца, съ другой прекрасная площадь, съ конною статуею Густава Адольфа (въ Нормальмѣ). Прямо передъ вами море, съ тыла озеро, а вокругъ панорама города, на высотахъ. На западной сторонѣ острова Гельгеандсгольмена, возвышенной въ уровень съ мостомъ, находятся королевскія конюшни, обширное, длинное зданіе, съ однимъ рядомъ оконъ, а передъ ними, при самомъ мостѣ, воздвигается теперь новое зданіе, для помѣщенія лавокъ и магазиновъ. Гельгеандсгольменъ весь принадлежитъ Королю. Въ

восточной сторонѣ, къ морю, на нижней части острова, устроенъ садикъ, съ прекрасными дорожками и пристанью для лодокъ. Въ одной изъ аркадъ, во всю широту моста, помѣщается кофейня (*café*) или кандиторская. Это мѣсто, въ полномъ смыслѣ слова, очаровательное. Въ кофейнѣ прислуживаютъ красавицы, разодѣты куколками. Прогуливающимся было множество и между ими молодые офицеры и щеголи столицы. Съ удовольствіемъ замѣтилъ я, что молодые люди ведутъ себя чрезвычайно благопристойно, и не позволяютъ себѣ неумѣстныхъ шутокъ съ предѣстными прислужницами. Онѣ удивительно ловки и проворны, бѣгаютъ и увиваются въ толпѣ, разносятъ мороженое и холодный пуншъ, съ акомпаниментомъ пріятной улыбки и плутовскихъ взглядовъ! Всѣ посетители обходятся съ ними Гебелями чрезвычайно вѣжливо. Офицеры Шведскіе, въ службѣ, одѣваются, всегда, въ партикулярное платье. Только по усямъ узнаете вы военнаго, потому что въ Швеціи отставные офицеры и не служившіе въ военной службѣ не носятъ усовъ, безъ всякаго запрещенія, а по чувству приличія. Прически *à la moustick* (по-мужички), изобрѣтенной юною Франціею, и перенятой въч-

ными подражателями Французовъ, и Нѣмцами и нѣкоторыми Русскими — этой прически не выдавъ и въ Швецію вовсе, равножѣрно какъ и модныхъ жидовскихъ бородъ. Нѣкоторые офицеры и солдаты Шведскіе носятъ бородки, но не Испанскія, а по образцу Густава Адольфа, т. е. отпускаютъ бороду, узкою полоскою, отъ нижней губы, такимъ образомъ, что борода виситъ треугольникомъ на галстуку. Это вы можете видѣть на портретахъ Густава Адольфа и Французскихъ Королей Франциска I и Генриха IV.

Приѣхавъ въ Швецію на самое короткое время, я не могъ терять времени на отдохновеніе, и въ тотъ же вечеръ отправился, изъ очаровательнаго сада подъ Сѣвернымъ Мостомъ, въ городъ, осматривать Сѣверное Предмѣстье.

Это лучшая часть столицы, какъ я уже сказалъ. Первое мѣсто занимаетъ Площадь Густава Адольфа, примыкающая къ Сѣверному Мосту. Зданія здѣсь прекрасныя. Съ одной стороны оперный домъ, который приобрѣлъ горестную извѣстность смертью Густава III, во время маскарада; съ другой стороны дворецъ Наслѣднаго Принца Оскара, а по срединѣ колоссальная конная статуя великаго Густава Адольфа —

украшаютъ эту площадь. Лошадь изображена на рыси, тяжела, и не можетъ быть даже сравниваема съ произведеніемъ знаменитаго Фальконета, конемъ Петра Великаго, на Сенатской Площади, въ Петербургѣ. Но сама статуя превосходная. Въ фizioноміи Густава Адольфа вы видите величіе, твердость духа, мужество и всѣ качества героя. Въ правой рукѣ онъ держитъ жезлъ военачальника; лѣвая рука управляетъ лошадью. Онъ въ латахъ, но безъ шлема; на головѣ лавровый вѣнокъ. Сходство лица удивительное. Лошадь укрѣплена на мраморномъ пьедесталѣ, украшенномъ четырьмя мраморными медальонами, портретами знаменитѣйшихъ полководцевъ Густава Адольфа: Торстенсона, Врангеля, Валера и Кенягсмарка. Статую моделировалъ скульпторъ Аршвекъ въ 1772; выдѣлялъ Гергардъ Мейеръ въ 1779 году. Поставлена она на пьедесталѣ въ 1791, а открыта 1796 года. Знаменитый Сергѣй сдѣлалъ проектъ группы, долженствовавшей стоять у подножія пьедестала: Канцлеръ Аксель Оксеншерна, диктующій Музѣ Исторіи жизнь Густава Адольфа. Глиняная модель хранится въ музеѣ, и неизвѣстно почему проектъ не исполненъ. Другая прекрасная и лучшая въ столицѣ площадь

Карла XIII, на берегу моря. Она отдѣляется отъ первой только театральнымъ зданіемъ. Въ 1450 году, здѣсь былъ королевскій огородъ, называвшійся королевскимъ *капустнымъ полемъ*. Въ первые годы Карла XII, на этомъ мѣстѣ разведенъ прекрасный садъ, въ старомъ французскомъ вкусѣ. Карлъ XIII велѣлъ вырубить деревья, оставить только двѣ аллеи по бокамъ, во всю длину, и сдѣлать здѣсь площадь. Нынешній Король, усыновленный Карломъ XIII, воздвигъ ему, изъ благодарности, статую, по проекту знаменитата скульптора Гете, которая открыта въ 1821 году. Король Карлъ XIII изображенъ нѣшимъ, въ испанскомъ костюмѣ, въ плащѣ, опираясь правою рукою на якорь. На головѣ лавровый вѣнецъ. Пьедесталъ мракорный; у подножія его, по угламъ, львы. Статуя имѣетъ много благородства, и отличается чистотою отдѣлки. Въ концѣ площади находится навѣионъ, называемый Королевскимъ. Площадь эта, прилегающая къ морю и будучи осѣнена столѣтними липами, представляетъ городскимъ жителямъ лучшее мѣсто для гулянья. Но Шведы не любятъ этой площади, и она всегда пуста. Изъ всѣхъ монументовъ, украшающихъ столицу, только одинъ, именно

Карла XIII, охраняется часовыми. Забудьте, что Карлъ XII, котораго Исторія назвала Сѣвернымъ Александромъ, и котораго имя повторяется непрерывно въ Швеціи — не имѣетъ монумента. На площади Брункебергъ, нѣбольшой треугольной формы, нынѣ строится, на акціяхъ, гостиница, для прѣѣзжихъ. Въ этомъ именно нуждается Стокгольмъ! Общаются въ новой гостиницѣ всѣ удобства Европейскія, но этого долго ждать. Постройки здѣсь идутъ чрезвычайно медленно, не такъ какъ въ Россіи. У насъ зданія растутъ по часамъ, а здѣсь по годамъ и болѣе.

Въ Сѣверномъ Предмѣстіи заслуживаютъ вниманіе путешественника три церкви: Св. Клары, Св. Якова и Фридриха Адольфа. На мѣстѣ послѣдней была часовня, съ 1674 года. Король Фридрихъ Адольфъ заложилъ нынѣшнюю церковь въ 1768, а кончена она въ 1774 году. Архитектура ея благородная, но фасадъ болѣе похожъ на какой нибудь дворецъ, и только башня съ куполомъ, возвышающаяся надъ крышею, напоминаетъ, что это храмъ Божій. Церковь эта замѣчательна трудами Сергеля. Нынѣ отдѣланъ превосходный барельефъ въ алтарѣ, изображающій Воскресеніе Хри-

ство. Замѣчательнѣ медаліонъ великаго философа своего вѣка, Француза Декарта* (Descartes), который, спасаясь отъ преслѣдованій за свои мнѣнія, нашелъ убѣжище въ Швеціи, умеръ здѣсь, и былъ погребенъ на кладбищѣ Св. Олафа. Густавъ III почтилъ философа памятникомъ и эпитафією. Кости его перевезены во Францію. Уму, всегда позданъ честь! Не даютъ хлѣба въ жизни, а почтутъ мраморомъ по смерти! Церковь Св. Клары построена крестообразъ, и почитается одною изъ красивѣйшихъ въ Швеціи. Здѣсь былъ, въ католическія времена, женскій монастырь. По разрушеніи его, иже, развалины построена церковь въ 1572 году, при Королѣ Іоаннѣ III. Алтарь украшенъ мраморными колоннами Коринтскаго ордена и символическими изображеніями изъ Новаго Завета. Церковь свѣтла и просторна. Кладбище вокругъ церкви осыпано прекрасными деревьями. Церковь Св. Якова почитается древнѣйшею, послѣ Вольшой (Store) церкви и, какъ полагаютъ, выстроена чрезъ сто лѣтъ послѣ основанія Стокгольма. Густавъ Ваза повелѣлъ раз-

* По-латыни онъ называется Картезіемъ. Род. 1596, сконч. 1653.

рушить эту церковь, чтобъ она не служила убѣжищемъ непріятелю, который въ тѣ бурныя времена всегда подступалъ къ городу съ сѣверной стороны. Іоаннъ III началъ вновь строить церковь, которая кончена при Королѣ Христианѣ, въ 1645 году. Замѣчательны здѣсь запрестольный образъ Воскресенія Христова, работы Гассельгрена, и надгробный камень писателя Чельгрена (Kellgren). Церковь эта хотя малаго объема, но весьма красива.

Въ Стокгольмѣ извозчики не развѣзжаютъ по городу, для присканія сѣдоконъ, и не имѣютъ позволенія стоять въ разныхъ частяхъ города. На Площади Густава Адольфа стоятъ два омнибуса, покойные и щегольскіе, которые отправляются въ извѣстные часы, въ Звѣринецъ, одинъ послѣ другого, а площадь Брункебертъ назначена для извозчиковъ. Публичныя экипажи суть кабриолеты, на двухъ и на четырехъ колесахъ, въ одну лошадь или въ пару лошадей. Экипажи не красивые, лошади дурныя и извозчики одѣты плохо. Каждому извозчику дана отъ полиціи книжка, съ означеніемъ таксы за ѣзду, на различныхъ разстояніи, съ названіемъ мѣстъ. Цѣны довольно дороги, да и кому охота медлить, прискывая разстоянія и вычисляя ко-

нѣйками! Лишнее неданство! Кареты и коляски не стоятъ на площади, и ихъ надобно принимать у содержателей, въ домахъ. Экипажи старинной формы, но хорошіе и крѣпкіе, а лошади превосходныя. Наемъ этихъ экипажей обходится весьма дорого. Вообще эта часть дурно устроена въ Стокгольмѣ. Желая ѣхать куда нибудь, вы должны прежде послать за извозчикомъ, съ одного конца города на другой, или идти на Брунксбергъ! Для путешественника это весьма затруднительно!

Въ концѣ прекрасной Королевиной Улицы (Drottning-gatan) пасажена липовая аллея, при Густавѣ III, а за аллеей, на высокомъ холмѣ, возвышнута обсерваторія, здание красивое, снабженное хорошими инструментами и библиотекою. Видъ съ холма на городъ и на море чудесный. Я отдохнулъ здѣсь подъ тѣнью липы, у подножія холма. Въ числѣ благотѣльныхъ заведеній въ сей части города, особенное вниманіе заслуживаютъ два родильные дома, въ которые принимаютъ родильницъ, не спрашивая объ ихъ имени. Кажется мнѣ, что подобныя заведенія весьма нужны въ Стокгольмѣ! Эти дома поддерживаются частными вкладами и приношеніями. Возвращаясь домой,

усталый и измученный, я зашелъ въ магазинъ порфиновыхъ вещей, вырабатываемыхъ въ Эльфдалѣ, рудникѣ и находящемся при немъ заводѣ, принадлежащемъ Королю. Шведскій порфиръ чрезвычайно красивъ, но выдѣланныя изъ него вещи ужасно дороги, такъ что къ нимъ нѣтъ прістуга. Вообразите, что шахматная доска стоитъ около 500 рублей; небольшая ваза или песочница 150 рублей; черенки ножей по 45 руб. У насъ махать дешевле! Большія вещи: вазы и pedestals по нѣскольку тысячъ рублей!!! Не думаю, чтобы въ Швеціи покупали много этихъ вещей, потому что Швеція не богата деньгами и не предана роскоши. Въ Парижѣ есть также магазинъ для Эльфдалскихъ издѣлій. Не знаю, хорошо ли они тамъ продаются.

Съ радостью добрался я до моей уютной квартиры, надѣясь успокоиться и подкрѣпить силы сномъ. Не тутъ-то было! Въ день моего пріѣзда въ Стокгольмъ, столичной черня издѣвалось бушеваніе. Объ этомъ происшествіи было написано, напечатано во всѣхъ газетахъ и рассказано много ложнаго, и самое событіе чрезвычайно преувеличено. Начнемъ съ того, что это бушеваніе не имѣло въ себѣ ничего поли-

тического. Вотъ въ чемъ дѣло. Одинъ изъ Шведскихъ подьячихъ, то, что мы называемъ *круккожъ*, по имени Крузеништопе, задумалъ спорить съ Государственнымъ Совѣтомъ о не-правильности производства одного чиновника. За дерзкія выраженія въ статьяхъ, подьячаго отдали подъ судъ. Присяжные (между конья находились знаменитый химикъ Верцеліусъ и скульпторъ Гете) признали Крузеништопе виновнымъ, и его осудили на нѣсколько лѣтъ въ крѣпость. Когда виновнаго посадили въ городскую тюрьму, до перевезенія въ Вакстольмъ, безпокойные люди собрали толпы праздновавшихся матросовъ, поденщиковъ и мастеровыхъ, окружили тюрьму и потребовали выдачи узника. Разумѣется, что имъ въ этомъ отказали, и они стали бросать въ окна тюрьмы камнями. Явился офицеръ съ ближней гауптвахты, съ 12 человѣками солдатъ, и объявлялъ народу, что велѣтъ стрѣлять, если толпы не разойдутся. Какой-то пьяница схватилъ камень и хотѣлъ ударить офицера, но унтеръ-офицеръ выстрѣлилъ, и пьяница протрезвился на вѣки вѣковъ! По этому сигналу всѣ солдаты выстрѣлили въ толпу. Нѣсколько человѣкъ было убито, нѣсколько ранено, а прочіе разбѣжались. Злость черни;

подстрекаемой безпокойными людьми, устремилась на Канцлера Юстиціи и толпы народа, нѣсколько ночей сряду, бродили съ крикомъ и шумомъ по улицамъ, произноси угрозы, и бросая въ окна камнями. Войско, вѣрное долгу чести и присяги, разогнало эти толпы, хватало самыхъ дерзкихъ, которые сопротивлялись патрулямъ и даже нападали на нихъ, а между тѣмъ въ городѣ спокойствіе гражданъ было нарушено. По несчастію, и жила неподалеку отъ Канцлера Юстиціи и на моей улицѣ, подъ окнами моиими, было нѣсколько дракъ, какъ будто нарочно для того, чтобы тревожить мой сонъ. Охъ, крапивное сѣмь эти адвокаты! Вездѣ, гдѣ только водворился безпорядокъ, адвокаты были поджигателями или главными пружинами революцій. Огнемся на Францію! Въмѣсто того, чтобы употребить даръ слова на защиту истинно несчастныхъ, и обращать свое авторское дарованіе на литературу, болшая часть адвокатовъ, мучась жаждою къ деньгамъ и честолюбію, и притомъ, почитая себя способнѣе другихъ къ управленію, пользуются первымъ случаемъ, чтобы изапровергнуть существующій порядокъ, и изъ развалинъ его устроить для себя храмъ фортуны. Адво-

каты бросили тѣмъ на ремесло журналистовъ, потому что въ странахъ, гдѣ существуетъ свобода тисненія, политическіе журналы и газеты издаются обыкновенно не литераторами, а вообще юристами и адвокатами. Литераторовъ берутъ они въ сотрудники только по литературной части журнала или газеты, а вздорнымъ политическімъ разсужденіямъ, для возмущенія народнаго спокойствія, ищутъ сами. Нанюлеонъ умѣлъ держать въ уздѣ это алчное племя, и за то ему великое спасибо! Въ Швеціи эти господа до того записались, что уже нѣтъ болѣе не вѣрять. Общее мнѣніе самый строгій судья!

Между тѣмъ, не взирая на это бушеваніе и возгласы приверженныхъ къ Крузенигскому газетѣ, молодца закупирили въ Ваксгольмскую крѣпость — а чернь пошумить, побунтуешь, да и перестанешь! Всѣ благомыслящіе люди въ Швеціи, всѣ люди порядочные, имѣющіе собственность или снискавающіе пропитаніе честнымъ трудомъ, всѣ ученые и лучшіе литераторы, обнаружили, въ это время, явное негодованіе противу нарушителей общественнаго спокойствія, и даже просили Правительство принять противъ нихъ самыя строгія мѣры.

Особенно отличались благородными чувствами и любовью къ порядку военные, офицеры и солдаты, и ихъ трудно было даже удержать въ предѣлахъ той умѣренности, которую Правительство наблюдало съ заблужденными. Вообще въ Швеціи господствуетъ превосходный духъ, любовь и довѣренность къ Правительству, и желаніе порядка и спокойствія. Но чернь вездѣ звѣрь. Вѣда, когда его выпустить въ чистое поле! . . .

На другое утро почтенный А. А. Лавоніусъ новелъ меня къ нѣкоторымъ изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ и литераторовъ. Но тѣ изъ нихъ, которыхъ я хотѣлъ навѣстить, были за городомъ, на дачахъ. Но счастью, мы застали дома Верцелюса.

Слава его всемірная. Кто только знаетъ, что существуетъ Химія, тотъ знаетъ Верцелюса. Вездѣ всякаго сомнѣнія онъ одинъ изъ первыхъ, если не первый химикъ нашего времени! Онъ теперь президентомъ Академіи Наукъ, и живетъ въ академическомъ зданіи. Въ передней мы не нашли слуги; всѣ двери были отворены. Изъ передней вошли мы въ небольшую лабораторію, устроенную безъ всякой прихоти и роскоши, самыя простыя и обыкновенныя

образомъ. Лабораторія Дерптскаго Университета, въ сравненіи съ лабораторіей Берцеліуса есть то же, что Египетская пирамида въ сравненіи съ рыбацкой хижинкой. Однако жъ, изъ этой тѣсной и неукрашенной лабораторіи великаго мужа вышли великія открытія, и отсюда разлился новый свѣтъ на науки! Изъ лабораторіи мы вошли въ небольшую комнату, уставленную вокругъ шкафовъ съ книгами, а отсюда прошли въ столь же малый кабинетъ, гдѣ Берцеліусъ сидѣлъ на софѣ съ какимъ-то гостемъ. Великій мужъ принялъ меня съ патріархальною простотою, пожалъ руку, и сказалъ, что всѣ жрецы Музы и Аполлона — братья. Берцеліусъ роста небольшого, довольно плотенъ, имѣетъ видъ здоровый. Лице его покрыто румянцемъ. Я держусь жизни Цесаря, и боюсь блѣдныхъ отъ природы и желчныхъ, смуглыхъ людей. Краска въ лицѣ — у меня первая рекомендація! Можетъ быть, я ошибаюсь, на этотъ счетъ — но это слабость моя, въ которой утвердилъ меня опытъ. Не возможно быть любезнѣе, простодушнѣе, милѣе Берцеліуса, въ обществѣ. Я вспоминалъ о важности мелкихъ Нѣмецкихъ педантовъ, и готовъ былъ расхохотаться! Берцеліусъ заго-

ворить о нашемъ Государѣ и о Наслѣдникѣ Престола. Его Императорское Высочество удостоить даже ученаго мужа своимъ посѣщеніемъ, въ его скромной лабораторіи, пріеустовлялъ при нѣкоторыхъ любопытныхъ опытахъ, а отъѣзжая изъ Стокгольма, прислалъ на память богатый подарокъ. Берцеліусъ называлъ нашего Императора прототипомъ (т. е. образцемъ образцевъ) Государей, и не могъ довольно объ Немъ поговорить. Изъ нашихъ Русскихъ химиковъ Берцеліусъ знаетъ только Академика Гесса, который былъ его ученикомъ. О Россіи спрашивалъ меня Берцеліусъ съ величайшимъ любопытствомъ, съ умиленіемъ слушалъ, когда я рассказывалъ ему о покровительствѣ, оказываемомъ нашимъ правительствомъ точнымъ наукамъ, о щедрости, съ какою поддерживаются ученые предпріятія, о пособіяхъ ученымъ на путешествія и т. п. Онъ удивлялся только, что при такихъ огромныхъ средствахъ, труды нашихъ ученыхъ такъ мало извѣстны за границею нашего отечества, и что Россія до сихъ поръ не описана въ ученыхъ отношеніяхъ. «Богатства Россіи неисчислимы,» сказалъ мнѣ Берцеліусъ: — и науки должны исторгнуть изъ недръ нашей земли неис-

чернаемая сокровища! Я растолковала почтенному ученому устройство нашего отечества, въ отношеніи къ народному образованію. Университеты у насъ есть, средства къ изученію наукъ достаточны, и если бъ юноши дворянскаго званія, часто по волѣ родителей, не торопились вступать въ службу, для приобрѣтенія чиновъ, и если бъ родители убѣдились наконецъ, что дворянину не стыдно быть ученымъ ex professo, тѣмъ болѣе, что ученое званіе ведетъ также къ почестямъ, то у насъ было бы болѣе охотниковъ заниматься точными науками, и было бы болѣе своихъ, Русскихъ ученыхъ, которые, по родству и связямъ, могли бы имѣть благотворное вліяніе на всеобщую образованность. Люди бѣдныхъ, незначащихъ родителей, достигнувъ профессорскаго званія, т. е. достигнувъ почестей, по большей части охлаждаются къ наукамъ, и останавливаются! Конечно, предрассудки, на этотъ счетъ, у насъ ослабѣваютъ, но все еще они довольно сильны, и большая часть юношей поступаютъ въ университеты для того только, чтобъ приобрѣсть патентъ для вступленія въ службу. По неволѣ мы должны прибѣгать къ иностранцамъ! — Правительство дѣлаетъ все,

что только возможно, для ободренія наукъ, награждаетъ, чествитъ, осыпаетъ щедротами..... Должно надѣяться, что, при постоянномъ усилии, цѣль будетъ достигнута. Мы еще такъ новы на этомъ поприщѣ! — Я не хотѣла отнимать драгоценнаго времени у добраго Берцеліуса, и распростился съ нимъ. Онъ пригласилъ меня навѣстить его, когда буду имѣть свободное время.

Отъ Берцеліуса пошелъ я во дворецъ, въ картинную галерею, не для осмотра ея, а только для того, чтобъ познакомиться съ директоромъ ея, Г. Рекомъ, и испросить позволеніе осмотрѣть всѣ музеи и кабинеты, находящіеся во дворцѣ. Почтенный директоръ, человѣкъ весьма вѣжливый и ученый антикварій, объявилъ мнѣ, что я могу во всякое время удовлетворить моему любопытству, и даже предложить свои услуги.

Въ этотъ день я заказала обѣдъ въ трактирѣ, т. е. даю рецептъ, какъ варить супъ, съ масломъ и зеленью, какъ жарить мясо, не распаривая его и не разваривая. Этому великому художеству научился я на бивакахъ, и все таки познанія мои, по этой части, превыше науки Стокгольмскихъ трактирныхъ стланухъ.

Но крайней мѣрѣ, теперь чувствовать я вкусъ бульона и мяса! Вино подали намъ ужасное! Красное вино, что-то кислое, густое, съ надписью: Лафитъ! Шампанское, изъ того же рода, о которомъ въ Москвѣ гласить одна вывѣска: «Шампанское, не хуже Нѣмецкаго.» — Я ограничился швадрикомъ, т. е. Шведскимъ полунивомъ и полуквасомъ.

Послѣ обѣда, въ обществѣ А. А. Лавонюса и новаго моего пріятеля, любезнаго Г. Бара, поѣхалъ я въ Дронингтольмъ, на миніатюрномъ пароходѣ, въ силу шести лошадей. Пароходство сильно прикилось въ Швеціи. На пароходной пристани (на Меларскомъ Озерѣ) стоятъ болѣе тридцати пароходовъ различной величины, для развѣдочъ по озеру, по Готскому Каналу и для сообщеній между морскими городами Швеціи. Всѣ пароходы принадлежать частнымъ людямъ, по большей части компаніямъ на акціяхъ. При Королевскомъ флотѣ было только два парохода; одинъ изъ нихъ разбился — и теперь остался одинъ. Первый пароходъ завелъ Англичанинъ Оувенъ, искусный механикъ. Теперь всѣ паровыя машины дѣлаются на фабрикѣ въ Моталѣ. На пароходахъ капитаны и машинисты все природные Шведы — нѣтъ ни

одного иностранца! Суды устроены красиво, прочно, со всѣми удобствами. Земляныхъ угольевъ въ Швеціи мало, и они чрезвычайно дороги. Печи на пароходахъ топятъ дровами. У насъ, въ Россіи, затрудняются заведеніемъ на рѣкахъ и озерахъ пароходства, отъ недостатка каменнаго угля, а дрова производить то же дѣйствіе.

Погода была прекрасная, и на пароходѣ было множество народа. Эти малые пароходы устроены точно такъ, какъ наши большіе катера, для переѣзда въ Кронштадтъ. Печь посрединѣ, дрова на носу судна. Въ тыльной части приделаны зонтики, а для прогулки по пароходу, лежатъ доски. Между пассажирами замѣтить я молодого, прекраснаго аптекаря, унтера, офицера, истающаго даисту. Я подумалъ, что это юнкеръ, дворянчикъ, и ошибся. Онъ былъ на вѣстихъ у нашего Государя, получивъ въ подарокъ золотыя часы, и отъ своего Короля награжденъ унтеръ-офицерскимъ чиномъ. Когда унтеръ-офицеру сказали, что я Русскій подданный, онъ обрадовался, и мы вѣсть съ нимъ провозгласили здравіе Русскаго Царя! — Трудно описать, какое впечатлѣніе произвело въ Шведскомъ народѣ появленіе Государя Импера-

тора въ Швеціи! Это что-то волшебное! Только и речей—что объ Немъ. Шведы говорятъ, что во взорахъ нашего Государя выражаются откровенность и прямота, и что они, Шведы, готовы во всемъ вѣрить ему, на слово. Пассажиры, и въ томъ числѣ прекрасныя дамы, были мнѣ чрезвычайно благодарны, когда я имъ разсказалъ различные анекдоты о великодушій, правосудіи и мужествѣ нашего Государя. Когда я говорилъ объ извѣстномъ у насъ событіи, на Сынной Площади, во время холеры — у многихъ дамъ глаза наполнились слезами.

Дронинггольмъ (Drottningholm) лежитъ верстахъ въ двѣнадцати отъ Стокгольма, на острову Лофе (Lof). Въ древности здѣсь была Королевская мыза Торсундъ (Thorsund). Тогда думали о доходахъ, а не объ украшеніяхъ мызы. Екатерина, дочь Польскаго Короля Сигизмунда I (изъ рода Ягеллоновъ), при которомъ Польша была на высочайшей степени величія и просвѣщенія, Екатерина, привыкнувъ къ роскоши и великолѣпію въ Краковѣ, упростила мужа своего, Короля Іоанна III, постройти ей увеселительный дворецъ, на мѣстѣ мызы Торсунда. Дворецъ былъ каменный, и островъ получилъ названіе *Королевина*. Въ 1661 году

дворецъ этотъ сгорѣлъ, и супруга Карла X, Едвиги Елеонора, положила основаніе новому дворцу, по плану знаменитаго Графа Тессина. Изъ приложеннаго здѣсь вида, вы можете имѣть нѣкоторое понятіе объ этомъ дворцѣ. Въ натурѣ онъ чрезвычайно красивъ, соразмѣрностью частей и какими-то веселымъ видомъ. Самое лучшее въ этомъ зданіи, по моему мнѣнію, парадная лѣстница и двѣ террасы, особенно терраса со стороны сада. Это въ полной мѣрѣ величественно (*grandioso*)!

Садъ расположенъ въ старомъ французскомъ вкусѣ, какъ Версальскій и нѣтъ Петергофскій, только не съ такою роскошью. Аллеи широкія, прямыя, длинныя, до безконечности. Смотри на эти безподобныя линіи, трудно вѣрить, что находишься въ Швеціи! Мнѣ указали такъ называемый Китайскій павильонъ, но онъ ветхъ и крѣпко требуетъ возрожденія. Въ концѣ сада въ одну линію выстроены дачи частныхъ людей, какъ у насъ на Каменномъ Острову. Въ одной куртінѣ устроены изъ зелени театр; авансцена возвышенная, мѣсто для оркестра, площадка для зрителей, и изъ пиналей растительныя кулисы. Это чрезвычайно красиво и оригинально. При Густавѣ III, любитель всаго изящна-

го, бывали адсь концерты и театральныя представлєнія, подь открытымъ небомъ. Островъ Лофе, или Дронингтольмъ, съ одной стороны наежился утесами, а съ другой низменъ и болотистъ. Дворецъ и садъ находится въ нижней части острова, и не взирая на осушку болотъ, воздухъ долженъ быть адсь сыръ, ветеронъ. На утесахъ построены зданія, принадлежащія дворцовому вѣдомству, конюшни и т. п. Тутъ же есть трактиръ для средняго сословія, а для достаточныхъ людей кофейный домъ, на самомъ берегу озера, возлѣ гауптвахты. Къ саду примыкаетъ обширный паркъ, съ превосходнѣйшими лугами, какіе можно только видѣть въ Голландіи. Въ паркѣ построена высокая каменная бання, съ вершины которой весь островъ виднѣтъ какъ на ладони, а на озерѣ открываются со всѣхъ сторонъ прелестнѣйшіе ландшафты. Обойдя весь островъ, мы воротились ко дворцу, и увидѣли толпу народа, вокругъ шпалеръ, которыми ограждена площадка, передъ павильономъ. На этой площадкѣ стоятъ палатки и небольшія пунжи, и устроены различныя дѣтскія игры. Возлѣ століка сидѣла супруга Наслѣднаго Принца Оскара съ придворною дамою, и занималась женскимъ

руководѣнствъ, а Наслѣдный Принцъ, съ камергеромъ Графомъ Вахтмейстеромъ, управлялъ дѣтскими забавами. Три сына * Ихъ Королевскихъ Высочествъ играли въ кегли. Меньшой сынъ и дочь были при матери, и смотрѣли на игру старшихъ братьевъ. Дѣти прелестныя, ловкія и живыя! Шведы вообще любятъ Королевскую фамилію, но супруга Наслѣднаго Принца обожаема всеми сословіями, отъ знатнаго до бѣднаго. При редкой красотѣ и стройности, Принцесса одарена всеми качествами и добродѣтелями, какія только требовались когда либо отъ женщины. По сознанію людей самыхъ строгихъ и безпристрастныхъ, Принцесса есть идеаль женскаго совершенства. Любезность и добродушіе ея въ обращеніи со всеми, милосердіе, великодушіе, состраданность, высокій умъ и образованность приковали къ ней всѣ сердца. Душа ея рисуется во взорахъ и въ фізіономіи. Принцесса превосходно говоритъ по-Шведски, и любитъ языкъ новаго своего

* У Принца Оскара, вѣнчающаго въ супружество Герцогиню Лозеину Лейхтенбергскую, имѣро дѣтей: Старшему сыну 12, второму 11, третьему 9, четвертому 7 лѣтъ и дочери 8 лѣтъ.

отечества, любить его Литературу и уважать ученых и литераторов. О Принцессе говорить всё, как о какомъ нибудь божествѣ, и толпы столичныхъ жителей стремятся въ Дронингольдъ для того только, чтобы увидѣть ее и поклониться ей.

Подали чай. Принцесса сама занялась этикетъ маленькимъ хозяйствомъ, приготовила тартинны (хлѣбъ съ масломъ) для дѣтей, наливала чай и подчивала своихъ гостей. Крозь Графа Вахтмейстера, въ обществѣ были: Адъютантъ Принца, Полковникъ Мейеръ и караульный офицеръ.

Шведскіе офицеры всё прекрасно образованы и чрезвычайно вѣжливы. Это испытывалъ и на себѣ, ежедневно. И въ этотъ день караульный офицеръ, съ рѣдкимъ добродушіемъ, предложилъ намъ свои услуги, ввелъ во дворецъ, во время прогулки Принца, показалъ комнаты и просилъ сказать, чѣмъ еще можетъ быть намъ полезенъ. Гвардейскіе солдаты слѣдуютъ примѣру своихъ офицеровъ. Нѣсколько гражданъ проходило по эспланадѣ, мимо дворца, съ сигарами во рту. Часовой сказалъ имъ: «Господа здѣсь не позволено курить!» — «Да вѣдь эти господа не курятъ на мѣстѣ, а проходятъ

мимо?» — возразилъ другой старый солдатъ. — Пусть себѣ идутъ съ Богомъ! Принцъ не любитъ, чтобы прѣзжающіе сюда получали неспрiятности! курите, господа, и маршъ мимо!»

Въ 8 часовъ раздался первый пушечный выстрѣлъ съ нашего парохода, призывающій пассажировъ. Мы пошли къ пристани, и когда номѣстились уже на пароходѣ, пришелъ на берегъ Принцъ Оскаръ съ своею супругою и дѣтьми. Мы сняли шляпы, а Принцъ и Принцесса вѣжливо привѣтствовали всѣхъ, будто своихъ знакомыхъ, бывшихъ у нихъ въ гостяхъ. Принцъ снялъ фуражку, а милыя дѣтки кланялись намъ и махали своими шляпами. Пока отъезжали пароходъ, появились изъ за угла дворца Далекарльскій крестьянинъ, съ какимъ-то кациономъ на головѣ, и шелъ мимо дѣтей Наслѣднаго Принца, вовсе не замѣчая ихъ, или не узнавая. Лица крестьянина мы не видали, но должно думать, что то былъ старецъ, потому что шелъ сгорблѣсь. Вообразите наше удивленіе: дѣти Наслѣднаго Принца *перые* привѣтствовали крестьянина! Онъ остановился, оглянулся, посмотрѣлъ пристально на дѣтей, поднялъ руки, какъ бы призывая на нихъ

II.

Поездка на пароходъ, по Меларскому Озеру, въ замокъ Гринсгольмъ. — Принтесъ дамской обществу. — Краткая исторія замка. — Врѣмя сыновей Густава Вазы и ихъ заключеніе въ Гринсгольмъ. — Старинныя Русскія пушки. — Собраніе историческихъ портретовъ. — Драгоценныя вещи. — Добыча Тридцатилѣтней Войны. — Арсеналь, древняго и стариннаго оружія. Возвращеніе въ Стокгольмъ.

Сего дня воскресенье (10 Іюля), и въ 8 часовъ утра я сѣжу уже на пароходъ *Готландъ*. Палуба и двѣ каюты наполнены пассажирами. Шведы страстно любятъ загородныя прогулки, особенно по водѣ. Мы ѣдемъ въ замокъ Гринсгольмъ. * Замокъ сей лежитъ въ концѣ одного залива Меларскаго Озера, и знаменитъ древностью своею, событіями въ немъ случившимися, архитектурою и рѣдкостями, въ немъ хранящимися.

* Отъ Стокгольма до Гринсгольма водою $5\frac{1}{2}$ миль, а сухимъ путемъ 7 миль. Шведская миля содержитъ въ себѣ 10 верстъ.

Небо покрыто было облаками, и погода была пасмурная. Однакожъ большая часть пассажировъ была на верху, чтобъ любоваться прекрасными видами. Берега Мелара усыяны прекрасными дачами. На одной изъ нихъ, принадлежащей Адмиралу, котораго имени не помню, устроены изъ зелени, т. е. изъ деревьевъ и кустарниковъ, остриженныхъ по рисунку, памятникъ мира, въ воспоминаніе общаго примиренія Европейскихъ народовъ, послѣ низверженія Наполеона. Мысль оригинальная и прекрасно исполненная.

На палубѣ было много дамъ и молодыхъ людей хорошаго общества, а въ томъ числѣ нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ, по обыкновенію въ шататскомъ платьѣ. Знакомые сидѣли группами и разговаривали между собою. Мнѣ не съ хлѣбъ было завести разговоръ, какъ только съ моимъ юнымъ спутникомъ, сыномъ моего сосѣда (по Лифляціи) и приятеля. Особенное любопытство мое привлекала одна группа. Въ ней была одна пожилая дама, другая дама въ осенней порѣ жизни, и три молодыхъ дѣвочки. Одна изъ нихъ была необыкновенной красоты, брюнетка, съ такими глазами, какіе природа создаетъ такъ же рѣдко,

какъ алмазы, сапфиты и изумруды. Дѣвѣнцы были въ веселомъ расположеніи духа, шутили между собою и смѣялись. Красавица рисовала въ альбомѣ. Я прошепелъ за скамьею; заглянулъ неосторожно въ альбомъ, и увидѣлъ, что подъ карандашемъ артистки, ожило нѣсколько карикатурныхъ фигуръ пассажировъ и даже цѣлая группа. Дамы разговаривали между собою по-Французски и по-Нѣмецки, и это самое удостовѣрило меня, что онѣ должны быть иностранки, потому что Шведы и Шведки, даже высшаго круга, всегда говорятъ между собою на отечественномъ языкѣ, хотя знаютъ иностранные не хуже нашихъ Русскихъ боярынь и боярынь. — Сидя въ недалекомъ разстояніи отъ дамъ, я заговорилъ по-Русски съ юнымъ товарищемъ моего путешествія, и послѣ того удалился на другой конецъ парохода, чтобъ выкурить сигару. Представьте же себѣ мое удивленіе, когда, возвращаясь на прежнее мѣсто, и быть остановленъ пріѣзжими по-Русски! И такъ обрадовался и смѣялся, что даже не напечася, что отвѣчать. Милая прелестная дѣвица говорила со мною по-Русски, и что же говорила! Что она знаетъ меня по моимъ сочиненіямъ, что она читала ихъ и читаетъ и

что ей пріятно видѣть автора, который доставилъ ей много удовольствія! Воля ваша друзья, а ремесло писателя имѣетъ иногда, хотя весьма рѣдко, свои пріятности! Между мужчинами, только люди высокаго образованія и высокаго чувствованія любятъ писателей. Невѣжды не навидятся имъ и боятся — люди обыкновенные завидуютъ имъ и озлоблены противъ нихъ. Только женщины безпристрастны къ писателямъ, и только женщины могутъ и умѣютъ награждать писателя. Одно слово похвалы изъ устъ женщины пріятнѣе и дороже всѣхъ журнальных панетириковъ! Хотя я, слава Богу, никогда не наслаждался журнальными похвалами, потому что многіе журналы и крѣпко солено, но женскую награду цѣнилъ и цѣню всегда высоко, и вѣрю, что нѣжное женское сердце не можетъ выщипать въ себѣ грубой лести или убійственной проны. Исключеніе изъ правила то же, что существованіе уродовъ на земной поверхности!

Эти дамы были: Баронесса Меллинъ, супруга Финскаго Сенатора, съ двумя дочерьми, и Графиня Эйзидель, съ дочерью, артисткою, съ алмазными глазками. Графиня пріѣхала изъ Берлина, навѣстить родственницу свою, находя-

щуясь при дворѣ Шведской Кронпринцессы, а Баронесса пользуется въ Стокгольмѣ минеральными водами. Дамы такъ обласкали меня, что я прикинулъ къ ихъ свитѣ и присоединился къ ихъ обществу, къ величайшему моему наслажденію, нашедъ умъ, любезность, образованность и рѣдкое добродушіе въ каждой изъ нихъ, а всѣ онѣ вмѣстѣ составляли такое милое, безцѣльное цѣлое, что я не могъ оторваться ни на минуту отъ ихъ бесѣды. Дѣвица, которая говорила со мной по-Русски, была Августа, младшая дочь Барона Меллина. Баронъ, съ своимъ семействомъ, долгое время жилъ въ Петербургѣ, и имѣла дочери его нарочно для того учились по-Русски, чтобъ познакомиться съ Русскою Литературою. Мы долго разговаривали съ Баронессою Августою о Литературѣ Русской, Французской, Нѣмецкой, и я удивлялся ея начитанности, правильнымъ сужденіямъ и изящному вкусу. Послѣ узнавъ я, что она чрезвычайно сильна въ музыкѣ. Время быстро летѣло въ пріятномъ, очаровательномъ, дамскомъ обществѣ. На половинѣ дороги началъ кривить дождикъ, и вскорѣ вся атмосфера наполнилась сыростью. Дождь пересталъ, но въ воздухѣ были будто брызги водопада. Въ каютахъ не

было мѣста для всѣхъ пассажировъ и множество мужчинъ, въ томъ числѣ и я, уступивъ каюты дамамъ, остались на палубѣ. Швеція шла для взорновъ и для ума, но сѣверный климатъ такъ же несносенъ здѣсь, между скалами, какъ и въ нашихъ Петербургскихъ болотахъ!

Вотъ и Гринсгольмъ съ своими древними баннями! При самомъ замкѣ лежатъ маленькій городишка (Burg) Марисфредъ. Мы пообѣдали въ трактирѣ, и цѣлою гурьбою отправились въ замокъ. Это мѣсто было обитаемо въ древнѣйшія времена, и должно полагать, что еще во время Норманскихъ набѣговъ здѣсь было какое-нибудь укрѣпленное жилище Викинговъ. Передъ наружными дворомъ замка найдены надгробный камень, времени языческихъ, съ руническими надписями. Въ 1853 году Профессоръ Лидегренъ, государственный антикварій, нашелъ другой камень съ руническою надписью, сфальсифицирующаго содержанія: Толла (Tolla) поздравитъ сей камень въ честь сына своего, Гарведа (Harwed), брата Ингвара (Ingwar): они странствовали далеко на востокъ, а послѣ того на полуостровъ и на берегахъ Африки. Эпоха этихъ странствій не означена, но не слѣди сомнѣваться

въ древности событія, которое можно смѣло относить къ VIII или IX вѣку. Камень этотъ лежитъ теперь въ дверяхъ восточной башни, и служить вмѣсто порога. Самые древніе владельцы этого мѣста были изъ фамиліи Стуббе и Гренъ (Stubbe—Gren); оно называлось Аль (Ahl). Потомъ имѣніе сіе перешло къ Во-Йонсону, Канцлеру Королевства, знаменитому огромными своими богатствами и могуществомъ. Во-Йонсонъ имѣлъ въ гербѣ грифа (Grip) и построивъ на немъ только распространивъ замокъ, прозвалъ его Гринсгольмомъ. Къ этому времени или даже къ древнѣйшему, принадлежить башня, называемая Грифовой (Gripe-torget), въ которой стѣны изъ кирпича и обломковъ гранита, толщиною въ семь Шведскихъ локтей. Въ 1585 году, Канцлеръ Во-Йонсонъ, герба Грифъ, созвалъ на совѣщаніе, о дѣлахъ государственныхъ, всѣхъ вельможъ Королевства для примиренія Сената съ Королемъ Альбрехтомъ. Король также прибылъ къ врагу своему въ Гринсгольмъ, и враждующіе партіи примирились. Королева Маргарита, основательница Кальмарскаго союза, взявъ въ нѣдѣ Короля Альбрехта, преслѣдовала его приверженцовъ, и отняла замокъ у вдовы Во-Йонсона. Комендан-

томъ здѣсь былъ безмелочный Гартвигъ Флегъ (Flög), наводившій ужасъ на окрестную страну. Когда знаменитый поселенникъ Энгельбрехтъ, (бывшій потомъ правителемъ Королевства) возсталъ противу тужеземнаго ига, и когда толпы поселенъ приближались къ Гринсгольму, намѣреваясь взять его штурмомъ, Гартвигъ Флегъ зажегъ замокъ и удалился (въ 1434 году). И до сихъ поръ на Грифовой башнѣ (Gripe-torget) видны слѣды бывшаго пожара, въ почернѣлыхъ кирпичахъ и гранитѣ. Переходи изъ рукъ въ руки, имѣніе Гринсгольмъ досталось, по обмѣну, знаменитому Стену Стуре, въ 1472 году. Именемъ его называется одна башня. Въ 1498, Стенъ Стуре, подарилъ имѣніе Гринсгольмъ монастырю Маріенфредскому, который стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится тородинаха того же имени. Этому дару противился племянникъ Стена Стуре, Эрикъ Йонансонъ Ваза.* Но возведеніи на престолъ

* Въ Швеціи только со времени Густава Вазы дворянскіе роды стали постоянно называться по фамиліямъ, принятымъ отъ гербовъ или названія вотчинъ. Прежде они назывались по прозвищу отца, какъ у насъ въ Россіи. Йонансонъ значитъ Ивановъ

Густава Вазы и уничтоженіи католицизма въ Швеціи, когда всѣ ильня церковныя отдаваемы были наследникамъ дарителей, Гринсгольмъ поступилъ во владѣніе Короля Густава Вазы, какъ единственнаго наследника послѣ дяди своего Стена Стуре и фамилии Гренъ. Въ то время къ замку Гринсгольму принадлежало 160 гектановъ. Въ 1537 году Король Густавъ Ваза началъ строить замокъ, существующій до сихнѣ съ нѣкоторыми поздними пристройками. Замокъ построенъ изъ развалинъ монастырей Маріефредскаго, Кунгсберскаго и другихъ, назначенныхъ въ сломку, по уничтоженіи монашества. Архитекторомъ былъ Нѣмецъ, нѣкто фонъ Кіеленъ. Король, по окончаніи постройки, пировалъ здѣсь пятнадцать дней сряду, угощая знатнѣйшихъ вельможъ съ ихъ семействами.

Съ тѣхъ поръ Гринсгольмъ принадлежалъ всегда Корольской фамиліи, или родственникамъ съ нею. Приицамъ и вдовствующимъ Королевамъ. Въ этомъ замкѣ жили всѣ Шведскіе Короли, и даже Карлъ XII, во время кратковременнаго своего пребыванія въ отечествіи,

т. е. сынъ Ивановъ, Эриксоу — Густавсоу — сынъ Эрика или Густава и т. п.

любилъ проживать въ Гринсгольмѣ, гдѣ посвященъ былъ въ рыцари великій Густавъ Адольфъ и лучший изъ его полководцевъ Леонардъ Торстенсонъ. Гринсгольмъ былъ любимымъ мѣстопробываніемъ великаго Густава Адольфа и Густава III. Послѣдній украсилъ его, распротранилъ и отдымалъ одно отдѣленіе въ новомъ вкусѣ. Здѣсь давалъ онъ свои празднества, проводилъ время въ бесѣдахъ съ учеными и литераторами, для отдохновенія отъ трудовъ управленія.

Но самое занимательное и трагическое событіе въ Гринсгольмѣ есть заключеніе сыновей Густава Вазы, Эрика XIV и Иоанна III. Однѣхъ изъ Русскихъ путешественниковъ, бывшій здѣсь передо мною, мечталъ о привидѣніяхъ, а я мечталъ объ Исторіи, и прошу у васъ позволенія припомнить вамъ, вкратцѣ, о той трагедіи, которую разыграли на сценѣ міра дѣти великаго Густава Вазы.

По смерти великаго мужа, остались въ живыхъ четыре сына, Иоаннъ, Эрикъ, Магнусъ и Карлъ. Первый былъ властолюбивъ, права метельнаго, но уменъ, а болѣе хитеръ и проиравливъ. Эрикъ былъ всмысливъ и капризенъ, тщеславенъ до крайности, легкомысленъ и лег-

ковѣрентъ. Оба старшіе сына получили блестящее и ученое воспитаніе, говорили свободно по-Латыш и на новыхъ Европейскихъ языкахъ, и занимались даже художествами. Магнусъ былъ тупоумень и притомъ вспыльчивъ. Изъ четырехъ братьевъ одинъ только Карлъ наследовалъ умъ, твердость и мужество своего родителя. Хотя и онъ былъ не чуждъ общаго фамиліаго порока, вспыльчивости. Карлъ остался несовершеннолѣтнимъ, по смерти отца. Еще при жизни своей Густавъ Ваза назначилъ Эрика своимъ преемникомъ, а Иоанну отдалъ въ ленное владѣніе Герцогство Финляндское. Но завѣщанію, Карлу назначена Эстермандландія, а Магнусу Эстерготландія, и Принцы приняли званіе Герцоговъ. Всѣ три Герцога должны были повиноваться Королю, какъ отцу, содѣйствовать людям и казною къ защитѣ общаго отечества, но управлять герцогствами отдѣльно, на ленной правѣ, и собирать для себя доходы. Кромѣ того Густавъ Ваза оставилъ огромныя суммы денегъ сыновьямъ своимъ и частное свое недвижимое имущество. Наши историки несправедливо упрекали Святослава, Владимира и Ярослава, что они роздали удѣлы своимъ дѣтямъ. Въ то время

это было общій обычай на Сѣверѣ, то же, что законъ, и другихъ средствъ не было для обеспечения судьбы сына. Но Густавъ Ваза сдѣлалъ важную ошибку, давъ дѣтямъ своимъ герцогства, съ правомъ управленія ими. Герцоги были слишкомъ сильны для подданныхъ и слишкомъ слабы, что бѣ быть независимыми владѣтелями, и, кажется, должно было предвидѣть раздоры, особенно зная характеръ Эрика и Иоанна, которые въ юности своей уже огорчали отца своими властолюбивыми видами и взаимною ненавистью. Густавъ могъ набѣгнуть удѣловъ, назначить сыновьямъ приличное содержаніе, изъ общихъ доходовъ государства, но онъ увлекся отцовскою слабостью, и былъ причиною несчастія своего семейства.

Тщеславный и вѣтреный Эрикъ промоталъ всѣ сокровища, на торжество своей коронаціи и на сватовство за Англійскую Королеву Елизавету, за Принцессу Лотарингскую и Принцессу Гессенскую. Никогда не видала Швеція такой безумной роскоши, какой предавался Эрикъ! Первый споръ и неудовольствіе между Эрикомъ и Иоанномъ возникли за промотанныя отцовскія суммы, и за отказъ Эрика подѣлиться недвижимою. Между тѣмъ Ревель поддался

Швеции, страшая нападенія Русскихъ, и въ Лифляндіи, которую Готардъ Кетлеръ уступилъ Польшѣ, не имѣя на то права, было много приверженцевъ Швеции, которые еще при жизни Густава хотѣли поддаться ему. Но Густавъ, не желая войны съ Россією и Польшею, откладывалъ дѣло, а между тѣмъ общалъ Іоанну дать ему земли въ Остзейскихъ провинціяхъ, когда дѣло уладится. Іоаннъ просилъ позволенія у Эрика занять своими Финскими войсками Ревель, а Король послалъ туда Генерала Горна (въ Апрѣлѣ 1561 года), и отказалъ брату. Іоаннъ, женившись на Екатеринѣ Ягеллоновой, сестрѣ Польскаго Короля Сигизмунда Августа, вошелъ съ нимъ въ тѣсныя сношенія; далъ взаимныя деньги, подѣ закладъ семи замковъ въ Лифляндіи и обѣщалъ помогать своему шурина противу Россіи, совѣтовалъ брату своему Эрику заключить союзъ съ Польшею, вмѣстѣ съ нею дѣйствовать противу Россіи, оставить Лифляндію во власти Польши, и доволѣствоваться Эстляндією. Эрикъ, вмѣсто отвѣта, приказалъ Горну занять Нерновъ и Вейсенштейнъ, и дѣйствовать всѣми силами противу Поляковъ. По возвращеніи Іоанна изъ Польши въ Финляндію, начался новые споры между братьями за до-

ходы Финляндіи и за Финскіе корабли, находившіеся въ Шведскомъ флотѣ. Эрикъ отказалъ Іоанну во всѣхъ его требованіяхъ, велѣлъ Финляндскому дворянству отправиться немедленно, на войну въ Лифляндію, а Герцогъ Іоанну приказалъ явиться въ Стокгольмъ, предъ сеймомъ, для оправданія себя въ обвиненіи въ сношеніяхъ съ неприятелями отечества и въ намѣреніи отложиться отъ Швеции. Первое обвиненіе было справедливо, второе сомнительно. Іоаннъ, вмѣсто того, чтобы повиноваться Королю, призывалъ Финляндцевъ къ оружію и заставлялъ ихъ дать себѣ присягу въ томъ, что они станутъ защищать его противу Короля Эрика, и притомъ удержалъ въ нѣмнѣ посланцевъ королевскихъ. Противу Іоанна послано было войско и даряжень судъ. Тщетно ожидать Іоаннъ помощи изъ Польши и Пруссіи. Осажденный въ замкѣ Абовскомъ, онъ долженъ былъ сдаться военнопленнымъ, послѣ двухмѣсячной осады (въ Августѣ 1563 года).

Эрикъ былъ на Датской границѣ, когда нѣжнаго брата привезли въ Стокгольмъ. Геранъ * Нерсонъ, любимецъ и первый совѣтникъ ко-

* Тоже что Георгъ.

ролевскій, чудовище въ родѣ Сяна, клеветы Тиверіева, встрѣтилъ Іоанна укорительною рѣчью и объявилъ ему, что хотя сеймъ приговорилъ его, за измѣну, къ смертной казни, но Король, по милосердію своему, смягчилъ кару и опредѣлилъ заключить на всю жизнь въ темницу. Супругъ Іоанна объявлена королевская милость. Ей предоставлена свобода жить въ одномъ изъ королевскихъ дворцовъ, съ содержаніемъ, приличнымъ ея сану. Екатерина Ягеллонова, вмѣсто отвѣта, показала Герану Персону обручальное кольцо, на которомъ была Латинская надпись: «съ нами до смерти». Обоихъ супруговъ повели торжественно на дѣхтъ, въ королевскій замокъ, и заключили въ темницу.

По приказанію Эрика, для Іоанна приготовлено было ужасное зрѣлище. Его принудили не сходить съ палубы. На всѣхъ возвышеніяхъ, въ Стокгольмѣ, воздвигнуты были висѣлицы и эшафоты, на которыхъ висѣли или вилетены были въ колеса тѣла друзей и приверженцевъ Іоанна. Это было прологомъ къ ужасной трагедіи!

Всѣ тираны имѣютъ между собою чрезвычайное сходство. Первыя причины тиранства суть всегда подозрительность и малодушіе. По-

томъ, упиавшись кровью, человѣкъ впадаетъ въ какое-то зѣрство. Невинная кровь есть сильнѣйшій ядъ для злодѣя. Она отражаетъ его сердце и затмѣваетъ умъ. Всѣ тираны впадали въ помѣшательство ума, и всѣ страдали желчными недугами. Сынъ освободителя отечества отъ зѣрства Христіана II, Эрикъ, слѣдовалъ не путемъ отца, но тирана, отъ котораго отецъ избавилъ Швецію! Уже въ 1562 году Эрикъ издалъ указъ, которымъ приглашалъ всѣхъ подданныхъ отыскивать людей, клеветующихъ на Короля или замышляющихъ противу него злое, обѣщая донощикамъ свою милость и половину имущества обвиненнаго, если доносъ окажется справедливымъ. Всѣмъ правителямъ областей приказано было завести, во всѣхъ сословіяхъ, наушниковъ, а во всѣхъ городахъ и большихъ селеніяхъ палачей, для немедленнаго наказанія преступниковъ. Казни умножались постепенно. Съ 1563 года по 1567 годъ казнено и приговорено къ смерти 252 человѣка, по доносамъ за нямую клевету на Короля, за недоброжелательство къ нему, за чары ко вреду его здоровья или спокойствію, чино подозрѣнію въ заговорахъ. Чтобы дать понятіе за что казнили, приведу нѣсколько примѣровъ. Подо-

зрѣвая вельможу Сванте Стуре въ злоумышленіи, Эрикъ казнилъ его слугу, истрѣтивъ его на улицѣ, съ ружьемъ. Вальмару Викману отрубилъ голову за то, что онъ сказалъ: «повелѣнія Короля таковы, что иногда нѣтъ возможности исполнить ихъ». Нѣсколько правителей округовъ казнены за то только, что они не могли въ срокъ доставить дровъ, на назначенное мѣсто.

Эрикъ съ юности окруженъ былъ людьми низкаго происхожденія, которые льстили его страстямъ, и возбуждали ненависть и подозрѣніе къ дворянству. Сватаясь за Королеву Ангальскую и Принцессу знатнаго рода, Эрикъ имѣлъ любовницею солдатскую дочь, Катерину, и чуждаясь мудрыхъ и благородныхъ сподвижниковъ своего отца, довѣрялъ злодію Герану Персону и его клеветанъ. Еще Эрикъ не смѣлъ проливать крови знатнѣйшихъ дворянъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ осуждены были на смерть, но подозрѣвая, но наконецъ нѣкіе любимцы его присовѣтовали ему устрашить дворянство казнью знатнѣйшихъ вельможъ. Сванте Стуре, Авраамъ Стенбоксъ, Стенъ Банеръ, Иванъ Иварсонъ Стремстедъ, Стенъ Леонгувудъ и нѣкоторые другіе обвинены были въ заговорѣ

противу Короля и позваны къ суду, для котораго были собраны сеймъ, сперва въ Стокгольмѣ, а послѣ того перенесенъ въ Упсалу (6 Марта 1567). Обвинителями вельможъ были чужестранцы, Нѣмцы, слуги королевскіе, между коими главными были конюхъ. Производителемъ дѣла и докладчикомъ былъ Геранъ Персонъ. Обвиненныхъ заключили въ темницу, въ королевскомъ замкѣ, въ Упсалѣ. Во время производства дѣла прибыли изъ Германіи сыны Сванте Стуре, Нильсъ Стуре, посланный Королемъ въ сватовствѣ, на Принцессу Лотарингской, и безъ всякой вины заключенъ также въ темницу.

Обвиненія были бессмысленныя и доказательства основывались на словахъ подкупленныхъ слугъ. Многіе члены сейма, особенно духовенство, изъявляли явное негодованіе, при производствѣ дѣла, и ропотъ увеличился до того, что Эрикъ струсилъ и поспѣшно оставилъ собраніе.

22го Мая, Король нисалъ въ тюрьму къ Сванте Стуре, что онъ увѣренъ въ его и сына его невинности, и что имъ нечего опасаться. Въ полдень, 24 Мая, Король лично просилъ извиненія у Сванте Стуре и Стена Леонгувуда въ нанесеніи имъ обиды. Смѣлость сейма испугала Короля, и онъ не зналъ, на что рѣшиться. Вече-

ромъ, того же дня, когда онъ прогуливался съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ, донесли Королю, будто Герцогъ Иоаннъ спасся изъ заточенія, и поднялъ знамя бунта. Эрикъ вналь въ бѣшенство, устремился съ обнаженною шиною въ темницу Нильса Стуре, и прокололъ ему руку. Одинъ изъ королевскихъ драбантовъ довершилъ убійство. Оттуда Эрикъ побѣжалъ въ тюрьму Сванте Стуре и упавъ къ ногамъ его, воскликнулъ: «Ради Бога, прости мнѣ зло, которое я тебѣ сдѣлалъ!» — «Все прощаю» отвѣчалъ несчастный старецъ: «но если ты покусишься на жизнь сына моего, то будешь отвѣтствовать мнѣ предъ Богомъ!» — «Ты мнѣ никогда не простишь, слѣдовательно долженъ подвергнуться той же участи» сказалъ Эрикъ и вышелъ носѣвши изъ тюрьмы. Ужь его затянули, и онъ побѣжалъ изъ города. Нѣсколько тѣлохранителей или драбантовъ послѣдовали за нимъ. Одного изъ нихъ онъ послалъ обратно въ городъ, къ Герану Персону, съ повелѣніемъ умертвить немедленно всѣхъ заключенныхъ въ темницахъ, исключая Стена. Неопредѣлительность приказанія спасла двухъ безвинныхъ, Стена Банера и Стена Леонгудда. — Прочіе были умерщвлены.

Король спрятался въ лѣсу, преслѣдуемый своею совѣстью. Приверженцы искали его повсюду, и одному изъ нихъ, Дювисю Беуреусу, удалось отыскать Короля, который, въ отсутствіи ума, велѣлъ умертвить его, своимъ драбантамъ. Три дня блуждалъ Король по лѣсу, и потомъ появился въ одной деревушкѣ, въ крестьянскомъ платѣ. Приверженцы собрались къ нему толпою, и нашли его въ безуміи. Онъ вообразилъ, что онъ уже не Король, что онъ, подобно Нерону, умертвилъ своего наставника (Сванте Стуре), и что теперь Нильсъ Стуре избранъ правителемъ Королевства. Эрикъ былъ въ ужасномъ положеніи, не могъ ни заснуть, ни подкрѣпить себя пищею, и вопилъ безпрестанно, въ бѣшенствѣ, проклиная себя и всѣхъ. Любопытцы его, Катеринъ, удалось успокоить его и привести въ Упсалу, а оттуда въ Стокгольмъ. Въ столицу вѣбжалъ онъ, какъ кляушникъ, вперивъ взоры въ небо, поднимая руки и читая громкогласно молитвы. Сцена, напоминающая нашего Іоанна IV!

И прежде было замѣтно въ Эрикѣ расположеніе къ сумасшествію, но послѣ этого случая, оно обнаружилось вполне. Нѣсколько времени Король вовсе не занимался дѣлами, а послѣ

того совершенно упалъ духомъ. Въ это время Герцогу Карлу, который хотя уже достигнулъ совершеннолѣтія, но не получилъ еще отъ Эрика своего герцогства, удалось уговорить полоумнаго Короля освободить изъ Грингольмскаго заточенія брата, Иоанна. Между тѣмъ, Король имѣвшій уже дѣтей съ Катериною, женился на ней и провозгласилъ ее Королевою. Это событіе изводило всѣхъ умъ! Эрикъ сдѣлался ненавистнымъ всѣмъ сословіямъ, тѣмъ болѣе, что государство находилось въ самомъ несчастномъ положеніи. Датчане, которые владѣли тогда южною частью Скандинавскаго полуострова, опустошали внутреннія провинціи. Въ Лифляндіи, Поляки одержали верхъ и загнали Шведовъ изъ занятыхъ ими городовъ. Нѣва свирѣствовала въ Швеціи, и въ людяхъ былъ такой недостатокъ, что цѣлыя округа превратились въ пустыню. Эрикъ, между тѣмъ, выздоравливалъ, шировалъ, роскошествовалъ, замыслилъ погнѣбъ братьевъ, и заключилъ мирный трактатъ (1567 года) съ подобнымъ себѣ, нашимъ царемъ Иоанномъ IV, имѣравался, на угоду другу своему, послать къ нему Екатерину Ягелонову, которая прежде отказалась вступить въ бракъ съ нашимъ царемъ. Ву-

тренисе правленіе было въ рукахъ Герана Персона, который свирѣствовалъ и грабилъ имениемъ Короля. Всѣ бѣдствія, тяготѣвшія Швецію при Христіанѣ II, возобновились! Пользуясь народною ненавистью къ Эрику, Герцогъ Иоаннъ и Карлъ возстали явно противу него, и собрали войско, съ помощію вельможъ. Войско Эрика одержало, однакожъ, поверхность надъ войскомъ братьевъ его, но Эрикъ не умѣлъ воспользоваться побѣдою и вѣкорѣ Герцогъ подступилъ къ Стокгольму, и осадилъ замокъ, въ которомъ онъ заперся. Когда же собственные слуги королевскіе выдали ненавистнаго всѣмъ Герана Персона Герцогамъ, и когда граждане впустили ихъ войско въ городъ (Staden), Эрикъ совершенно потерялся. Онъ сошелъ со стѣны замка и отдался въ плѣнъ брату Карлу. Иоаннъ принялъ бразды правленія и королевскій титулъ *.

* Странно, что Нѣмецкіе ученые до сихъ поръ не согласились какъ называть Иоанна, *вторымъ* или *третьимъ*. Бекеръ (Weltgeschichte: Neue geschichte, Zeitraum I. S. 265) называетъ Иоанна Вазу *третьимъ*. Бредовъ, въ синхронистическихъ таблицахъ Всемирной Исторіи, называетъ того же Иоанна *вторымъ*. Роткекъ въ своей Всемирной Исторіи, въ текстѣ называетъ его *третьимъ*, а въ синхронистическихъ таблицахъ,

Въ началѣ 1569, Эрикъ предсталъ предъ сеймомъ, созданнымъ братьями, для сужденія его. Онъ былъ тогда въ полномъ присутствіи ума и самъ защищался, назидая сильно въ рѣчи своей на дворянство. Иоаннъ, который не могъ утаить ненависти къ брату, прервалъ его слова и сказалъ: «Замолчи! ты опять впадалъ въ сумасшествіе!» — «Только однажды былъ я безуменъ», отвѣчалъ Эрикъ; «а именно, когда освободилъ тебя изъ темницы!» — Эрикъ, по единственному рѣшенію, лишенъ былъ престола и присужденъ къ пожизненному заключенію въ темницу. Дѣти его, рожденныя отъ Катерины, признаны незаконными и лишены права къ престолу и къ княжескому достоинству. Сама Катерина оставлена на свободѣ, и ей дано даже содержаніе. Но Герантъ Персонъ лишенъ жизни, въ пыткахъ.

Въ исторіи Швеціи, Эрикъ назывался *вторымъ*. Вотъ отъ чего это несогласіе. Иоаннъ I, прозванный *Благохотѣливымъ*, изъ фамиліи Сверхеръ † 1222 года. Иоаннъ II † 1312 сынъ Датскаго Короля Христіана I, назывался Королемъ Швеціи, хотя лично и не царствовалъ, потому что правителемъ не допускали его. Изъ этого, и наконецъ вовсе лишили престола. Следовательно Иоаннъ Ваза есть III, потому, что Иоанна II нельзя исключать изъ числа Королей.

Къ чести Эрика должно сказать, что онъ, заключивъ Иоанна въ темницу, имѣлъ попеченіе объ его содержаніи, и велѣлъ стражамъ обходиться съ нимъ почтительно. Иоаннъ, напротивъ того, жестокий и злобный, находилъ величайшее наслажденіе въ мученіяхъ брата. Эрикъ жаловался (1 Марта 1569 года), что онъ страждетъ въ своей темницѣ отъ голода, холода, мрака и зловонія; что его бьютъ, рубятъ саблями и стрѣляютъ въ него. Въ самомъ дѣлѣ, братъ убитаго Эрика, Стенбока, начальствуя темничною стражею, поспорилъ съ Эрикомъ, и дерзнулъ выстрѣлить въ него *. Раненный въ руку, Эрикъ почти истекъ кровью, потому что никто не хотѣлъ или не смѣлъ перевязать его. Однакомъ Эрикъ и въ несчастіи своемъ имѣлъ приверженцевъ, которые старались освободить его. Опасаясь друзей Эрика въ Швеціи, Иоаннъ перевелъ своего пѣвника въ Абовскій замокъ, а оттуда, страшась приближенія Русскихъ, переселъ въ Кастельгольмъ, на Аландъ (въ 1571).

* Преступленіе сіе оставалось ненаказаннымъ, но Карлъ, вступивъ на престолъ, казнилъ Стенбока и велѣлъ бросить тѣло его въ ровъ. Сынъ несчастнаго Эрика XIV, Катерина похоронила въ христіанскаго милосердія, врага своего мужа.

Осенью того же года перевезли Эрика в Гринсгольм. В 1375 году из Гринсгольма переместили в замок Вестерс, а осенью 1375 в замок Эрби (Örby), в Упланди. Здесь, по приказанию мстительного Иоанна, отравили несчастного Эрика, в гороховом супе, 26 Февраля 1377 года, на 44 году от рождения.

Эрик страстно любил Катерину и пражитых с нею детей, часто писал к ней, и в письмах из тюрьмы выражал свою признательность и мучившую его ревность. В последний раз ему позволено было обнять жену и детей, в замке Вестерс. Жестокий страданиями и бдительною своею кончиною Эрик искупил свои преступления, и мстительный Иоанн гораздо виновнее его, пред потомством, потому уже, что вместо сострадания к несчастному брату, находил наслаждение в его мучениях. Можно было найти предлоги к оправданью себя на счет заключен. Эрика, но ничто не может оправдать жестокого с ним обращения и насильственной смерти. История нарекла проклятие бесчеловичному брату а Провиденье пресекло родъ его!

На внешнем дворе, в воротах которого

виданы гербы знаменитой фамилии Стуре, в стенах замка барельефы, представляющие предметы из древних католических легенд, мы показали два огромных медных Русских пушки, удивительной отделки. Надписи на пушках выпуклыми церковными буквами, которые так красивы, что и не видали подобных даже на заглавных листах модных книжек. Из этой надписи видно, что пушки лить Русский мастер Андрей Чоховъ, одну в 7085, а другую в 7087 году, от сотворения мира. Пушки сии взяты Поитусом де ла Гарди в Иванъ-городъ, в 1581 году, а не отлиты у Русских, как писал один Русский путешественник, в журнал Современникъ (1838 года N 3).

Замок Гринсгольм имеет более 300 комнат, и его можно лишь назвать историческим музеем. В нем более 1800 портретов исторических лиц, множество бюстов, редких произведений искусства, медальных историческо-достоинство, и богатая оружейная палата, имеющая старинное и редкое оружие. Сами комнаты имеют историческую важность, потому что некоторые из них сохранились в первобытном виде, с XVI и

XVII вѣка, а въ другихъ комнатахъ жили великіе мужи, оставившіе по себѣ безсмертную память.

Въ первой залѣ средняго яруса, называемаго *Королевскими* *ярусами*, находится портреты Шведскихъ Королей, царствовавшихъ до Густава Ваза. Трудно вѣрить, чтобы всѣ портреты были оригинальные, но многіе изъ нихъ весьма древніе, или списаны съ фресковъ, которые, до XVI вѣка, украшали стѣны Шведскихъ замковъ. Должно замѣтить, что до того времени не знали въ Швеціи другого рода живописи, а съ XVI вѣка уже начали писать на деревѣ и на лѣдѣ. Ходятъ познано вошелъ въ употребленіе. Здѣсь замѣчательны: большой мадамъ Эрика святаго, работы Бунардона; портретъ Биргера Ярла, правителя Швеціи и основателя Стокгольма, мужа великаго по всѣмъ отношеніямъ; весьма древній портретъ Р. Лихесы (Richisæ), дочери Короля Магнуса Лаулаеса (Ladulæ), Маргариты, основательницы Кальмарскаго союза, прозванной Сѣвѣрною Семирамидою. Тутъ же находятся портреты трехъ знаменитыхъ мужей изъ фамили Стуре и мужественной супруги правителя Швеціи Стена Стуре, Христины Гилленшерны (Gayllensjerna), защищавшей Сток-

гольмъ отъ Христиана II, и погибшей въ заточеніи, въ Копенгагенѣ. Удивительно, какинъ образомъ попалъ сюда портретъ свирѣпаго вожди Гунновъ Аттилы, бича Божіи! Кто писалъ его и съ чего списывать? Эта комната сохранена, до сихъ поръ, въ томъ видѣ, въ какомъ была она при Густавѣ Вазѣ. Потолокъ изъ выдавшихся наружу перекладныхъ, накрестъ. Перекладны раскрашены арабесками, а между ними, въ четвероугольных углубленіяхъ, написаны фигуры (вѣроятно современные портреты), въ старинныхъ костюмахъ. Кругомъ стѣнъ высокія деревянныя панели. На потолкѣ означенъ 1545 годъ. Каминъ огромный, съ украшениями до самого потолка. Изъ этой залы перешли мы въ другую, называемую *audience-salen*. Здѣсь находится портреты всѣхъ Королей Шведскихъ, отъ Густава I Вазы, до нынѣшняго Короля Карла XIV Иоанна. На многихъ портретахъ прежнихъ Королей находится характеристическія надписи. О Густавѣ I Вазѣ, сказано просто: *безсмертный*. Надпись при портретѣ Густава Адольфа: *Gustavus Adolphus Suecos exaltavit, moribus triumphavit*. О Карлѣ IX сказано: *совершилъ трудныя и опасныя дѣла посредствомъ глубокомысленной политики.*

Карль X названъ: «завоёвателемъ». О Карль XI сказано: «бережливый администраторъ, основатель военныхъ поселеній (Indelnings)». Портреты Карла XII, писанный въ 1718 году, передъ походомъ въ Норвегію, Адольфа Фридриха, Густава III (работы Рослина (Roslin), Карла XIII (работы Крафта) Карла, XIV, Принца Карла Августа и Принца Оскара (работы Вестина), безъ надписей. Надъ портретами несчастныхъ враговъ-братій Эрика XIV и Юанна III также нѣтъ надписей, а для поученія потомства сдѣлало бы сказать что нибудь. Изъ родственниковъ фамиліи Вазы замѣчательны здѣсь портреты Польскихъ Королей Сигизмунда III и Юанна Казимира. Многие портреты превосходной работы, славныхъ, въ свое время, портретныхъ живописцевъ Паша, Келлера, Ведари. Мнѣ стало грустно, при видѣ портрета Ульрики Элеоноры, сестры Карла XII, *последней* отрасли фамиліи Вазы, въ мужескомъ колѣнѣ. Изъ чего мы такъ бьемся и хлопочемъ въ жизни! «Объ чемъ вы задумались?» спросилъ меня одинъ изъ нашихъ спутниковъ. «Memento mori!» отвѣчалъ я. Другому пріятелю я сказалъ, на тотъ же вопросъ: «Sic transit gloria mundi!» Все, что мы дѣлаемъ для себя, гибнетъ въ океанѣ времени, вмѣстѣ

съ родами и именами, а все что мы дѣлаемъ для общей пользы для человечества, бессмертно! Въ этой комнатѣ есть нѣсколько старинныхъ вещей и между прочимъ часы, удивительной работы, которая нынѣ въ модѣ, модѣ именемъ рокова. Во всѣхъ королевскихъ замкахъ и у многихъ частныхъ лицъ находятся много драгоценныхъ вещей и даже мебели старинной работы. Большая часть ихъ есть военная добыча въ Тридцатилѣтнюю Войну, а множество вещей взято въ Саксоніи и Польшѣ, во время войны Карла XII.

Въ такъ называемой Королевской спальнѣ, замѣчательнъ портретъ Густава Вазы, гвасмезъ, въ латахъ и съ открытою * короною, писанный сыномъ его Эрикомъ XIV, который былъ отличный живописецъ и музыкантъ, и портретъ Эрика XIV, писанный имъ самимъ, масляными красками, для отсылки къ Гессенской Принцессѣ, на которой онъ сватался. Здѣсь есть нѣсколько портретовъ масляными красками, миніатюрныхъ и бюстовъ Густава Адольфа, членовъ фамиліи Вазы и родственниковъ съ нею Князей Цвей-

* Эрикъ XIV первый изъ Шведскихъ Королей началъ употреблять закрытую корону.

брикских (de Deux Ponts). Особенное внимание заслуживают современные портреты Густава Вазы и сестры его, Маргариты, на дереве, и портреты Густава Адольфа, въ юности, вместе съ его возлюбленною Эббою Браге. Стенъ Огуре также написанъ вместе съ Христиною Гизеншерна. Изъ драгоценныхъ вещей замѣчательны: зеркало, въ рѣзныхъ рамахъ черного дерева, съ серебромъ, превосходной отделки, взятое въ Прагѣ, въ 1648 году, и походное складное желѣзное кресло, съ бархатною подушкою, на которомъ сидѣли обыкновенно въ латеряхъ Густавъ Адольфъ.

Изъ этой комнаты перешли мы въ такъ называемый *Малый королевскій кабинетъ*. Здѣсь находится собраніе портретовъ всѣхъ Принцессъ Шведскихъ, со времени Густава I Вазы. Удивительная и прелюбопытная коллекція, въ которой множество портретовъ оригинальных! Въ числѣ рѣдкостей, замѣчательнъ портретъ прекрасной, но легкомысленной Принцессы Цециліи, дочери Густава Вазы, которая восхищалась отца своего красотою и любезностью, и сокрушалась влюбчивостью. Эрикъ (XIV) доноситъ на нее отцу! Особенное вниманіе мое привлекли старинные портреты: Катерины Саксонской, пер-

вой супруги Густава Вазы (матери несчастнаго Эрика XIV), Маргариты Лейонхудъ, второй и любимой супруги Густава Вазы, и Христины, его дочери. Съ необыкновеннымъ любопытствомъ разсматривалъ и портретъ любовницы, потомъ жены Эрика XIV, Катерины *, дочери ея, Принцессы Сигридъ, Анны, — дочери Иоанна III и множество другихъ прекрасныхъ и замѣчательныхъ, но воспоминаній, портретовъ. *Зала совѣта, или большой королевскій кабинетъ*, вмѣщаетъ въ себѣ портреты всѣхъ знаменитѣйшихъ Королей Швеціи, съ 1520 года. Замѣчательна огромная картина, заключающая въ себѣ всѣхъ предковъ, мужескаго пола, Карла XIII, Принцевъ Гольштинскаго Дома. Въ этой залѣ есть портреты многихъ мужескихъ знаменитостей: Сойли, Петарки, Парачельса, *есть и Гизеншерна, а также и другие портреты*.

* Шведскіе хроникъ называютъ ее: *Mänsdotter*. Если разобрать грамматически это прозваніе, то выйдетъ, что отецъ ея назывался Мень (Män). А быть можетъ, что отецъ ея назывался полнымъ прозваніемъ, упоминаемымъ въ хроникѣ! Видѣть можетъ быть фамилія Дочинъ, Сестринъ, Материнъ и т. п. Слѣдовательно можетъ быть и Мейсдоттеръ, хотя вѣроятно, что отецъ Катерины назывался Мень.

Иоанна д'Аркъ (дѣвы Орлеанской), Рубенса, Ван-Дейка, Принца Евгения Савойскаго, Тюренни, Вандома, Графини де ла Валлиеръ, Кардинала Флери, Тавернье (путешественника), Герцога Карла Бирона, Графа Бассевича, а изъ Русскихъ: Вецкаго и оригинальный портретъ Мазены. Этой кабинети замѣчательны превосходныя рѣзные потолки и нѣсколько рѣдкихъ вещей, между которыми любопытны часы, въ футлярѣ изъ слоновой кости, съ барельефами и камнями. Это также добыча Тридцатилѣтней Войны.

Въ *Залѣ союзниковъ* находятся портреты членовъ государственнаго совѣта, при Карлѣ XI и Карлѣ XII, въ костюмахъ того времени.

Большая круглая зала, въ восточной башнѣ замка, устроена. Густавомъ III, и посвящена собранію портретовъ всѣхъ современнѣхъ ему Государей. Всѣ портреты, исключая Турецкаго Султана Абдуль Гамида, писаны съ натуры и подарены самими Государями Густаву III. Здѣсь видите портреты, во весь ростъ, Императрицы Екатерины Великой и Маріи Терези, Императора Иосифа II; Королей: Лудовика XV, Фридриха II Великаго, Георга III, Фердинанда IV, Карла III; Станислава Понятовскаго, Виктора

Амедея и Королевы Маріи Франциски Изабеллы, грудные портреты Христіана VII, Наны Пиа VI, Фердинанда Лудовика. Какое чудное сочтеніе именъ: сколько великихъ Государей царствовало въ одно время! Екатерина II въ Россіи, Иосифъ II въ Австріи (тогдашней, такъ называемой, Римской Имперіи), Фридрихъ Великій въ Пруссіи, Георгъ III въ Англіи, и Густавъ III въ Швеціи! Всѣ они любили и покровительствовали наукамъ, литературу и художествамъ, и ни въ одномъ періодѣ не было столько великихъ мужей во Франціи, Германіи, Англіи, Швеціи и Россіи, какъ въ это время. По несчастію, литература, слѣдуя Французскому направленію, приняла, повсюду, стремленіе къ ложной философіи, названной Философіею XVIII вѣка, и надѣлала много вреда, посягая въ умахъ на глубокое *соинніе* и безмысленныя, несбыточныя идѣи о равенствѣ. Германія, опомнившись прежде всѣхъ, спасла всеобщую литературу отъ гибельнаго разврата, и отвлекла умъ чловѣческій отъ адской пропасти, въ которую заманивали его Французскіе энциклопедисты своими летучими огнями (*feux foluants*). Честь и слава Германіи! Но не наирая на злоупотребленія ума, все-таки это блестятельный пе-

пéриодъ въ Исторіи чéловѣчества! Въ этомъ пéриодѣ была мода и обычаи читать, собирать библіотеки, устрóивать картинныя галереи, какъ нынѣ мода играть въ карты, щеголять книжками, балами и обѣдами. Въ то время знатные люди точно такъ же честили умъ, т. е. литераторовъ, какъ нынѣ чествуютъ прѣзжихъ виртуозовъ, даже фортепіанистовъ (особенно у насъ въ Россіи). Ученымъ и литераторамъ было назначено тогда почетное мѣсто въ обществѣ, и они даже составляли бесѣду царствующихъ особъ! Теперь, большая часть знати хвастаетъ тѣмъ, что ничего не читаетъ, почитаетъ даже постыднымъ ремесломъ писателя (а Екатерина Великая, Фридрихъ Великій и Густавъ III были писателями) и продаетъ библіотеки и картинныя галереи своихъ дѣдовъ! Теперь знатное юношество и дамы гонятся за Талбергами, и не знаютъ даже въ лицѣ отечественныхъ писателей! XVIII вѣкъ былъ матеріальный только на бумагѣ, въ существѣ же одушевленъ былъ умомъ и чувствомъ, а нынѣ въ существѣ матеріальности, и во всемъ индустрія, а духовность только въ пріемахъ и въ словахъ. Теперь гораздо лучше быть хорошимъ игрокомъ въ вистъ, чѣмъ хорошимъ ис-

сателемъ. Теперь почетнѣе быть проворнымъ перебирателемъ клавишей, чѣмъ глубокимъ мыслителемъ, и даже ремесломъ фабриканта стеариновыхъ свѣчъ, въ обществѣ, важнѣе авторскаго! Прежде знатные и богатые люди Европы выѣзжали себѣ въ честь и славу издавать на свой счетъ книги и поощрять писателей и художниковъ, — а нынѣ Европейская знать играетъ на биржѣ, составляетъ компаніи на акціяхъ и окружаетъ себя промышленниками! Такова нынѣ Европа! А между тѣмъ, прежняя знать, не спекулируя, была богаче пышности! — На меня нашла грусть, и я бѣжалъ изъ этой комнаты. За тѣмъ я не родился пятидесятью годами раньше!

Я прошелъ чрезъ нѣсколько комнатъ, украшенныхъ портретами Королей и Королеви Шведскихъ и остановился въ такъ называемомъ *Маломъ кабинетѣ Королевы* (супруги Густава III), чтобъ разсмотрѣть литарное бюро, въ деревянномъ футлярѣ. Рѣзная работа превосходная. Это также добыча 30-лѣтней войны. Въ *Спальнѣ* замѣчательна кровать, подаренная *первою* Ост-Индскою Компаніею Королеви Луизѣ Ульрихъ.

Въ *Большомъ кабинетѣ*, или туалетной Коро-

лемы, находится собрание портретовъ знаменитыхъ мужей Швеции, не только воиновъ, но гражданъ, ученыхъ, литераторовъ и артистовъ. Коллекція эта составлена въ новое время, по большей части пожертвованіями частныхъ лицъ, потомковъ заслуженныхъ въ отечествѣ мужей. Исполненіе этой великой идеи дѣлаетъ столько же чести царствующей особѣ, какъ и цѣлому народу. Назову здѣсь извѣстѣйшія лица, не по хронологическому порядку или по заслугамъ, но по мѣстамъ, занимаемымъ портретами на стѣнѣ. Петръ Густавовичъ Банеръ, спасшій Густава Адольфа отъ смерти; Магнусъ Цезарій; Генерал-сиринъ Кейпсмаркъ; Фельдмаршалъ Графъ Фридрихъ Аксель Ферзенъ; Графъ Нильсъ Стуре, убитый Эрикомъ XIV, въ Упсалѣ (1567); Касень, спасшій жизнь Карлу XI; Фельдмаршалъ Магнусъ Стенбоксъ; Генералъ Левенгауптъ; Великій Адмиралъ Баронъ Горнъ; Великій Маршалъ Королевства Графъ Врангелъ; Профессоръ Олофъ Рудбекъ; Великій Маршалъ Графъ Пинеръ; Канцлеръ Графъ Аксель Оксеншерна; Медикъ Нильсъ Розенъ де Розенштейнъ; Великій Маршалъ Графъ Никодимъ Тессинъ; Фельдмаршалъ Баронъ Унгернъ фонъ Штернбертъ; Наслѣдъ Георгъ Нордбергъ; Линней (Профе-

соръ);* Фельдмаршалъ Графъ Эренсвердъ; Эмилъ Сведенборгъ (знаменитый мистикъ, духовидецъ и сектаторъ); великій живописецъ Эренстраль (портреты писаны имъ самимъ); Антикварій Іоаннъ Буреусъ; Сенаторъ Графъ Карлъ Густавъ Тессинъ; Георгій Стернгельмъ, который ученостію дошелъ изъ крестьянскаго знанія до высокихъ степеней, при Густавѣ Адольфѣ, и былъ основателемъ дворянской фамиліи, существующей понынѣ въ Лифляндіи; Исторіографъ Локциусъ (Loccenius); Великій Маршалъ Графъ Яковъ де-ла-Гарди; Генералъ Аннефъ Графъ Карлъ Левенгауптъ, (умершій въ 1743 году); Фельдмаршалы Іоаннъ Банеръ и Торстенсонъ; Варвара Стигъ (Sligsdotter), арендаторша, спасшая жизнь Великаго Густава Ваза; Поэтъ Вельманъ**, Густавъ Венцельшерна, цензоръ книгъ, безъ сомнѣнія цензоръ

* Странъ къ титуламъ и чинамъ въ Швеціи принадлежатъ всякое вѣроятіе! Чинъ и знаніе цѣнятся здѣсь едва ли не выше заслуги. На портреты Линнея выписаны его титулы, а его имя не выше ли всехъ ученыхъ степеней!

** Вельманъ понынѣ здѣсь также съ титуломъ Секретаря. И нашъ Пушкинъ былъ Коллежскій Секретарь, но мы давно уже забыли объ его чинѣ!

благоразумный; Сенаторъ Баронъ Нильсъ Пальмшерна (неправильно называемый въ Россіи *Пальмштернъ*); Святая Бригита (изъ фамилиі Графовъ Браге); Канцлеръ Двора Олофъ Далинъ (извѣстный историкъ); Іоаннъ Мессеніусъ (знаменитый ученостью, происками и несчастною участіемъ при Королевѣ Христинѣ и ея преемникѣ); и др. и проч. Множество членовъ знаменитыхъ фамилиі Графовъ Браге, Боше, Бѣлке, оказавшихъ великія услуги отечеству въ мирѣ и войнѣ, украшаютъ сію единственную коллекцію въ свѣтѣ — но назвать всѣхъ нѣтъ возможности!

Изъ этой залы вошли мы въ такъ называемую *Залу шпатовъ*, сохраненную въ древнѣйшій видѣ, со временъ Густава Ваза. Здѣсь собраніе портретовъ современныхъ ему Государей: Императоровъ: Карла V и Фердинанда, Королей: Франциска I и Генриха VIII, Королевы Англійской Елизаветы; Датскихъ: Христиана II, Фридриха I, Христиана III, Фридриха II; Людовика I Короля Венгерскаго, и Сигизмунда I Короля Польскаго.

Въ нижнемъ или первомъ ярусѣ, въ залѣ, называемой *Большою*, находятся портреты знаменитыхъ родовъ Мекленбургскаго, Саксонскаго,

Гессенскаго, Виртембергскаго, Брауншвейгскаго, Оранскаго, Ангальскаго, Клевскаго, Бургундскаго, Юлихскаго (Julliers) и Кроу.^{*} (Croy). Особенное вниманіе мое привлечь портреты Карла Смѣлаго, Герцога Бургундскаго, прославленнаго Барономъ Барантомъ и Вальтеръ-Скоттомъ. Въ *Столовой* находится собраніе портретовъ Королей и Королевъ Англійскихъ и Прусскихъ. Здѣсь привлечь мое вниманіе портреты несчастной Маріи Стюартъ и недавно перенесенные сюда бюсты Польскаго Короля Іоанна Казимира и супруги его Маріи Гонзага.

Въ *Аудіенцъ-залѣ* находятся портреты фамилиі Бурбоновъ, превосходной работы. Особенное вниманіе мое обратили на себя портреты: Маріи Медичи, Филиппа, Герцога Орлеанскаго, Маріи Антуанетты, Великаго Кондэ и Людовика XIV. *Зала Кроинпринца* заключаетъ въ себѣ дополненіе коллекціи портретовъ фамилиі Бурбоновъ. Здѣсь замѣчательнъ портретъ Генриха IV, писанный въ 1610 году, и портретъ

* Въ Русскихъ книгахъ неправильно пишутъ Кроу; и смѣхалъ даже на экзаменахъ, что учителя произносятъ: Герцогъ де Кроа. Это Бельгійская фамилія и называется Кроу, а не Кроа.

Людвика XV, на обоях Гобеленовых, подаренных Густаву III, во время пребывания его в Париж. В Кабинет Кронпринца и в Спальню Кронпринцессы находятся портреты многих Шведских Королей и знаменитых мужей Швеции, или дублиаты прежних портретов.

Зала Вестфальского Конгресса, есть одна из замѣчательнѣйшихъ комнатъ заяка. Здѣсь находятся портреты всѣхъ Посланниковъ, числомъ 74, на знаменитомъ конгрессѣ, которымъ кончилась 30-лѣтняя война въ Европѣ, за идею мира, и на которомъ впервые учреждено политическое равновѣсiе Европейскихъ державъ, вмѣстѣ съ свободою вѣроисповѣданій. Изображеніе генія сего конгресса, Канцлера Акселя Оксеншерна, помѣщено на первомъ мѣстѣ, рядомъ съ портретомъ, во весь ростъ, Королевы Христины. Тутъ же находится аллегорическая картина изъ Римской Исторіи, (нѣсколько поврежденная), писанная въ 1613 году. Она взята въ добычу въ Мюнхенѣ, въ 30-лѣтнюю войну. Въ комнатѣ, рядомъ съ этою залою, находится коллекція портретовъ Австрійскаго и Сардинскаго дома, а въ другой залѣ, въ которую надобно пройти корридоромъ, собраніе

портретовъ Датскихъ Королей. Къ Спальнѣ Императрицы Кронпринца, убранной также портретами Шведскихъ Королей, примыкаетъ большая зала, въ которой собраны портреты Русскихъ Государей, Турецкихъ Султановъ, Королей бывшей Польши, Курфирстовъ Саксонскихъ и Герцоговъ Голштинскихъ. Портретъ Петра Великаго, на Гобеленовыхъ обояхъ, превосходной работы; портретъ Императрицы Елисаветы Петровны, писанъ въ 1745 году, Антономъ Пенномъ (Резне); Императора Петра III и Императрицы Екатерины II (во весь ростъ), копія съ картины, писанной въ 1756 году, Рошиною Лесѣвскою; оригинальные портреты Императора Павла Петровича, когда онъ былъ еще Наслѣдникомъ престола и первой супруги Его, Великой Княгини Натальи Алексѣевны (Принцессы Гессенъ-Дармштадской), привезены Густавомъ III изъ С. Петербурга. Весьма замѣчательны современный и оригинальный портретъ Царя Алексѣя Михайловича. Непостижимо, какъ попалъ сюда портретъ Тамерлана! На вѣсѣ слѣдующаго надписи, по-Латыни: писанъ отцемъ Рафаиломъ, Итальянскимъ миссіонеромъ. Я упомянулъ, вкратцѣ, о цѣлой коллекціи портретовъ, и пропускаю нѣсколько комнатъ,

гдѣ находятся дублеты. Для подробнаго разсмотрѣнія и описанія всѣхъ портретовъ, картинъ и драгоценностей, надлежало бы употребить нѣсколько мѣсяцевъ, а не нѣсколько часовъ. Скажу только, что въ числѣ портретовъ, есть много превосходныхъ, и что большая часть Шведскихъ старинныхъ портретовъ писаны знаменитымъ Эренстралемъ. Едва ли какой живописецъ написалъ столько! А наши великіе художники? Работъ ихъ надобно искать днемъ, съ фонаремъ, а у насъ, щедрами Монарховъ Россіи, есть Академія, есть награды, почрещія и обозначеніе жизненныхъ потребностей для художниковъ! Но объ этомъ лучше промолчать!

Характеръ убранства комнатъ Грингольмскаго замка представляетъ удивительныя противоположности. Такъ, напримеръ, въ залѣ, гдѣ собирався Совѣтъ, при Густавѣ Адольфѣ, сохранилась вся прежняя простота, отпечатокъ тогдашняго состоянія нравовъ и образа жизни въ Швеціи. Скамьи и столы дубовыя, панели вокругъ стѣнъ и ставни деревянные, не крашенныя, потолокъ изъ перекладныхъ. Въ комнатахъ Густава Ваза болѣе роскоши, потому что потолокъ уже рѣзаной и панели раскра-

шенныя. Въ комнатахъ, отдѣланныхъ при Густавѣ III, видна роскошь XVIII вѣка. Особенно замѣчательна театральная зала, раззолоченная, расписанная аллегорическими фигурами и украшенная зеркалами. Каждое царствованіе оставило въ замкѣ Грингольмскомъ свой характеръ.

Въ первомъ же этажѣ находится комната, называемая Сигизмундовою, въ которой заключенъ былъ Іоаннъ III. Она сохранена въ томъ видѣ, въ какомъ была во время сего достопамятнаго событія. Комната сія занимаетъ все пространство бани. Деревянный высокій панели вокругъ стѣнъ расписаны арабесками. Полагаютъ, что эта живопись возобновлена при Карлѣ IX. Комната довольно обширная и, сообразно тогдашнему времени, весьма пристойная. Въ нишѣ находятся кровать, на которой родился Сигизмундъ, бывший потомъ Королемъ Польскимъ, (воевавшій съ Россіею во время междоцарствія) и Принцесса Изабелла, умершая въ 1561 году. Какая чудная судьба этого семейства! Сигизмундъ, рожденный въ темницѣ, позабылъ урокъ, данный ему Провидѣніемъ, и отъ гордости, упрямства и фанатизма не только лишился наследственного

престола, но и приготовить пагубу отечества своей матери. Никогда Польша не имела таких великих государственных мужей и знаменитых воинов, как при Сигизмундѣ III, и не взирая на ограниченность власти Короля, онъ умѣлъ разстроить всѣ силы Польши, такъ сказать весь организм ея. Безтолковая война съ Россією, введеніе Уніи, довѣренность къ Іезуитамъ, и коварство въ политикѣ и внутреннемъ управленіи породили ту нравственную язву, отъ которой Польша стала чахнуть, со времени Сигизмунда, и наконецъ скончалась, отъ недостатка жизненныхъ силъ. Іоаннъ III, отецъ Сигизмунда, не научился также въ темницѣ смирению и правосудію! Анна Ягеллонова, супруга его, укрѣпилась въ темницѣ въ фанатизмъ, который передала сыну, для пагубы своего племени!

Темница, въ которой Іоаннъ III заключилъ брата своего Эрика XIV, находится въ верхнемъ этажѣ, въ башнѣ, съ двойными стѣнами. Эта темница сохранилась также въ своемъ видѣ, со времени событія, и конечно въ цѣломъ мѣрѣ нѣтъ ей равной. Комната круглая и небольшая. Стѣны даже не штукатурены, а просто кирпичныя. Два окна малыя, съ тол-

стыми рѣшеткою; дверей двое въ одномъ отверстіи: одніе деревянныя, окованныя желѣзомъ, съ малымъ окномъ, для подачи пищи узнику, а другія двери желѣзныя, съ желѣзными полосами. За толстою стѣною находится корридоръ вокругъ всей башни, въ которомъ помѣщались стражи, дено и ночью наблюданіе и безпокойныя узника. Окна въ наружной стѣнѣ сдѣланы, умышленно, не противу оконъ внутренней стѣны темницы, чтобъ свѣтъ проходилъ въ нее косвенно и въ маломъ количествѣ. Только съ одного мѣста, поамъ окна, можно видѣть небо, и то присѣвъ и согнувшись, и на этомъ - то мѣстѣ сидѣлъ безпрестанно несчастный Эрикъ, опершись локтемъ на деревянную панель окна, на которой осталось углубленіе, вытертое на деревѣ локтемъ. На кирпичномъ полу также видны слѣды вокругъ комнаты. Ужасно! Здѣсь братъ мучилъ брата, лишая его первыхъ потребностей жизни, обременивъ попомненіемъ и пресарніемъ, предавъ на жертву низкихъ слугамъ, которые преслѣдуются всегда предъ властью, и, какъ черви точить падшее могущество. Терзая тѣло и душу брата, Іоаннъ лишилъ его всѣхъ отрадъ жизни, разлучилъ съ женою и дѣтьми, и отнималъ даже

лютию! Эрикъ былъ тиранъ изъ малодушія и легкомыслія, а Іоаннъ по влеченію сердца. Темница Эрика есть монументъ безславія Іоаннова!

Осмотръ замка заключили мы арсеналами. Въ этомъ богатомъ собраніи есть множество рѣдкаго оружія Среднихъ Вѣковъ, а особенно XVI и XVII столѣтія. Въ то время не торопились работать, какъ нынѣ, и любили украшать вещи трудною и искусною отдѣлкою, сообщая при томъ вещамъ необыкновенную прочность. Формы, которыя недавно еще казались намъ странными и безвкусными, нынѣ опять вошли въ моду. Два арсенала, одинъ въ нижнемъ, другой въ верхнемъ этажѣ, наполнены множествомъ карабиновъ, страннаго вида, длинныхъ пистолетовъ, бердышей, пикъ, мечей, дѣлъ, сѣделъ и конскихъ приборовъ. Особенно замѣчательны мечъ времени языческихъ, найденный въ землѣ, и каменная сѣкира; оружіе XII вѣка; оружіе съ золотою насѣлкою, подаренное Герцогомъ Саксонскимъ зятю своему, Густаву Вазѣ; мечъ съ серебряною рукояткою, принадлежавшій Эрику XIV; огромный боевой мечъ Карла IX, съ позолоченною рукояткою и пара пистолетовъ; три карабина, принадлежавшіе Густаву Адоль-

фу, съ прикладами, насѣченными слоновою костью и пара пистолетовъ; ружье дочери Густава Адольфа, Королевы Христіны; сабля Карла XII и татарскій лукъ, взятый въ сраженіи при Варшавѣ, гдѣ герой Сѣвера, едва не погибъ отъ татарскихъ стрѣлъ; оружіе Карла XI. Въ числѣ любопытныхъ вещей заслуживаетъ особеннаго вниманія кузовъ старинной кареты, принадлежавшій Катеринѣ, бывшей сперва любовницею Эрика XIV, а потомъ супругою его и Королевою; весьма древній портретъ Св. Олава; большая кровать, съ четырьмя колоннами, на которой почивалъ Густавъ Ваза въ Рефнесѣ (Räfås), скрываясь отъ преслѣдованія Христіана II; нѣсколько древнихъ мѣдныхъ куваловъ, руническій календарь и проч. и проч. Въ одной изъ комнатъ, принадлежащихъ къ главному арсеналу, мнѣ указали портретъ Ларсона Персона (Person), мызника въ Орнесѣ (Ornäs), который, узнавъ Густава Вазу, во время его бѣгства, измѣнилъ законамъ гостепріимства и хотѣлъ предать его клявретамъ Христіана II. Густавъ былъ спасенъ супругою Персона, Варварою.

При выходѣ изъ замка, намъ показали подвалы, существовавшіе прежде перестройки его

Густавомъ Вазою. Здѣсь были магазины, тюрьмы и караулы. Въ одномъ изъ мрачныхъ погребовъ окончилъ жизнь Архіепископъ Авраамъ Ангерманусъ.

И не описалъ и сотой части видѣннаго мною въ этомъ чудномъ замкѣ, драгоценномъ для любителей Исторіи но важнымъ и любопытнымъ воспоминаніямъ, а для романиста по народнымъ преданіямъ и легендамъ. И теперь еще, не взирая на сильное просвѣщеніе Швеціи, есть добрые люди, которые вѣрятъ, что души прежнихъ обитателей замка, кончившіе земное поприще въ страданіяхъ и заключеніи, переносятся изъ за могилы въ мѣста, бывшія свидѣтелями ихъ бѣдствій. Сѣверъ всегда былъ колыбелью чудныхъ вымысловъ воображенія, и Скандинавскій полуостровъ сохранилъ до сихъ поръ преданія, истребившіяся въ остальной Европѣ, въ буйныхъ волнахъ образованности (civilisation). Когда нибудь я раскажу вамъ, друзья, собранныя мною древнія сказанія о привидѣніяхъ и мертвецахъ. Теперь я самъ утомился и васъ утомилъ подробностями замка.

Садъ въ Грансгольмѣ весьма не великъ и мы не могли погулять въ немъ, потому что дождь не переставалъ, во время нашего пребыванія

въ замкѣ. Въ 6 часовъ по полудни раздался пушечный выстрѣлъ съ парохода. Мы размыслились, какъ могли, подъ крышею, и поплыли въ Стокгольмъ, при сырой и холодной погодѣ. Въ 10 часовъ вечера мы были уже въ городѣ.

Грансгольмъ.

III.

Общий взгляд на Стокгольм. — Улицы, окнажи, лошади, паромы и лодки. — Гуляйща. — Необыкновенная живность народа. — Превосходная порода людей. — Красота женского пола. — Выживность и приветливость Шведов. — Честность и богоугодность. — Характеристические слабости. — Прогулка по Риддартгольму и Южному Предместью (Зедермальму). — Гробницы Шведских Королей и великих мужей и Риддартгольской церкви. — Новый чугунный шницъ ел. — Прошак и нынешнее имя Швеции благотворительная и Шведия благотворительная. — Мозеики. — Церковь Св. Екатерины и Марии Магдалины. — Stadhuset или городской домъ съ церквами Греко-русскою и Римско-Католическою. — Садамъ буйства. — Тюма для канкутовъ. — Древний перешеекъ. — Складъ железа. — Общдъ у Русскаго Генеральнаго Консула и приятныя знакомства. — Пьянники.

Только дворецъ Королевскій припоминаеть, что Стокгольмъ столичный городъ. Ни въ частныхъ ни въ казенныхъ зданіяхъ, ни въ образъ жизни Стокгольмцевъ не видно роскоши и великолѣпія. Все здѣсь чрезвычайно просто. Народонаселеніе города простирается нѣтъ за 83,000 человекъ, но на улицахъ мало движенія, и онѣ

почти пусты. Сказываютъ, что зимою, когда достаточные люди возвращаются въ городъ съ дачъ и изъ деревень, здѣсь болѣе жизни, но нѣтъ кажется, что разница не можетъ быть слишкомъ велика. Экипажи встрѣчалъ я весьма мало, и не видалъ между ими ни одного шестолескаго или великолѣпнаго. Даже у первѣйшихъ государственныхъ сановниковъ и богачей кареты старинной формы, а почти всѣ колески на лежащихъ рессорахъ, безъ павозъ, и притомъ высокія. Обыкновенный экипажъ частныхъ людей есть каріолка, въ одну лошадь. Даже дамы иногда сами управляютъ лошадью. Странно видѣть барыню, сидящую рядомъ съ своею служанкою въ каріолкѣ, и управляющую лошадью! Такимъ образомъ онѣ ѣздятъ за городъ. Разумѣется, что знатныя дамы разъѣзжаютъ въ колескахъ и въ каретахъ, но и говорить о большинствѣ. У всѣхъ почти каріолки приделано съ тыла сидѣнье, для слуги. Но если экипажи не красивы, за то лошади превосходныя, рослыя и видныя. Ихъ вывозятъ изъ Германіи, а нѣтъ въ самой Швеціи разведена уже весьма хорошая порода лошадей. Объ этомъ сильно печется правительство. Шведы особенно любятъ разъѣзжать водою. За городъ

бѣжать на пароходахъ, которыхъ, какъ я уже сказалъ, тридцать три, къ услугамъ жителей столицы, и кромѣ того есть множество лодокъ. Многія лодки не имѣютъ веселья, и приводятся въ движеніе колесами, которыя вертѣтъ дѣжджѣ Далекаринки. Въ Старомъ Городѣ, или Стаденѣ, замѣтно болѣе движенія, потому что здѣсь пристань и средоточіе торговли. По праздникамъ все народонаселеніе толпится за городомъ, въ звѣриницѣ, а каждый день вечеромъ множество народу собирается на прогулку на Свѣрновъ Мосту и подъ мостомъ, въ прелестныхъ садахъ. Прекрасная Площадь Карла XIII, украшенная липовыми аллеями и освѣщаемая близостью моря, предназначенная на гулябще, не любима публикою. Это капризъ ея, и только! Смотри на толпы народа на гулябщахъ и повсюду, гдѣ онъ только собирается, трудно познать, что Шведы Германскаго племени. Въ это Нѣмецкаго хладнокровія и неподвижности, вы видите во всемъ Французскую живость и быстроту. Иностранца особенно поражаетъ необыкновенная вѣжливость и услужливость по всѣмъ сословіямъ, даже между простыми народомъ. Это какая-то сердечная вѣжливость, услужливость благородная, которая невольно

возбуждаетъ благодарность за малѣйшую услугу. Всѣ путешественники согласны на счетъ Шведской честиности, добродушія и гостепріимства. О воровствѣ здѣсь вовсе не слышно. Этотъ гнусный пороки омерзительнѣе даже черни. Убіійства чрезвычайно рѣдки и случаются только въ дракахъ. Во всей Швеціи путешественникъ совершенно безопасенъ, и имѣть примѣра, чтобы странникъ былъ убитъ или ограбленъ, не зная на то, что путешествуя по Швеціи, должно пробавлять лѣсъ, овраги и вообще жьста малонаселенныя. Шведы крѣпки въ словѣ, и обманы между ими величайшая рѣдкость. Главные пороки въ Швеціи, въ которыхъ сознаются даже Шведскіе писатели и свидѣтельствуютъ всѣ путешественники, суть тщеславіе и приверженность болѣе части, особенно простаго народа, къ крѣпкимъ напиткамъ. Оскорбленное самолюбіе у Шведовъ дѣло непрощительное, а страсть къ титуламъ, какъ я уже сказалъ, превосходить всякое вѣроятіе. Эта страсть къ чинамъ у Шведовъ сильнѣе даже, нежели у нашихъ ученыхъ гофратовъ, слѣдовательно простерта за предѣлы *pes plus ultra*. Классныхъ штатскихъ чиновъ, какъ у насъ — нѣтъ въ Швеціи, но Шведы титулуютъ другъ

друга по занимаемым мѣстамъ: Г. секретарь, Г. антикварій, Г. ассессоръ * и т. п. Кто однажды занималъ мѣсто, удерживаетъ титулъ на всю жизнь. Въ разговорномъ своемъ языкѣ Шведы ястребили всѣ мѣстоименія, исключая *Я*. — *Ты, вы, онъ, она, надъ она* — не существуютъ. Говорятъ: „Досподишь, секретарь пойдѣтъ ли прогуливаться; вмѣсто пойдете ли прогуливаться; прошу Г. консула откушать; вмѣсто: прошу васъ откушать;“ Г-нъ предсѣдательша, была ли въ театрѣ, вмѣсто: были-ли вы въ театрѣ и т. п. Въ Швецію никто не смѣетъ говорить иначе, и мнѣ, незнающему Шведскихъ чинновъ, было весьма затруднительно. Я навинъ ле: всегда въ началѣ бесѣды, что буду говорить на шведскомъ языкѣ. Форсель, авторъ лучшей статистики Швеции, упрямаетъ своихъ единоплеменниковъ въ завистливости. Въ краткое мое пребываніе въ Швецію я не могъ повѣрить этого, но думаю, что страсть къ титуламъ должна порождать зависть. Исторія свидѣтельствуетъ въ воспламенительности Шведскаго народа. Его легко можно увлечь къ безпокойствамъ, но онъ такъ же скоро возвращается на путь истинный.

* Какъ въ Германіи и въ нашихъ западныхъ провинціяхъ.

Политическія интриги въ высшемъ дворництвѣ и между членами сейма, при прежнемъ правленіи, фракція *шляхъ и дворянъ*, раздѣлявшая Швецію на двѣ враждебныя половины, въ прошломъ столѣтіи, и всѣ бѣдствія, причиненныя несогласіемъ и несогласіями, суть также послѣдствія безпредѣльной страсти къ титуламъ и порожденной ею зависти. Даже нынѣшнія безпокойства, которыхъ и были свидѣтель, произошли изъ того же источника. При всемъ томъ я думаю, что Форсель не совсемъ справедливъ въ своемъ упрекѣ. Зависть есть общее чувство человечества, и дѣйствуетъ сильно не въ одной Швеции. Быть можетъ, что въ Швецію она видѣе, по мѣстнымъ причинамъ; но нѣтъ ли какого сомнѣнія, что Шведы вообще народъ нравственный и богобоязненный. Въ этомъ я могу свидѣтельствовать, потому что изслѣдовать это и удостоившись, вполнѣ, въ честности народа. Грустно, что при столь многихъ похвальныхъ качествахъ Шведскаго народа, простонародныя пристрастия къ криккимъ напикамъ! Эти несчастная страсть разстраиваетъ изъ здоровья, порождаетъ нищету и много пороковъ, которыхъ бы не было вовсе при умѣренной жизни. По показанію Форселя, въ его Статистикѣ, потреб-

ление водки безпрестанно увеличивается! Въ праздничные дни, простой народъ, тотчасъ послѣ обѣда, поспѣваетъ въ питейные дома, а къ вечеру большая часть простолудниковъ и даже биргеровъ уже въ полночь разгулъ. Въ образованномъ классѣ, разумѣется, страсть эта укрѣпляется, разумомъ, но вообще и въ этомъ сословіи пьютъ болѣе хрипкихъ напитковъ нежели у другихъ народовъ, за исключеніемъ Англичанъ. Въ Швецію нѣтъ то же, что было у насъ въ концѣ XVIII столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, т. е. въ гостяхъ надобно непременно выпить порядочно. Въ частныхъ домахъ, по вечерамъ, подають обыкновенно пуншъ, лѣтомъ холодный. Въ каждой семьей есть въ запасъ огромныя бутылки съ готовымъ пуншемъ, которымъ подчиваютъ въ малыхъ рамкахъ. Пуншъ этотъ чрезвычайно вкусенъ и не хрипокъ. Его приготавливаютъ на виноградномъ винѣ, у богатыхъ людей даже на шампанскомъ, съ аракомъ и лимоннымъ варваромъ. Иногда пуншъ пьютъ за столомъ, вмѣсто вина. Шведы вообще чрезвычайно хлѣбосольны, и знаютъ каждое семейство дастъ, по своему состоянію, нѣсколько праздничныхъ обѣдовъ, для своихъ знакомыхъ. Виро-

чезъ, въ каждую пору года. Шведы любятъ видѣть гости за столомъ своимъ. Въ частныхъ домахъ вино хорошее, но въ среднемъ сословіи употребляютъ обыкновенно хрипкия вина, какъ въ Англіи. Въ бесѣдѣ Шведы весьма любезны, разговорчивы и веселы, а женщины милы до крайности. Вообще въ обхожденіи Шведы чрезвычайно сходны съ Французами. Карточная игра свирѣлствуетъ здѣсь, точно такъ же какъ у насъ, въ Россіи. Въ высшихъ обществахъ играютъ въ коммерческія игры, но высокой игры. Вистъ въ модѣ, какъ у насъ. Это сладостное климата. Принужденные проводить три четверти года въ заперти, Шведы, какъ и всѣ жители Сівера, должны прибѣгать ко всевозможнымъ развлеченіямъ, а приманка карточной игры всегда дѣйствуетъ сильнѣе, нежели книга! Нѣмцы же всегда читаютъ или разговариваютъ, и такъ, для облегченія заботъ, хозяева дома, усаживаютъ гостей за карточные столы. Постепенно игра обращается въ страсть. Шведы чрезвычайно любятъ музыку, и занимаются ею съ успѣхомъ. Истинныхъ знатоковъ музыки здѣсь множество. Кромѣ того, не только высшее сословіе, т. е. дворянство, но и купечество и даже большая часть гражданъ, весьма

образованы и почтены. Большая часть Шведовъ высшего и среднего сословія получаетъ образованіе систематическое, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и даже многие зажиточные посланіе посылаютъ дѣтей своихъ въ университеты. Всѣ Шведы, безъ исключенія, мущины и женщины, до послѣдняго поденщика трамонта, безграмотныя или безграмотная не допускаются къ конфирмаціи, или первому причащенію Св. Таинъ. Если кто сомнѣвается въ пользѣ просвѣщенія, милости просить пожаловать въ Швецію! Посмотрите, что просвѣщенный народъ сдѣлалъ изъ страны бѣдной, для которой природа скупа во всѣхъ дарахъ своихъ! Посмотрите, какъ можно жить счастливо и весело безъ роскоши, ограничиваясь необходимыми! Я говорю о просвѣщеніи истинномъ, основанномъ на религіи, а Шведы народъ религіозный по превосходству. Народное воспитаніе основано на христіанской нравственности и утвержденная въ сердцахъ, съ дѣтства. Вира въ Провидѣніе укрѣпляетъ человека и порождаетъ мужество къ побѣжденію всѣхъ трудностей въ жизни. Но если природа въ Швеціи скупа въ своихъ произведеніяхъ, за то она щедра къ человеку, и одарила его извѣстными

ми формами. Нигдѣ нѣтъ такого множества сильныхъ, рослыхъ и красивыхъ людей, какъ въ Швеціи. Красивая порода Германская, которой удивлялись Римляне и Византійцы, въ эпоху переселенія народовъ, сохранилась въ Швеціи, во всемъ своемъ совершенствѣ. Наружность Шведовъ, чистаго племени, удовлетворяетъ въ нихъ Азіатское происхожденіе, и это же самое подтверждаетъ ихъ происхожденіе.* Между Шведами старинныхъ фандалъ и вообще между жителями страны, падревле населенныхъ товарищами Одена, т. е. чистыхъ Готскихъ племенемъ, весьма мало блоннурыхъ, и почти вовсе нѣтъ курносыхъ, какъ между уроженцами береговъ Балтики и Финскаго Залива. Напротивъ того, настоящіе Шведы, мѣстой Готской кропи, или смуглымъ или темнорусымъ, т. е. имѣютъ волосы каштановые, глаза темнолубые или каріе и

* Въ Шведскомъ языкѣ, котораго основаніе есть древне-Германскій, находится звукъ: *гже*, *ге* (для смягченія *к*, *п* и *с*, мягкое *г* и т. д. сообщающій языку удивительную мелодію. По моему житію, Шведскій языкъ, въ германическомъ отношеніи, занимаетъ первое мѣсто послѣ Русскаго и Немецкаго. Италійскій языкъ, кажется мнѣ, слишкомъ извѣщенный: это нѣмало-что, а не говорю *мужей* *людей*.

ность орлиный. Въ поступки и во всѣхъ движеніяхъ у Шведовъ что-то воинственное, а въ фізіономіи выражается необыкновенное доброжелательство. Не нужно, кажется, прибавлять, что я говорю здѣсь о большинствѣ, а не обо всѣхъ безъ исключенія. Всѣ бывшіе въ Швеціи восхищаются красотою Шведокъ. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли есть, гдѣ либо, столько красавицъ какъ въ Швеціи, а особенно въ Стокгольмѣ. Это истинный островъ Калины! — Однажды, во время вечерней прогулки, на Сѣверномъ Мосту, я остановился, съ двумя пріятиями, на тротуарѣ и сталъ, нарочно, считать красавицъ. Въ результатѣ оказалось, что изъ ста женщинъ отъ восемнадцати до тридцатилѣтняго возраста, красавицъ, въ полномъ значеніи слова, было двадцать; до тридцати прекрасныхъ, которыя повсюду бы обратили на себя вниманіе; тридцать прелестныхъ, которыхъ въ другихъ странахъ почитались бы даже красавицами, а едва двадцать обыкновенныхъ лицъ, изъ коихъ десятокъ можно было причислить къ дурнымъ. Многимъ покажется это удивительнымъ, но это совершенная правда! Въ мои лѣта и въ моемъ положеніи, и разбиралъ красоту только какъ художникъ, рассматривалъ женщинъ, какъ рѣд-

кости въ музеѣ, и потому говорю безпристрастно. Въ городѣ, на каждой шагѣ вамъ попадаются такіа красавицы, которыхъ бы привелъ въ движеніе весь нашъ Невскій Проспектъ, а въ Швеціи онѣ даже не замѣтны! Повторю, удивительная, чудная порода людей въ Швеціи! Ничто не можетъ сравниться съ бѣлизною и свѣжестью лица Шведокъ, съ ихъ натуральнымъ румянцемъ, которые, при каштановыхъ волосахъ и темногубыхъ глазахъ, опушенныхъ длинными рѣсницами, и при чертахъ лица правильныхъ, составляютъ совершенство красоты! Улыбка, взгляды, выраженіе фізіономіи, поступъ, таинъ, сущее очарованіе! При томъ же Шведки одѣваются безъ роскоши, но къ лицу. Въ обхожденіи онѣ милы, разговорчивы, непринужденны, и веселы. Въ этомъ отношеніи онѣ чрезвычайно сходны съ Польшками. Многіе путешественники упрекаютъ Шведокъ въ кокетствѣ, а нѣмѣ, угрюмые или легкомысленные странники, дерзали даже порицать ихъ нравственность. Всѣ красавицы въ мірѣ болѣе или менѣ кокетки, т. е. такъ кажется намъ, чувствующимъ тайное очарованіе красоты. Вездѣ есть кокетство, только оно не вездѣ обнаруживается одинаково. Иныя женщины кокетни-

чают скромностью, удаленіемъ отъ мужскаго общества, застѣчивостью, и это самое нежное кокетство, а женщины откровенныя и добродушныя не скрываютъ своей любезности и поддаются влеченію природы, послѣдней въ женскомъ сердцѣ непродолажное желаніе обращаться на себя вниманіе мужчинъ. Таковы и Шведки! Но кто осмѣлится подвергать сомнѣнію нравственность женскаго пола въ Швеціи, тотъ клеветалъ на него! О нравственности женщинъ не языкъ судить, но трактирныя служанкамъ, особенно въ столицѣ. Но большей части званіе служанокъ въ Стокгольмѣ, принимаютъ на себя красавицы, послѣ какой нибудь любовной неудачи въ провинціи. Но вообще Шведки отличныя супруги и матери, хорошия хозяйки, и строго придерживаются правилъ нравственности. Образованное сословіе и даже низшій классъ чтятъ женскую добродѣтель, и женщины заслуживаютъ это своимъ поведеніемъ. Онѣ тѣмъ только виноваты, что слишкомъ хороши и любезны! Этого не могутъ простить имъ странники, которые напрасно стараются пріобрѣсти ихъ благосклонности.

Красота и любезность женщинъ, въ Швеціи, между прочими чудесами, производятъ то, что

все иностранцы весьма скоро обучаются Шведскому языку, чтобы имѣть удовольствіе разговаривать на природномъ языкѣ съ тѣми прекрасными, которыя не знаютъ языковъ чужеземныхъ. Почти все дипломаты, даже Италіанцы, Испанцы и Португальцы, для которыхъ весьма тяжелы Германскіе языки, говорятъ по-Шведски. Кто пребылъ годъ въ Швеціи, тотъ непремѣнно понимаетъ языкъ народа. У насъ это дѣлается напротивъ. Есть примѣры, что иностранцы, проживъ тридцать лѣтъ въ Россіи, не умѣютъ объясниться по-Русски въ самыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ, а всего удивительнѣе то, что даже имплененные подданные Россіи, пользуясь ея благодѣяніями, не хотѣтъ учиться по-Русски, и почитаютъ обидою, когда имъ доставляютъ средства знать языкъ господствующаго народа. Въ Швеціи нѣтъ возможности жить безъ познанія Шведскаго языка, потому что, исключая самое высшее сословіе (что мы называемъ придворнымъ дворянствомъ), во всѣхъ Шведскихъ обществахъ говорятъ по-Шведски. Никогда Шведы не говорятъ между собою иначе, какъ на природномъ языкѣ! Не худо было бы другимъ народамъ перенять у нихъ этотъ не только похвальный, но и благородный обычай!

Сегодня утромъ я снова осматривалъ городъ. Быть можетъ, нѣкоторые изъ друзей моихъ пожелали бы, чтобъ я описалъ казенныя и частныя ученыя, учебныя и богоугодныя заведенія, частныя библиотеки и картинныя галереи и т. п. У меня нѣтъ на это времени. Я осматриваю города для самого города, наблюдаю жизнь, и замѣчаю только то, что мени болѣе занимать, и что я лучше знаю, т. е. историческія памятники. Гдѣ Исторія — тамъ и жизнь. Отъ прикосновенія волшебнаго жезла Исторія, оживаютъ камни, и земля повѣствуетъ истину! Я не официальный путешественникъ, а странникъ, ищущій развлеченія. Занимаетъ меня, что привлекаетъ мое вниманіе, и какъ вольная птичка сажусь на той вѣткѣ, которая мнѣ болѣе нравится.

Вы знаете уже, что Риддартгольмъ есть островъ на Меларъ, соединяющійся съ Риддартгольмскимъ рынкомъ въ Стаденъ, каменнымъ мостомъ. Риддартгольмъ, въ древности, назывался Францисканскимъ островомъ, отъ монастыря сего ордена, основаннаго Королемъ Магнусомъ Ладулесомъ въ 1286 году. Монастырь не существуетъ, но принадлежащая къ нему церковь есть любопытнѣйшій памятникъ Швеціи, по

древности своей и по назначенію. Здѣсь погребены многіе Короли, Герцоги, ихъ супруги и герои Швеціи отъ временъ Магнуса Ладулеса. Отъ Карла IX, въ этой церкви погребаются всѣ царствующія особы, безъ исключенія. И видѣлъ эту знаменитую церковь въ разстройствѣ. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, молнія ударила въ высокій шпигъ ея башни. Башня сдѣлалась жертвою пламени; внутренность церкви уцѣлѣла, однакожъ она въ безпорядкѣ. Нынѣ собираются перестроить церковь и украсить башню новымъ чугуннымъ шпигомъ, такъ сказать филаграммовой т. е. прозрачной работы. Высота самой башни 96 футовъ, корона башни въ 21 футъ; основаніе шпига 40 футовъ, а самый шпигъ въ 150 футовъ. Всего отъ земли до маковки 287 футовъ. Чугуну употреблено на шпигъ 1100 тысячъ пудовъ. Шпигъ уже отлитъ, на частномъ заводѣ въ Океръ. Плана къ перестройкѣ церкви и рисунокъ шпига составляютъ знаменитымъ Шведскимъ скульпторомъ Гете. При мнѣ начали очищать верхъ башни. Но работы въ Швеціи идутъ медленно, и неизвестно когда церковь будетъ кончена. До пожара церковныя стѣны и гробницы полководцевъ украшены были штандар-

тами, знаменами и флагами, добытыми Шведским мужеством у неприятелей, въ разныхъ времена. Сказываютъ, что всѣхъ знаменъ и флаговъ было до пяти тысячъ. Теперь, до окончания отдачки, знамена хранятся въ другомъ мѣстѣ. На стѣнахъ и на полу изсѣчены гербы и названія Шведскихъ героевъ, которыхъ смертные останки почиваютъ здѣсь. Я поклонился праху Акселя Оксеншерны, Торстенсона, Иоанна Баннера. Здѣсь же почиваютъ знаменитые въ Исторіи Петра Великаго Шведскіе вожди, Стенбокъ и Левенгауптъ. Въ новое время опредѣлено хоронить въ этой церкви, на каменный стѣнѣ, всѣхъ кавалеровъ ордена Серафима. По обѣимъ сторонамъ алтара пристроены дѣлѣ, открытыя внутрь церкви, капеллы, въ которыхъ стоятъ, на pedestалахъ, мраморныя гробницы Карла XII и Густава Адольфа Великаго. Первая изъ чернаго Шведскаго мрамора. Гробъ покрытъ позолоченною львиною кожею, а на ней лежить, нащипъ (атрибуты Геркулеса). Въѣсто эпитафій, написано только: Carolus XII. Гробница Густава Адольфа заказана Густавомъ III въ Италіи, изъ темнопестраго мрамора, надпись: Gustavus Adolphus Magnus. Возлѣ капеллъ находится склепы, гдѣ стоятъ множество гро-

бовъ, съ смертными останками Королей и Королевъ. Я только заглянулъ туда. Оттуда вѣетъ холодомъ смерти, и тамъ вполнѣ ощущаешь ничтожество человечества! Тутъ прежде лежалъ во гробѣ и Густавъ Адольфъ. Когда, года за три предъ симъ, открыли гробъ, для перенесенія смертныхъ останковъ великаго мужа въ мраморную гробницу, то нашли, что тѣло не стигло, но высохло и волосы на бородѣ вполнѣ сохранились. И прежде знаменитымъ посѣтителемъ показывали гробъ Густава Адольфа, но по перенесеніи его въ мраморную гробницу, королевскимъ повелѣніемъ запрещено отнынѣ открывать ее.

Удивительно, какую роль играла въ мірѣ Швеція, бѣдная и малонаселенная! Мужество народа и гений вождей его возвысили славу Швеціи до крайняго предѣла. И что осталось отъ всѣхъ этихъ побѣдъ и завоеваній? Память! Но та же самая Исторія, сохранившая намъ память великихъ подвиговъ Шведскаго народа, удостовѣряетъ насъ, что Швеція, въ блистательную эпоху своей славы, не наслаждалась внутреннимъ счастьемъ. Народъ былъ бѣденъ и угнетенъ налогами, народонаселеніе непрерывно уменьшалось, земледѣліе и промышленность

находились въ совершенномъ упадкѣ. Нѣсколько вельможъ, обогатившихся военными добычами, не могли составить счастья бѣднаго народа! При Карлѣ XII Швеція дошла до послѣдней крайности. Только теперь можно назвать Швецію счастливою, потому что всѣ ея силы, весь умъ, все мужество народа направлены на внутреннее благосостояніе, и плоды этого стремленія видны на каждомъ шагѣ. Теперь нѣтъ въ Швеціи ни нищихъ, ни пустынь. Право лучше быть народомъ счастливымъ, нежели страннымъ!

На островѣ рыцарей, или Риддаргольмѣ, замѣчательно зданіе, называемое старымъ замкомъ, (Gamla-Slottet), въ которомъ помѣщалась Королевская фамилія, отъ пожара 1697 года, до возобновленія дворца. Нынѣ здѣсь присутственные мѣста. Замокъ сей былъ прежде католическимъ монастыремъ. Онъ имѣетъ по угламъ двѣ башни, но не отличается ни какою особенностью архитектуры. Улицы въ Риддаргольмѣ такъ же узки какъ въ Стаденѣ, но имѣютъ прекрасныя частныя зданія Среднихъ Вѣковъ.

Южное предмѣстіе (Södermalin) лежитъ на горахъ и утесахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надобно всходить и спускаться по лѣстницамъ

или по крутизнамъ, между гранитными утесами. Въ Южномъ Предмѣстьѣ есть прекрасныя, длинныя и довольно широкія улицы и три, такъ называемыя, площади, (Южнаго Предмѣстья, Новая и Адольфа Фридриха), застроенныя прекрасными домами. Но здѣсь же остались слѣды стариннаго Стокгольма, малыя, узкія, кривыя улицы, и деревянные домики, крытые дерномъ или досками. Въ другихъ частяхъ города уже не видно этихъ свидѣтелей прежней простоты. Съ Южнаго Предмѣстія лучшіе панорамическіе виды, самыя величественныя и разнообразныя, какіе только можетъ представить себѣ воображеніе!

Лишь только вы заговорите со Шведомъ о красотѣ мѣстоположенія Стокгольма, васъ тотчасъ спросятъ: «а были-ли вы на Мозебаке?» * Это садъ и въ немъ трактиръ, на уступѣ утеса, въ Южномъ Предмѣстьѣ. Я добрался въ этотъ садъ извилистыми улочками. Въ саду и въ трактирѣ не было ни одной души, потому что посетители собираются только въ вечеру или къ обѣду. Ко мнѣ явились тотчасъ двѣ красныя прислужницы, съ вопросомъ, чего мнѣ угод-

но. И далъ каждой изъ нихъ на кофе, и онѣ, съ низкими книксенями, поблагодарили меня, посмотрѣвъ одна на другую съ нѣкоторымъ удивленіемъ, не понимая, за что я награждаю ихъ. — Вотъ вамъ за вѣжливость и за прекрасные глаза! — сказала я. Онѣ улыбулись. Я попросилъ ихъ показать мнѣ мѣсто, съ котораго лучший видъ на городъ, и онѣ исполнили это съ охотою, и даже одна изъ нихъ вывела съ собою моею путеводительницею. Между деревень и густой зелени мнѣ удалось выбрать мѣстечко, съ котораго открылся предо мною весь городъ. Вмѣсто того, чтобы описывать этотъ видъ, исчисляя зданія, и совѣтую вамъ, друзья, прокатиться въ Стокгольмъ. Увѣрю васъ, что одинъ взглядъ на городъ, съ Мозебаке, стоитъ этого!

Оттуда пошелъ я на самый верхъ горы, на которой построена церковь Св. Екатерины. Это высшая точка Стокгольма. Здѣсь, какъ я сказалъ выше, сожжены были тѣла убитыхъ Христіаномъ II гражданъ, въ 1520 году. Смертные останки правителя Швеціи Стена Стуре и сына его, скончавшихся до этого ужаснаго событія, покоились въ Риддартгольмской церкви. Христіанъ II велѣлъ вырыть кости и сжечь

вмѣстѣ съ тѣлами казненныхъ, между которыми былъ также отецъ Густава Вазы, Эрикъ Югансонъ. Сынъ Густава Вазы, Юаннъ III, построилъ на этомъ мѣстѣ часовню, въ память родныхъ, въ 1576 году, а въ 1656 выстроена нынѣшняя церковь. Она была повреждена пожаромъ 1723 года, но въ слѣдующемъ году вновь исправлена. Церковь круглая, съ четырьмя флигелями, образующими четыре портала. Надъ ротондою возвышается башня. Осмотрѣвъ прекрасные образа и богатые органы, я взобрался на самый верхъ башни. Отсюда видъ на Стокгольмъ и его окрестности еще гораздо лучше нежели съ Мозебаке, но какъ не каждому путешественнику придеть охота лезть по крутымъ деревяннымъ лѣстницамъ и темнымъ переходамъ на высоту, то большая часть странниковъ довольствуются видомъ съ Мозебаке, и немногіе изъ нихъ всходили на самый верхъ Екатерининской башни. Между немногими немцами путешественниковъ, я увидѣлъ нѣмца Его Свѣтлости Герцога Лейхтенбергскаго, начертанное на особой мѣдной доскѣ. Весь городъ, море, Меларское Озеро и окрестности, какъ только можетъ простираться зрѣніе — представляются взорамъ вашимъ въ видѣ игрушки или модели.

Я развернул планъ города, и повѣрилъ на немъ положеніе улицъ, площадей и главныхъ админі.— Теперь только могу и сказать, что имѣю полное понятіе о внутреннемъ расположеніи города и объ его окрестностяхъ. Церковь окружена кладбищемъ, обсиеннымъ прекрасными деревьями. Обычай хоронить въ городѣ, особенно въ такомъ тѣсномъ, какъ Стокгольмъ, долженъ производить вредныя вліянія на здорье. Но должно согласиться, что въ этомъ много позитива! Между тѣсными рядами домовъ, каждая церковь кажется уединенною, на своемъ кладбищѣ, въ тѣни деревь, и видъ гробницъ, среди жизненной суеты, невольно возбуждаетъ иногда мысль о тщетѣ нашихъ земныхъ надеждъ и исканій. Почти всѣ Стокгольмскія церкви имѣютъ прекрасныя деревья вокругъ кладбища. Но близости довольно обширной правильной площади, застроенной красивыми домами, находится церковь Маріи Магдалины, построенная правителемъ Стеномъ Стуре въ 1489 году. Догадываются, что Густавъ Ваза для того велѣлъ разрушить эту церковь, чтобъ освободиться отъ взноса вкладовъ, изъ имѣнія Сте-на Стуре, послѣ котораго онъ наследовалъ. Иоаннъ III снова построилъ церковь на этомъ

мѣстѣ, въ 1576 году. Запрестольный образъ здѣсь очень хорошъ. Аллеи вокругъ церкви прелестныя и привлекаютъ много гуляющихъ.

Въ Южномъ Предмѣстіи лежитъ огромное зданіе называемое Stadhuset — т. е. городской домъ. Въ немъ помѣщаются Грекороссійская Православная и Римско-католическая церкви, и здѣсь же содержатся иногда подсудимые. Когда я проходилъ мимо этого зданія, всѣ окна второго яруса, въ фасадѣ на главную улицу, были разбиты, мостовая изрыта, и камни лежали на окнахъ, на показъ народу. Толпы любопытныхъ стояли на улицѣ, разсуждая о происшествіи, о которомъ и упомянулъ выше, и именно о бывшемъ смятеніи, съ цѣлью освобожденія изъ тюрьмы Крузенштопне. Двери были отперты, и я, съ толпою, вошелъ въ домъ, и прошелъ по всѣмъ комнатамъ. Мебели, портреты на стѣнахъ, печи были разбиты камнями. Въ окнахъ даже рамы были изломаны. Семейство смотрителя, занимающаго эти комнаты, сидѣло преспокойно въ одномъ углу. Я пожалѣлъ о бѣдныхъ женщинахъ, которыя провели ночь въ этомъ домѣ, во время народнаго сумасбродства! Смотритель разговаривалъ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ. — Какъ безсмысленъ все-

гда и вездѣ народъ, нарушающій законы и какъ виновны его поджигатели, можете судить изъ этого событія!» сказала смотритель: — «Чернь хотѣла освободить Крузенниголле, и стала бросать камнями въ домъ, гдѣ онъ содержался! Стоило только выслать его изъ эту уголовную комнату, и онъ былъ бы непременно убитъ своими защитниками, которые, бросая камни наудачу, ревѣли какъ дикіе звѣри и не слышали бы голоса, молящаго о пощадѣ! На стыдъ глауницъ и уложилъ камни на окнахъ,» — приложилъ онъ: — «Пусть виновные любятъ своихъ безчинствомъ!» — На стѣнахъ противулежащаго дома видны были слѣды нѣсколькихъ выстрѣловъ. Бушующій народъ почтѣлъ Вожью храму, и окна въ Русской и Католической церквахъ цѣлы.

Вотъ тюрьма для должниковъ (gäldstuga)! Банкрутства, въ нашъ промышленный вѣкъ, принадлежать къ спекуляціямъ. Накхватать денегъ, гдѣ можно, промотать часть, а часть припрятать и послѣ того объявить конкурсъ или учредить изъ кредиторовъ администрацію надъ имѣньемъ или фабрикою — почитаютъ, въ иныхъ мѣстахъ, ловкостью! А по моему мнѣнію — это просто воровство! Можеть ли быть

что гнуснѣе, какъ лишить послѣдняго достоинства бѣднаго учителя, который, въ теченіе многихъ лѣтъ, тяжкими трудами собралъ капиталецъ, или обмануть трудолюбиваго литератора, воспользовавшись его твореніемъ! Въ честной Швеции такіе подвиги почитаются преступленіями! Кто разстроилъ свои дѣла по легкомыслию, тщеславію или небреженію, подвергается (по закону 15 Іюня 1816 года) тюремному заключенію, отъ шести мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ. Имя злостнаго, т. е. умышленнаго банкрута выставляется у позорнаго столба, приговоръ печатается, и банкротъ, объявленный безчестнымъ, исключается на всю жизнь изъ общества. Если банкротство произошло отъ непредвидимыхъ несчастій, банкрута не заключаютъ въ тюрьму, но онъ не имѣетъ права выходить изъ дому, до окончанія конкурса. Вообще каждый, кто только объявитъ себя несостоятельнымъ должникомъ, лишается, по закону, всякой довѣренности въ гражданскомъ быту. Если должникъ не имѣетъ собственного пропитанія, то получаетъ отъ кредиторовъ по два банковые шиллинга и 1½ фунта хлѣба въ сутки. Отъ этого не разжирѣешь! Заключенные должны работать въ тюрьмѣ. Не худо

всѣмъ промышленникамъ записать это въ свою намотную книжку, и замѣтить особенно ту статью Шведскаго закона, которая объявляетъ безчестнымъ каждаго, промотавшаго чужую собственность изъ легкомыслія, тщеславія и небреженія! Чужое добро свято! Храни его, поминайте не объ наслажденіяхъ жизни, но о своихъ обязанностяхъ. О гнусные банкроты, хвастунишки, гордецы! Какъ бы хорошо было поймать васъ на Шведскую удочку!

Я сказалъ, въ прогулкѣ по Стадену или древнему городу, что онъ лежитъ на полуостровѣ. Прежде это былъ островъ, но въ глубокой древности, за многіе вѣки предъ симъ, проливъ между Стаденомъ и Южнымъ Предѣстемъ засыпанъ и заваленъ камнями, и теперь здѣсь перенесекъ. Есть преданіе, что плотина въ этомъ мѣстѣ сдѣлана предъ основаніемъ города, послѣ набѣга Эстоновъ на Сигтуну, для воспрепятствованія морскимъ разбойникамъ проходить въ Меларское Озеро съ моря, и что въ то же время укрѣпленъ проливъ предъ Стокгольменомъ (нынѣ Гельгендстолюменомъ). Внизу перешейка, или плотины, устроены шлюзы, гдѣ складывается желѣзо, на продажу. Я видѣлъ здѣсь огромное количество этого металла. Дѣя-

тельность здѣсь чрезвычайная, особенно съ тѣхъ поръ, какъ заводныя посподу желѣзныя дороги породили необыкновенную потребность въ этомъ металлѣ. До сихъ поръ Шведское желѣзо почитается повсюду лучшимъ.

Читатели путешествій гнѣваются иногда на странниковъ, когда они рассказываютъ о своихъ обѣдахъ и ужинахъ. Но вѣдь путешественникъ чаще сходитъ съ людьми въ это время, и ему невозможно промолчать о мѣстѣ и времени занимательныхъ встрѣчъ! Притомъ же, трудно воздержаться, чтобы не упомянуть о времени своего отдохновенія, потому что дѣятельный странникъ отдыхаетъ только во время сна и за столомъ. Потому-то я долженъ сказать вамъ, друзья, о пріятныхъ минутахъ, проведенныхъ мною, сего дня, у нашего Генеральнаго Консула, А. Н. фонъ - Бриа. Онъ живетъ на дачѣ, въ звѣринцѣ, въ самомъ очаровательномъ мѣстѣ. Къ обѣду приглашены были Прусскій повѣренный въ дѣлахъ Г. Энгельгардъ, Испанскій дипломатъ Морено; проживающій около шестнадцати лѣтъ въ Швеціи, Голландскій дипломатъ, родомъ Бельгіецъ, оставшійся вѣрнымъ прежнему своему Королю, Графъ Эмерикуръ, Генераль Дюнейронъ (Дирек-

торь почти), родственник супруги хозяина; Русский артиллерійскій офицеръ Г. Кудрявскій, находящійся въ Швеціи, для изученія новой методы литья чугуныхъ пушекъ, А. А. Лавоніусъ—и я. Любезность хозяйки, радушіе хозяина, веселый и откровенный нравъ Графа Эмерикюра и его остроуміе, и какое-то общее чистосердечіе и веселіе оживляли нашу бесѣду. Мы пробыли вмѣстѣ отъ обѣда до позднаго вечера, слушая и рассказывая поочередно. Графъ Эмерикюръ былъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, изъ одного любопытства, и сохранялъ пріятныя воспоминанія о Россіи. Быстрые наши успѣхи въ образованности, наше гостепріимство, добродушіе Русскаго простаго народа и благоустройство нашего войска восхищали его. Обѣдъ былъ по всѣмъ правиламъ общей Европейской гастрономіи, а въ числѣ рѣдкостей насъ поднимали ржанымъ хлѣбомъ, выписываемымъ изъ Гамбурга, потому что въ Швеціи хлѣбопеченіе находится еще на низкой степеніи, а для непривычнаго трудно пребыть безъ хорошаго хлѣба. Послѣ чаю мы разошлись. Въ паркѣ было множество народа. Плясунъ на канатѣ Готье, занималъ своими штуками Шведскую публику, которая страстно любить

арѣлища, и рѣдко имѣеть случай удовлетворить своему вкусу чѣмъ либо изысканнѣмъ, послѣ паденія драматическаго искусства въ Швеціи, противѣставнаго только при Густавѣ III. Въ городъ возвратился я съ А. А. Лавоніусомъ и Г. Кудрявскимъ въ омнибусѣ, нанявъ его за два талера банко. Экипажъ покойный, внутри чистый, украшенный зеркалами. Въ немъ могутъ помѣститься около пятнадцати человѣкъ, следовательно тронѣ было болѣе нежеланно просторно.

Путешествіе, возлагая, такъ сказать, обязанность осматривать все любопытное, побуждало странника къ необыкновенной дѣятельности, и уже этимъ однимъ способствовало здоровью и развлеченію. Никогда бы я не выходилъ столько илькомъ въ Петербургъ, какъ сегодня, осмотрѣвъ всѣ улицы и закоулки Южнаго Предмѣстія. Путь туда, отъ моей квартиры, не близкій, чрезъ весь Стадентъ и часть Нормальма. За то, со времени военной службы, составляющей лучшія воспоминанія въ моей жизни, никогда не чувствовалъ я, съ такою роскошью, пріятности отдохновенія. На этотъ разъ буйная чернь не беззаконила моего сна. Главнаго поджигателя, Крузенингольме, по

приговору суда, отвезли въ крѣпость Вахгольмъ, въ 7 часовъ утра, при многочисленномъ стеченіи народа, на берегу. Крузенштопне, садясь въ лодку, простился съ женою всенародно, и народъ остался безмолвнымъ и спокойнымъ свидѣлемъ этой драматической сцены, которую вѣрные Шведскіе воины могли бы превратить въ трагическую, если бы чернь вышла изъ предѣловъ повиновенія законамъ. Я видѣлъ мелькомъ Крузенштопне. Ему лѣтъ около сорока отъ рожденія. Онъ сухощавый, блѣдный и смуглый, съ большими черными глазами, острымъ носомъ и тонкими устами. Въ лицѣ его нѣтъ капли крови! Я снова вспомнилъ слова Юлія Цесаря на счетъ Каски, одного изъ заговорщиковъ, и еще болѣе убѣдился въ моемъ предубѣжденіи о физіономіяхъ, о которыхъ я уже говорилъ вамъ.

III.

Старый знакомецъ. — Королевская библиотека и находящіеся въ ней рѣдкія книги и рукописи. — Взглядъ на исторію библиотеки. — Картинная галерея. — Древній образъ Византійской школы. — Драгоценное собраніе рисунковъ. — Обѣдъ на дачѣ у Г. А. Ганки. — Музей историческихъ древностей и вещи древне-славянскія, о которыхъ упоминаютъ Несторъ и Арабскіе современники писателей. — Королевскій гардеробъ и рѣдкости въ немъ хранящіеся. — Поездка за городъ. — Ульрихсдааль. — Гага. — Кладбище, на которомъ похороненъ Графъ Н. К. Сухтеленъ и юнаго Шафарька. — Воспоминаніе о незабвенномъ Сухтеленѣ.

Публичная библиотека, музей антиковъ и статуй, картинная галерея и музей древностей и рѣдкостей, помѣщаются въ королевскомъ дворцѣ. Въ прекрасной залѣ библиотеки, которой полки, стѣны и двери украшены искусною резьбою, встрѣтилъ меня помощникъ главнаго библиотекаря, съ улыбкою на устахъ и съ дружескимъ взглядомъ. — «Вы никогда не узнаете меня», — сказалъ онъ — «если и вамъ не припомню о себѣ! Васъ узналъ я потому

что читать написанное вами о Финляндской войнѣ, и освѣдомился, что вы тотъ самый, котораго я зналъ во время Финляндской войны. — И смотрѣлъ ему въ глаза, протянулъ руку, но не могъ припомнить. — «Вспомните кирку Роутоламби, въ Финляндіи, пасторскій домъ, почту и молодого Шведа, который подружился съ вами, не переставая, однакожъ, спорить съ вами о войнѣ! — Неужели вы забыли Арвидсона?» — Прощедшее ожило въ моей памяти. Мы искренно обнялись. Отъ перваго свиданія прошло двадцать девять лѣтъ: мы не видались съ 1809 года! Я былъ тогда уланскимъ капитаномъ, а добрый Арвидсонъ молодыхъ ученикомъ. Мы стали вспоминать старину, и забыли о книгахъ, которыми я пришелъ полюбоваться. Во время завоеванія Финляндіи, дѣлаи свое дѣло, какъ повелѣвалъ долгъ чести и присяги, я не могъ побѣдить склонности моей къ Шведскому народу, который любилъ и съ дѣтства, изъ Исторіи. Сражаясь съ Шведами въ полѣ, я дружески обходился съ ними, какъ съ единосемцами; подѣляя мирнымъ кровомъ, и моею откровенностью, юношескою веселостью и уваженіемъ къ священнымъ чувствамъ народа, приобрѣлъ благосклонность Шведовъ съ

которыми имѣлъ случай сблизиться. Война въ Финляндіи, какъ извѣстно, была народная и благосклонность къ непріятельскому офицеру была тогда великая рѣдкость! Я всегда повторять имъ то, что чувствовалъ: «Въ политику не мѣшаюсь, драться долженъ со Шведами, потому что такъ мнѣ вѣрно, и что я Русскій воинъ, но это не мѣшаетъ мнѣ уважать храбрую и благородную Шведскую націю.» Счастье доставляло мнѣ нѣсколько случаевъ показать на дѣлѣ уваженіе мое и любовь къ Шведамъ, не имѣвшая моему долгу, и защитить лица и собственность, во время неизбѣжныхъ въ народной войнѣ безпорядковъ. Добрые Шведы не забыли уланскаго корнета-весельчака, который печатно припомнилъ имъ о своемъ существованіи, и я могу сказать искренно, что меня принимали въ Швецію и въ Финляндіи, какъ роднаго. Поговоривъ о прошломъ, Арвидсонъ сказалъ: «Теперь милости просимъ, стараго воина, осмотрѣть мой мирный арсеналь!»

Первое основаніе Королевской Вибліотеки положено Густавомъ Вазою, изъ уничтоженныхъ, при реформациі, католическихъ монастырей. Печатныхъ книгъ было тогда не много и тѣ, болѣею частью, духовнаго содержанія.

Наслѣдники Густава Вазы умножали библиотеку, но особенно обогатилъ ее Густавъ Адольфъ, добываями въ Тридцатилѣтнюю Войну. Шведы повсюду забирали книги и рукописи и вывезли много рѣдкаго и любопытнаго изъ Германіи, Богеміи и Польши. Особенно пострадала въ этомъ отношеніи Чешская Прага. Въ 1621 году Густавъ Адольфъ подарилъ всю Королевскую Библиотеку Упсальскому Университету. Нынешняя библиотека основана дочерью великаго Густава Адольфа, Королевою Христиною, которая обогатила ее множествомъ драгоценныхъ рукописей. Отказавшись отъ престола, Христина увезла съ собою 2145 древнихъ рукописей и всѣ рѣдкія книги, которыя и нынѣ хранятся въ Ватиканской Библиотекѣ. Карлъ X умножилъ библиотеку добычами въ Польшѣ и Даніи. Особенно изъ Польши привезено много рѣдкихъ книгъ и рукописей. Во время пожара 1697 года, библиотека потеряла до 18,000 книгъ и болѣе 1000 рукописей. Карлъ XII увеличивалъ библиотеку книгами и манускриптами изъ библиотеки въ Перновѣ, гдѣ находилось главное учебное заведеніе Остзейскихъ провинцій, и также забралъ много книгъ въ Польшѣ. Густавъ Адольфъ IV подарилъ библиотекѣ все собраніе

отца своего, Густава III, въ числѣ 15,000 томовъ, и назначилъ ей нынѣшнее помѣщеніе. Карлъ XII и нынѣ царствующій Король обогатили библиотеку многими дарами. Библиотека получаетъ ежегодно изъ казны (по положенію Сейма 1825 года) по 5000 риксдалеровъ, т. е. около 6000 рублей. Вѣсѣма немного! Она открыта для публики въ будніе дни, исключая субботы, отъ 10 часовъ по полудни до часу по полудни. — Книгъ всего до 60,000 томовъ, рукописей множество.

Важѣйшая рукопись, писанная золотыми буквами, прекраснаго почерка (уставомъ), на пергаминахъ, лѣстахъ, бѣлыхъ и красныхъ. Это переводъ четырехъ Евангелій на Англосаксонскій языкъ. Изъ приписки, сдѣланной какимъ-то Герцогомъ или Княземъ, Альфредомъ*, на одномъ изъ Германскихъ нарѣчій, (древнѣе Англосаксонскаго), видно, что эта рукопись выкуплена имъ отъ морскихъ разбойниковъ, идолопоклонниковъ. Манускриптъ этотъ должно отнести къ X вѣку. Краски и позолота на украшеніяхъ и буквахъ сохранились удивительно хорошо, только красные листы пергамента по-

* Онъ назывался собѣ Княземъ Вербургскимъ.

няны и кажутся лиловыми. Рукопись эта называется въ библиотекѣ: Codex aureus. Вторая, весьма замѣчательная рукопись, въ самомъ большомъ разбѣрѣ, писана на выдѣланной ослиной шкурѣ, на 300 огромныхъ листахъ. Въ этой рукописи заключаются: вся Библия, всѣ сочиненія Иосифа, нѣсколько сочиненій Св. Исидора, нѣсколько сочиненій Іоанникія (Joannicius), Чешская, т. е. Богемская хроника Космы Прагскаго и такъ называемая исповѣдь: Confessio peccatorum. Здѣсь замѣчательна фигура діавола! Рукопись эта принадлежитъ къ XIII вѣку. Она взята въ одномъ монастырѣ, въ Чешской Прагѣ, гдѣ была прикраплена къ столу цѣпью. Молитвенникъ по-Латини, на пергаментѣ, XV или XVI вѣка, съ богатыми виньетами. Псалмы Давидовы, также на пергаментѣ, съ прекрасными картинками. Весьма древній манускриптъ Комментаріевъ Юлія Цесаря и манускриптъ Эдды (Саги Исландскія), также на пергаментѣ, законтуровъ отъ дыма, въ Исландскихъ хижинахъ, когда въ Бѣдой Исландіи писали и читали при очагѣ или при лучинѣ. Эта рукопись, по малой мѣрѣ, XIII вѣка; а иные даже относятъ ее къ вѣку XI и XII. Нельзя довольно надивиться свѣжести красокъ и по-

золоты, на рукописяхъ духовнаго содержанія. Будто сегодня писано! Рисунокъ, въ изображеніи человеческихъ фигуръ, не хорошъ, перспективны нѣтъ вовсе, но арабески и почеркъ буквъ чудесные! Это труды монаховъ Среднихъ Вѣковъ. Когда изобрѣтено было книгопечатаніе, многіе противились общему введенію его, изъ состраданія къ сословію переписчиковъ, полагая, что они должны лишиться пропитанія, то-же такъ же, какъ у насъ въ Россіи многіе думаютъ, что введеніе желѣзныхъ дорогъ лишитъ пропитанія лищниковъ и извозчиковъ! Близорукіе, они не видятъ великихъ послѣдствій отъ умноженія производства дѣла! Здѣсь только одна Русская рукопись, именно Библия. Но почерку и отношу ее къ концу XV или къ началу XVI вѣка. Изъ старопечатныхъ книгъ замѣчательны: Библия Кобургера, въ большой листъ, печатанная въ Лейденѣ 1521 года, съ собственноручными замѣтками Мартина Лютера, по полтинъ. Эта книга взята въ Виттенбергѣ, во время Тридцатилѣтней Войны. Известное сочиненіе ученаго Рудбека, *Атлантика*, которое сторѣю во время печатанія. Четвертая часть весьма рѣдка. Здѣсь есть одинъ экземпляръ ея, до страницъ 216 — *Speculum humanae salvationis*,

печатана въ Гарлемѣ, въ 1440 году, какъ нѣкоторые предполагаютъ, сѣдовательно одна изъ древнѣйшихъ печатныхъ книгъ. Officia Ciceronis, печатанная въ Майнцѣ, первыми изобрѣтателями книгопечатанія, въ 1465 году. Вообще библиотека богата старинными, богатыми изданіями, и имѣетъ нѣсколько Турецкихъ и Арабскихъ книгъ, отличной печати. Русскихъ книгъ нѣтъ вовсе, кромѣ записокъ Генеральнаго Штаба, подаренныхъ Генераломъ О. О. Шубертомъ. Рассмотрѣвъ рѣдкости, я не имѣлъ времени углубляться въ умственные сокровища библиотеки, и только пожиралъ ихъ, какъ говорится, взоромъ. Въ библиотекѣ находится вещь, удивительная по своему происхожденію: это статуя Карла XII, изъ бронзы. Герой изображенъ въ томъ положеніи, когда роковая пуля поразила его въ голову, и когда онъ, падая, схватился за шпагу. Сходство удивительное и работа превосходная. Статуя сія прислана изъ Парижа въ подарокъ Швеціи, не извѣстно кѣмъ, и тайна сохранилась до сихъ поръ. Покрайней мѣрѣ такъ мыъ рассказывали! Кажется, легко было открыть, кто заказывалъ статую, справясь у мастеровъ!

Изъ библиотеки перешелъ и въ музей, основанный Густавомъ III, которому Швеція

обязана *всѣмъ*, что только относится къ изящному. Во время пребыванія своего въ Римѣ, въ 1784 году, Густавъ III собралъ богатую коллекцію древнихъ статуй, бюстовъ, вазъ, саркофаговъ, барельефовъ, колоннъ, жертвенниковъ, канделябровъ и превосходныхъ архитектурныхъ обломковъ. Во множествѣ есть прекрасныя вещи, и все вмѣстѣ составляетъ драгоценную коллекцію антиковъ. Въ этомъ Швеція не бѣдѣе насъ! Лучшее произведеніе древности, въ этомъ музеѣ, есть статуя спящаго Эдипидона, въ семь футовъ. Красота формъ и лица, анатомическая вѣрность и натуральность положенія (позы) удивительны! Эта статуя найдена въ Тиволи, въ 1785 году, въ развалинахъ дворца Адриана, вмѣстѣ съ четырьмя красивыми мраморными колоннами. Густавъ заплатилъ за статую 2000 червонцевъ. Превосходны также статуи: Минервы, Эвтерны, Кло и Аполлона. Собраніе бюстовъ Римскихъ Императоровъ и Императрицъ весьма важно и въ художественномъ и въ историческомъ отношеніяхъ. Нашимъ юнымъ артистамъ и вообще любителямъ ваянія не худо было бы посѣтить Стокгольмъ, чтобъ посмотрѣть трудовъ Шведскаго Фидіаса, Сергея. Имя его не такъ извѣ-

стно въ Европѣ такъ имена Кановы и Торвальдсена, потому что почти всѣ труды Сергея находятся въ его отечествѣ, мало посѣщаемой иностранцами, особенно художниками. Сергей великій художникъ и во многихъ изъ своихъ произведеній не уступаетъ ни Кановѣ, ни Торвальдсену. Его Фавнъ, Амуръ и Психея—чудо искусства! Въ лицахъ, въ позахъ, въ отдѣлкѣ, непечатѣльна гениальность художника. Это точно древнiя статуи золотого вѣка Греціи! Въ музеѣ находится тридцать одна модель, изъ гипса или глины, произведеній Сергея, изъ которыхъ почти всѣ исполнены изъ мрамора и находятся въ различныхъ музеяхъ или у частныхъ лицъ. Нѣкоторые изъ работъ Сергея перешли во Францію и въ Англію. Въ Россіи, кажется, нѣтъ вовсе его произведеній, исключая памятника строителю Свеабурга.

Картины, которыхъ числомъ около тысячи двухъ сотъ, разбѣяны по всему дворцу, потому что для всѣхъ ихъ нѣтъ особаго помѣщенія. Въ числѣ картинъ есть много оригинальныхъ, всѣхъ навѣстныхъ великихъ мастеровъ, различныхъ школъ, но между тѣмъ картинами, которыя выдаютъ за оригинальныя, кажется мнѣ, что есть много копій, впрочемъ весьма

удачныхъ. Описывать всѣ эти картины, исчисляя ихъ достоинства и недостатки, съ представленіемъ догадокъ или доказательствъ объ ихъ оригинальности, значило бы написать книгу, вдвое болѣе нежели все мое путешествіе! Я не имѣю на это ни времени, ни охоты. Впрочемъ Стокгольмская картинная галерея не можетъ быть сравниваема съ нашею Эрмитажною, хотя вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько истинно драгоценныхъ произведеній искусства. Предлагаю другимъ описывать картинныя галереи. Эта работа сунуть меня. Въ картинной галерей у насъ возникъ ученый споръ, на счетъ образа Пресвятыя Богородицы, о которомъ сохраняется преданіе, что онъ перенесенъ въ королевскій древній замокъ изъ монастыря Св. Бригитты, въ Вастенъ, и подаренъ монастырю самою Св. Бригитою, получившею сей образъ изъ Константинополя. Живопись точно Византийская, на золотомъ полѣ, но надпись показывается на нѣтъ Славянскою, хотя кудравыя буквы и похожи на Греческія. Мы прочли слово: *Дѣва*—подъ титлами. Быть можетъ этотъ образъ писанъ въ Византіи для Руси, и взятъ въ добычу Шведами, въ Новгородѣ. Навѣстно, что Дѣла-Гарди вывезъ много драгоценностей изъ Нового-

рода и между прочим множество рукописей Славянских или Русских, которыя теперь, сказываютъ, хранятся въ замкѣ сей фамилии, въ окрестностяхъ Лунда.

Весьма любопытно здѣсь собраніе рисунковъ великихъ мастеровъ школы: Флорентинской, Римской, Ломбардской, Генуезской, Неаполитанской, Неапанской, Фламандской, Германской, Голландской, Французской, и рисунки независимыхъ художниковъ. Портфель съ оригинальными рисунками Теньера, Шуссеня, Фанъ-Дейка, Павла Веронеза, Рафаэля, Корреджіа и другихъ. Весьма замѣчательно также собраніе рисунковъ, сдѣланныхъ въ самой Швеціи или Шведами, и между прочими рисунки и планы знаменитаго Графа Тессина. Въ числѣ рисунковъ есть нѣсколько, относящихся къ Россіи, а именно планъ Царскосельскаго дворца и сада, костюмы Русскіе, Финскіе и Лифляндскіе, раскрашенные, и виды дворцовъ Русской Имперіи. Вѣроятно эти рисунки относятся къ времени сватовства Густава Адольфа IV, на Русской Великой Книжнѣ Александрѣ Павловичѣ.

Обѣднная пора заставляла меня отложить осмотръ музея до другаго дня. Обѣдалъ и на дачѣ у нашего Новѣреннаго въ дѣлахъ Г. А.

Глинка. Дача лежитъ въ концѣ Сѣвернаго Предѣстія, въ аллеѣ, за обсерваторіей. Въ саду находится гора, съ которой видѣнь, съ одной стороны, городъ, а съ другой дикія картины природы, приносящая окрестности Кенитштейна, надъ Эльбою. Почтенный Г. А. Глинка, женатъ на Голландкѣ, знатной фамилии, которая считаетъ въ числѣ членовъ своихъ знаменитаго Гюйгенса. Послѣ мертвого музейскаго изищества, общество прекрасной, умной и милой дамы, въ кругу образованныхъ Русскихъ, было для души моей живительнымъ лекарствомъ. Я такъ усталъ духомъ, въ музеѣ и библиотекѣ, напрягалъ вниманіе и память, что мнѣ необходимо нужно было умственное развлеченіе. Немуздрено, если кабинетные ученые, превращаются со временемъ въ ходячіе антики! Эту одурь испытала и, сегодня, на себѣ. Скоро сказка говорится, но не скоро дѣло дѣлается. Я не упомянулъ и о сотовой части того, что видѣль и объ чемъ разсуждалъ, въ музеяхъ!

Вечеромъ, взявъ съ собою моего проводника, я расхаживалъ по городу, заходилъ въ кофейные дома, на гульбища и вездѣ, гдѣ жители столицы отдыхаютъ отъ дневныхъ трудовъ,

чтобъ присмотрѣться къ публичной жизни Шведовъ. Точно Французамъ! Шумные разговоры при чтеніи газетъ, веселость, быстрая тѣло-движенія! Нѣтъ ничего сходнаго съ Нѣмецкою флегмою. Шведы страстные охотники до газетъ. На улицахъ и перекресткахъ читаютъ и продаютъ газеты, и знаменитый *Aftonblad* (Вечерняя газета) у каждаго въ рукахъ, даже у тѣхъ, которые противнаго съ нею мнѣнія. Но здѣсь тѣмъ хорошо, что Шведы не задѣваютъ иностранца политическими вопросами, и не обращаютъ ни какого вниманія на его образъ мыслей. Но счастію, въ Швецію вовсе нѣтъ политическихъ выходцевъ изъ другихъ странъ. Политическія сужденія Шведовъ относятся болѣе къ мѣстнымъ интересамъ.

На другое утро явился я снова во дворецъ, для осмотра любопытнѣйшихъ для меня вещей, а именно историческихъ древностей. Онѣ помѣщаются въ нѣсколькихъ малыхъ и тѣсныхъ комнатахъ. Коллекція принадлежитъ Академіи Наукъ, Империі Словесности, Исторіи и Древностей. Мнѣ показывалъ кабинетъ смотритель медалей Г. Гиллебрантъ, человѣкъ ученый и любезный, который, примѣтя мою страсть къ древностямъ, охотно отфачалъ на всѣ мои

вопросы. Коллекція началась въ 1666 году, такъ называемыя *Совѣтомъ Древностей*, изъ вещей, найденныхъ въ землѣ Шведской. Въ Швецію есть постановленіе, весьма полезное, въ силу котораго всѣ найденныя древнія монеты, медали и рѣдкія вещи, должны быть представляемы Правительству. Казна платитъ за драгоценный металлъ $12\frac{1}{2}$ процентовъ сверхъ настоящей цѣны, а за рѣдкости по добровольному согласію.

Вещи, принадлежащія къ глубокой древности, суть каменные орудія и оружіе, какъ-то: боевыя сѣкиры и топоры, ножи и скальпели, т. е. ножи особаго рода, для снятія кожи съ волосами, съ головы убитаго непріятели. Этотъ звѣрскій обычай, сохранившійся до нашего времени у дикарей Америки и острововъ Тихаго Океана, существовалъ у Германскихъ племенъ, въ первыя времена ихъ поселенія въ Европѣ. Очевидно, что эти орудія и оружіе принадлежать къ первой эпохѣ водворенія Готовъ, съ Оденомъ, на Скандинавскомъ Полуостровѣ, и къ прежнимъ поселеніямъ этого племени въ Готландѣ. Тутъ же видѣть можно урны и горшки, съ пережженными костями человѣческими, точила, глиняныя чаши и проч. Все это най-

дено въ землѣ. Замѣчательно, что горшки совершенно сходны съ нашими Русскими деревенскими немурованными горшками, и даже имѣютъ тотъ самый цвѣтъ. Послѣ каменнаго оружія Скандинавы, какъ многіе другіе народы, перешли не къ желѣзу, но къ закаленной мѣди или бронзѣ. Первая эпоха образованности обозначается мечами бронзовыми, которые отъ древности покрылись зеленою, составляющею цвѣтъ, такъ называемый *vert antique*. Желѣзнаго древняго оружія гораздо болѣе. Мечи и сѣкиры таковы, что нишѣ сильный человѣкъ едва можетъ двигать ими. Съ особымъ любопытствомъ разсматривалъ я боевыя сѣкиры, составлявшія отличное оружіе Нормановъ и Варяговъ. Это оружіе доказываетъ, что они предпочитали дѣйствіе наступательное, оборонительному, потому что сѣкирою нельзя такъ ловко парировать, какъ мечемъ. Наконечники стрѣлъ и копій, грубой работы. Желѣзъ начальства имѣетъ видъ молотка. У Германовъ и Западныхъ Славянъ долгое время сохранялся обычай, что председательствующій въ собраніи, вмѣсто нинѣшняго колокольчика, употреблялъ молотокъ, которымъ ударилъ по столу, приглашалъ собраніе къ молчанію, и объявлялъ объ открытіи засѣ-

данія. Молотокъ, какъ извѣстно, былъ символъ могущества Тора, главнаго Скандинавскаго божества, послѣ Одена. Какъ великую рѣдкость, показали мнѣ куски сукна и родъ позумента, составленнаго изъ малыхъ дутыхъ пуговицъ, найденныя въ могилѣ, вмѣстѣ съ пережитыми костями человеческими и древнимъ оружіемъ, время предхристіанскихъ. Удивительно, какъ сукно могло сохраниться столько вѣковъ! Правда, что оно теперь походитъ болѣе на колокъ шерсти, нежели на ткань. Удила конскія и стремена вовсе отличнаго вида отъ удилъ и стремень времени рыцарскихъ, слѣдовательно должно предполагать, что принадлежать къ эпохѣ предхристіанства, до набѣговъ Норманскихъ. Весьма любопытны для Русскихъ летописей и у Арабскихъ писателей, какъ о предметахъ, служившихъ для нарядовъ и для торговли у Русскихъ Славянъ. Диадимы изъ золота, высокой пробы, работы Византійской или Арабской. Обручи золотыя и серебряныя, безъ всякой отдыжки, а просто въ видѣ толстой проволоки, согнутой въ большое кольцо (въ объемъ человеческой головы). Обручи разрублены, и чрезъ разрубъ панизано на нихъ множество

мелких золотых или серебряных колец, грубой работы, и проволочных серебряных кружков. Кроме того, на самом обручъ есть зарубы для того, что бы можно было разломать его, на куски. Это металл, въ видѣ товара или то же, что деньги, т. е. металл на всѣх. Для такого же употребленія были и дини серебряныя, которыя разрубали по звеньямъ или по нѣскольку звеньевъ вмѣстѣ. Сверхъ того есть куски золота и серебра, безъ всякой формы, ходившіе вмѣсто монеты. Тутъ есть рѣдкое собраніе серебряныхъ обручей и поручевъ или браслетовъ для пощенія на головѣ и на рукахъ, а не для торговли. Эти вещи уже отличаются отъ дѣлаю. Есть тутъ бисеръ изъ стекла, каменной и янтари и серебряные нагрудники и записки, на обѣ женскія груди. Отдѣлка изящная. Золотые и серебряные перстни точно такого вида, какіе дѣлають нынѣ въ Россіи, для крестьянъ, т. е. длинная бляха, покрывающая палецъ; есть также нѣсколько колецъ изъ проволоки, въ видѣ веревки. Такия кольца были въ модѣ, аа нѣсколько лѣтъ предъ симъ. Обручи, бисеръ, записки и нагрудники составляли убранство женщ Славянскихъ въ древнѣйшія времена и покудались или въ Царьградѣ

или въ Вугарахъ. Скандинавы получали эти вещи явно отсюда же, а часто доставали грабежѣмъ, въ земляхъ Славянскихъ. Теперь и имѣю полное понятіе о металлическихъ украшеніяхъ женщ Славянскихъ и о формѣ явныхъ металловъ на Сѣверѣ вообще. Здѣсь я нашелъ поясненіе Нестора и Ибнъ-Фосллана. Изъ древностей чисто Скандинавскихъ, замѣчательно большое золотое кольцо, которое жредъ обматывалъ въ кровь жертвы, и носилъ давалъ держать тому, кто присягалъ или клялся именемъ боговъ. Золотыя гривны, или медали времени языческихъ или при началѣ Христіанства, издѣлки отъ дѣлки, вѣроятно Византійской. Весьма замѣчательна небольшая золотая медаль, съ изображеніемъ головы Одена, и съ руническою надписью крутомъ. Нѣсколько руническихъ календарей или жезловъ, съ руническими надписями, также хранятся здѣсь. Вообще это самая любопытная часть музея, для любителя Исторіи. У насъ, въ Россіи нѣтъ такого богатства въ этомъ родѣ, т. е. вещей, оружія и орудій изъ эпохи язычества. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тѣ же формы украшеній и оружія, какія видѣлы и здѣсь, существовали въ землѣ Славянской, и получа-

лись из одного источника, но можно даже смело предполагать, что многие из этих вещей, занесены в Скандинавию из земель Славянских. Замечательно, что на многих одинаковых вещах клеймы не одинаковы. Быть может, тут есть клейма Новгорода и Киева, но мы не можем теперь разбирать этих рунов. Если бы посидеть над этими, подумать да сравнить, то, может быть, успели бы отличить клеймо Славянское от Скандинавского или других клейм. Но на это надобно время, а у меня его теперь немного.

Вещей любопытных по отдаленности, по виду или потому, что они принадлежали историческим лицам, весьма много в этой группе. Вещи должно разбить, хронологически, на три разряда, а именно: вещи, принадлежащие к эпохе язычества, к времени рыцарства, или от XIII вѣка до Густава Ваза, т. е. XVI вѣка, и от Густава Вазы до конца XVIII вѣка. Самый любопытный разряд для любителя Истории, особенно Русской, есть, как я уже сказал, разряд вещей из эпохи языческой, по сходству, или правильнее, по тождеству орудий, металлических украшений и металла, замѣнявшего монету, с такими же вещами,

бывшими в употреблении у Русских Славян, при первом водворении Руссов в Новгородъ и Киевъ. Такой богатой коллекции, отчасти даже древней Исторіи Сѣвера, нѣтъ въ цѣломъ мірѣ.

На прочія вещи укажу я вамъ въ такомъ порядкѣ, какъ я ихъ видѣлъ, избирая самое замѣчательное. Вотъ онѣ: старинной формы шпоры XI или XII вѣка, чрезвычайно длинныя, съ колокольчикомъ на концѣхъ. Кольчуга XVI вѣка, раззолоченная. Тяжелый плащъ съ забраломъ, должно быть XIII или XIV вѣка. Самодель Финновъ, XVII вѣка, превосходной работы, съ пружиною для натягиванія тетивы. Самодель, принадлежавшій Густаву Ваазу. Соломенная шляпа женская. XV вѣка, точно такой формы, какъ носятъ въ наше время. Серебряная печать правителя Швеціи, Стена Стуре. Дворинская, или гербовая печать Густава Вазы. Деревянный жезель начальства, съ подозornoю трубою, который носилъ въ рукахъ Густавъ Адольфъ, во время Люцернской битвы. Молитвенникъ, Нѣмецкій, въ богатой оправѣ, принадлежавшій Королеву Христинѣ. Дѣль золотой цѣпи, съ трапатами и Шведскими кресталомъ, ордена Іеговы, который намѣревался урядить

Густавъ Ваза. Въ кристалловомъ солнцѣ находится Еврейская надпись, имени Иеговы. Одна цѣпь украшена колосьями изъ эмали (гербъ Вазы). Звѣзда кавалерская также изъ четырехъ эмалированныхъ колосьевъ. Цѣлая коллекція драгоценныхъ игрушекъ, принадлежавшихъ Шведскимъ Королямъ и Королевамъ, во время ихъ младенчества. Большіе золотые часы, съ яблокомъ, подаренные Карлу XII Ангальскимъ Королю: вокругъ часовъ изображены, на эмали, гербы всѣхъ Шведскихъ провинцій. На циферблатѣ вензель Карла XII съ надписью: *vigeat, floreat, triumphet*. Часы идутъ понынѣ. Пуля, найденная въ галстухѣ Карла XII, послѣ сраженія подъ Нарвою. Локонь волосъ Карла XII; волосы свѣтлорусые или, лучше сказать, бѣлые. Волчій зубъ, съ золотой грешкой, который даютъ дѣтямъ во время прорѣзыванія зубовъ. Эта игрушка принадлежала Карлу XII. Шена, называемая изъ просторчій, сорочкой (рубашкой), въ которой родился Карлъ XII. Нѣсколько серебряныхъ и одинъ золотой аграфъ, съ драгоцѣнными камнями, (*Fibulae*), составлявшіе часть украшеній католическихъ Епископовъ, въ XVI вѣкѣ. Вещи эти найдены въ водѣ, въ 1827 году, при Моталѣ. Длинная трость Густава

Вазы, изъ гвоздичнаго дерева, съ серебряными набалдашникомъ и гербомъ Вазы. Кусокъ жѣлѣзной рѣшетки, который отрѣзали Эрикъ XIV, стекломъ, во время заключенія его въ Стокгольмскомъ замкѣ. Два серебряные бокала, изъ которыхъ одинъ изображаетъ сферу земную, а другой небесную, подаренные городомъ Ниренбергомъ Густаву Вазѣ, во время Тридцатилѣтней Войны. Мечъ, подаренный Густаву Адольфу изъ Швеціи, съ руническими календаремъ на ножнахъ. Портреты Густава Адольфа (миниатюрный) въ богатой оправѣ. Миниатюрные портреты всѣхъ Королей, отъ Густава Адольфа Великаго, до Фридриха, а также портреты Густава III, Карла XIII, и многихъ родственниковъ Королей Шведскихъ. Кромѣ того, здѣсь находится множество драгоцѣнныхъ церковныхъ сосудовъ, распятій и другихъ принадлежностей католическаго богослуженія, изъ времени Стена Стуре, или полученныхъ въ добычу въ Тридцатилѣтнюю Войну. Всѣ лучшіе и богатѣйшіе золотые вещи, съ драгоцѣнными камнями, старинной работы — суть военная добыча этой эпохи. Любопытно собраніе монетъ Арабскихъ, весьма хорошо сохранившихся. Онѣ найдены въ Швеціи, въ землѣ. Нѣкоторые изъ

войств разбаваны — это значит, что онъ былъ въ ходу на Сѣверѣ.

Изъ этого кабинета древностей, перешелъ и въ такъ называемый *Королевскій гардеробъ*, въ которомъ хранятся одежда и вещи, служившія къ употребленію Королей. Здѣсь достойны вниманія: серебряный тронъ Королей Шведскихъ, на которомъ они коронуются и открываютъ сеймы. Серебряная богатая купаль, въ которой крестилъ Карла XII. Деревянная раззолоченная колыбель сего же Государя. Колясочка, въ которой его возили, когда онъ былъ младенцемъ. Русскіе образа: Николай Чудотворца въ серебряномъ окладѣ, и Христа Спасителя — безъ оклада. Это вѣрно добыча Де-ла-Гарди, въ Новѣгородѣ. Серебряный фельдмаршальскій жезлъ Густава Адольфа, который онъ употребилъ въ Тридцатилѣтнюю Войну. Окровавленная простыня, которою обвернуто было тѣло Густава Адольфа, когда его принесли мертвого съ поля сраженія. Шляпа Карла XII, въ которой онъ былъ убитъ. На шляпѣ отверстіе, сдѣланное пулей. Окровавленные перчатки, мундиръ толстаго, свѣтосіянаго сукна, сапоги, словомъ весь нарядъ, въ послѣдній день жизни соперника Петра Великаго. Платье Густава Адольфа

также изъ толстаго сукна. Нѣсколько паръ платья Густава Вазы, изъ которыхъ одна пара, изъ чернаго сукна, превосходно сохранилась. Покрой таковъ, какъ изображаются на картинахъ Теньера бургомистры Среднихъ Вѣковъ. Полный маскарадный нарядъ (Испанскій костюмъ, изъ бѣлаго атласа), шляпа, съ бѣлымъ плюмажемъ, съ распущенными полями, и маска, Густава III. Въ этомъ нарядѣ былъ онъ убитъ людьми Анкаринтрёмъ. И едва могъ удержаться отъ слезъ, смотря на окровавленную рубашку моего любимаго Короля! Тутъ же хранится кинжалъ, съ пружиною, которымъ католическій монахъ хотѣлъ убить Густава Адольфа, во время Тридцатилѣтней Войны. Въ особомъ шкафѣ хранится богатая голубая ливрея, съ серебромъ, которую приказалъ сшить Густавъ Адольфъ IV для своей прислуги, когда сватался на Русской Великой Княгинѣ.

Серебра, драгоценныхъ конскихъ приборъ, болѣею частью добычи Тридцатилѣтней Войны, здѣсь множество. Изъ дорогихъ вещей замѣчательны богатая туалетная шкатулка, подаренная Густаву III Королемъ Датскимъ, и прекрасная туалетная шкатулка Королевы Ульрики Элеоноры.

При взгляде на каждый предмет, припоминать и о важнейших случаях в жизни лиц, которым принадлежали виденные мною вещи. Эти люди, которые ныне не существуют, имели влияние на судьбу многих миллионов своих сограждан: теперь они пред судом Истории!

После обеда я ехал с А. А. Даволюсом, въ наемной коляске, за городъ. Съ сѣверной стороны возлѣ города находится сосновый лѣсъ, и я удивился, что въ такомъ близкомъ разстояніи отъ столицы, въ которой дрова довольно дороги, лѣсъ сохраняется неприкосновеннымъ. Я не замѣтилъ ни одного срубленнаго дерева! Доказательство нравственности народа! На лѣвой сторонѣ дороги пашни. Почва хорошая и превосходно удобренная. Верстахъ съ семи отъ столицы, мы не замѣчаемъ близости ея. Провинціалы въ полной своей силѣ. Мы заѣхали въ замокъ Ульриксдалъ, въ трехъ четвертяхъ мили отъ Стокгольма. Тутъ снова ожилъ воспоминанія о близости столицы! Замокъ основанъ Сенаторомъ Яковомъ Де-ла-Гарди, въ 1644 году и назывался Якобсдалемъ, а у фамилиі Де-ла-Гарди купилъ его, во время своего вдовства Королева Гедвиги Элеоноры. Последняя цар-

ственная особа, проживавшая здѣсь, была Королева Софія Магдаліна, скончавшаяся въ 1815 году. После того, замокъ отданъ инвалидамъ. Ихъ здѣсь восемьдесятъ человѣкъ, на казенномъ содержаніи. Красивой архитектуры зданіе находится на берегу залива, а напротивъ, чрезъ дорогу, превосходный садъ, съ прямыми аллеями и оранжереями. Садъ содержится очень хорошо, и цвѣтовъ въ немъ множество. Въ одномъ изъ навѣсныхъ устроены арсеналъ, въ которомъ хранятся Шведскіе трофеи, но я не видалъ ихъ, потому что теперь производится опись вещей и дѣлается новое устройство въ арсеналѣ. Миѣ сказывали, что здѣсь хранятся, между прочими вещами, шлага Герцога де-Крон, командовавшаго неудачно Русскими войсками, подъ Нарвою.

Изъ Ульриксдала проѣхали мы въ Гагу, королевскую дачу, построенную Густавомъ III, въ самомъ романтическомъ мѣстоположеніи, на берегу Брунсвикена. Густавъ намѣревался воздвигнуть здѣсь великолѣпный замокъ, но не успѣлъ. Навѣионъ, въ которомъ онъ проживалъ, весьма малъ. Главный корпусъ (corps de logis) въ фасадѣ имѣетъ только три окна и крошечнаго жилья (rez-de-chaussée) бѣл-

этажъ и антресоль. Въ пирипу зданія помещается только пять оконъ. Къ бокамъ главнаго зданія пристроены, въ одно жилае, галереи или залы. Крыша плоская, Итальянская. Зданіе хотя жилищнаго, но прелестной архитектуры. Конюшни построены въ видѣ огромной палатки, или шатра. Видъ оригинальный! Густавъ III весьма любилъ это мѣсто, часто проживалъ въ Гагъ, и самъ занимался устройствомъ Английскаго парка. Пруды, каналы, очистка болотъ и лѣса сдѣланы Русскими илѣнными. Въ паркѣ находятся природныя горы и огромныя гранитныя скалы. Подъ одной изъ нихъ Густавъ III началъ дѣлать тоннель, или подземный путь, но онъ не конченъ. Деревья превосходныя, и просѣки въ лѣсу сдѣланы такъ искусно, что со всѣхъ сторонъ открыты прелестныя ландшафты. Паркъ и дорожки содержатся отлично. Въ это лѣто живегъ здѣсь Королева, и мы встрѣтили Ея Величество въ паркѣ, съ одною только придворною дамою. Вообще Гага есть одно изъ самыхъ очаровательныхъ мѣстъ, въ прелестныхъ окрестностяхъ Стокгольма.

Возвращаясь въ городъ, мы заѣхали на уединенное кладбище, возлѣ старинной церкви, поклониться праху знаменитаго въ современной

Русской Исторіи мужа, Графа Петра Корнилевича Сухтелена. Бывъ около тридцати лѣтъ Русскимъ Посланникомъ въ Швецію, онъ спускалъ себѣ уваженіе, любовь и довѣренность Шведскаго народа. Доля его была мѣстомъ свиданія не только всего высшаго сословія, но всѣхъ отличныхъ художниковъ и литераторовъ, и вообще людей, чѣмъ либо отличныхъ въ обществѣ. Посвятивъ долговременную жизнь свою на собраніе рѣдкихъ историческихъ рукописей и лучшихъ книгъ, по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ познаній, Графъ П. К. Сухтеленъ, при концѣ своего земнаго поприща, обладалъ весьма богатою библіотекою, которая была открыта для всѣхъ любителей наукъ.

И самъ пользовался библіотекою, при историческихъ своихъ трудахъ. По первой просьбѣ моей, ученый мужъ, прислалъ мнѣ, изъ Стокгольма, цѣлыя книги рукописей, чрезъ достойнаго сына своего, Графа Павла Петровича, которая преждевременную кончину оплакиваютъ всѣ честные и благородные люди въ Россіи. Графъ Петръ Корнилевичъ оказалъ Россіи великія услуги, образовавъ въ началѣ инженерную часть, а военными практическими своими познаніями много содѣйствовать успѣхамъ въ войнахъ,

веденных Россію въ теченіе царствованія Императора Александра Благословеннаго, Особенно многихъ обязаны мудрымъ его соображеніямъ при покореніи Финляндіи. Графъ Петръ Корниліевичъ Сухтеленъ былъ истинно добродѣтельный мужъ, мудрецъ, въ полномъ значеніи слова! Такихъ людей не много во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ! Скрюпность его и добродушіе равнялись великимъ его заслугамъ и познаніямъ. Покойный сынъ его, Графъ Павелъ Петровичъ, вѣщалъ въ благородной душѣ своей всѣ добродѣтели своего родителя, и отличался тою же скромностію и тою же ангельскою добротою. Имена знаменитаго отца и достойнаго его сына суть принадлежность Исторіи, а жизнь ихъ должна служить примѣромъ для каждаго, вступающаго на поприще государственной службы! Надгробный памятникъ Графа Петра Корниліевича Сухтелена состоитъ изъ обломка дикаго, плоскаго, необдѣланнаго гранита, утвержденнаго стоймя, на такомъ же pedestаль. На плоскомъ обломкѣ начертаны, золотыми буквами, имя и званіе усопшаго. Простота памятника соотвѣтствуетъ характеру великаго мужа! Мысль цингическая! На этомъ же кладбищѣ похоронен прахъ юнаго Спафарьева, о которомъ я гово-

рилъ выше. Родители воздвигли памятникъ на его могилѣ. Я сорвалъ нѣсколько цвѣтѣвъ съ земли, покрывающей смертные останки благороднаго душою, Русскаго юноши, и отломилъ вѣтвь съ дерева, наклонившагося надъ могилою, чтобъ отвезти это въ память неутѣшному семенству покойнаго. Грустные и унылые, возвратились мы въ городъ.

VI.

Государственный Архивъ Швеции. — Приятное знакомство съ архивариусомъ русскимъ абригированномъ. — Очеркъ современной Шведской литературы и журналистики. — Эпоха Чельмерса и Акселада. — Визитъ къ архивовану Густава III (1786—1809 года). — Чельмерс. — Густавъ III. — Бельманъ. — Галльманъ. — Графъ Оксеншерна. — Баронъ Адлербергъ. — Лейбергъ. — Линдбергъ. — Г-жа Ленгренъ. — Графъ Эренсбергъ. — Турнелль. — Акселада. — Роозенштейнъ. — Графъ Шкардербрандъ. — Транкрь. — Корейсъ. — Валериусъ. — Характеръ Густавовой эпохи. — Эпоха Романтизма, названнаго въ Швеции: романтизмомъ, и современная литература. — Гейеръ. — Литературныя общества и журналы. — Атервумъ. — Акселада. — Палмпладъ. — Гаммершанъ. — Валмаркъ. — Баронъ Бринкманъ. — Лингъ. — Гейеръ — Арндссонъ. — Г-жа Нивергъ. — Графъ Стремъ. — Форселъ. — Фалькрандъ. — Даллбергъ. — Станнелюсъ. — Виталисъ или Швергъ. — Веконъ. — Никандеръ. — Бетигеръ. — Рюккбергъ. — Дания Бренеръ. — Спарре. — Франкенъ. — Валлинъ. — Тегнеръ. — Историкъ: Эрикъ Олай. — Лаврентій Петри. — Рудбекъ. — Верелюсъ. — Шефферъ. — Нерингшальдъ. — Гадорфъ. — Вилдъ. — Даллинъ. — Латерврингъ. — Гейеръ. — Фрикскаль. — Стрингелльмъ. — Галленбергъ. — Гринкбергъ. — Норджъ. — Андалбергъ. — Историческія матеріалы. — Современные журналы и газеты.

Сего дня утромъ посѣтилъ я Государственный Архивъ, помѣщающійся во дворцѣ, въ

столь же тихихъ и низкихъ комнатахъ, какъ и тѣ, въ которыхъ сложены древности. Жаль, что столица Швеции не имѣетъ для этихъ драгоценностей такого прекраснаго помѣщенія, какъ для королевскаго собранія книгъ! Сбитые въ кучу рѣдкія вещи и государственныя акты, не только лишаютъ возможности любителей разсматривать ихъ и пользоваться ими на просторъ, но и затрудняютъ смотрителей и посѣтителей. Кромѣ того, при щегольскомъ и удобномъ размѣщеніи драгоценностей, онѣ много бы выиграли въ глазахъ народа. Теперь Шведскіе музеи похожи на кладовыя!

Въ Государственномъ Архивѣ познакомился я съ Г. Ерта (Jaerta), мужемъ ученымъ, знатокомъ древностей своего отечества, который написалъ нѣсколько хорошихъ сочиненій о законодательствѣ и исторіи его, въ Швеции. Г. Ерта занимаетъ важную должность въ Государственномъ Архивѣ. Само по себѣ разумеется, что мнѣ не возможно было заняться разсматриваніемъ архивныхъ бумагъ, и я хо-

Это не тотъ Ерта, который издаетъ оппозиционную газету Aftonblad, и въ случаѣ необходи-

тѣмъ только узнать, что здѣсь находится болѣе любопытнаго. Архивныя бумаги распределены хронологически, въ большихъ связкахъ или тетрадахъ. Теперь занимаются приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ бумагъ и раздѣленіемъ актовъ по годамъ и по роду дѣлъ. Казалось бы, что слѣдовало передать всѣ эти связки и тетради, чтобъ вѣрнѣе сохранить ихъ отъ утраты. Всѣ государственныя бумаги до Христиана II, не существуютъ. Этотъ врагъ Швеція увезъ съ собою, въ Данію, весь Государственный Архивъ, и, какъ полагають, бросить бумаги въ море, потому что въ Даніи не осталось ни какихъ слѣдовъ. Потеря важная, а женеіе гнусное! Вѣроятно тутъ были акты, касавшіеся до Россіи и до торговли Скандинавскаго полуострова съ Новгородомъ и Псковомъ. Теперь въ Архивѣ хранятся акты, т. е. Королевскіе указы, или такъ называемые ордонансы (Ordonansen), протоколы Сената и важнѣйшихъ присутственныхъ мѣстъ и временныхъ комиссій, со времени Густава Вазы, до нашего времени. Въ этихъ бумагахъ есть весьма много важнаго для Исторіи Швеція и Европы, если возьмемъ только эпоху реформаций, царствованіе Карла IX и X, Тридцатилѣтнюю Вой-

ну и войны Карла XII. Акты сеймовъ Шведскихъ хранятся особо, въ Архивѣ дворянскаго дома.

Сего дня обѣдалъ я у Австрійскаго Посланника, Графа Войны. Фамилія Война есть древняя Русская, принадлежащая къ дворянству Княжества Мстиславскаго. Но присоединеніи сей части древней Восточной Руси къ Великому Княжеству Литовскому, а потомъ къ Польшѣ, древнее Русское дворянство обитирной страны, названной *бжлою*, т. е. *свободною* (разумѣется, отъ Татарскаго ига) Россією, приняло Польскіе обычаи, а въ послѣдствіи и Католическую Вѣру, и сдѣлось съ Польскимъ дворянствомъ. Фамилія Война была, издревле, знатная и богатая, въ странѣ, омываемой Днѣпромъ и Сожью. Это знаю я по фамиліальнымъ бумагамъ, потому что предки мои были въ родствѣ съ Войнами. Фамилія Война высѣлилась, въ прошломъ столѣтіи, въ Галицію, но въ древнемъ Мстиславскомъ Княжествѣ осталась ихъ нѣмалая на землѣ, въ названіи имѣнія, которое, по странному стеченію обстоятельствъ, перешло, наследственнымъ порядкомъ въ родственную линію Войновъ, и часть этого имѣнія, съ прозваніемъ древнихъ его владѣтелей, принадле-

жить теперь мнѣ. * Эти обстоятельства сблизили меня съ почтеннымъ Графомъ Войною, который сперва принялъ меня только, какъ истинный любитель просвѣщенія принимаетъ литератора. Графъ Война находится въ Швеции, всегда въ дипломатическомъ авани, болѣе двадцати лѣтъ, говорить превосходно по-Шведски, знаетъ Шведскую литературу, и любимъ, уважаемъ здѣсь немцами. Домъ его меблированъ Шведскими мастеровыми, и я удивлялся красоте мебели, сдѣланныхъ въ Швеции. Онъ не уступать ни въ чемъ работѣ Тура и Гамбса, двухъ первыхъ мастеровъ въ Петербургѣ. Стѣны графскихъ комнатъ украшены видами Швеции и другими картинами, произведеніями Шведскихъ художниковъ. Честно и благородно покровительствовать художества и вообще искусства той страны, гдѣ живешь! — Здѣсь познакомился я съ принадлежащимъ къ Австрійскому Посольству Графомъ Угарте, который путешествовалъ въ Англію изъ Петербурга, съ другомъ моимъ, Н. Н. Грецемъ, и жилъ съ ними въ Лондонѣ, въ одномъ трактирѣ. Но особенному слу-

* Война въ Мстиславскомъ уѣздѣ, Могилевской Губерніи.

чаю, и живу въ Стокгольмѣ также въ одномъ домѣ съ Графомъ Угарте! Графъ Война высказалъ, на дѣлахъ въ Австрію, на цѣлый годъ, для поправленія разстроеннаго здоровья, и Графъ Угарте будетъ занимать мѣсто Повѣреннаго въ дѣлахъ. Удивительно, съ какими тѣніемъ Австрійское Правительство выбираетъ своихъ дипломатическихъ миссионеровъ! Въ цѣлой Европѣ они отличаются скромностью, образованностью, порядочностью и искусствомъ уживаться съ людьми. Не было примѣра, чтобы Австрійскій дипломатъ нарушилъ гдѣ либо приличіе, презиралъ обычаями чужаго народа, и возбуждалъ ненависть высокопоставленнаго.

Сегодня должно было быть народное празднество въ звѣриницѣ, въ честь Вельмана, которое бываетъ ежегодно 14 Іюля, въ день сооруженія памятника народному поэту. Вся столица собирается въ паркъ. Народъ поетъ дѣсны Вельмана, и воспоминаетъ объ немъ за задравной чашей. Въ этомъ году торжество отложено, по причинѣ бывшихъ безпокойствъ въ столицѣ, и я лишился удовольствія видѣть единственное въ мірѣ зрѣлище, празднество литературное, въ которомъ участвуетъ весь народъ!

Но самое это обстоятельство расположило меня къ размышленію и бесѣдѣ о литературѣ. Все что мнѣ было извѣстно и Шведской Литературѣ, изъ Нѣмецкихъ и Французскихъ журналовъ и нѣкоторыхъ путешествій, не удовлетворяло вполнѣ моего любопытства, потому что не представляло одного цѣлаго. Новый другъ мой, Г. Баръ, молодой литераторъ съ умомъ, образованнымъ классически, съ извѣстными вкусомъ, навѣстилъ меня сегодня вечеромъ, и мы разговорились съ нимъ о Литературѣ Шведской или правильнѣе объ Изящной Словесности. Она родилась въ Швецію почти въ одно время, какъ и у насъ, въ Россіи, т. е. въ царствованіе Густава III. Екатерина Великая открыла и возлелѣла Изящную Словесность въ Россіи, участвуя въ Словесности собственными трудами и царскимъ покровительствомъ, а Густавъ III то же сдѣлалъ въ Швецію. Школьная ученость и Европейская образованность проникли въ Швецію въ одно время съ возрожденіемъ наукъ и художествъ въ западной Европѣ, но духъ фанатизма, во прежна католическія, и мистическій педантизмъ первыхъ временъ реформаци, господствовавшій въ Швеціи съ удивительною силою до Густава III, препятствовали развитію

Словесности. Для суровыхъ протестантскихъ нравовъ, занятіе Изящною Словесностію казалось дѣломъ мелочнымъ и недостойнымъ мужа, который свободное время отъ трудовъ физическихъ долженъ посвящать размышленію о Богѣ и будущей жизни. Уничтоживъ монастыри, протестанты ввели суровость монастырскихъ нравовъ въ частную жизнь, и для лицесѣровъ и святошей открылось обширное поприще. Воображеніе довольствовалось вымыслами мистическа и не только въ Швеціи, но и въ Германіи и въ Англіи вѣрили Сведенборгу, будто онъ переносится изъ одной планеты въ другую, и бесѣдуетъ съ духами. Дѣятельность ума людей возвышенныхъ, обращена была на положительныя науки, а интимическое чувство услаждалось преданіями старины. Восемнадцатый вѣкъ очистилъ этотъ туманъ, закрывавшій изящное, и Словесность развивалась у всѣхъ народовъ, какъ проавіеніе весною. На Шведскомъ престолѣ возсѣлъ необыкновенный человекъ, во всѣхъ отношеніяхъ, Густавъ III. Будучи одаренъ прелестною наружностію, умомъ глубокимъ, проникательнымъ и вѣдѣть итывымъ, душою пламенною и изящнымъ вкусомъ, Густавъ III вознамерился преобразовать свое оте-

чество въ политическомъ и умственномъ отношеніяхъ. Правленіе въ Швеціи было тогда самое несчастное. Аристократія имѣла слишкомъ сильное вліяніе на дѣла политическія и имѣла того, чтобъ служить подпорою власти, оскорбляла Государей своими интригами и преступными связями съ иностранными державами. Это было почти то же, что въ бывшей Польшѣ. Густавъ III замыслилъ уничтожить вредную власть Аристократіи, и раздѣлить участіе въ дѣлахъ между всеми сословіями. Этимъ вооружилъ онъ противу себя дворянство, и прива-завъ къ себѣ среднее сословіе. Вражда Аристократіи къ Густаву III поставила преграды всѣмъ его начинаніямъ, но онъ мужественно шествовалъ къ своей цѣли, которая клонилась къ тому, чтобъ возвысить Швецію силою престола, и разлитъ повсемѣстно просвѣщеніе и любовь къ изящному. Что была Швеція до Густава III, можете видѣть на каждомъ шагѣ! Все, что только есть изящнаго въ Швеціи, здания, памятники, музеи, академіи, ученый общества все это создано Густавомъ III или сдѣлано по его внушенію. Онъ любилъ литераторовъ и художниковъ, окружилъ себя любителями просвѣщенія и людьми даровитыми, и

въ ихъ бесѣдѣ находилъ усажденіе отъ тягостей управленія и борьбы съ гордою Аристократіею. Подъ мощнымъ покровительствомъ Густава III, родилась въ Швеціи Изыщная Словесность, возникло драматическое искусство и разцвѣли художества. Народъ принялъ формы Европейской утонченности, сбросивъ съ себя покровъ грубости временъ реформациа. Всѣ люди съ умомъ и чувствомъ обожали Густава III, но нѣкоторые аристократы, лишенные власти и средства получать подарки отъ иностранныхъ дворовъ, не дали Густаву III кончить всѣхъ его намѣреній. Отравляя жизнь его гнусною клеветою, они наконецъ умертвили его, всенародно. Злодѣй Анхиритрѣмъ, котораго имя столь же омерзительно, какъ Равальяка, выстрѣлилъ въ него въ маскарадѣ, изъ пистолета, и Густава III — не стало! Его предупредили, просили не ѣздить въ маскарадъ, потому что уже носились слухи о заговорѣ, но мужественный Густавъ презрѣлъ опасность, и по чувству высокой души, не могъ вѣрить въ гнусную измѣну. Злоба аристократіи не подала въ теченіе пятидесяти лѣтъ послѣ его смерти, и до сихъ поръ еще гнусная клевета, какъ молъ грызеть блистательное имя добраго,

благородного покровителя наук, литературы и художеств. И назову Густава III истинным отцом отечества, потому что он хотѣлъ исторгнуть его изъ когтей хищной партіи, а гдѣ господствуютъ партіи, тамъ всегда угрожаетъ гибель отечеству! Власть должна быть на престолѣ; вокругъ престола можетъ быть только совѣтъ. Власть внѣ престола просто безсмыслица. Швеція и бывшая Польша доказали это на дѣлѣ, и теперь, въ нѣкоторыхъ странахъ, видимъ жалкое доказательство этой истины!

Теперь взглянемъ, любезные друзья, на ходъ и современное состояніе Шведской Литературы, отъ возрожденія ея, до нашего времени. Этого вы не найдете въ книгахъ, и я поочерноуъ это не изъ книгъ, а въ бесѣдѣ съ моими просвѣщеннымъ другомъ, Г. Баромъ. Только числа повѣрены въ книгахъ, а духъ и мысли принадлежать Г. Бару, и отчасти мнѣ. Послѣ того я повѣрялъ въ бесѣдѣ другихъ просвѣщенныхъ литераторовъ написанное мною по словамъ Г. Бара, и нашелъ, что все справедливо. Представляю вамъ очеркъ Литературы въ самомъ краткомъ объемѣ, и такъ разумеется, здѣсь говорится только о томъ, что имѣло вліяніе на ходъ ея и успѣхи. Слушайте!

Эпоха Чельгрена и Леополида. Вліяніе царствованія Густава III. (1786 — 1809 годы).

Къ этой эпохѣ должно отнести начало движенія Изящной Словесности въ Швецію. Хотя это движеніе не только не достигло настоящей дѣли, но болѣе и болѣе отдалялось отъ нея, при всемъ томъ, оно имѣло большое вліяніе на читающую публику. Шернигельмъ * (ум. въ 1672 г.) второй Прометей, возжегъ первую искру жизни въ Шведской поэзіи. Послѣ него идетъ длинный рядъ стиходѣлателей. У большей части изъ нихъ едва замѣтно слабое дарованіе. Далинь, поэтъ холодный, острякъ, человекъ умный, любезный и занимательный, писалъ Исторію, какъ сказку, безъ критики и сужденія. Какъ поэтъ онъ отличается хорошими стихами. Поэзія его была только «фейерверкомъ у престола Луизы Ульрики», какъ характеризовалъ ее Фраппенъ.

Съ Чельгреномъ начинается новый порядокъ вещей: къ несчастію, современники слишкомъ любили его, а потомки не опредѣляли его до-

* Въ Англии эта фамилія произносится какъ пишется: Штернигельмъ (Stjernhielm), т. е. неправильно, по Нидерландскому произношенію.

стоянствъ. Обыкновенно раздѣляютъ время отъ Чельгрена до Леопольда на двѣ различныя эпохи: это несправедливо, потому что скорѣе надобно соединить ихъ, подъ общій названіемъ: *Эпоха Густава III*. Королю сему, котораго одни обижаютъ въ Швеціи, а другіе подвергаютъ тиушной клеветѣ, Шведскій языкъ и Литература обязаны, по большей части, той воздѣланностью, которою они теперь отличаются. Подобно Францену и Гейеру, Аттербуму и Тегнеру, Густавъ III, какъ писатель, имѣлъ вліяніе на языкъ и на Литературу, а кромѣ того, какъ Король дѣйствовалъ на нихъ своими постановленіями, истинно отеческою попечительностію объ изящныхъ искусствахъ и ободреніемъ. Въ 1786 году, онъ положилъ основаніе Шведской Академіи, имѣвшей чрезвычайно важное вліяніе на Шведскую Литературу. Это вліяніе нынѣ вовсе прекратилось. Въ этомъ виновата не Академія, а основатель ея, который ошибся, желая сдѣлать изъ нее, въ подражаніе Французской Академіи, заведеніе политическое и вмѣстѣ литературное. Впрочемъ Швеція обязана ей многими замѣчательными писателями, и неоспоримо, что она много содѣйствовала къ обработкѣ и совершенствованію языка.

Общій характеръ этой эпохи состоитъ въ слѣдующемъ воззрѣніи на поэзію. Поэзія, выраженіе образованности народа, имѣть и душа его, ограничивалась, въ это время, искусствомъ писать *хорошіе стихи*. Французы подражали, по своему, древнимъ: чтобы сдѣлать-ся хорошимъ Шведскимъ поэтомъ надлежало подражать хорошо Французамъ! Даже языкъ потерпѣлъ отъ того: галлцизмы наполнили сочиненія, такъ называемыхъ, классическихъ писателей. Это было вездѣ, не въ одной Швеціи, это характеръ вѣка. Густавъ III былъ человекъ умный, начитанный, но онъ не умѣлъ правильно писать на природномъ языкѣ. Если его очерки были писаны по-Французски, что обыкновенно случалось, то другому надобно было переводить ихъ, а если Густавъ III писалъ по-Шведски, то его сочиненія непременно надлежало поправить, кому нибудь изъ грамматиковъ. Растанутый и надутый слогъ Французскаго ритора Томаса служилъ образцемъ для Шведскаго краснорѣчія! Объ идеяхъ, глубокихъ и важныхъ мысляхъ тогда мало заботились, равно какъ о ясности и точности изложенія; всѣ довольствовались красивыми фразами, удачными антитезами и округленными періодами, называя это

почетнымъ именемъ *високаго* слога. Опять тоже, что было и отчасти есть у насъ, въ Россіи!

Чельгрень составляетъ исключеніе. Природа создала его поэтомъ, хотя ложный вкусъ того времени, часто совращалъ его съ надлежащаго пути. Пылокое воображеніе и богатый вымыселъ характеризуютъ тѣ изъ его поэмъ, которыя писаны имъ по вдохновенію. Онъ дѣлалъ опыты во многихъ родахъ. «*Густавъ-Ваза*,» лирическая трагедія, по плану Короля, есть образцовое произведеніе, по исполненію. Прекрасные стихи, любовь къ отчизнѣ и глубокое уваженіе къ ея великимъ воспоминаніямъ, господствуютъ повсюду, и никогда ни одно драматическое твореніе не было такъ принято народомъ. «*Королева Христина*,» драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, тоже исполненная по плану Короля, не заслуживаетъ вниманія, равно какъ и лирическая трагедія: «*Эйя въ Кароленъ*.» Лирическая драма: «*Густавъ Адольфъ и Еваа Браге*» отличается многими достоинствами. Впрочемъ завязка принадлежитъ также Густаву III: Чельгрень только переложилъ въ стихи рукопись Короля. Въ числѣ лирическихъ произведеній Чельгрена, первое мѣсто занимаетъ: «*Новое твореніе или мѣро воображеній*;» «*Къ Фридрихъ*;

«*Къ Софіи*;» «*Къ Розалин*», равно какъ прекрасное, истинно поэтическое твореніе, извѣстное подъ названіемъ: «*Сожаленіе*.» Въ сатирахъ Чельгрена блистаетъ умъ; между ними должно замѣтить сатиры: «*Враги просвѣщенія*» особенно: «*Новый опытъ поэзіи безъ рифмъ*» и «*Не на то геній, чтобы быть слупцежъ*.» Двѣ послѣднія сатиры заключаютъ въ себѣ весь образъ мыслей автора на счетъ Литературы и поэзіи. Изъ новыхъ Литературъ Чельгрень зналъ только Французскую. Тогдашнюю Нѣмецкую Литературу онъ презиралъ въ высшей степени, почиталъ ее безсмысленною. По его мнѣнію, Шекспиръ былъ дикарь, котораго надобно было связать, а Потерянный Рай Мильтона напоминалъ ему грубость пьяницы! Такъ думали всѣ умники XVIII вѣка! Подъ конецъ своего поприща, Чельгрень познакомился съ Датчанами, заимствовалъ отъ нихъ нѣсколько сюжетовъ для своихъ сатиръ, и даже перевелъ нѣкоторыя статьи изъ Ваггевена. Какъ прозаикъ, Чельгрень посредственный писатель. Онъ умеръ въ 1795 году.

Король Густавъ III упорочилъ славу свою въ Литературѣ не столько драматическими своими произведеніями, (хотя они и отличаются

весьма живою интригою и обрисовкою характеров) какъ ораторскимъ талантомъ. Я уже говорилъ о торжествѣ, одержанномъ Густавомъ III во вновь учрежденной имъ Академіи, Похвальнымъ Словомъ Торстенсону. Лестъ тутъ не участвовала ни сколько, потому что ни одинъ членъ Академіи не подозрѣвалъ въ авторѣ Короля, который спустя долгое время послѣ этого признался въ своемъ авторствѣ. Но благородству мыслей, пылкости и силѣ слога, и въ красотѣ изложенія, мало найдется, не только въ Шведской, но и въ другихъ литературахъ, такихъ ораторскихъ произведеній, которыя можно было бы сравнить съ его Рѣчами, говоренными въ Собраніи государственныхъ чиновъ, въ 1771, 1772 и 1789 годахъ.

Карлъ Михалъ Вельманъ, поэтъ совершенно оригинальный и народный, есть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, литературный антиподъ Чельгрена. Одинъ жертвовалъ своимъ гениемъ современному вкусу; другой мало о немъ заботился, и слѣдовалъ только своему вдохновенію. Густавъ III называлъ Вельмана Шведскимъ Анакреономъ. Это сравненіе вѣрно, въ томъ только отношеніи, что оба поэта списывали вѣрно съ природы, и что въ своихъ пѣснопѣніяхъ выражали

гений и душу своихъ соотечественниковъ. Что же касается до сходства воспѣваемыхъ предметовъ, то это чисто случайность, а если въ описаннымъ предметамъ классифицировать поэтовъ, то всѣхъ пѣвцовъ вина и любви, во всѣхъ стравахъ міра, должно назвать Анакреонами. Чельгрень говорилъ, что величайшая похвала имъ обонимъ, заключается именно въ томъ, что одинъ былъ Анакреонъ, а другой Вельманъ. Съ перваго взгляда, поэзія Вельмана представляется вакхическое празднество: со-всѣми его воплями, шумомъ, оргіями, по надъ всею паханалиюю владычествуетъ божество поэзіи и вездѣ поэтъ: «упоевъ божествомъ», какъ говоритъ Виргилій. Въ этомъ-то все отличие Вельмана отъ большей части современныхъ ему поэтовъ, которые не знали другого упоенія и самозабвенія, какъ только производимаго виномъ; Вельманъ же унивался страстью и чувствомъ. Чтобы понимать его совершенно, надобно быть Шведомъ и знать окрестности Стокгольма, потому что во всѣхъ его пѣсняхъ дѣйствуетъ Стокгольмскій народъ, во время Густава III. Можеть случиться, что если въ послѣдствіи блескъ царствованія Густава III утратить свою свѣжесть, въ памяти народа,

то сами Шведы не поймутъ Бельмана. Сѣдовѣтельно, Бельманъ никогда не будетъ извѣстенъ въ Швецію, и перевести его невозможно. Это лучшее доказательство оригинальности и самостоятельности таланта! Пѣсни Бельмана заставляютъ забывать о его серьезныхъ поэмахъ и псалмахъ, впрочемъ чрезвычайно оригинальныхъ. Полнаго изданія его стихотвореній еще нѣтъ. Онъ умеръ въ 1795 году. Было время, когда предубѣжденіе не допускало оцѣнить Бельмана. Теперь все кончилось! Въ Королевскомъ Паркѣ (звѣринцѣ), гдѣ онъ пѣлъ, поставили его бюстъ, изваянный Бистромомъ, и день его годовщины, народъ празднуетъ пѣснями, и воистинными Бахусу!

Какъ о поэтѣ весьма оригинальномъ, должно упомянуть о Карлѣ Ираклѣ Гальманѣ (1800,) авторѣ драматическихъ пародій, отличающихся жаромъ и истиннымъ комизмомъ. Онъ занимаетъ средину между Гольбергомъ и Бельманомъ. Забѣлательнѣйшія изъ его пародій суть: «*Випокеріе у Плутона*», «*Каспаръ и Дорота*», «*Кофейная въ улицѣ Спорторканъ*» и небольшая, прекрасная театральная пѣса: «*Слугай дѣлаетъ вора*».

Графъ Оксеншерна (род. 1750 — 1828), занимаетъ высокое мѣсто между Шведскими

поэтами. Одаренный талантомъ непринужденнымъ, душею нѣжною, и фантазією, онъ трогаетъ сердца; но не воспламеняетъ ихъ. Онъ удаченъ въ описаніяхъ природы, и особенно любить зеленѣющіеся луга и лѣса, откуда смотритъ на плывущихъ и поющихъ пастуховъ и пастушекъ. Поэзія его подобна тѣмъ прекраснымъ пейзажамъ, гдѣ послѣдніе лучи солнца отражаютъ свой красноватый цвѣтъ на поверхности воды, и гдѣ все дышитъ спокойствіемъ и тишиною. Но какъ вечернее солнце не блескитъ въ водахъ своимъ блескомъ, такъ и гений Оксеншерна не проявляется здѣсь подобно вихрю, все съ собою увлекающему; онъ, напротивъ, унождается дыханію зефира, колеблему цвѣты и травы. Небольшая поэма Чельгрена, посвященная Оксеншерну, обратила сначала вниманіе народа на его поэму: «*Чаши дна*» хотя она не имѣла въ этомъ нужды: поэма дѣлаетъ честь автору. Послѣ онъ издалъ дидактическую поэму: «*Hamad*». Кромѣ этихъ главныхъ его произведеній, онъ написалъ весьма много небольшихъ поэмъ и стихотвореній на разные случаи. Муза его, нанятая Французскою литературою, расцвѣтаетъ въ узахъ, которыхъ не виднѣть, а если и виднѣть, то

любуется ими. Похвальное слово Густаву III пренеполнено чувствъ благодарнаго удивленія автора. Густавъ не только былъ его монархомъ, но и другомъ; и въ послѣдствіи сынъ Густава III поручилъ ему изданіе сочиненій своего родителя. Графъ Оксеншерна подарилъ еще литературу прекраснымъ переводомъ Мильтонова Рай. Въ послѣдніе годы жизни Оксеншерна занимался переводомъ Освобожденнаго Іерусалима, Тасса. Переводъ сей не могъ быть удаченъ, потому что Оксеншерна слишкомъ удалился отъ подлинника и даже промѣнялъ рифмованныя октавы поэта, на имбицескіе стихи нерифмованные, такъ что музыкальность стиха, столь очаровательная въ подлинникѣ, не сохранила ни малѣйшаго слѣда въ переводѣ.

Другой Шведскій поэтъ, котораго оригинальныя произведенія нынѣ почти неизвѣстны, по причинѣ его превосходныхъ переводовъ Римскихъ поэтовъ, есть Баронъ Адлербетъ, родившійся въ 1751 году, и умершій въ 1818. Послѣ него остались нѣсколько трагедій, именно: «Федра и Ипполитъ»; — «Ифигенія въ Авлидѣ», и «Эдипъ» — которые суть или переводы или подражанія Расину и Вольтеру. Двѣ другія: Ингильдъ Нильреда (Ingield Nlråda) и Cheloniæde

принадлежать ему одному, но созданы также по Французскимъ образцамъ. Сказано уже, что нынѣ онъ неизвѣстенъ, и самое имя Адлербета никогда не перешло бы въ потомство, если бы онъ не имѣлъ другихъ заслугъ. Шведская Литература обязана ему особенною благодарностію за его переводы Виргилія, Овидія и Горация — переводы образцовые, въ которыхъ онъ стоитъ наряду съ Фоссомъ, а иногда и превосходитъ его. Ему же обязаны Шведы постоянными правилами своей просодіи, надлежащее употребленіе которой онъ самъ доказалъ примѣромъ. Даже можно сказать, что ему обязаны также открытіемъ чрезвычайной гибкости Шведскаго языка и подражаніемъ гармоніи и ритму языковъ классическихъ.

Говорили въ свое время, что съ Ленбергомъ родилось Шведское краснорѣчіе въ зрѣломъ уже видѣ, почти такъ же, какъ Минерпа вышла вооруженною изъ головы Юпитера. Это конечно риторическая фигура, которую потомство называетъ, можетъ быть, гиперболою; но не смотря на это, никто не уиѣлъ лучше Ленберга облачать свои мысли въ слогъ сладкозвучный и пріятный. Въ 1787 году, Шведская Академія опредѣлила награду за лучшее похвальное слово

Виргеру Ярлу. Когда стали разбирать представленные сочинения, нашли, въ одномъ изъ нихъ, силу слога и блистательное изложение, которыми всѣхъ удивили. Всѣ подали одинаковое мнѣнiе. Присутствовавшiй Король самъ открылъ запечатанный билетъ, въ которомъ должно было быть имя автора. Въ немъ находились только слѣдующiя слова, относящiяся къ Виргеру Ярлу: Superstes erit. Спустя нѣсколько времени узнали и сочинителя: то былъ бѣдный Стокгольмскiй священникъ, до сихъ поръ вовсе неизвѣстный, Ленбергъ! Судьба его свершилась! Назначенный сначала первенствующимъ пасторомъ (Pastor primarius) въ Стокгольмѣ, онъ умеръ въ званiи Епископа Линчепингскаго. Академiя получила отъ него еще Похвальное Слово, написанное въ честь Карла Гилленгельма, и принятое съ величайшимъ энтузиазмомъ. Но чрезъ два или три года, вотъ что сказали одинъ безпристрастный критикъ о сочиненiяхъ Ленберга: «Речь, которой вся красота состоитъ въ красивыхъ выраженiяхъ, скорѣе дѣлается утомительною; пошлыми мыслями обыкновенно облакуются въ ней въ пышныя слова. Приятно встрѣтить прекрасную женщину, украшенную розовымъ вѣнкомъ, но видѣть во всей одеждѣ

однѣ розы, весьма неприятно.» Такимъ-то образомъ отзываются теперь о двухъ Похвальныхъ Словахъ Ленберга и о его Проповѣдяхъ, привлекавшихъ въ церковь безчисленное множество народа. Проповѣди сiи могутъ быть причислены къ отличнымъ образцамъ красноречiя, но въ нихъ нѣтъ той благочестивой, той евангельской силы и простоты, той ясности въ изъясненiи небесныхъ истинъ и той ревности въ ихъ примѣненiи, которыхъ мы особенно ищемъ у христанскаго проповѣдника.

Лиднеръ (Венедиктъ) родился поэтомъ. Онъ былъ инструментомъ, на которомъ природа производила въ одно и тоже время аккорды сладкозвучные, восхитительные и звуки пронзительные, раздирающiе душу, но исполненные силы. Но эта сила не всегда была силою здоровья, а часто силою горячки и бѣшенства. Беспорядочная жизнь подавляла нравственныя и умственныя способности поэта, и если въ произведенiяхъ его проявляется всегда поэзiя, то иногда въ нихъ недостаетъ гармонiи. Поэзiя его отличается какою-то запальчивостью, чувствованiями часто преувеличенными, но иногда въ ней есть также кротость, мелодiя, величiе, сила и блескъ. Это волнующееся море, при

блескъ поэзии. «*Модель*», опера, принадлежать къ своему роду его произведений, и сюда же относятся: «*Страшный судъ*» — «*Тысяча пятьсотъ восемьдесятъ третій годъ*» и «*Смерть Спастари*». Его поэма «*Безумцы*» поэма безумная, раздражающая душу, высокая, изощренная; но дикость выходить въ ней за предѣлы поэтическихъ приличій. Въ ней нѣтъ ни какой гармоніи. После Лиднера остались три небольшихъ стихотворенія. «*Смерть за отечество*» — можетъ быть лучшее изъ всѣхъ. Упомянутыя нами сочиненія принадлежать къ главнымъ его произведеніямъ. Они испытывали свои силы въ родѣ сѣбныхъ, юмористическихъ, но безъ успѣха. Комедія его «*Наконецъ поэтъ счастливъ*» не заслуживаетъ вниманія.

Г^{жа} Ленгрениъ (Анна-Марія) известна по своимъ сатирамъ и эпиграмамъ. Произведенія ея достойны удивленія въ томъ отношеніи, что она весьма близко бросаетъ свои стрѣлы, всегда украшенные цвѣтами, никогда не отравленные. Къ лучшимъ ея піесамъ должно отнести: «*Покойный мой мужъ*», «*Биографія*», «*Другія прежняя, другія права*», «*Утренній разговоръ Господина съ Господою*», «*Портреты*», «*Посвященіе Графини Пастора*», и т. д. Прекрасно также ея

сочиненіе: *Совѣты моей дочери, если бы я имѣла ее*. гдѣ, подѣ прелестными цвѣтами поэзіи, она выказываетъ всю свою оытность. Г^{жа} Ленгрениъ писала также весьма хорошія идилліи.

Всѣ писатели, нами упомянутые (число ихъ въ это время такъ было велико, что невозможно и безполезно было бы исчислять всѣхъ), исключая Бельмана, болѣе или менѣе увлекались Французскимъ вкусомъ. Между ними есть замѣчательные таланты и даже гении; но они какъ будто не осмѣивались осматриваться вокругъ себя, подумать о лживости такого вкуса и объ униженіи, всегда быть подражателями подражателей. Графъ Карлъ-Августъ Эрнсвердъ * принадлежитъ къ другому разряду. Гений его, хотя и воспитанный въ той же школѣ, такъ же почерпавшій свои первыя свѣдѣнія, вскорѣ позналъ, что нельзя достигнуть изощреннаго удаленія отъ природы, и что поэзія не есть наборъ пышныхъ словъ, но что она, походить на враноръ Ингмалона, которому только любовь и вдохновеніе могутъ даровать жизнь.

* Тотъ самый, который построилъ Свасборгъ. Новое доказательство, что занятіе литературою не мѣшаетъ даже, и все облагораживаетъ.

Въ 1786 году, онъ объявилъ сужденіе, въ то время бывшее великою истиною, и замѣчаніемъ, удобоприимлемымъ во многихъ отношеніяхъ, «что если Французскій вкусъ въ Литературѣ и Искусствахъ пренепоиленъ ума, то онъ обезображенъ; неосновательно постигнуть, сухъ, тощъ, и при всемъ томъ остеръ и забавенъ.» Но его мнѣнію, надлежало руководствоваться древними, подражавшими одной природѣ. — Искусство не есть прекрасное, но оно должно вести къ нему: это средство, а не цѣль. Когда предметъ Искусства не выражаетъ идеи, тогда онъ недостаточенъ. Въ поэзіи необходимы важныя и ялыныя мысли, а не одни пышныя слова; надобно: «non fumus ex fulgore, sed ex fimo dare lucem». Прекрасное, Ялыное — одинъ Богъ! Вотъ какъ мыслятъ Графъ Эрнсвердъ. Обладая въ высшей степени поэтическимъ характеромъ, онъ, однако жъ, не писалъ стиховъ, и сочиненія его нѣсколько темны: ихъ число ограничивается небольшими трактатами: «Путешествіе въ Италію», «Записка, поднесенная Густаву III по случаю этого путешествія» и «Философія Ялыныхъ Искусствъ». Слогъ его одушевленъ, пренепоиленъ силы и жизни, но отрывистъ, сжатъ, лаконическій, иногда

даже нѣсколько странно. Легко понять, что его не оцѣнили современники; напротивъ, они смотрѣли на него, какъ на оригинала!

Другой подобный характеръ былъ Туриндъ. Его обширный геній не находилъ мѣста въ тѣсныхъ предѣлахъ, предписываемыхъ господствующимъ вкусомъ. По его словамъ: «мръ есть выраженіе Бога. * Богъ, одушевляя мръ, являетъ себя въ каждомъ лучѣ свѣта, въ каждой чертѣ красоты. Не однимъ размысленіемъ надобно стараться понимать его, но чистою святою любовію къ истинному и прекрасному въ мръ. Этими мы сблизжаемся съ божествомъ. Воображеніе есть чувство, въ которомъ отражаются всѣ идеи; оно равно необходимо для философа ** и для поэта. Для выраженія идей именно требуется столько словъ, сколько ихъ необходимо, и потому всѣ риторическія и поэтическія фигуры бесполезны. Даже поэтъ никогда не долженъ бы употреблять ихъ.» Далѣе онъ про-

* Здѣсь кстати припомнить безподобные, по мысли, стихи Державина изъ Оды: Богъ:

«Себя во мнѣ изображаетъ,

Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.»

** А что скажутъ на это господа каталожные гелеритеры?

творить самому себя, говорил: «что поэзия не иное что, как высочайшее проявление воображения и избыток чувств, соединенных с музыкою языка». Он написал несколько поэм в прозе. Оссиана ставил он выше всех поэтов, и думал передать его на Шведский язык. Собственные его поэмы: «Страсти и удовольствия воображения» подверглись жестокой критике в Стокгольмской Почте, газет, которую издавал Чельгрент. Турингидь отвечал в другой газет, которую он сам издавал, для защиты своих литературных и философских правил. Спор загорелся. Леопольд, действовавший сначала против Чельгрента, перешел на его сторону, и эта литературная война продолжалась во всю жизнь Турингидя. В 1792 года, он издал несколько сочинений «О свободе разума», с присовокуплением статьи, под названием: «Честность» посвященной Регенту. За эту статью его осудили, в последствии, на четырехлетнее изгнание. Он умер Профессором и Библиотекарем в Грейфсвальде, в 1808 году. На надгробном камне его находится следующая эпитафия, отысканная после его смерти, в его бумагах: «O viva, viva di-

vinitas, mea anima anima, tibi fui, tibi sum Thorild. Надпись сия характеризует поэта.

Кроме приведенных нами двух поэм, он написал еще: «Два возраста;» — «Шалливское вино» и проч. Большая часть других его сочинений заключается в трактатах о философических и политических предметах, и в его же полемики для поддержки его правил, именно: «Критика критики, с проектом законодательства в литературное дело;» «Единственно-необходимая вещь для Финансов Государства.» «О наследственном благородстве.» «Общее право гражданского общества;» и проч. Слог его жив, краток, сжат, слова его воспаляют читателей; но идеи так толпятся и сбиваются в кучу, что автору нет времени заботиться об их одежде, а потому слог его иногда темен, и надут.

Карл Густав Леопольд сдвигался извещень за долго до смерти Чельгрента, который если был царем Язычной Литературы своего времени, то Леопольд был его наследником. Однако же между ними есть большая разница. Чельгрент обладал истинно поэтическим гением, богат воображением и вымыслом, без которых никто не может

быть поэтом; Леопольд, напротив, отличался болѣе умомъ, но умомъ высокимъ. Жесточайшій литературный врагъ его, Гаммершельд (Hammerskiöld) говорилъ, что онъ обязанъ своею знаменитостію многимъ обстоятельствамъ, напримеръ, любви къ нему Густава III, званію члена многихъ литературныхъ обществъ, и особенно тому, что его *не гнали*. Должно признаться, что такіа заслуги весьма отрицательны, но къ счастью Леопольда, сужденіе это преувеличено и несправедливо, хотя въ основаніи своемъ оно заключаетъ въ себѣ нѣкоторую истину. Леопольдъ имѣлъ умъ блестящій и весьма обширное дарованіе, и вотъ причина, почему онъ особенно хорошъ въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ, въ посланіяхъ, эпитафияхъ и повѣстяхъ. Но когда онъ принимаетъ полетъ чисто лирической, или берется за трагедію, Пегасъ его превращается въ простаго добраго коня, который бѣжитъ только скорою рысью. Поэзія была для Леопольда искусствомъ, которому можно научиться, какъ и другимъ, и ограничивалась у него разсудкомъ, размышленіемъ и сложемъ. Отъ того онъ и походитъ на парадный полкъ, соединяющій въ себѣ красивую наружность, съ удивительною точностію знолю-

цій. Трагедіи Леопольда: «*Одеа*», и «*Виргинія*» имѣли большой успѣхъ, болѣе по прекраснымъ стихамъ и блистательнымъ мѣстамъ, нежели по достоинству цѣлаго и по трагическому вдохновенію. Его «*Оды*» и «*Нравственная поэзія*» иногда наводятъ на читателя скуку; сочиняя ихъ, авторъ, конечно, не подозревалъ въ нихъ такого достоинства. Но когда онъ принимается за сатирическія стрѣлы, когда онъ рассказываетъ, тогда поневоли привлекается къ своимъ произведеніямъ слухъ и вниманіе читателя. Такъ умна бесѣда автора, такъ много съ ней чертъ тонкихъ, замысловатыхъ, колкихъ! Проза его имѣетъ одинаковый характеръ съ поэзіею, когда сія послѣдняя успѣшна. Онъ имѣлъ довольно времени утвердиться въ слогѣ, въ полемику противъ Туриланда и противу нововводимаго романтизма!

Къ несчастію, Леопольдъ пережилъ свою знаменитость. Тщетно Шведская Академія старалась поддержать ее. Это было неизлечимо; ее пожиралъ литературный ракъ.

Н. Розенштейнъ, другъ Леопольда, извѣстенъ какъ литературный судья, рѣтью, произнесенною имъ въ Академіи, которой онъ былъ секретаремъ. Заглавіе ея слѣдующее: «*Замѣчанія*

объ изливной *Литературъ* и о *вкусь*. Въ другомъ сочиненіи своемъ онъ разсуждаетъ о средствахъ къ просвѣщенію народа. Все это забыто. Онъ писалъ также предисловія къ твореніямъ Чельгрена, Андера, Левберга и Г^н Ленгреніи.

Графъ Шельдебрандъ (Skjoldebrand) сдѣлался извѣстенъ нѣсколькими трагедіями и драмою «*Hertana von Upps*», которую иногда даютъ еще на театрѣ и смотрять съ удовольствіемъ. Двѣ эпическія поэмы его «*Odens*» и «*Gustafs Eriksons*» (Ваза), пользуются уваженіемъ.

Транеръ извѣстенъ болѣе, какъ поэтъ Латинскій. Шведская Академія много разъ награждала его за метрическіе переводы Овидія. Онъ перевелъ также гекзаметрами части Гомеровою Илиады, Ватрахоміахію, Біона, Месха, Сафо, Анакреона и другихъ. Слогъ его пріятенъ; версификація правильна. Латинскія стихотворенія его имѣютъ весьма большое достоинство.

Михаэль Кореусъ (Shorgens) получалъ нѣсколько разъ присуждаемую Шведскою Академіею награду. Лучшая изъ болынихъ его поэмъ есть: «*Письмъ объ Эриксвергъ*». Франценъ, другъ его, издалъ собраніе его поэмъ, которыя замѣчательны по кротости и меланхоліи.

Имена Францена, Валлина, Тегнера принадлежатъ къ этой же эпохѣ, потому что въ это время началъ выкапываться ихъ геній; но какъ они не слѣдовали за господствовавшими тогда вкусомъ, и до сихъ поръ еще находятся въ живыхъ, то справедливѣе отнести сихъ писателей къ эпохѣ слѣдующей. Мы должны, однако жъ, упомянуть здѣсь объ одномъ живущемъ поэтѣ, который придерживался прежняго направленія и теперь болѣе не пишеть. Это Іоаннъ Давидъ Валеріусъ, побочный сынъ Аполлона и госпожи антитезы. Его болышія поэмы суть: «*Истина*»; «*Терпиміе*»; «*Всобщая любовь*», и «*Сила*», всѣ награжденныя Шведскою Академіею, хотя Шведскій народъ вовсе объ нихъ не знаетъ. «*Писемъ*» Валеріуса извѣстны болѣе; нѣкоторые изъ нихъ до сихъ поръ поются добрыми стариками, когда за стаканомъ вина, они вспоминаютъ о невинныхъ трагичныхъ забавлахъ своей юности.

Выше мы указали на общій характеръ этой эпохи; здѣсь замѣтимъ только, что въ концѣ сего періода, всѣ почувствовали потребность чего-то положительнаго, постояннаго. Стали отдавать справедливость Бельману; не почитали его болѣе пядницемъ, хотя онъ провель

трезво всю жизнь и воспѣвалъ вино, не называли его писателемъ черни. Чельдгренъ и Оксеншерпа конечно могли замѣтить пустоту и неудовлетворительность современной имъ Литературы, которую они наблюдали въ ея прекрасные моменты. Эренсвердъ и Турильдъ дали ей первое движеніе, и наконецъ Шведская поэзія, пройдя чрезъ хаосъ Романтизма, сравнилась съ поэзією другихъ народовъ: *Романтизмъ (Фосфоризмъ) и Изящная современная Литература.*

Въ предыдущемъ періодѣ мы не упоминали объ одномъ писателѣ, не знаменитомъ, но весьма важномъ по вліянію на Литературу. Исторически онъ принадлежалъ къ прошлому періоду, хотя философскія изслѣдованія его принесли плоды уже въ послѣдствія. Мы говоримъ о Веніаминѣ Гойерѣ (Höijer), мыслителѣ глубоко, отличавшемся обширными эстетическими видами касательно Искусства и Изящной Словесности. Его *«Сравненіе между красноречіемъ древнихъ и новыхъ народовъ»*, его *«Опытъ объясненія искусства у народовъ новыхъ»* имѣли весьма важныя слѣдствія для литературной критики. Въ первые годы XIX столѣтія, знаніе классическихъ писателей, Греческихъ и Латин-

скихъ, было вообще распространено, и ихъ изучали основательно. Иностранная Литература, особенно Нѣмецкая, принявшая тогда новое направленіе, была введена и въ Швецію. Турильдъ сдѣлался извѣстнымъ и внушалъ къ себѣ энтузіазмъ. Псыхнула Французская революція; распространились новыя идеи, и, по несчастію, вездѣ получали восторженный пріемъ, потому, что въ нихъ не вникали, а увлекались только поверхностнымъ ихъ блескомъ. Вообще можно сказать, что политика и литература составили одно цѣлое. Политическое состояніе народа, всегда отражается въ литературѣ. Политика всегда дѣйствуетъ на словесность, какъ душа на тѣло.

По смерти Густава III, дѣла въ Швецію приняли другой видъ. Введена была свобода книгопечатанія, и появилось множество сочиненій, въ духѣ Турильда, почерпнувшихъ свой образъ мыслей во Французскомъ переворотѣ. Регентство, учрежденное во время малолѣтства Густава Адольфа IV, должноствовало прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости. Турильда изгнали, и Леопольду надлежало выѣхать изъ Стокгольма. Даже Академія была закрыта. Само собою разумѣется, что и книгопечатаніе не избѣгло охранительныхъ мѣръ.

Хоти, по принятіи правленія Густавомъ Адольфомъ IV, Академія и была возстановлена, но литература заснула, потому что она ограничивалась нѣсколькими сочиненіями, увѣнчанными Академіею, а выше мы видѣли, что эта Академія была безъ большихъ притязаній, и не скупилась на лавры.

Переворотъ 1809 года возстановилъ прежній ходъ литературы. Незадолго до сего времени, молодые люди составили два литературныя общества, которыя хотя и были кратковременны, но нѣкоторымъ образомъ служили какъ бы рассадниками для глубокаго и обширнаго изученія Древнихъ, и для особеннаго занятія иностранными литературами. Эти два общества назывались: *Дружъя Изящной Словесности* и *Аполлона*. Молодые члены ихъ составляли литературную оппозицію противъ господствующаго вкуса, и старались приготовить народъ къ литературѣ не столь драгою и болѣе соответственной правдѣ и бычашьямъ народа. Другое общество: *Göthiska Förbundet* (Готскій Союзъ), образовалось въ Стокгольмѣ, въ 1811 году. Оно имѣло цѣлю оживить любовь къ Скандинавской древности, и своимъ журналомъ (*Iduna*) заняло почетное мѣсто въ Шведской Литературѣ. Два первыя

общества вскорѣ прекратились отъ того, что всѣ члены ихъ были студенты, разсѣявшіеся потомъ по всему государству. Но союзъ, ихъ соединившій, общая любовь ко всему національному и національному, не разорвался. Органы, которыми дѣйствовала новая школа, были газеты: «*Полифемъ*» издаваемая Аскелефомъ, и «*Фосфоръ*» издаваемая Атербуномъ и Пальм-бладомъ, также «*Поэтический альманахъ*» Атербума. «*Шведская литературная*» газета, издававшаяся въ Упсалѣ: «*Лицей*» Гаммершельда и «*Свеа*» (*Svea*), литературный журналъ, также выходившій въ Упсалѣ, не принимали прямого участія въ этотъ споръ, но думали за одно съ преобразователями. Выше мы упоминали о журналѣ *Iduna*, котораго весь первый томъ принадлежить Гейеру, а въ другихъ томахъ находятся имена Тегнера, Адлербета (сына), Аффелюса, Реефа и другихъ. Съ другой стороны, школа классиковъ въ «*Журналъ литературы и театра*», храбро нападала на литературныхъ выскочекъ, какъ называли классики романтиковъ. Вальмаркъ, вспомоществуемый сотрудниками, поклонниками старины, издавалъ этотъ журналъ. Въ такихъ спорахъ отличались особенно два или три воятеля, съ обѣихъ сто-

ронъ. Гаммершельдъ и Атербушъ со стороны Фосфористовъ (такъ называли ихъ иронически, по названію ихъ журнала *Фосфора*, т. е. просвѣщающаго), а съ другой Вальмаркъ. Нѣтъ надобности слѣдить за ними битвами. Довольно замѣтить, что Фосфористы были слишкомъ самонадежны, что они общались болѣе, нежели сколько могли сдержать, и что большая часть изъ нихъ не принадлежала къ людямъ гениальнымъ. Къ счастью, и съ другой стороны, въ этомъ отношеніи, было равновѣсіе, т. е. не было великихъ гениевъ. Фосфористы отличались ученостію, чего нельзя было найти въ непріятельскомъ лагерьѣ; а за то въ немъ было много ума, и потому представляется вопросъ: кто изъ главныхъ сподвижниковъ, Гаммершельдъ или Вальмаркъ, потеряли болѣе отъ огня рецензій, критикъ, сатиры и злословія? Нынѣ эта вражда прекратилась, и обѣ стороны оправдались: писатели сдѣлались свободнѣе въ хорошемъ значеніи слова; ни одна иностранная литература не подверглась изгнанію, и всѣ согласились, что вѣщное, какъ солнечные лучи, могутъ отражаться въ различныхъ цвѣтахъ, не переставая притомъ быть лучами и свѣтомъ.

Приводимъ здѣсь имена тѣхъ литераторовъ, которые отличились съ самаго начала новаго порядка вещей, изъ которыхъ большая часть живы и многіе приносятъ честь отечеству.

Надобно начать съ Вальмарка, который самъ почиталъ себя Атласомъ, долженствующимъ, поддерживать Олимпъ классиковъ, между тѣмъ, какъ былъ только статуею Навуходоносора, съ гниющими ногами. Онъ принадлежитъ къ старой школѣ, за которую сражался, но мы помѣщаемъ его здѣсь, какъ памятникъ на могилѣ, какъ памятникъ могъ, для новой школы, какъ нѣкогда Римляне ставили раба въ колесницу триумфатора, чтобы безпрестанно кричать ему «вспомни, что ты человекъ!»

Въ 1804 году Вальмаркъ получилъ отъ Шведской Академіи награду за свою поэму: «*Handen (Рука)*». Въ самомъ дѣлѣ эта поэма есть работа рукъ, много стоявшая автору. Въ 1809 году, онъ получилъ другую награду за: «*Письмо во славу Финляндской арміи*». Онъ написалъ также нѣсколько небольшихъ романовъ или очерковъ нравовъ, между которыми: «*Путешествіе Фужельбреннера въ Стокгольмъ, и Стокгольмскія гулябщица*, довольно забавны. — Особенно прославилъ его литературная война съ новою шко-

люю. Философія его, равно какъ критика и полемика, помѣщены въ газетахъ: «Journal för Litteraturen och Theatern» и въ Allmänna Journalen. Теперь отличается онъ въ числѣ сотрудниковъ Шведской Государственной Газеты (Sveriges Stats-Tidning).

Аскелефъ явился въ числѣ первыхъ вонтедей новой школы, въ своей газетѣ «*Полифежъ*». Умомъ, колкостью слога и обширною ученостію онъ жестоко разилъ классиковъ. Теперь онъ исключительно занимается политикою, и отличается глубокими познаніями и гениальностію.

Гаммершельдъ, Архи-Фосфористъ, какъ его называли, хотя былъ слишкомъ заносчивъ въ своихъ литературныхъ сужденіяхъ, хотя былъ посредственнымъ поэтомъ, и любилъ слишкомъ выказывать свою, нѣсколько неструю, ученость, оказалъ, однако жъ, большія услуги Шведской Литературѣ. Въ началѣ своего литературнаго поприща, увлекаясь ревностію къ Фосфоризму и къ распространенію новыхъ мыслей, онъ часто сбивался съ пути здраваго смысла, и отъ того теперь называлъ его «*барожетромъ нѣмецкой безмыслицы*». Но Гаммершельдъ былъ постояненъ и неутомимъ въ трудахъ, и мы обязаны ему весьма хорошими трактатами

о Философіи, Исторіи Литературъ и Наизыщихъ Искусствъ. Сочиненія его многочисленны.

Баронъ Бринкманъ, прежде нежели сдѣлался Шведскимъ писателемъ, былъ уже извѣстенъ въ Нѣмецкой Литературѣ. Послѣ него осталась поэма «*Snilletts Verld*, т. е. *Миръ Гения*», награжденная Шведскою Академіею, въ 1821 году, и много небольшихъ произведеній, помѣщенныхъ въ журналъ «*Соса*». Рѣчь, произнесенная имъ при вступленіи въ Академію, заключаетъ въ себѣ характеристику Епископа Тингстадуса, его предшественника въ Академіи, и мысли о Восточной Литературѣ. По содержанію и по пріятному слогу, эта рѣчь пользуется уваженіемъ.

Лишь поэты замѣчательный. Его лирическія стихотворенія прекрасны. Онъ оказалъ успѣхи и въ драматическомъ родѣ. Трагедія его суть: «*Аель*»; «*Эйлифе, Готъ*»; «*Св. Бригитта*»; «*Ангельбрехтъ*»; «*Энцельбрехтсонъ*»; «*Старборнъ сильный*»; «*Сынъ*»; «*Висбунъ*»; «*Ингелъдъ Илреда*» и «*Блотсенъ* (Blotsoen)». Въ планѣ ихъ есть обиліе изобрѣтеній, а Шведы, какъ замѣчаютъ нѣкоторые, не слишкомъ славятся изобрѣтательностію. Его большая эпическая поэма: «*Ассы* (Asarne)» есть блистательное доказательство такого обилія. Онъ имѣлъ цѣлю изложить Мисологію и Философію спо-

люю. Философія его, равно какъ критика и полемика, помѣщены въ газетахъ: «Journal för Litteraturen och Theatern» и въ Allmänna Journalen. Теперь отличается онъ въ числѣ сотрудниковъ Шведской Государственной Газеты (Sveriges Stats-Tidning).

Акселефъ явился въ числѣ первыхъ вонтелей новой школы, въ своей газетѣ «*Полифемъ*». Умозъ, колкостью слога и обширною ученостію онъ жестоко разилъ классиковъ. Теперь онъ исключительно занимается политикою, и отличается глубокими познаніями и геніальностью.

Гаммершельдъ, Архи-Фосфористъ, какъ его называли, хотя былъ слишкомъ заносчивъ въ своихъ литературныхъ сужденіяхъ, хотя былъ посредственнымъ поэтомъ, и любилъ слишкомъ выказывать свою, нѣсколько неструю, ученость, оказалъ, однако жъ, большія услуги Шведской Литературѣ. Въ началѣ своего литературнаго поприща, увлекаясь ревностію къ Фосфоризму и къ распространенію новыхъ мыслей, онъ часто сбивался съ пути здраваго смысла, и отъ того Тегнеръ называлъ его «*барометромъ нѣмецкой безмыслицы*». Но Гаммершельдъ былъ постояненъ и неутомимъ въ трудахъ, и мы обязаны ему весьма хорошими трактатами

о Философіи, Исторіи Литературы и Изыщныхъ Искусствъ. Сочиненія его многочисленны.

Баронъ Бринкманъ, прежде нежели сдѣлался Шведскимъ писателемъ, былъ уже извѣстенъ въ Нѣмецкой Литературѣ. Послѣ него осталась поэма «*Spillet Verld*, т. е. *Миръ Генія*», награжденная Шведскою Академіею, въ 1821 году, и много небольшихъ произведеній, помѣщенныхъ въ журналъ «*Сося*». Рѣчь, произнесенная имъ при вступленіи въ Академію, заключаетъ въ себѣ характеристику Епископа Тингстадуса, его предшественника въ Академіи, и мысли о Восточной Литературѣ. По содержанію и по пріятному слогу, эта рѣчь пользуется уваженіемъ.

Лишь поэтъ замѣчательный. Его лирическія стихотворенія прекрасны. Онъ оказалъ успѣхи и въ драматическомъ родѣ. Трагедіи его суть: «*Ани*»; «*Эйлифъ, Готъ*»; «*Св. Бригитта*»; «*Ангельбрехтъ*»; «*Энгельбрехтсонъ*»; «*Старбюрнъ сильный*»; «*Сынъ*»; «*Висбуръ*»; «*Иисусъ Христъ*» и «*Блотсенъ* (Blotsoen)». Въ планѣ ихъ есть обиліе изобрѣтеній, а Шведы, какъ замѣчаютъ нѣкоторые, не слишкомъ славятся изобрѣтательностью. Его большая эпическая поэма: «*Ассы* (Asagne)» есть блистательное доказательство такого обилія. Онъ имѣлъ цѣлю изложить Мисологію и Философію спо-

движниковъ Одева, или лучше сказать, борьбу идей, которыя они принесли съ собою, и нонатій коренныхъ жителей Швеціи. Эта поэма, въ двадцати четырехъ пѣсняхъ, правда длиновата, но читатель, если и утомится иногда, вознаграждается за то превосходными мѣстами и восхитительною прелестію лирическихъ порывовъ автора.

Если бы Шведская Литература гордилась однимъ Гейеромъ, и въ такомъ случаѣ ее нельзя было бы назвать бѣдною. Гейеръ и оригинальный поэтъ, и глубокій мыслитель, и историкъ, какого не было въ Швеціи! Онъ приобрѣлъ извѣстность *«Похвальнымъ словомъ Стену Стуре Старшему»*, увѣнчаннымъ Шведскою Академіею, въ 1805 году. Онъ самъ рассказываетъ, что досада, причиненная ему дурнымъ сужденіемъ Барона Рамеля о его сочиненіяхъ, заставила его написать свои лучшія поэмы: *«Мангемъ»* (Manhem); *«Викингъ»*; *«Svegger»*; *«Odolbonden»* и проч. Это обстоятельство напоминаетъ слова Римскаго поэта: *«facit indignatio versum»*. Въ самомъ дѣлѣ, никогда негодованіе не имѣло такихъ прекрасныхъ послѣдствій. Въ поэмахъ и другихъ стихотвореніяхъ, Гейеръ воспѣваетъ древнія времена и героическій вѣкъ Швеціи. Была

пора, когда Гейеръ, Лингъ, Тегнеръ и многіе другіе мечтали о возможности ввести въ Поэзію и Изящныя Искусства Швеціи вкусъ, исключительно національный, основанный на древней Скандинавской Мифологіи и Исландской Литературѣ. Кажется, что Эленслегеръ, Датчанинъ, первый возвысилъ эту мысль, которая напоминаетъ Овидіеву басню о дочеряхъ Акрисія, хотѣвшихъ напоить новою кровію жилы своего отца. Патріотическія усилія новыхъ поэтовъ не имѣли успѣха—отъ невозможности! Поэзія Гейера дышитъ всѣмъ, что только человѣкъ можетъ приобрести возвышеннаго и величественнаго! Въ поэзіи, равно какъ и въ исторіи, онъ выказалъ чувства владыки, не отдѣляющаго собственной славы отъ славы отечества, потому что любовь къ отечеству почти единственное чувство, наполняющее сердце и душу Гейера. Онъ оказалъ еще важную услугу Шведской поэзіи тѣмъ, что познакомилъ Шведовъ съ ихъ древнею народною поэзіею, и опредѣлилъ ея достоинство. Вмѣстѣ съ Алфеліусомъ онъ издалъ собраніе старинныхъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: *«Древнія народныя Шведскія пѣсни»*. По его слѣдамъ пошелъ Арвидсонъ, издавшій второй томъ *«Древнихъ Швед-*

скить *песнь*.» Сие послѣднее назаніе полюбѣ и обработаніе Гейерова.

Гейеръ скоро оставилъ поэзію, и занялся Шведскою Исторіею. Въ 1823 году, онъ издалъ первый томъ: «*Svea Rikes Häfder* (Исторія Шведскаго Государства),» въ которой, съ помощію глубокой критики, бросаетъ онъ совершенно новый свѣтъ на мифическую Философію и на первыя историческія времена Швеціи. Введеніе къ этому обширному труду, заключающее въ себѣ физическій и нравственный очеркъ страны, есть совершенство, и превосходитъ все, что только было писано, гдѣ либо, въ этомъ родѣ. До сихъ норъ вышло только три первые тома его *Исторіи Шведскаго Народа*.^{*} Это сочиненіе есть сокращеніе его большой Исторіи, но если бѣ онъ не написалъ ничего болѣе, какъ это *Сокращеніе*, то и тогда надлежало бы поставить его въ число отличнѣйшихъ Европейскихъ историковъ. Есть много и другихъ его сочиненій. Укажемъ на: «*Торильдъ*,»

Я ссылаюсь на него въ моей *Россіи* и проч. Въ этой Исторіи одинъ недостатокъ, а именно, что о сосѣдней Россіи нѣтъ никакихъ изысканій, и что Гейеръ слѣдуетъ буквально Караянну.

«*Опытъ о феодализмѣ и республиканизмѣ*,» напечатанный въ журналѣ «*Seer*,» и Нисколько *размышленій объ эпохѣ Густава-Адольфа Великаго*,» «*Речь на въковое торжество сего Государя*,» «*Речь о Цицеронѣ*» и проч. Гейеръ началъ изданіе газеты «*Litteratur-Bladet*,» и продолжаетъ заниматься историческими трудами своими, которыхъ Европа ждетъ съ нетерпѣніемъ.

Эвфросинія (Г^{на}. Ниббергъ) отличается необыкновеннымъ поэтическимъ талантомъ. Она обратила на себя вниманіе небольшими поэмами, напечатанными въ альманахѣ Аттербума. Послѣ изданія собранія ея сочиненій, вниманіе публики превратилось въ глубокое уваженіе къ ея таланту.

Графстремъ, другой замѣчательный поэтический талантъ, извѣстный своими «*Поэтическими опытами*». Ему принадлежитъ также описаніе гравюръ въ сочиненіи Форселя^{*} и «*Гдѣ въ Швеціи*,» Графстремъ отличается пріятнымъ слогомъ и познаніемъ языка.

Аттербумъ былъ головою Фосфористовъ. Едва ли какой нибудь поэтъ, подобно ему, былъ такъ превозносимъ друзьями, и подвергаемъ

^{*} Форсель, авторъ лучшей Статистики Швеціи.

такимъ бичеваніямъ сатиры противниковъ! Одаренный отъ природы живымъ воображеніемъ и истинно поэтическимъ гениемъ, онъ могъ бы сдѣлаться однимъ изъ величайшихъ поэтовъ Швеціи, если бы умѣлъ придать болѣе ясности своимъ идеямъ. Въ мысляхъ его и въ изображеніи всегда много фантазій; онъ на все смотритъ сквозь поэтическую призму, рисуетъ самыми блестящими красками, но не умѣетъ дать созданіямъ своимъ правильныхъ очерковъ. Онъ вездѣ сыплетъ цвѣты поэзіи, даже безъ разбора, и ему надлежало бы послѣдовать совѣту данному Коринною Ницдару, т. е. «что надобно сбить изъ руки, а не изъ мышца».

Удивительно, какъ человекъ, одаренный истиннымъ гениемъ и глубокою ученостію, могъ иногда писать такія вещи, которыхъ никто въ мірѣ, а вѣроятно и онъ самъ, никогда не могли понять и не поймутъ, именно потому что авторъ не умѣлъ связать своихъ идей и слѣдовать за нихъ естественнымъ ходомъ, и не могъ сдѣлать простыхъ выводовъ, почерпая въ простомъ источникѣ. Когда ему пришлось держать экзаменъ на степень магистра, онъ не могъ понять элементовъ Евклидовой Геометріи. Онъ идетъ къ профессору, и говорить ему

слѣдующее: «Напрасно прилагать я всевозможное стараніе изучить Геометрію! Я никакъ не могу добиться до того, чтобы могъ доказывать математическія истины по убѣжденію! Я знаю наизусть шесть книгъ Евклида, но рѣшительно ничего въ нихъ не понимаю.» Въ его Философіи, которую онъ много занимался, видно отсутствіе математическаго ума.

Поэзія Атербума неровна. Иногда она прекрасна, чиста, прозрачна; отражаетъ въ себѣ все, что только находится изначнаго, великаго и возвышеннаго въ мірѣ и въ сердцѣ человѣка; иногда же авторъ, покорившись своему демону, своему поэтическому домовому, произноситъ одни лишніе слова, въ которыхъ нельзя отыскать ни какого смысла: громко, звучно, но безтолково!

Произведенія его помѣщены въ журналѣ «Фосфоръ» который онъ издавалъ съ 1810 по 1813 годъ и въ «Поэтическомъ Альманахѣ» 1812 - 1822. Недавно онъ издалъ собраніе своихъ поэмъ въ двухъ томахъ. Его большая поэма: «Островъ Счастія» отличается превосходными мѣстами, но въ ней никакъ нельзя открыть философіи идей, долженствовавшей служить основаніемъ поэмѣ!

Фалькранцъ, братъ живописца тогоже имени, сочинилъ поэму «*Поэма Ковтега*», въ которой господствуетъ превосходный юморъ. Онъ намѣрился сдѣлать родъ юмористическаго сраженія между образованностію и идеями восточными и западными. Но какъ онъ сыплетъ каламбурами и намѣками на современные литературныя событія, то чрезъ двадцать или тридцать лѣтъ, надобно будетъ читать его съ комментаріемъ, какъ читаемъ Персія или Шекспира. Два первые тома, или, какъ называютъ ихъ авторъ, два первые *этажа*, вышли въ 1825 и 1826 годахъ. Продолженіе вѣроятно явится не прежде смерти сочинителя, потому что теперь онъ профессоръ Богословія.

Дальгрень писалъ сначала въ журналѣ «*Фосфоръ*», и принималъ дѣлительное участіе въ борьбѣ съ классиками. Потомъ онъ сдѣлался извѣстенъ вакхическими стихотвореніями и веселыми сатирическими пѣснями. Лучшія его пѣсни суть: «*Посланія Мольберга*», (Мольбергъ одинъ изъ героевъ въ пѣсняхъ Бельмана); «*Невозможный Альманахъ для людей поэтическихъ*»; «*Ваша Вавилонская*» и проч. Съ 1825 до 1827 года, онъ издавалъ газету «*Kometen*» (Комета), отличавшуюся многими остроумными статьями. Кромѣ

того онъ писалъ романы, хотя и невысокаго рода, но умные и занимательные.

Шведская Литература сдѣлалась рано лишней поэта Стагнелюса. Его поэма «*Мугеники*», обильна фантазіею и чувствомъ. Онъ написалъ также эпическую поэму «*Владимиръ Великій*». Поэзія его блистательна, исполнена высокихъ мыслей, языкъ удивительно граціозенъ, стихи гармоническіе, музыкальныя. Поэма «*Перелетныя птицы*» (*Flugfuglarne*) чрезвычайно мила. Во многихъ его поэмахъ проглядываетъ, иногда, какая-то болѣзненная сентиментальность. Въ нихъ видна душа, подовольная собою и какъ будто окованная. Кажется, что поэту не достало той внутренней гармоніи и спокойствія, которыя составляютъ нравственное здоровье человѣка.

Виталисъ, умершій въ юныхъ лѣтахъ, оплакиваемъ всѣми любителями литературы. Настоящее имя его было Шебергъ (Sjöberg), а Виталисъ есть имя, прибранное имъ, которое онъ заимствовалъ изъ календаря, потому что въ день сего святаго онъ отдалъ печатать свои первые стихотворенія. Гейеръ, написавшій предисловіе къ собранію его стихотвореній, производитъ это имя отъ Vita-cellis, потому что жизнь поэта

была только продолжительною борьбою съ жестокостію судьбы. Онъ написалъ нѣсколько небольшихъ лирическихъ піесъ, частью юмористическихъ, частью исполненныхъ ироніи, впрочемъ не извѣстной, на счетъ собственной своей участи и авторскаго званія. Піесы сіи суть изліяніе души благородной, восхищающейся всѣмъ великимъ и изящнымъ въ поэзіи и жизни.

Бесковъ, поэтъ съ большимъ дарованіемъ, пользуется заслуженною славой. Свѣлою рукою очерпываетъ онъ красоты въ богатыхъ сокровищницахъ Тасса, Вейрона, Шекспира, Элиадегера, Тегнера и другихъ, и составляетъ изъ нихъ своя собственные, оригинальные ткани. Красота и гармонія его стиховъ удивительны, но должно сознаться, что многимъ обязанъ онъ красотѣ гармоническаго Шведскаго языка, которыми умѣетъ владѣть и пользоваться. Въ 1824 году, онъ получалъ отъ Академіи награду за поэму: «*Великія воспоминанія Швеціи.*» Поэма сія упрочила его славу. Трагедія «*Эрикъ XIV.*» также прекрасное драматическое твореніе. Характеры обрисованы сильно и истинно; стихи изящны; планъ очень хорошо начертанъ. Недавно Бесковъ издалъ два тома «*Драматическаго*

Упражнений,» въ которыхъ заключаются трагедіи: *Торкель Кнутсенъ*, и *Биргеръ и его семейство.* Слово *упражнения*, подастъ надежду, что Бесковъ еще не кончилъ писать въ этомъ родѣ. — Для любителей изящнаго это пріятная надежда.

Никандеръ обнаружилъ, въ началѣ своего поприща, истинное призваніе къ поэзіи: Нѣсколько небольшихъ поэмъ, напечатанныхъ въ Даяскомъ Альманахѣ на 1820 годѣ, обратилъ на него вниманіе, которое онъ умѣлъ оправдать трагедією: «*Руническийъ жетъ,*» однимъ изъ лучшихъ Шведскихъ драматическихъ произведеній. Потомъ онъ получилъ отъ Академіи двѣ награды за поэмы: «*Участіе къ отечеству,*» въ 1825 году, и «*Смерть Тасса,*» въ 1826 году. Совершивъ путешествіе по южной Европѣ, онъ издалъ «*Воспоминанія о Югѣ, и Гесперида,*» но онъ не осуществилъ надеждъ, которыя всѣ полагали на его талантъ, послѣ появленія первыхъ его произведеній, особенно послѣ трагедіи *Руническийъ жетъ.* Планъ Нюхрена его отличается удивительно прозрачною водою! Никандеръ трудится теперь надъ рядомъ поэмъ, которыя онъ называетъ «*Лѣсъ въ пустыни.*» Это будетъ эпическій Наполеона: авторъ хочетъ доказать, до какой степени избранный имъ герой выше его поэзіи!

Беттеръ, молодой поэтъ съ чувствомъ, заставляетъ плакать чувствительныхъ женщинъ и святошей. Его поэзія — романтическій свѣтъ луны надъ дугами, испещренными цвѣтами, на которыхъ замѣтны слѣды этихъ прелестныхъ слезъ. Онъ издалъ два тома: *Ungdomsminnen från Sångens stunder*, *Воспоминаній юности и часовъ пѣнія*. Его поэзія совершенно похожа на такого человѣка, который, убивъ по неосторожности муху, отправляется въ Римъ на поклоніе, и для испрошенія прощенія въ тяжкомъ грѣхѣ!

Рюнбертъ, хотя и Финляндецъ, но какъ поэтъ принадлежитъ Шведской литературѣ, и занимаетъ отличное мѣсто между Шведскими поэтами. Онъ написалъ поэму: *Grafven Perro* (*Могила въ Перро*), награжденную Академіею. Сочиненіе его (*Elfskyllarne*) *Олений охотникъ* и *Собраніе стихотвореній*, даютъ ему почти первое мѣсто между молодыми Шведскими поэтами. Недавно издалъ онъ *Tänna*, идиллію столь же свѣжую, прекрасную, наивную, какъ Фоссова Луиза.

Есть еще писатель, дѣлающій честь Шведской литературѣ! Это дѣвица Бремеръ (Brehmer). Въ сочиненіи своемъ: *Очерки семейной жизни*

она отличается наивностію, искренностію, способностію схватывать внутреннюю жизнь сердца и семейства. Дѣвица Бремеръ — теперь любимица публики. Кромѣ этого сочиненія написала она еще два романа: *«Сосѣдка»* и *«Нина»*. Петръ Спарре, романистъ историческій, имѣлъ большіе успѣхи. Романы его суть: *«(Den siste friseglären) Последний изъ свободныхъ мореплавателей»*. Эти свободные мореплаватели, были съ XV и XVI вѣковъ родъ флибустеровъ. Другой его романъ: *«Адольфъ Финдлингъ»*, изъ временъ Королевы Христины.

Остаются еще три великія имени Шведской литературы. Францъ, Валлинь и Тегнеръ. Два первые должны быть отнесены къ предыдущему періоду, періоду Чельмерна, потому что они вышли изъ его школы, и въ эпоху его владычества въ литературѣ положили первое основаніе своей славы. Но какъ дарованье ихъ не позволяло имъ оставаться на этомъ поприщѣ и заставляло ихъ проложить себѣ новый путь въ литературѣ, и какъ они до сихъ поръ живы, любимы публикою и служатъ украшеніемъ отечеству, то лучше помѣстить ихъ въ концѣ списка Шведскихъ писателей, чтобы заключить его достойнымъ образомъ.

Одобримый Чельгреномъ, Францень напечаталъ въ журналѣ: *Стокгольмская Поща*, небольшія лирическія произведенія: «*Человѣческое лице*»; «*Старый солдатъ*»; «*Св. Георгій*» и нѣсколько пѣсень, восхитившихъ всѣхъ читателей простою, наивною прелестію и чистотою чувствъ. Академія предложила тему: «*Графъ Крейцъ*». Францень воспѣлъ его, и получилъ награду за поэму, признанную лучшею изъ всѣхъ, доселѣ увѣнчанныхъ Академіею. Онъ написалъ много большихъ поэмъ, именно: «*Юлія Сент-Аюменъ*»; «*Густафъ Вольфъ въ Германіи*», эпическая поэма, которой отрывки были напечатаны въ журналѣ *Свенъ*; «*Христофоръ Колумбъ*», или «*открытие Америки*», первый томъ; *Встрѣча въ монастырѣ Альвастръ*. Но особенно небольшими лирическими поэмами, «эти прекрасная пѣвца ивица» какъ называлъ его Валлинь, приобрѣла удивленіе и любовь всей Швеціи. Поэзія Францена проста, какъ природа, и украшена тѣми наивными прелестями, которыми искусство никогда не въ состояніи подражать. Какъ прозаикъ, онъ отличается: «*Рѣчью о Шведскихъ Королевствѣ*, и *Рѣчью при вступленіи въ Шведскую Академію*», также *Биографическими очерками восточныхъ мужей*. Все это было читано въ публичныхъ собраніяхъ Академіи.

Валлинь, названный Теттеромъ «северною Давидовою арфою» заслужилъ сначала нѣсколько академическихъ наградъ, но не имѣлъ обязанъ своею славою. Его «*Дивирамба*», Января 1808 года, при освященіи памятника Густаву III, есть одно изъ преледнѣйшихъ произведеній на Шведскомъ языкѣ. Въ этой пѣснѣ онъ сбросилъ съ себя цѣпи, въ которыхъ его держалъ академическій вкусъ. Однажды проложивъ себѣ дорогу, онъ написалъ много лирическихъ поэмъ, замѣчательныхъ высокимъ изяществомъ и силою. Псалмами приобрѣлъ онъ себѣ особенную славу, которая продолжится до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать въ Швеціи люди, одаренные изысканномъ вкусомъ и религіозностію.

Послѣ Ленберга не было проповѣдника, имѣвшаго столько слушателей, какъ Валлинь. Безчисленная толпа стекается всегда въ церковь, задолго до началія божественной службы, когда Валлинь проповѣдуетъ. Въ краснорѣчіи его заключаются сила чувствъ, высокія мысли и истины.

Теперь является со времени споровъ, возникшихъ между, такъ называемою, школою классическою и новою, или романтическою. Онъ

Слишкомъ продолжительно было бы исчислять всё его произведенія: стоитъ только взглянуть на оглавленіе, при собраніи его стихотвореній. Всё онъ, кромя собственно ямъ принадлежащихъ красотъ, отзывается духомъ и чувствомъ другихъ великихъ поэтовъ: Эзхила, Гомера, Шекспира, Мильтона, Тасса, Байрона, Шиллера, Гёте, Виргили и Оссана, и читатель замѣчаетъ невольно, какъ гений Тегнера безпрестанно перелетаетъ подобно пчелѣ, по всѣмъ цвѣтамъ, останавливаясь на самыхъ лучшихъ. Тѣ же блестящія краски, которыми онъ умѣетъ украсить свою поэзію, находится и въ прозѣ его. Онъ написалъ тоже *Риты, и разные случаи*.

Съ тѣхъ поръ какъ Тегнеръ поставленъ въ списки, онъ почти ничего не издаетъ. Появлялось только нѣсколько небольшихъ стихотвореній, напечатанныхъ въ періодическихъ изданіяхъ. Нынѣ онъ трудится надъ болѣею поэмою: *«Должъ Святыхъ»*, нѣкуюю предметомъ борьбу Христіанства съ язычествомъ, при введеніи Христіанской Вѣры на Сѣверѣ. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, онъ читалъ начало этой поэмы въ Академіи, но съ тѣхъ поръ ничего болѣе объ немъ не слышно.

Въ слѣдствіе правила, что пить и не можеть

быть ничего совершеннаго, критики замѣчали, что Тегнеръ не довольно глубокъ, какъ будто въ поэзіи должно отыскивать метафизическую бездну! Справедливо, что его поэзіи походитъ иногда на фейерверкъ, блистающій всѣми цвѣтами, привлекающій зрѣніе, но мгновенно исчезающій, не оставляя послѣ себя ни свѣта, ни жара.

Впрочемъ недостатки сіи, весьма рѣдкіе, вознаграждаются истинными красотами, и напрасно замѣчаютъ о такихъ мелочахъ. Тегнеръ, безъ сомнѣнія, выѣстъ съ Эзхиломъ, занимаетъ теперь первое и первѣйшее мѣсто въ Европѣ, между всѣми поэтами.

Историки.

Объ этомъ предметѣ скажемъ отдѣльно нѣсколько словъ.

Число Шведскихъ историковъ довольно велико: Историческія изслѣдованія начались только во времена новѣйшіи. Матеріалы Шведской Истории заключаются въ Исландскихъ Сагахъ и въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ Среднихъ Вѣковъ. Сагъ очень много, но не многія изъ нихъ бросаютъ свѣтъ на Исторію. Число лѣтописей ограничивается четырьмя или пятью, которыхъ суть: *Лѣтопись Эрика Ола* (около 1460 г.); *Лѣтописи братьевъ Ола и Лаврентія Петри*,

время Густава Вазы, и дивь приемованныя лѣтописи (Rim-kronikor) XIV и XV столѣтій. За то Швеція обладаетъ множествомъ грамотъ и публичныхъ актовъ, время самыхъ отдаленныхъ, и эти источники могутъ служить дополненіемъ или исправленіемъ того, о чемъ удаиваются или плохо объясняютъ лѣтописи. При Карлѣ XI начали знакомиться съ Исландскою Литературою, до тѣхъ поръ почти совсѣмъ неизвѣстною въ Швецію. Всѣ историческія изслѣдованія, начиная съ Густава Вазы и до настоящей эпохи, ограничивались генеалогіями. Въ это же время узнали и нашли древности, которыми особенно занимались Рудбекъ, Вереліусъ и Шефферъ. Первый извѣстенъ своимъ знаменитымъ твореніемъ «*Атлантика*», гдѣ онъ хотѣлъ доказать, что Скандинавія есть колыбель міра, островъ Атлантида, о которомъ упоминаетъ Платонъ; что всѣ прочіе народы почерпнули у Скандинавовъ свою религію, законы, исторію, гражданскія постановленія и т. д. Это твореніе есть образецъ обширной учености, и величайшей странности. Нерингшельдъ и Гадорфъ также собирали и описывали Шведскія древности. Внадѣ сдѣлавъ первый опытъ въ критикѣ Шведской Исторіи (около 1680 г.).

Послѣдовательная Исторія Швеціи, отъ временъ отдаленныхъ была написана Далиномъ, по опредѣленію штатовъ королевства. Эта Исторія написана весьма хорошимъ слономъ, и видно, что авторъ прилагалъ всевозможныя усилія къ изслѣдованіямъ, но мало успѣлъ, потому что мало былъ способенъ на такое дѣло, и еще потому, что этотъ трудный путь не освѣщался еще умною критикою. Лагербрингъ показалъ довольно критики въ своей Исторіи Швеціи (напечатанной около 1780), и ему можно смѣло довѣрять. Жаль, что Исторія его писана безъ вкуса и дурнымъ слономъ: это настоящій скелетъ, въ которомъ видна каждая кость, отъ головы до ногъ, но въ которомъ нѣтъ тѣла и крови. Ботингъ отличается болѣе приятнымъ слономъ, и сочиненіе его очень занимательно, оставаясь до сихъ поръ хорошею Исторіею. Первый, написавшій полную Исторію Швеціи, отъ образованія Шведскаго Государства до смерти Карла XII, былъ иностранецъ, именно Рюсъ (Rühs). Онъ написалъ ее, сначала, на Нѣмцкомъ языкѣ, а потомъ ее перевелъ на Шведскій. Для временъ новыхъ, его Исторія лучшая и единственная, потому что Сокращеніе Исторіи Гейера, находящееся въ изданіи Герена и Уккерта,

доходить только до Королевы Христины. Но для времени древних, и особенно языческих, Русь не может быть принята безусловно, потому, что онѣ отвергали свидетельства Исландскихъ сѣгъ.

Гейеръ надѣлъ, въ 1820 году, первый томъ Исторіи Шведскаго Королевства, (о которой мы говорили выше); заключающій въ себѣ критическое обзорѣніе Исландскихъ сказаній, касательно Сѣвера, равно какъ и мнѣній иностранныхъ писателей о томъ же предметѣ. Первый томъ обнимаетъ времена языческія. Въ послѣдствіи, по прозвѣсть Герена и Укерта, Гейеръ издалъ для ихъ собранія: Исторію Шведскаго Народа, сочиненіе известное всѣмъ, уже оцѣненное нами. Есть еще два замѣчательные историка: Фриксель и Стрингольмъ. Первый издалъ: *Berättelser ur svenska historien*, т. е. *Извѣстія изъ Шведской Исторіи*. Седьмой томъ заключаетъ въ себѣ царствованіе Густава Адольфа. Томъ восьмой, обзорѣняющій эпоху Королевы Христины, теперь печатается. Стрингольмъ написалъ *Исторію Шведскаго Народа*. Два первые тома, обнимающіе время языческое и первый вѣкъ Христіанскій, вышли въ свѣтъ, и приближаютъ автора къ Гейеру. Изъ тѣхъ, которые писали

Исторію отдѣльныхъ эпохъ Швеціи, укажемъ на Галленберга (*Исторія Густава Адольфа*), Гравберга (*Кальмарскій Союзъ*) и Стрингольма (*Исторія Королей, изъ Дога Вазы*).

Изъ собраній документовъ, касающихся Исторіи Швеціи, первое мѣсто принадлежитъ слѣдующимъ: *Scriptores rerum Svecicarum medii ævi*, 2 тома in folio изданные Нординомъ, Гейеромъ и Шредеромъ; *Diplomatarium Svecanum*, изданное Лильегреномъ, и *Handlingar rörande Scandinaviens Historia*, т. е. Акты относящіеся къ Шведской Исторіи, издаваемые Обществомъ любителей Исторіи.

Газеты и журналы.

Нельзя опредѣлить времени, когда въ Швеціи начали издавать газеты, и было бы доскучаться этого, потому что первые газеты, какъ въ Швеціи, такъ и въ другихъ мѣстахъ, ограничивались одними объявленіями и афишами, и рѣдко мнѣшними извѣстіями, весьма тощими. Идея о томъ могуществѣ, которое принадлежитъ нынѣ книгопечатанію, едва ли могла прийти кому либо въ голову, въ XVII и въ половинѣ XVIII столѣтія! Ограничиваясь здѣсь указаніемъ на тѣ Шведскія газеты, которыя издаются нынѣ, и на дѣль или

на три газеты, уже прекратившиеся, но въ свое время имѣвши вліяніе на общественное мнѣніе и на ходъ дѣлъ.

1. «Sverges Stats-Tidning, т. е. *Шведская Государственная Газета*.» Начало ея относится къ 1723 году; тогда она была известна подъ именемъ «Stockholms Post-Tidning (Стокгольмская почта)», а въ 1821 году соединена съ «*Внутреннею газетою* (Inrikes-Tidning)», издававшейся съ 1766 года. Въ 1856 году названіе ея снова измѣнилось, и до сихъ поръ сохраняется. Въ этой газетѣ печатаются все извѣстія и судебныя объявленія, и какъ за нихъ платить дорого, то этимъ доходомъ покрываются почти все расходы по изданію. Она состоитъ изъ 3 отдѣленій: 1) для извѣстій и официальныхъ объявленій; 2) для извѣстій заграничныхъ и внутреннихъ, а 3) отдѣленіе содержитъ въ себѣ статьи политическія или литературныя. Подписчиковъ считается около 5000. Редакторы ея суть Баронъ Альбедиль, Вальмаркъ, Веттерхитетъ, братъ покойнаго Министра, и Брандель. Все они не принадлежать къ разряду людей гениальныхъ; можно только замѣтить о Вальмаркѣ, что онъ, по крайней мѣрѣ, умѣетъ писать правильно по-Шведски. Когда въ главѣ редакціи былъ Графъ

Лагербельке, въ этой газетѣ появлялись статьи, достойныя вниманія. Если же нынѣ, по какому нибудь чрезвычайному случаю, явится хорошая статья, то она всегда бываетъ переподана. Редакція не имѣетъ даровитыхъ сотрудниковъ, и издаетъ газету безъ знанія дѣла, а между тѣмъ все благомыслище люди, слушающіе надъ ней, желали бы ей успѣха, потому, что она пишетъ въ духѣ правительства и порядка.

2. «*Разная ежедневная извѣстія*» (Dagligt Aftnbanda). Газета эта началась, въ 1762 году. Въ 1828 или 1829 году, редакторомъ ея былъ нѣкто Теурель (Theorell) человекъ знающій и образованный, умѣвшій придать заим�тельность изданію, которое было только афишею. Въ 1850 или 1851 стали завѣдывать редакціею Дальманъ и Арндсонъ, и завѣдываютъ ею до сихъ поръ: первый пишетъ статьи политическія, второй литературныя. Дальманъ извѣстенъ, какъ человекъ честнѣйшихъ нравовъ, и пользуется уваженіемъ всехъ знающихъ его людей. Въ политикѣ слѣдуетъ онъ новѣйшимъ идеямъ, и этимъ грѣшитъ предъ своими читателями. Подписчиковъ считается, какъ говорить, до 2,000.

5. «*Стокгольмская почта*» (Stokholms Posten) — больше не существует. Издавна ее начал Чельгрентъ, въ 1778 году. Она долго пользовалась уваженіемъ, какъ листокъ литературный, и была Олимпіадъ, на который молодые поэты Швеціи появлялись, подъ плащомъ анонимовъ. Чельгрентъ, Леонопольдъ, Г^нс Ленгрентъ, Лидиеръ, Сильвершольмъ, Оксеншерна, Гилленборгъ, Франценъ и другіе, помѣщали въ ней свои піесы. Въ послѣдніе годы существованія, газета сія, въ рукахъ послѣдняго редактора Линдберга, обратилась почти исключительно въ политическую, однако жъ не имѣла вліянія, потому что скука преобладала въ ней надъ дарованіемъ. Наконецъ, отъ недостатка подписчиковъ, она прекратилась.

4. «*Журналъ литературы и театра*» (Journal för Litterature och Theater), а въ послѣдствіи просто «*Всеобщій журналъ*» (Allmänna Journalen) началъ издаваться въ 1809 году, Вальмаркомъ. Эта газета, кончившаяся въ 1856 году, не имѣла ничего замѣчательнаго въ послѣднее время, но отъ 1810 до 1814 года, она отличалась жесточайшимъ нападеніемъ на романтизмъ, или, какъ его называли, Фосфорисмъ.

3. *Аргусъ*, также прекратившаяся газета. Редакторомъ ея былъ Югансонъ. Начата въ 1820

году, она слѣдовала путемъ постоянной оппозиціи. Нельзи отказать редактору во многихъ свѣдѣніяхъ и знаніи дѣла, но онъ до того былъ далекъ отъ пріятнаго и легкаго слога, что скука овладѣла всеми читателями, даже тѣми, которые раздѣляли его политическіе виды. Эта газета произвела и учила: «Dagligt Allehanda» и «Aftonblad».

6. Подъ названіемъ: «*Неприглашеннаго гостя*», (Objudne gästen) Акселефъ издавалъ, во время сейма 1829 года, газету, которая, умнымъ и занимательнымъ содержаніемъ своимъ, приобрѣла много читателей. Въ послѣдствіи редакторъ назвалъ ее: «Svenska Minerva» (Шведская Минерва), и это названіе сохранилось до сихъ поръ. Она находится въ оппозиціи съ оппозиціей, и всегда защищать правду, гдѣ бы ни нашла ее. Минерва часто исполняетъ то, что бы слѣдовало дѣлать официальной газетѣ, если бы она умѣла искусно защищать правое дѣло. Акселефъ безспорно принадлежитъ къ умнѣйшимъ и самымъ даровитымъ Шведскимъ публицистамъ. Жаль только, что чрезвычайная лѣность препятствуетъ ему распространить газету, тѣмъ болѣе, что онъ нравственно обязанъ сдѣлать это, потому что газета его содержитъ въ себѣ здравыя сужденія, отлично изложенныя. При

всеобщемъ ея распространѣнн, образовалась бы общественное мнѣн, болѣе обдуманное и болѣе свободное (въ хорошемъ значенн этого слова).

7. «*Fäderneslandet*» такъ называлась газета, издававшаяся отъ 1850 до 1852 года Г. Крувенстоппе. Въ свое время она весьма умно и ревностно защищала правительство, но: tempo mutatur! Редакторъ вдругъ измѣнилъ свой образъ мыслей, и перешелъ къ оппозици, когда не захотѣлъ поддерживать его журнала! Теперь онъ пишетъ въ *Veierley*-газетѣ, и дописался до того, что посаженъ въ крѣпость, какъ и сказалъ выше.

8. «*Veierley* Газета» (*Aftenbladet*), имѣетъ болѣе нѣтъ подписчиковъ (около 4000) и болѣе всѣхъ читается. Редакторъ ея Г. Ерта. Газета началась въ 1850 году, и нѣсколькими умными, острыми и хорошо написанными статьями, возбуждала тогда общее любопытство. Даже тѣ люди, которые не одобряютъ мнѣнн этой газеты, читаютъ ее охотно, потому что статьи ея разнообразны, а любопытство возбуждается всеми возможными средствами. Газету сию боготворить во всѣхъ шинкахъ, читаютъ на гудьбицахъ, а иногда кажется, что она исклю-

чительно издается для черни. Нѣтъ сомнѣнн, что послѣднн ничтожные безпорядки, подобны бурѣ въ стаканѣ воды, безпорядки, которыхъ мы недавно были свидѣтелями, произошли отъ внушенн этой газеты. Ее запрещали разъ 16 или 17, но на другой день она снова появлялась, съ какимъ нибудь легкимъ измѣненнмъ въ заглавн. Размышляютъ ли издатели о томъ вредѣ, который они производятъ, употребляя свои дарованн не для уснокошенн умовъ, но для воспаленн страстей, смущая добрый и честный Шведскнй народъ софисмами! Ираво жаль! Благонамѣренные люди думаютъ, что Шведскнн Штаты примутъ строгн мѣры противу злоупотребленн книгопечатанн и что главнымъ пунктомъ обвиненн послужитъ *Veierley*-Газета и ея дерзкая оппозици.

Изъ литературныхъ журналовъ, въ Швеци существуетъ одинъ, именно «*Skandia*», издаваемый въ Упсалѣ. Въ немъ бывають иногда статьи весьма хороши и весьма посредственными. Впрочемъ, всѣ литературныя журналы такъ похожи другъ на друга, что довольно знать ихъ названн.

Вотъ краткнй очеркъ, или нанорама умственной Швеци! Въ положительныхъ наукахъ Шве-

ды всегда занимали отличное мѣсто въ ученый міръ, и нѣкоторые изъ нихъ возвысились даже до первыхъ степеней. Линней былъ первымъ Натуралистомъ своего вѣка; Верцелюсъ есть лишь, безспорно, первый химикъ. Три великіе мужа, какъ завѣды, свѣтять на Европейскомъ горизонтѣ просвѣщенія, изъ отдаленнаго Сѣвера: Тегнеръ, Гейеръ и Верцелюсъ. Англія, Франція и Германія, не изыщутъ ученыхъ, поэтовъ и историковъ выше ихъ, и что всего удивительнѣе, въ Швеціи ученость и поэзія не только не мѣшаютъ другъ другу, напротивъ составляютъ одно цѣлое, одну принадлежность литератора. Верцелюсъ не чуждъ литературы, Тегнеръ и Гейеръ посвящаютъ одну половину жизни вдохновеніямъ поэзіи, а другую половину ученымъ изысканіямъ природы и событій! Отъ того труды ихъ столь сильно убѣждаютъ умъ, и трогаютъ душу.

V.

Поездка въ Упсалу, на пароходѣ. — Новый спутникъ. — Историческія мѣста. — Замокъ Фолькунгерова. — Древняя Сигтуна и Бирка. — Основаніе Упсалы. — Знакомство съ книгопродавцемъ Боденромъ, и Ректоромъ Университета Сьрндеромъ. — Университетскія зданія. — Библиотека, собраніе манускриптовъ, музей и минералогическій кабинетъ. — Встрѣча съ Русскимъ профессоромъ Г. Соколовымъ. — Университетское положеніе. — Правдивость и вѣрность студентовъ. — Ботаническій садъ. — Сочиненія профессора Лоста. — Трагедія

Шиландера.

На парождѣ въ Упсалу, и извѣсть весьма пріятнаго товарища. Г. Косманъ, молодой Германецъ, обучался въ Гейдельбергѣ, и прѣхавъ въ Дерптъ, для образованія сына покойнаго Профессора Энгольца, сдѣлалъ блестящій экзаменъ, на ученую степенъ, въ Дерптскомъ Университетѣ, по части Физическихъ наукъ. Теперь, по кончинѣ своего питомца, онъ возвращается въ свое отечество, и захватитъ поглядѣть Швецію. Мнѣ чрезвычайно пріятно

было пайти въ ушномъ челоуѣкъ одинаковое со мною мнѣніе о Шведскомъ народѣ, и мы пере- давали другъ другу наши наблюденія и замѣ- чанія. Въ 8 часовъ утра пароходъ Фрея отва- лилъ отъ берега, въ прекраснѣйшую погоду, и понесся быстро вдоль очаровательныхъ бере- говъ Меларскаго Озера. Пассажировъ было мно- жество, и въ томъ числѣ нѣсколько дамъ. Ка- питанъ парохода, молодой, весьма образован- ный челоуѣкъ, какъ почти всѣ Шведы сред- няго сословія, знаетъ по-Нѣмецки, и потому и могъ съ нами объясняться свободно, не зная Шведскаго языка. Мы дивлялись искусству Шведскихъ моряковъ, при проходѣ чрезъ двѣ тѣсныны, при мостѣ Нюкеби, особенно при мо- стѣ Стекатъ (Slakat). Мосты поднимаются ровно на столько, чтобъ только проскользнуть паро- ходамъ. При проѣздѣ Стеката, между бортами парохода и стѣнами моста не было и на чет- верть аршина разстоянія, но Капитанъ нашъ не убавилъ ходу, и пролетѣлъ стрѣлою между стѣнъ, такъ что даже воздухъ зашипѣлъ. Во время плаванія Капитанъ показывалъ мнѣ, между прелестными окрестностями, историче- скія мѣста. Вотъ развалины замка, гдѣ Густавъ Ваза, въ молодыхъ лѣтахъ, придерживался сто-

роны правители Швеціи, Стена Стуре, осаж- далъ противника его, Епископа Тролле, быв- шаго потомъ безвинною причиною Стокгольм- скаго кровопролитія. Вотъ городъ Сигтуна, древнѣйшій въ Швеціи, основанный, по пре- даніямъ, Оденъ. Въ нѣкоторыхъ сагахъ самъ Оденъ называется Сигте, а по другимъ пре- даніямъ, сынъ его носилъ это имя. Достоѣрно только то, что здѣсь основано первое посе- леніе Азовъ, пришедшихъ съ береговъ Чернаго Моря, съ Оденъ, по моему мнѣнію, во время войны Митридата, или около этого времени. * До 1188 года, Сигтуна была главнымъ и важ- нѣйшимъ городомъ въ Швеціи. По сожженіи его Эстонцами, жители, какъ я сказалъ выше, перешли въ Стокгольмъ, и Сигтуна лишилась навсегда своего могущества. До сихъ поръ не рѣшился окончательно, гдѣ лежалъ древній городъ Бирка, современный Сигтуна. Послѣ основательныхъ изысканій по сему предмету, я придерживался мнѣнія тѣхъ, которые пола- гають, что Бирка и Сигтуна одно и то же, и что Сигтуна былъ замокъ или грабъ, а Бирка селеніе, лежавшее въ нѣкоторомъ разстояніи

* См. Россія въ историч. и проч. отношеніяхъ.

отъ замка, но что они составляли одно цѣлое, т. е. городъ съ крѣпостью. Вокругъ Сигтуны, есть слѣды древней обитаемости. Теперь Сигтуна имѣетъ около 400 жителей и одну церковь, весьма древнюю. Развалины древняго замка, съ тремя башнями, вѣроятно принадлежать хотя не къ первой эпохѣ основанія города, но вѣроятно къ XII вѣку, и по крайней мѣрѣ XIII. Быть можетъ, что послѣ разоренія города Эстонцами здѣсь снова сооруженъ былъ замокъ, изъ развалинъ прежнихъ стѣнъ, но во всякомъ случаѣ вѣрно то, что камни, изъ которыхъ сложены эти стѣны и башни, были обтесаны въ первые вѣки Христіанства. Развалины довольно хорошо сохранились, особенно одна башня. Вотъ Сигтуншеръ, теперь прекрасная мыза, а встарину крѣпкій замокъ, принадлежавшій древнѣйшему Шведскому роду, извѣстному въ Исторіи подъ названіемъ Фолькунгеръ (Folkunger). Знаменитый Виргеръ-Яръ изъ рода Фолькунгеръ, основатель Стокгольма, положившій первое основаніе могуществу Швеціи, былъ только правителемъ ея, безъ королевскаго титула (1266). По смерти Виргера Яра, сынъ его Вальдемаръ принялъ королевскій титулъ, а три брата его получили тер-

ритовства, т. е. раздѣлили Швецію между собою. Изъ фамилиі Фолькунгеровъ были четыре Короля (Вальдемаръ, Магнусъ Ладулесь, Виргеръ Магнуссонъ и Магнусъ Эрикссонъ), и всѣ кромѣ Магнуса Ладулеса были лишены престола. Послѣ паденія этой фамилиі (1365), сдѣлавшейся ненавистною въ Швецію, настала несчастная эпоха чуждаго владычества, которая была столь бѣдственна для Скандинавскаго Полуострова. Фолькунгеры были весьма многочисленны и сильны богатствомъ и связями. Но вмѣсто того, чтобы стремиться къ пользѣ отечества, они безпрестанно ссорились и дрались между собою, и обижали безсильныхъ. Въ древнихъ хроникахъ говорится объ нихъ, что это были не дворяне, а сущіе разбойники. Прекрасно рисуется замокъ Скоклостеръ на берегу Мелара, между линовыми аллеями, но какъ я намѣренъ осмотрѣть замокъ, то теперь умолю объ немъ. Берега Меларскаго Озера хотя чрезвычайно живописны, но разнообразны ландшафтами, т. е. вездѣ одиѣ скалы, покрытыя землею, на которой растутъ, болѣею частью, сосна и ель. Долины и луговины почти нѣтъ. Виды совершенно измѣнились, когда мы вошли въ узкую рѣку Фирисе (Fyrisä). Какъ

ней и гранитных скалъ, которые отъ самого выхода изъ Ревеля, были у меня безпрестанно передъ глазами, здѣсь вовсе нѣтъ. По правую сторону рѣки лежатъ необозримые дуги и пашни, по лѣвую сосновый лѣсъ, на возвышеніи. Вдали видѣтъ городъ; на горѣ возвышается древній замокъ, съ своими башнями, и высокія башни собора выглядываютъ изъ долины. Только съ этой стороны Уисала имѣешь видъ довольно живописный. Городъ лежитъ въ долинѣ, посреди необозримыхъ равнинъ, пересѣкаемыхъ холмами, и потому почти скрытъ отъ взоровъ, когда подъѣзжаешь къ нему съ твердой земли, а не рѣкою. Пристань находится на предмѣстьѣ, довольно далеко отъ середины города. На пароходѣ было прибито объявленіе Г. Шиландера, рекомендующаго свой трактиръ путешественникамъ, и мы помѣстились въ немъ. Трактиръ лежитъ на рынкѣ, т. е. въ лучшей части города.

Провинція Упландія (Upland) есть классическая страна Сѣвера и для Германскихъ племенъ должна быть то же, въ отношеніи историческомъ, что Мекка и Медина для Мусульманъ, въ отношеніи религіозномъ. Даже для насъ, Сѣверо-Восточныхъ Славянъ, страна эта

весьма любопытна, потому что въ глубочайшей древности Славяне и Готы были въ тѣсныхъ сношеніяхъ, и по сагамъ, даже между спутниками Одена были Славяне или Ванны. Въ послѣдствіи Скандинавы и Сѣверо-Восточные Славяне, или жители Гардарика, были то въ союзахъ, то въ войнахъ между собою, и даже по утвержденіи Русскихъ князей въ Славянщинѣ, тѣсныя связи продолжались между Славянами и Скандинавами, до самаго Татарскаго нашествія, которое измѣнило весь прежній видъ Руси. Нѣтъ сомнѣнія, что у Славянъ и Скандинавовъ было множество одинаковыхъ обычаевъ, правительственныхъ формъ и священныхъ обрядовъ, но какъ на Руси все древнее изъ предхристіанской эпохи исчезло, то мы только можемъ догадываться о бывшемъ у насъ, по аналогіи, дѣлая изысканія въ исторіи Скандинавскаго Полуострова.

Когда Оденъ, съ ордою своею, поселился на берегахъ Меларскаго Озера, онъ избралъ мѣста хлѣбородныя, въ долинахъ Упландіи. Главное поселеніе было въ Сигтунѣ и Виркѣ, ближе къ устью озера, а пашни и сельскія жилища простирались далеко внутрь края. Посреди хлѣбородныхъ полей была ностросень другой го-

родъ, Уисала *, для защиты землянцевъ отъ набѣговъ туземцевъ. По сожженіи Сигтуны древнее богослуженіе перенесено въ этотъ городъ, въ которомъ, вѣроятно еще при жизни Одена, были храмъ и священная роща; а по смерти его храмъ распространенъ, и начали въ немъ воодавать основателю вѣры божескія почести. Тутъ поселился верховный жрецъ религіи Одена. Въ пяти верстахъ отъ Уисалы находилось другое значительное селеніе, которое называлось, въ древности, Эстеръ-Аросъ (Oester-Aros). Въ 1275 году, Архіепископъ переселился изъ Уисалы въ Эстеръ-Аросъ, гдѣ воздвигнуты были новый соборъ, и это селеніе, сдѣлавшись городомъ, приняло названіе Новой Уисалы, а прежняя Уисала упала, превратилась въ деревню, однакожь до сихъ поръ называется Древнею Уисалою (Gamla Upsala). Впрочемъ нѣтъ ничего достовернаго, какъ то, что Сигтуна и Уисала суть древнѣйшіе города

* Полнѣе, что Уисала получила свое прозваніе отъ небольшого ручья Сала, при которомъ оно лежитъ. Уик, (вр) въ древнемъ языкѣ, означало тоже, что Ма или Нагъ. При произношеніи Уисала, удареніе на слогъ са.

въ Швеціи, о которыхъ упоминають преданія, саги и исторіи. До построенія и украшенія Стокгольма правительствъ Швеціи Виргеромъ Ярломъ (1260 — 1270), Уисала была столицею Шведскихъ Королей, или конунговъ, но и послѣ назначенія Стокгольма столицею, Уисала не потеряла своей важности, бывъ всегда мѣстопробываніемъ Архіепископа, примаesa Швеціи, который пользовался сильною властью, и имѣя въ стѣнахъ своихъ первую въ государствѣ школу, основанную въ 1246 году, въ которой образовались духовные и дворянство. Сеймы, для сужденія о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ всегда почти бывали въ Уисалѣ, по древнему уваженію къ этому городу. Здѣсь каждая улица, такъ сказать, каждая пядень земли припоминаетъ какое нибудь важное событіе.

Я уже сказалъ, что терять не могу рекомендательныхъ писемъ. И теперь друзья мои въ Стокгольмѣ хотѣли снабдить меня письмами къ профессорамъ административнаго Унверситета, но и отказали. Въ Уисалѣ находятся двѣ книжныя лавки Лундквиста (Доктора Философіи) въ компаніи съ Болинномъ (Bohlin) и Бергаунда. Книжная лавка для литератора, то же что прина-

ненный берег для мореплавателя. Я пошел в первую лавку, и адресовался къ Г. Вольфу, челоѣку образованному, благовоспитанному и услужливому. Онъ хорошо знаетъ по-Нѣмецки. Я сказалъ ему, что желаю осмотрѣть Университетъ, и онъ взялся проводить меня къ Ректору Университета Г. Скредеру (Schröder, Johann Heinrich), который принялъ меня отъѣсно ласково, и вызвался быть моимъ путеводителемъ по всѣмъ заведеніямъ Университета. Почтенный Скредеръ занимаетъ званіе бібліотекаря и хранителя нумизматическаго кабинета при Университетѣ и кафедре археологій, занимается преподаваніемъ и объясненіемъ древнихъ Скандинавскаго и Исландскаго языковъ, по сагамъ и древнимъ памятникамъ. Я чрезвычайно обрадовался этому знакомству, любя страстно историческія древности и занимаясь самъ Исландскими языкомъ и чтеніемъ сагъ. Помучивъ порядкомъ добраго Скредера моими распросами о сагахъ и рунахъ, и получивъ отъ него нѣсколько драгоценныхъ диссертацій по части Сѣверной Археологій,* и простясь съ нимъ. На дру-

* 1. De nummis gothlandicis. 2. Vocabularium Værendicum. 3. Ad Runographiam Scandinaviae. 4. Ru-

гой день въ 9 часовъ утра, явился я снова къ доброму Г. Скредеру, и мы отправились въ путь.

Университетскія заведенія и аудитория (т. е. залы, гдѣ читають лекціи) разсыяны по городу, а не въ одномъ зданіи, какъ въ Петербургѣ. Мы зашли сперва въ старое университетское зданіе, называемое Густавовскою Академіею, въ память возобновителя или правильнѣе основателя Университета, великаго Густава Адольфа*. Здѣсь, до сихъ поръ находится бібліотека,

пография Gothlandicæ. Въ эти диссертаціи весьма важны для исторіи Сѣвера вообще и весьма полезны занимающіяся Славянскими древностями.

* При правителѣ Биргерѣ Ярѣ, въ началѣ XIV вѣка, въ Упсалѣ распространена была школа, основанная въ половинѣ XIII вѣка. Въ 1114 г. прибыли въ Упсалу, изъ Германіи, многіе ученые для усовершенствованія школы, по постановленію Костницкаго собора. Въ 1158, учреждена первая кафедра и профессура. Въ 1474 году Папа Сикстъ IV утвердилъ положеніе объ основаніи въ Упсалѣ Университета, на правахъ Парижскаго. По проидѣтіи его начинается со времени Густава Адольфа, т. е. съ торжества реформаци. Важнѣйшіе права и дары пожалованы Университету Густавомъ Адольфомъ.

потому что новое помѣщеніе еще отдѣляется. Всѣхъ печатныхъ книгъ здѣсь 105,000 томовъ. Библіотека основана Густавомъ Адольфомъ Великимъ, въ 1621 году, пожалованіемъ Университету королевской библіотеки, какъ и уже сказала. Потомъ библіотека умножилась книгами вѣзными симъ же Кородемъ въ добычу въ Польшѣ и Германіи и перенесеніемъ изъ Лифляндіи всѣхъ важнѣйшихъ библіотекъ, изъ опасенія, чтобы онѣ не достались Русскимъ. Многіе частные люди и полководцы обогатили библіотеку дарами. Фельдмаршалъ Кенигсмаркъ подарилъ Упсальскому Университету цѣлую библіотеку, вѣзную имъ въ добычу въ Чешской Прагѣ; Фельдмаршалъ Торстенсонъ захвативъ библіотеку въ Ольмюцѣ, подарилъ половину ея Упсаль, а другую половину королевской библіотекѣ въ Стокгольмѣ. Знаменитый ученостью и познаніемъ множества языковъ (а въ томъ числѣ и Русскаго) Іоаннъ Гавриэль Спарвенфельдъ (Sparfvenfeldt) подарилъ огромную коллекцію книгъ и манускриптовъ на Славяно-Русскомъ, Богемскомъ, Польскомъ, Иллирійскомъ, Молдавскомъ, Венгерскомъ, Англійскомъ, Испанскомъ и Италіянскомъ языкахъ, собранныхъ имъ во время путешествія

по Европѣ и Африкѣ, въ 1688—1694 годахъ. Значительное число книгъ и манускриптовъ подарилъ библіотекѣ Графъ Магнусъ де-ла Гарди (1689 года). Густавъ III подарилъ, такъ называемое, Кронштедово собраніе Шведскихъ и Латинскихъ рѣдкихъ книгъ, числомъ 3017. Кромѣ того, многіе профессора и частные люди завѣщали библіотекѣ свои книги и даже капиталы, для покупки книгъ. Вообще можно сказать, что эта библіотека есть памятникъ Шведскаго патриотизма и славы, ибо составлена изъ даровъ и военной добычи. Манускрипты и рѣдкости уже перенесены въ новое зданіе и помѣщены въ нижнемъ этажѣ. Новое университетское зданіе стоитъ на горѣ. Это огромный, высокій домъ, не имѣющій ни какихъ наружныхъ архитектурныхъ украшеній; онъ не красивъ на видъ и походить болѣе на какой нибудь магазинъ. Но внутренность зданія превосходная. Сѣни обширныя, въ родѣ Италіянскомъ. Лѣстница, одна изъ лучшихъ, какія мнѣ случалось видѣть въ жизни. Библіотеку, которая теперь отдѣляется, по объему и удобствамъ можно также причислить къ лучшимъ въ Европѣ. Ауд., т. е. аудіенцъ-зала, превосходная и едва ли не самая огромная въ Европѣ. Я удивлялся

акустическому ея достоинству. Одинъ изъ насъ говорить, довольно тихо; въ одномъ концѣ залы, а въ другомъ концѣ все было слышно. Аудла также отдѣливается теперь. Первый строитель этого зданія, Г. Сундвальдъ, умеръ, не кончивъ своего прекраснаго труда и продолжалъ его Г. Нельмъ. Оба архитектора съ отличными дарованіями*. Нижній этажъ уже отдѣланъ, и въ немъ помѣщенъ музей рѣдкостей и 6000 рукописей, а въ томъ числѣ множество весьма любопытныхъ и драгоценныхъ для исторіи.

Вошедши въ отдѣленіе рукописей, я былъ привѣтствуемъ по-Русски! Здѣсь нашелъ я профессора Александровскаго (Гельсингфорскаго) Университета Г. Соловьева; путешествующаго по Швеціи для обозрѣнія библіотекъ и для выписки изъ нихъ всего важнаго для Русской Исторіи. Первый годъ Г. Соловьевъ бѣдиль на свой собственный счетъ, а теперь, по предстательству Г. Министра Просвѣщенія С. С. Уварова, получаетъ пособіе изъ казны, на счетъ суммъ, назначенныхъ для Археографической Комиссіи. Я знаю Г. Соловьева въ то время, когда онъ былъ еще студен-

томъ С. Петербургскаго Университета, именно въ 1825 году, и не узналъ бы теперь, если бы онъ не припомнилъ о себѣ. Мы обрадовались этой встрѣчѣ, и заговорившись по Русски, за-были о присутствіи добраго Скредера, передъ которымъ должны были явиться, въ томъ, что увлеклись патриотическимъ чувствомъ. Г. Соловьевъ уже другой годъ работаетъ въ Упсальской библіотекѣ и знаетъ ее хорошо; но не взирая на встрѣчу съ старымъ знакомцемъ, онъ кажется смутился, увидѣвъ въ Швеціи Русскаго Литератора и притомъ занимающагося Исторіею, полагая, что я пріѣхалъ въ Швецію съ тою же цѣлю, и намѣренъ раздѣлить съ нимъ славу открывателя Русскихъ историческихъ памятниковъ въ Скандинавіи! Не взирая на всѣ мои увѣренія, что я вовсе не намѣренъ заниматься списываніемъ рукописей, что я пріѣхалъ на весьма короткое время въ Швецію, и даже если возвращусь когда либо, то никогда не приму на себя этого огромнаго труда, Г. Соловьевъ, по видимому, не убѣдился моими доводами, и хотя я обязанъ ему нѣкоторыми указаніями, но думаю, что онъ не показалъ мнѣ важнѣйшаго. Въ этомъ удостовѣрился я въ Схюкlostерѣ. Всегда, когда я заводилъ съ

* Постройка зданія стоила около 800,000 рублей.

нимъ рѣчь о Русскихъ рукописяхъ, онъ становится въ оборонительное положеніе (in Vertheidigungs Stand) и утверждаетъ, что въ Швеціи нѣтъ ничего любопытнаго. Въ Археографической Коммиссіи, онъ говорилъ иное, т. е. сущую правду, что въ Швеціи весьма много важнаго и любопытнаго для Русской Исторіи, не только между рукописями Русскими, но Шведскими и Латинскими. Но я полагаю, что для извлеченія изъ Шведскихъ книгохранилищъ и архивовъ всего важнаго и любопытнаго, надобно весьма много времени, и нѣсколько человѣкъ съ различными образованіемъ, различными видами, но съ одною цѣлю. Г. Соловьевъ имѣетъ то важное преимущество, что онъ отлично хорошо знаетъ по-Шведски. Весьма было бы полезно, если бы съ Г. Соловьевымъ трудился человѣкъ, знающій по-Польски, ибо въ Швеціи есть множество Польскихъ актовъ относительно Россіи, и знатокъ такъ называемой варварской и юридической Латини. Кажется мнѣ также, что эти выписки слѣдовало-бы дѣлать по плану болѣе обширному, а именно пересматривая критически Русскую Исторію отъ самой древней эпохи до новой, пополнять недостатки, исправлять ошибки и пояснять темныя мѣста вы-

писками изъ Шведскихъ актовъ и историческихъ рукописей, прилагая къ Исторіи эти выписки въ видѣ *variantovъ*. Впрочемъ труды Г. Соловьева, во всякомъ случаѣ, весьма полезны и безъ сомнѣнія обогатятъ многими сокровищами драгоцѣнное собраніе Археографической Коммиссіи.

Г. Соловьевъ указалъ мнѣ на то, что онъ почитаетъ любопытнымъ, въ собраніи Русскихъ рукописей, т. е. что онъ уже успѣлъ осмотрѣть, списать или описать: 1) О состояніи Россіи, въ царствованіе Царя Алексѣя Михайловича, писано подьячимъ Посольскаго Приказа Григоріемъ Карновымъ Кошихинымъ, въ Стокгольмѣ, въ 1667. годахъ, по порученію Графа Магнуса де ла Гарди. Переводъ этой рукописи на Шведскомъ языкѣ найденъ Г. Соловьевымъ въ Шведскомъ государственномъ архивѣ, въ 1837 году, а подлинникъ, по-Русски, списанъ въ Унсалѣ, въ 1838 году. Это весьма важный документъ, изображающій внутреннее состояніе Россіи, хотя пользоваться имъ должно съ критикою, потому что Кошихинъ бѣжалъ изъ отечества, а такому человѣку вѣрить должно не иначе, какъ съ предосторожностями; 2) Родословныя книги княжескихъ, дворян-

ских и других фамилий, которые сожжены были, по повелѣнію Царя Феодора Алексѣевича, для истребленія мѣстничества. Здѣсь хранятся два экземпляра этихъ любопытныхъ актовъ. Одинъ изъ сихъ экземпляровъ древнѣе и онъ списанъ въ 1785 году, по повелѣнію Императрицы Екатерины II. Списокъ этотъ долженъ храниться въ Эрмитажной Библіотекѣ. Экземпляръ, который понынѣ, писанъ другимъ почеркомъ, и отличается отъ перваго текстомъ и порядкомъ въ размѣщеніи фамилій. Онъ оканчивается фамиліею *Монастыревскихъ*. Въ этомъ старомъ экземплярѣ есть заглавный листъ, слѣдующаго содержанія: «Родословная В. Князей Литовскихъ, списана изъ лѣтописца Святѣйшаго Патріарха Гермогена Московскаго и всея Россіи.» Тутъ же находится: «Сказаніе о Великомъ Князѣ Витовтѣ;» Выписка изъ лѣтописца шестия тысящи о Нижнемъ Новгородѣ;» «Ярлыкъ Золотой орды Азбика, Царя, данъ въ Орду, великому чудотворцу Петру Митрополиту Кіевскому и всея Россіи.» 5) «Чертежъ Московскаго Государства» (т. е. Географія), писанъ въ 1682 году. Здѣсь означены разстоянія столицъ и значительнѣйшихъ городовъ. Книга начинается Адрианополею, и оканчивается Флоренціею.

4) «Озвѣстіи Сибирскія земли,» съ прибавленіемъ: «Дістаконъ храбрымъ ратоборцамъ Ермаку Тимофеевичу съ товарищи.» 5) «Мужество и храбрость Динары, Царевны, Иверскаго Царя дщери,» на семи четверткахъ, а остальная часть рукописи, болѣе нежели на 100 четверткахъ, заключаетъ въ себѣ: «Описаніе посольства Царя Алексѣя Михайловича въ Мелетинскую землю, къ Царю Александру въ 7158 году.» 6) три тома хроники Стриковского, переведенные по указу Царя Алексѣя Михайловича, переводчиками посольскаго приказа. Каждый переводчикъ подписался подъ своимъ трудомъ. 7) Печатное Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, съ которымъ перецѣтены дополнителныя и объяснительныя статьи къ Уложенію и рукописные указы, послѣдовавшіе по напечатаніи Уложенія (in folio). 8) «Славяно-Русско-Латинскій Лексиконъ,» въ 4 томахъ, составленный знаменитымъ Филологомъ Спарвенфельдомъ. Года не означено, но трудъ этотъ относится, вѣроятно, къ концу XVII столѣтія. 9) Переводъ его же, Спарвенфельда, книги съ Греческаго языка на Русскій: «Православное исповѣданіе Каѳолическія и Апостольскія Вѣры, Церкви Восточныя. Написано въ Москвѣ, отъ воплоще-

нія Божьяго Слова 1685 года, тицаніемъ Іоанна Гавріла Спарсенфельда, шляхтича Свейскаго» (in 8). 10). Имъ же, Спарсенфельдомъ, переведенныя: «Евѣнгеліе Епхиридіонъ или мечъ Славинскій, съ Латинскаго, 1710 года, и «Сенека Христіанскій, въ Римѣ, типомъ (т. е. въ типографіи) Драгонели, въ 1758 году, начальныишимъ позволеніемъ 1702 года (in 8). Множество свитковъ, т. е. грамотъ, я не имѣлъ времени разбирать, но вѣроятно въ нихъ есть важное или любопытное.

Важѣйшій изъ манускриптовъ въ филологическомъ и палеографическомъ отношеніи есть, такъ называемый *Codex argenteus*. Это переводъ четырехъ Евангелій, на Мезоготскій языкъ, Готскаго Епископа Ульфилы (*Ulfila*). Извѣстно, что при нашествіи Гунновъ, въ IV столѣтіи, разбитые ими Готы бѣжали на Дунай, и съ позволенія Византійскаго Императора Валенція, поселились въ Мизи. Часть этихъ Готовъ были Христіане, и Епископомъ у нихъ былъ Ульфилла, который, стараясь о распространеніи Христіанской Вѣры между своими единоземцами, переводилъ для нихъ священныя книги. Отъ поселенія своего въ Мизи, эти Готы называются, въ Византійскихъ хроникахъ:

Мезоготами. Сія важная рукопись хранилась цѣлые вѣки въ одномъ изъ монастырей въ Кельнѣ, потомъ перешла въ Прагу, гдѣ нашелъ ее Фельдмаршалъ Кенигсмаркъ, во время Тридцатилѣтней Войны, и подарилъ Королевѣ Христинѣ. Вѣтреная Христина подарила рукопись бібліотекарю своему, Исааку Фоссію (*Vossius*), который увезъ ее въ Голландію, гдѣ она была напечатана въ 1665 году. Графъ Де ла Гарди выкупилъ ее изъ бібліотеки Фоссія, и подарилъ, въ 1669 году, Упсальскому Университету. Рукопись писана на красномъ (пожелѣвшемъ отъ времени) пергаментѣ уставомъ, древне-Нѣмецкими буквами, безъ знаковь препинанія. Каждая глава начинается большими, или прописными, серебряными буквами. Рукопись эта почиталась долгое время единственнымъ памятникомъ Готскаго языка, пока знаменитый Май, бібліотекаръ Миланскій, не отыскалъ другихъ твореній того же Ульфилы, а именно перевода Посланія Св. Апостола Павла, отрывковъ Евангелія, которыхъ недостаетъ въ рукописи Упсальской и части Ветхаго Завета. Книтель нашелъ гораздо прежде, въ Вольфенбютельской бібліотекѣ, отрывки изъ Посланія къ Римлянамъ, перевода

Ульфринга (*). Весьма любопытно собрание сагъ. Рукопись Эдды, почитается современною Снорру Стурлесону. Сага Олофа Тригвасона XIII или XIV вѣка. На одномъ изъ пергаменныхъ листовъ нарисованъ, перомъ, портретъ его, въ коронѣ и съ боевою сѣкирою въ рукѣ. Законы Норвежскіе писанные въ XIV вѣкѣ. Рукопись Тита Ливія, писанная въ X вѣкѣ, принадлежавшая Папѣ Юлію II, и Библия Императора Генриха Птицелова. Изъ рукописей новѣйшаго времени замѣчательны: переписка Эрика XIV съ Англійскою Королевою Елисаветою. Проектъ Шведской конституціи и Записки о Тридцатилѣтней Войнѣ, писанныя собственноручно знаменитымъ Акселемъ Оксеншерпа. Множество писемъ, замѣчаній и литературныхъ трудовъ Королевы Христины. Биографія Линнея, писанная имъ самимъ. Весьма важно собраніе документовъ Шведскихъ, выписанныхъ рукою архивнаго секретари Пальмшельда (Palmsköld), и составляющихъ многіе томы. Добрый секретарь почти помѣнался на томъ, что акты государственнаго архива могутъ

(*) Орывки изъ находки Мал, напечатаны въ 1819 году; а находка Кинтеля напечатана, съ примѣчаніями, въ 1765 году.

сгорѣть, и взялся ихъ переписать и извлечь важнѣйшес, въ сокращеніи. Всю жизнь провелъ онъ въ этомъ безвозмездномъ трудѣ, изъ одной любви къ отечеству! Такихъ архивныхъ чиновниковъ не много на свѣтѣ! Въ числѣ рѣдкихъ книгъ замѣчательны: первопечатная въ Швеціи книга, 1483 году, Dialogus creaturarum etc. четыре части Рудбековой Атлантики, съ таблицами; библия, принадлежавшая Лютеру и т. п. Новыхъ и драгоценныхъ книгъ весьма много.

Въ музеѣ рѣдкостей, находящемся тутъ же, въ новомъ зданіи университетскомъ, мнѣ показали одинъ деревянный ящикъ, длиною въ сажень, вышиною въ полтора аршина, и сундукъ обитый кожей, въ полтора аршина, завѣщанные Густавомъ III Университету, съ тѣмъ, чтобъ не открывать ихъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ. (*) Остается еще четыре года до открытія ящиковъ. Догадокъ на этотъ счетъ было множество, но навѣрное полагаютъ, что здѣсь хранятся историческія записки Густава II, дипло-

(*) О важности бумагъ, заключающихся въ этомъ ящикѣ, судить потому, что Густавъ III завѣщалъ ихъ, будучи уже на смертномъ одрѣ, страдая жестоко отъ раны, нанесенной ему злодѣемъ Анкарстремомъ.

матическая и частная корреспонденция и некоторые его сочинения. Некоторые утверждают, будто при Королѣ Карлѣ XIII открывали тайно ящики, надѣясь найти бумаги, на счетъ рожденія Густава Адольфа IV. Не ручаюсь за справедливость этихъ извѣстій: мнѣ сказывали объ этомъ въ Стокгольмѣ люди, не принадлежащіе къ Университету. Съ умилениемъ осмотрѣлъ я рога, подаренный нынѣшнимъ Королемъ студенческому сословію. Изъ этого рога пилъ медъ, (*) за благоденствіе Университета, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Престола, возвращаясь изъ Данне-мори, когда студенты и профессора встрѣтили его въ долину называемой Мора (Mora-stein), гдѣ лежатъ камни, на которыхъ въ древности сидѣли судьи народа, и гдѣ избирали королей. Профессоры и студенты пѣли пѣсни въ честь Цесаревича, и сопровождавшій Его Императорское Высочество, Принцъ Оскаръ, въ званіи Кандлера Университета, провозгласилъ здравіе

(*) Всѣ посѣщающіе Древнюю Упсалу и долину Мора, должны пилъ медъ въ воспоминаніе старины, въ честь Одена и его сподвижниковъ, основателей Швеціи. Это обычай.

Высокаго гостя. Это была трогательная сцена, о которой здѣсь сохранится память въ теченіе вѣковъ. Весьма замѣчательны здѣсь старинные портреты фамиліи Вазы. Отлично хорошъ современный портретъ Густава Вазы, писанный въ 1542 году. У Густава волосы обстрижены въ кружокъ, по-Русски. Мнѣ сказывали, что это была модная стрижка въ Швеціи, въ XVI вѣкѣ. Портретъ Эрика XIV также весьма хорошъ. Замѣчательна картина, изображающая голову Густава Вазы на плахѣ! Чтобы это значило? Густавъ ли велѣлъ написать свою голову, для воспоминанія опасности, которой подвергся, или враги Густава написали эту картину? Съ наслажденіемъ разсматривалъ я рисунки, тушью, Густава III. Онъ былъ все: воинъ, политикъ, поэтъ, ораторъ, художникъ и притомъ добрый и любезный человѣкъ, и потому имѣлъ жестокихъ враговъ. Только глупцы не имѣютъ враговъ, но за то не имѣютъ и друзей!

Изъ новаго зданія Библіотеки мы перенесли въ другой домъ, гдѣ помѣщается Академическій Сенатъ и Минцъ-кабинетъ. Въ залѣ засѣданій Сената и въ Минцъ кабинетѣ—находится портреты всѣхъ канцлеровъ Университета и всѣхъ

его благотворителей. Мнѣ указали, между прочими, портретъ Придворнаго Казначея Туна, который все свое огромное состояніе подарилъ Университету, на стипендіи, т. е. на содержаніе бѣдныхъ студентовъ, по всѣмъ факультетамъ, исключая медицинскаго, потому, сказано въ завѣщаніи, что медики, въ теченіе всей жизни, мучили его лекарствами и не вылечили отъ подагры и хирагры. Оригинальное мщеніе! Монетъ и медалей, изъ разныхъ металловъ, находится въ кабинетѣ 15,000 штукъ, и въ томъ числѣ 2000 Восточныхъ, найденныхъ почти исключительно въ Швеціи. Древнѣйшая Арабская монета принадлежитъ къ 82 году эгирь (*). Древнія Скандинавскія монеты, величиною въ нашъ серебряный 15 копѣечникъ, временъ Екатерины II. Древнѣйшія изъ всѣхъ извѣстныхъ Скандинавскихъ монетъ, есть монета Олофа, съ надписью, Латинскими буквами: Rex an Sigtuna, и другая монета Олофа же, съ надписью: Rex Svecorum. Обѣ монеты XI вѣка. На одной сторонѣ изображеніе Короля, а на другой имя дѣлателя монеты. Есть также монета Анунда,

(*) Въ Стокгольмскомъ музеѣ есть монета 79, а въ Петербургской Академіи Наукъ 80 года эгирь.

сына Олофа, съ надписью: Rex an Sigtuna. Замѣчательны первые Шведскіе талеры, серебряные и весьма полновѣсные, XVI вѣка, найденные въ рѣкѣ Салѣ, гдѣ нынѣ серебряныя рудники. Въ собраніи медалей любопытна коллекція Русскихъ бронзовыхъ и серебряныхъ медалей, подаренная Графу Ферзену Императрицею Екатериною II; медали (одна съ эмалью) золотыя, съ портретомъ Густава Адольфа, которыя раздавались вмѣсто орденовъ, въ Тридцатилѣтнюю Войну, для пошенія на шеѣ, на цѣпи; медали Карла XII. Замѣчательна медаль, выбитая въ Римѣ, по заказу Королевы Христины, послѣ отреченія ея отъ престола. На медали надпись Греческими буквами: Μακελός. Эта надпись выдумана Христиною, для вистификаціи ученыхъ и для возбужденія между ними спора о значеніи медали и объ эпохѣ ея чекана. Μακελός значить Двоа. Христина Шведская, подобно Елисаветѣ Англійской, предпочитала званіе дѣвицы всѣмъ мірскимъ титуламъ! Мѣдная монета Королевы Христины, цѣною въ 8 талеровъ, есть четвероугольная мѣдная доска, съ клеймомъ, которую едва можно поднять. Изъ новыхъ монетъ замѣчательна Русская коллекція, довольно полная, и монеты новыхъ Американ-

скихъ государствъ: Мексиканскія, съ портретомъ Итурбиде, Боливійскія, съ портретомъ Боливера; монеты Чили, Лаплаты и Ганги, съ портретами Петіона и нынѣшняго Президента Боіе.

Мы разговорились съ почтеннымъ Ректоромъ Скредреомъ объ Университетѣ. Профессоры получаютъ жалованье не деньгами, а хлѣбомъ, отъ 225 до 250 тоннъ ржи въ годъ, что составляетъ около 2000 талеровъ банкo, (до 4000 р.) и по 200 талеровъ банкo (около 400 р.) на квартиру. При всеобщей дешевизнѣ въ Швеціи и при отсутствіи всякой роскоши, это весьма высокая плата, а обычай платить хлѣбомъ имѣетъ ту выгоду, что плата возвышается и понижается и наровѣ съ возвышеніемъ цѣнъ на всѣ другія вещи, ибо цѣна хлѣба, есть всегда регуляторъ прочихъ цѣнъ. Разумѣется, что профессоры не торгуютъ сами хлѣбомъ, но получаютъ деньгами изъ казначейства университетскаго. Всѣми, экономическими дѣлами управляетъ Сенатъ. Каждый молодой человѣкъ, желающій вступить въ Университетъ, долженъ, въ теченіе восьми дней, записаться въ университетскую книгу, (по-Нѣмецки *Matrikel*, а по Шведски *Альбомъ*), прислугнуть и подчиниться университетскимъ законамъ. Болѣе восьми дней

не дозволяется молодымъ Шведамъ, не принадлежащимъ къ Университету, проживать въ университетскомъ городѣ, для избѣжанія всякихъ злоупотребленій, ибо лучше предупредить зло, чѣмъ искоренять его наказаніями. (*) По вступленіи въ Университетъ, каждый студентъ долженъ записаться въ свою провинцію, т. е. общество (**) студентовъ, состоящее изъ уроженцевъ одной провинціи. Каждое общество имѣетъ особое помѣщеніе, въ городѣ, для своихъ засѣданій, и состоитъ подъ начальствомъ избраннаго имъ профессора, который обязанъ, въ немъ председательствовать. Кромѣ того, изъ студентовъ избираются старшины. Это учрежденіе весьма полезно въ нравственномъ и полицейскомъ отношеніи, потому что профессоры выигрываютъ себѣ въ честь, когда въ обществѣ, состоящемъ подъ ихъ вѣдомствомъ,

(*) Въ нынѣшнемъ 1859 году, такая же мѣра, только гораздо облегчительнѣе, принята въ Дерптскомъ Университетѣ. Въ Швеціи никто не говоритъ, что это тягостно, а напротивъ, всѣ профессоры, студенты и отцы семейства убѣждены въ пользѣ этого закона.

(**) То же, что въ Нѣмецкихъ Университетахъ *Ландсманшафты*.

не бывает ни каких шалостей. Всѣ эти общества стараются отличиться, одно предъ другимъ, поведеніемъ и прилежаніемъ. Отъ того-то въ теченіе пятнадцати лѣтъ не было ни одного студента въ карцеръ (т. е. подъ арестомъ). Студентовъ принимаютъ не по экзамену, но имъ назначается срокъ для выдержанія экзамена. Принимая въ соображеніе десятилѣтнюю сложность, въ университетъ бываетъ ежегодно студентовъ по матрикулѣ (т. е. университетскому списку) около 2400, изъ которыхъ около 850 состоятъ всегда на лицѣ, по выдержаніи студентскаго экзамена. Каждый студентъ издерживаетъ отъ 400 до 600 рублей, не менѣе, на свое содержаніе. Дуэлей вовсе не бываетъ въ Шведскихъ Университетахъ, какъ въ Нѣмецкихъ. Когда товарищ моего путешествія сталъ удивляться этому, Упсальскіе студенты сказали намъ: «мы всѣ братья, Шведы, и должны беречь кровь нашу для отечества, а не проливать ея, безсмысленно, въ глупыхъ юношескихъ ссорахъ!» Буйство Германскихъ буржуазовъ здѣсь въ презрѣніи. Студентъ почитаетъ первымъ обязанностью вѣжливость и повиновеніе властямъ и законамъ. Нигдѣ не видѣлъ я такихъ вѣжливыхъ и скромныхъ моло-

дыхъ людей, какъ въ Упсалѣ. Все наслажденіе ихъ состоитъ въ прогулкахъ и въ пѣніи патристическихъ пѣсней. Многие студенты приходили ко мнѣ и къ Г. Коссману, предлагая свои услуги, и вызываясь быть проводниками по городу и окрестностямъ. По справедливости должно, однако жъ, сказать, что нравственность студентовъ повсюду зависитъ болѣе отъ домашняго воспитанія, нежели отъ Университетовъ. Въ Университеты поступаютъ юноши въ такихъ лѣтахъ, что нравственные ихъ склонности и образъ мыслей получили уже направленіе. Профессорамъ нѣтъ возможности наблюдать за склонностями молодыхъ людей, разбѣившихъ по городу, на вольныхъ квартирахъ, и собирающихся только въ аудиторіи, на лекціи. Все зависитъ отъ родителей или первоначальныхъ наставниковъ. Духъ и образъ мыслей университетскаго юношества, есть самый вѣрный отпечатокъ духа и образа мыслей цѣлой страны, потому что юноши приносятъ съ собою въ Университетъ то, что почерпнуто ими въ родительскомъ домѣ. Въ Шведскихъ Университетахъ отъ того нѣтъ буйства и дуэлей, и Шведскіе студенты отъ того скромны и вѣжливы, что въ Швеціи частное и публичное воспитаніе

основано на Религии и что первое чувство, которое одушевляеть юншу, при развити его разсудка, есть любовь къ отечеству, въ высокомъ значеніи слова. Каждый Шведъ убѣжденъ, душевно, въ томъ, что національными чертами его характера должны быть честность, вѣрность въ словѣ и священное уваженіе къ законамъ отечества. Безпокойные люди, (а въ семьѣ не безъ уroda), только подъ однимъ предлогомъ вовлечали народъ къ забвенію обязанностей, а именно, увѣряя его, что законы нарушены. Какіе плоды производить Христіанская нравственность, или религіозное воспитаніе, это можно видѣть, сравнивъ число преступленій во Франціи и въ Швеціи. Вообще я смѣло утверждаю, что самый нравственный и самый просвѣщенный народъ въ мірѣ, въ массѣ: Шведы! Университетскій Уставъ проникнуть духомъ религіи, челоѡколюбія и высокой нравственности. Каждый студентъ присягаетъ исполнить его во всѣхъ подробностяхъ, (*) а присягою

(*) Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ главы

XXIII Устава.

I. Pietas ab omnibus nostris studiosis et civibus colatur, Religio vero diseras, Biblia

адѣся не шутать! И въ другихъ Университетахъ Европейскихъ присягаютъ и даютъ подлиски не драться на дуэляхъ—и не соблюдаютъ даннаго слова и присяги! Кажется, въ восемнадцать лѣтъ отъ рожденія, можно уже постигать важность подлиски и присяги! Въ эти лѣта уже начинаютъ ротею или эскадронъ. Виновны родители!

quotidie, mone et vesperi, legantur; ad honorem Dei, ad incolomitatem hujus regni, omnia studia referantur.

II. Nemo nomen Dei vane usurpet, aut provis cupiditatibus praeferat: Epicuream securitatem et superstitionem quisque fugiat, caveatque scandalis doctrinae et morum studia sua deformare.

XXV. Si qui, deprehendi faciant personali grassatores, qui nocturnos congressus cogunt, vel iis intersunt, relegantur in perpetuum.

XXVI. Gladium interdum circumferre interdictum sit; qui eundem tempore quocumque temere strinxerit, nisi aperta vi impetitus id fecerit, illum amittet.

XXVII. Qui duello conflixerit, tam provocans, quam provocatus, relegatur. Quique alterum provocaverit, etiamsi non sequatur conflictus, eadem pena plectetur.

Студенты Шведскіе не имѣютъ мундировъ. Въ академическихъ публичныхъ собраніяхъ они должны являться въ черномъ фракѣ и прищипѣ. Профессоры имѣютъ мундиры, для торжественныхъ случаевъ. Въ обыкновенные дни студенты одѣваются, какъ имѣ заблагорассудится. Аѣтомъ большая часть изъ нихъ носить блузы. Въ числѣ студентовъ есть много служащихъ офицеровъ и чиновниковъ, которые часть года исправляютъ свои обязанности по службѣ, а другую часть проводить въ Университетѣ. Отъ того нѣкоторые студенты записаны по десяти и болѣе лѣтъ въ альбомъ. Вообще курсъ длиненъ, не менѣе шести лѣтъ.

Ботаническій садъ не великъ, но расположенъ пріятно. Здѣсь каждое воскресенье бываетъ гулянье. Густавъ ІІІ построилъ въ саду великолѣпное и красивое зданіе, въ которомъ

XXVIII. Nullius in orem quisquam infamia notet, nec bonos et innocentes lectis criminibus, sycophanticis calumniis, vel libellis famosis laceret. In transgressores deprehensos infamiae exclusionem a tota Academia societate, et ab omni in patria officio prohibitionem, graviter animadvertetur. и т. п.

помѣщается аудиторія и кабинетъ Естественныхъ Наукъ. Въ аудиторіи, надъ кафедрою профессора, возвышается мраморный бюстъ великаго Линнея, изваянный Вистрохомъ, по заказу студентовъ. Ботаническій и зоологическій кабинеты вмѣщаютъ въ себя много драгоценнаго, и составлены, какъ и библиотека, изъ патристическихъ приношеній. Шведскій Генеральный Консулъ въ Рио-Жанейро, Вестинъ, подарилъ богатое собраніе Бразильскихъ растений и птицъ. Король Карлъ XIII купилъ для Университета знаменитое собраніе насекомыхъ, у извѣстнаго собирателя Экмана. По главное основаніе кабинетовъ положено знаменитымъ Туинбергомъ, другомъ и ученикомъ Линнея, который подарилъ Университету болѣе нежели на 150,000 р. рѣдкостей, по всѣмъ тремъ царствамъ природы, собранныхъ имъ во время его путешествія въ Японію и вокругъ Свѣта. Профессоръ Адамъ Афцеліусъ обогатилъ также музей даромъ своей коллекціи, собранной имъ въ Африкѣ и въ Англіи. Ботаническій садъ и кабинетъ показывалъ мнѣ профессоръ Валенбергъ (Georgius Wahlenberg), человекъ умный и необыкновенно добродушный. Оранжерея, его устройства, сокрѣваемая

горячею водою, которая проходить трубами, вокруг парников, заслуживает подражания. Дровъ употребляется гораздо меньше противу обыкновенной топки. Вообще ботаническій садъ и оранжерея въ большомъ устройствѣ, и доказываютъ, что Г. Валенбергъ любитель своей науки.

Возвращаясь изъ ботаническаго сада въ городъ, мы вошли въ аллею, гдѣ обыкновенно прогуливаются студенты, въ ожиданіи лекцій. Эти прекрасныя липы насажены, за много лѣтъ предъ симъ, профессоромъ Лостомъ. Онъ былъ добрый малой, ученъ, умнъ, но лѣнивъ въ высочайшей степени. Студенты прозвали эту аллею, въ насмѣшку, *собрание сочиненій Лоста*, и ими это осталось при ней, до сихъ поръ. Не подалеку возвышается прелестная пирамида, воздвигнутая пышнѣшимъ Королемъ основателю и благодѣтелю Университета, Густаву Адольфу Великому.

Нѣтъ правила безъ исключенія, и въ трактирѣ Г. Шиландера, гдѣ мы живемъ, въ Упсалѣ, находится самое разительное исключеніе изъ того, что я и всѣ путешественники говорили о красотѣ женскаго пола въ Швеціи. Все, что только въ домѣ Г. Шиландера принадлежить къ женскому роду, чрезвычайно безобразно,

отъ конки до служанокъ! Я разсматривала ихъ, какъ рѣдкости на землѣ Шведской, и мнѣ не хотѣлось вѣрить, что это Шведки! Мнѣ казалось, что онѣ Эстонки, изъ окрестностей Верро. Удивительно, что почти всѣ безобразныя женщины злы и необходимы! Безъ всякой причины служанки эти ворчали, бросали на насъ сердитые взгляды, и служили такъ неповоротливо и медленно, что мы намѣревались даже съѣхать съ квартиры. Самъ Г. Шиландеръ человекъ очень любезный и вѣжливый, но вовсе не бываетъ дома, а въ его отсутствіи мало заботятся о жильцахъ. Въ другой разъ я не останавлиюсь у него въ трактирѣ! Избави Богъ отъ сердитыхъ, и притомъ безобразныхъ бабъ! Мы завидовали Г. Соловьеву, который жилъ въ почтовомъ домѣ, и гдѣ ему прислуживали съ усердіемъ и добродушіемъ.

Завтра воскресенье, и изъ Упсалы идетъ народъ въ Сигтуну и въ Сколастеръ, для увеселительной прогулки. Мы взяли билеты, и поѣдемъ въ большое общество. Вечеромъ навѣстимъ насъ добрый Скредеръ и нѣсколько студентовъ, и мы провели время въ разговорахъ объ Университетѣ и о Россіи.

VIII.

Поездка въ Скокlostepь, замокъ Графа Бра-
ге. — Дороги въ Швецію. — Переводъ черезъ бурное
озеро. — Русское радушіе. — Опоэзіе замка. —
Краткая исторія замка. — Старинная мебель и про-
да. — Драгоцѣнные и достопамятные вещи, мебли и
картины. — Библиотека. — Старопечатныя кни-
ги. — Рукописи и между ними важные акты, до Россіи
касающіеся. — Подъѣздъ отъ аристократіи для обра-
дованности. — Оружейная палата. — Модели и ма-
тематическіе инструменты. — Древняя церковь. —
Возвращеніе въ Упсалу.

Дождь шелъ во всю ночь. Небо съ утра по-
крыто тучами и дождикъ накрапываетъ. Про-
гулки не будетъ. Намъ возвратили деньги за
билеты, взятые для поездки на пароходъ. Меж-
ду тѣмъ, мы обѣщали Г. Соловьеву прѣхать
къ нему обѣдать, въ Скокlostepь, гдѣ нахо-
дится теперь его семейство. Онъ уѣхалъ туда
съ вечера. «Должно сдержать слово!» сказали
и мои спутники, молодому Гассе, изъ Лиф-
ляндіи, и Г. Коссману: «ѣдемъ!» — «ѣдемъ!»
повторили они, и мы послали къ каретнику

нанять коляску, взяли почтовыхъ лошадей, и
черезъ часъ уже были въ дорогѣ.

Всѣ путешественники не могутъ хвалиться
Шведскими дорогами. Хорошія дороги суть пер-
вый признакъ просвѣщенія народа и благоустрой-
ства страны. Въ Швецію вездѣ шоссе, даже на
преселочныхъ дорогахъ. Матеріалъ, т. е. камни,
вездѣ подъ рукою. Дороги удивительно хороши,
гладки какъ столъ, но чрезвычайно узки. Въ
Швецію, по большаи части, ѣздятъ въ двухъ-
колесныхъ каріолахъ, въ одну лошадь, и для
такой ѣзды дороги эти хороши. Но для боль-
шихъ экипажей онѣ неудобны, и запрягать
по три или по четыре лошади въ рядъ, какъ
у насъ въ Россіи, нѣтъ никакой возможности,
да впрочемъ это здѣсь и не нужно. Непріятно
также, что почти на каждой верстѣ, а иногда
и на полуверстѣ находятся барьеры, или ворота.
Мальчики стоятъ здѣсь только для отпиранія,
и имъ надобно давать что нибудь. Это заме-
длитъ ѣзду. Зная этотъ обычай, мы запаслись
мелкою мѣдною монетою, величиною съ нашу
восемьпривенникъ, и бросали ихъ по нѣскольку
вдвуетъ, къ великой радости мальчиковъ, кото-
рые не привыкли къ такой щедрости, потому
что за отпираніе воротъ они получаютъ не болѣе

денежки, а много коффику. Но за то на мосту мы должны были остановиться, и хозяинъ близлежащей корчмы потребовалъ съ насъ, по таксъ, восемь шиллинговъ банко, потому что онъ содержать этотъ барьеръ на откупъ. Безпрестанныя остановки и кофичная расплата чрезвычайно намъ надоѣли, тѣмъ болѣе, что дождь не переставалъ, и мы ради были, когда приѣхали на станцію Альсейке (Alsike). Станція въ шиппхъ, и какъ нынѣ день воскресный, то, не взирая, что еще рано, мы нашли здѣсь множество крестьянъ, какъ говорили классики, «уинтаниныхъ дарами Бахуса». Переводчика съ нами не было, и мы съ трудомъ растолковали, что хотимъ нанять лодку, для переезда въ Скокlostеръ, и телегу до берега, разстояніемъ верстахъ въ двухъ отъ станціи. Хитройной крестьянинъ взялся все уладить, и чрезъ полчаса мы были уже на берегу. Мы проѣхали возомъ прелестной мызы Крузебергъ, принадлежащей богатому помѣщику Утгласу и полюбовались садомъ и чуднымъ его мѣстоположеніемъ, на берегу озера. Но, вѣсто хорошей лодки, мы наняли ветхой челнъ, съ двумя гребцами. Поперегъ положены были (и даже не прикрѣплены) два обломка досокъ, на ко-

торыхъ намъ надлежало сидѣть. Вѣтеръ ревелъ между скалами, озеро волновалось, дождь усиливался, но дѣлать было нечего. Стыдно было ретироваться. Потталіонъ сказалъ мужикамъ, что мы Русскіе, а когда Шведы не боялись плыть въ эту погоду, то и Русскіе нельзя было страшиться. Мы отчалили отъ берега, и лишь только повернули за уголъ мыса, челнокъ сталъ прыгать по волнамъ, какъ щенка, брошенная наудачу. Въ открытомъ мѣстѣ озера волны поднимались, какъ на морѣ; вѣтеръ страшно бушевалъ, дождь прямо билъ въ лице, а въ лодкѣ едва можно было усидѣть отъ качки, и мы принуждены были держаться за край, чтобъ не слетѣть съ доски въ воду. Признаюсь, я раскался въ неуважительной храбрости! Если бы это было по службѣ, передъ неприятелемъ, другое дѣло! Но подвергаться опасности безъ всякой нужды, непростительно отцу семейства, и мнѣ стыдно было передъ юными моими спутниками, что я вовлекъ ихъ, напрасно, въ опасность, неуважительнымъ удалствомъ. Я только смотрѣлъ на гребцовъ; но они мастерски управляли челнокомъ, становя его всегда носомъ противу валовъ. Когда же намъ надлежало поворотить, то я замѣтилъ, что и гребцы

ном нѣсколько смѣшались. Однако жъ имъ удалось счастливо исполнить этотъ маневръ, и мы благополучно прибыли къ берегу.

Что за прелесть замокъ Скокlostерь! Онъ стоитъ на самомъ берегу Меларскаго Озера, и окруженъ липовыми рощами и аллеями. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него находится древняя церковь и нѣсколько зданій, принадлежащихъ къ замку. Въ одномъ изъ этихъ домовъ живетъ Г. Соловьевъ. Онъ, почтенная его супруга и сестра ея, обѣ Русскія, благосклонныя дамы, приняли насъ по-Русски, радушно, откровенно. У меня сильно забилось сердце, когда я услышала наше Русское привѣтствіе: «Милости просия!» Волею-неволею надобно непременно отлучаться изъ Россіи, на нѣкоторое время, чтобъ оживлять любовь къ ней. Отечество то же, что мать. Подъ материнскимъ крылышкомъ не чувствуешь, какъ больно быть сиротою. Разлука — наука!

Пока для насъ готовится вкусный Русскій обѣдъ (т. е. яствы не сладкія, не молочныя и не соленныя, на Шведскій манеръ), и расскажу вамъ, вкратцѣ, исторію Скокlostера.

Въ полумилѣ отъ этого мѣста находится всема древнія развалины замка, который назы-

вался Кварнъ (Quarnslott) или Лугнетъ (Lugnet), т. е. покой. Это было мѣстопробыпаніе Викинговъ, т. е. морскихъ удалцовъ, которыхъ въ древности называли витязями или героями, а въ нашу прозаическую вѣкъ зовутъ просто морскими разбойниками, или корсарами. Замокъ этотъ былъ такъ крѣпко сложенъ изъ обломковъ гранита, что когда Графъ Врангель хотѣлъ разрушить остатки развалинъ (въ 1652 году), то, стрѣляя въ нихъ изъ картечннхъ, не могъ поколебать основанія. По введеніи въ Швецію Христіанской Вѣры, богатый дворянинъ изъ фамиліи Фолькунгерь, прозваніемъ Кнутъ *высокій* (Knut den Långe), владѣя замкомъ и принадлежностями, основалъ, на берегу озера, монастырь, въ 1220 году. Предполагено было помѣстить здѣсь монаховъ Доминиканскаго ордена, но кончилось тѣмъ, что монастырь отданъ монашенкамъ ордена Цистерцевъ (Cistercienser-Orden), въ 1225 году. Изъ замѣчательныхъ событій монастыря, упомяну объ одномъ, о пожарѣ, разрушившемъ его въ 1297 году, потому что послѣ этого несчастія монастырь выстроень, въ лучшемъ видѣ, богатыми дворяниномъ Биргеромъ Педерсономъ, отцемъ Св. Бригитты, однимъ изъ предковъ знамен-

той фамилии Графовъ Браге. Новыя постройки кончены въ 1500 году. Монастырь этотъ не существуетъ, но онъ стоялъ впадѣ нынѣшней церкви. По введеніи реформации въ Швецію, Густавомъ Вазою, въ 1527 году, Скокlostеръ поступилъ въ число частныхъ имѣній Короля. Но какъ въ Швецію не принуждали никого отрекаться отъ Католической Вѣры, то монашескамъ позволено было оставаться въ монастырь, и онѣ проживали въ немъ до 1566 года. Въ 1611 году, Король Карлъ IX подарилъ Скокlostеръ Фельдмаршалу Герману Врангелю, а Густавъ Адольфъ Великій укрѣпилъ этотъ даръ.

Германъ Врангель началъ строить здѣсь каменный домъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ замокъ, и чинить опустѣвшій монастырь. Сынъ его, Карлъ Густавъ Врангель, знаменитый полководецъ, бывший Главнокомандующимъ въ Германіи, въ 1646 году, пожалованный въ графское достоинство, въ 1648 году (greve til Salnis), приказалъ строить здѣсь замокъ, по прикладной имѣ изъ Германіи модели замка въ Ашафенбургѣ. Постройки начались въ 1649 и кончились въ 1678 году. Строитель не дожидъ до совершеннаго устройства замка. Онъ скончался въ 1676 году, и Скокlostеръ пере-

шелъ къ Графу Браге (Нильсу Нильсону т. е. Николаю Николаевичу), Вице-Адмиралу флота, женатому на старшей дочери Графа Врангеля. Съ тѣхъ поръ это имѣніе принадлежитъ фамилии Браге, одинъ изъ предковъ которой, еще въ XIII столѣтіи, построилъ здѣсь монастырь.

Фамилія Графовъ Браге принадлежитъ къ древнѣйшимъ, не только Шведскимъ, но и Европейскимъ дворянскимъ родамъ. Фамильные акты Графовъ Браге столь же древни, какъ писмена въ Швецію, и имена членовъ этой знаменитой фамиліи встрѣчаются во всѣхъ блестящихъ событіяхъ отечества. Теперь въ живыхъ только два брата: одинъ Президентъ Военнаго Департамента въ Государственномъ Совѣтѣ (звание, соотвѣтствующее должности Военнаго Министра), а другой виѣ службы. Первый холостъ, а у втораго одна только дочь, послѣдняя отрасль фамиліи Браге и Вазы, ибо нынѣшнее поколѣніе Графовъ Браге происходитъ, въ прямой линіи, отъ сестры великаго Густава Вазы, Маргариты, бывшей въ замужествѣ за Государственнымъ Совѣтникомъ Іоахимомъ Браге, погибшимъ въ Стокгольмскомъ кровопролитіи, въ 1520 году. Скокlostеръ при-

надлежит Военному Министру. Имя Браге прославлено на полях битвъ, въ государственныхъ совѣтахъ и на поприщѣ наукъ. Достаточно было бы и одного Тихо Браге (Tycho Brahe), чтобы увѣковѣчить эту знаменитую фамилію.

Обратимся теперь къ замку. Онъ составляетъ параллелограмъ, съ круглыми башнями на четырехъ углахъ. Главный фасадъ противу озера. Замокъ въ длину имѣетъ 72 Шведскихъ локтя, въ ширину 21 локоть, а высота его, отъ основанія до кровли, 32 локтя. Въѣздъ въ замокъ, съ главнаго фасада. Стѣны гладкія, безъ всякихъ архитектурныхъ украшеній. Въ стѣнахъ замка три этажа, съ антресолями, башни въ четыре этажа, съ антресолями же. Всѣхъ оконъ 365. Изъ приложеннаго здѣсь политипажнаго вида замка, можно имѣть понятіе объ его архитектурѣ. Она проста, но величественна и соотвѣтственна своему назначенію. Весьма немногіе изъ частныхъ людей въ Европѣ сохраняли въ своемъ владѣніи замки своихъ предковъ, въ такомъ видѣ, въ какомъ находится теперь Скоклостеръ. Только Англія, единственное гнѣздо аристократіи, гордится понынѣ замками Среднихъ Вѣковъ; но эти замки, вмѣщающіе въ

себѣ всеобщія сокровища наукъ и художествъ, огромныя библіотеки, картинныя галереи и музеи, приняли, по большей части, видъ новыхъ временъ, внѣшними и внутренними украшеніями. Скоклостеръ, напротивъ того, во всемъ сохранилъ характеръ старины, мѣстности и національности. Теперь Скоклостеръ есть настоящій національный музей древностей и рѣдкостей и въ семъ отношеніи это единственное, въ своемъ родѣ, зданіе въ Европѣ. Здѣсь каждая комната, каждое украшеніе, каждая вещь и даже каждая мебель имѣетъ свое историческое значеніе и свою историческую важность. Это самый великолѣпный памятникъ Тридцатилѣтней Войны и XVII столѣтія, съ аннодами XVI вѣка.

Первое жилище (rez-de-chaussée) назначено для прислуги и для складовъ, и не показывается посѣтителѣмъ. Второй этажъ меблированъ, и оставленъ точно въ такомъ видѣ, какъ былъ въ VII вѣкѣ, во всемъ великолѣпнѣи и во вкусѣ вельможъ того времени. Вокругъ всего зданія, со двора, находится галерея, съ огромными окнами: стѣны ея украшены портретами сослуживцевъ основателя замка, Фельдмаршала Врангеля, Шведскихъ офицеровъ, уча-

ствовавших, со славою, въ Тридцатилѣтней Войнѣ. Между портретами, на стѣнахъ начертаны нравственные изрѣченія на Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ, Италіанскомъ и Шведскомъ языкахъ. Эти надписи припоминали мнѣ, такъ называемую, *живую стѣну* въ саду 1-го Кадетскаго Корпуса, при незабвенномъ Директорѣ Корпуса Графѣ Ангальтѣ. Воспитывался въ этомъ Корпусѣ, я помню, какое благотворительное вліяніе имѣла на умъ и сердце юношей эта, такъ сказать, разверзтая предъ нами книга! Въ Сѣнокластерѣ изрѣченія выбраны не для дѣтей, но для взрослыхъ и весьма занимательны, особенно при собраніи историческихъ портретовъ. Кажется, будто эти воины говорятъ съ вами изъ за гроба! Комнаты втораго этажа обширныя, высокія. Стѣны нѣкоторыхъ изъ нихъ обиты Гобеленовыми, а другія кожаными Венеціанскими обоями, раскрашенными и раззолоченными. Особенно удивляютъ каминны. Они такъ обширны, что подъ ихъ навѣсомъ можетъ помѣститься цѣлое общество. Каминны эти надстроены изъ дерева, до самаго потолка, въ видѣ храмовъ, расписаны, раззолочены и украшены гербами фамилиі Врангеля и вензельными именами основателя замка. Надъ однимъ

изъ этихъ каминновъ, въ видѣ храма или капеллы, написать прекрасно образъ: Поклоненіе Іисусу младенцу. Всѣ мебели, столы и стулья рѣзной работы, какіе нынѣ въ модѣ, подъ названіемъ готическихъ, или рококо. Въ нѣкихъ комнатахъ стулья и столы выкрашены бѣлою или коричневою краскою, подъ лакомъ, позолоченные или посеребренные; въ другихъ комнатахъ мебели рѣзныя изъ орховаго, дубоваго или краснаго дерева. Доски на столахъ, по большей части, мраморныя или мозаиковыя. Люстры богатѣйшія, большею частью изъ горнаго кристала. Пемы, въ столовой залѣ и въ переднихъ комнатахъ, изъ Шведскаго мрамора, потолки лѣпной работы изъ гипса, превосходной отлѣлки. Во многихъ комнатахъ стоятъ старинныя огромныя кровати, постланныя, а одна парадная кровать въ нѣши, подъ балдахиномъ. Особенною отлѣлкою отличается половина, въ которой живетъ пышнѣйшій владѣлецъ замка, когда пріѣзжаетъ сюда, на короткое время. Всѣ мебели, въ этихъ комнатахъ, оставлены въ прежнемъ видѣ, но возобновлены позолотою. Окна украшены богатыми штофными занавѣсами, помы устланы коврами, а стѣны убраны драгоценными картинами, по большей части истори-

тескими. Но самая богатая и замѣчательная комната есть та, которая въ старину называлась Рыцарскою, а нынѣ называется Королевскою. Потолокъ здѣсь дѣловой работы и фигуры раскрашены. Въ срединѣ изображенъ драконъ, котораго покорить стремится юноша. По угламъ четыре части Свѣта, въ лицахъ, съ плодами и цвѣтами, принадлежащими каждой части. Полъ мозаическій, изъ мрамора. Богатая люстра изъ горнаго кристалла. Кромѣ того, въ комнатахъ стоятъ шкафы изъ драгоцѣннаго дерева, чудной отдѣлки, вмѣщающіе въ себя дорогія вещи и по воспоминаніямъ, и по внутреннему достоинству. Въ Королевской комнатѣ находятся три шкафа съ золотыми вещами рѣдкой работы, католическими мощами и разными вещицами, изукрашенными драгоцѣнными камнями. Въ сосѣдней комнатѣ также три шкафа. Въ одномъ изъ нихъ хранится чудной отдѣлки фарфоровая посуда и сосуды изъ горнаго кристалла, ножи и вилки съ агатовыми черепками; въ другомъ шкафѣ серебряная и золотая посуда, старинной работы, серебряные, золотые, перламутровые и кристалловые бокалы и чашки, серебряные огромные подносы и множество драгоцѣнностей. Всѣ эти вещи и даже самые шкафы,

богатые столы и большая часть картинъ, которыми обвѣшаны стѣны, есть добыча Тридцатилѣтней Войны! Шведскіе военачальники брали все, что только могли, въ непріятельской землѣ, и отсылали добычу на родину. Не только книги, рукописи, картины, оружіе, серебро, золото и драгоцѣнные камни, но даже мебели, рѣзные двери, отличнаго устройства замки и самыя мелочи отирававшихся въ бѣдную Швецію, которая до сихъ поръ сохраняла все это, въ память своей прежней силы и вѣчной славы. Тогда въ Европѣ имѣли другія понятія о войнѣ, и грабежъ почитался дозволеннымъ, въ землѣ непріятельской. Въ нынѣшнѣшнѣ утонченной образованности, почитается безчестнымъ разбогатѣть отъ грабежа, а тогда, добытое оружіемъ добро доставляло славу. Въ XVI и XVII вѣкѣ первое правило въ войнѣ было: горе побѣжденнымъ. Въ третьемъ шкафѣ, находящемся въ комнатѣ, смежной съ Королевскою, хранятся достопамятности, т. е. вещи принадлежащія вѣнчанымъ главамъ или знаменитымъ историческимъ лицамъ. Особенное вниманіе мое обратили на себя слѣдующія вещи: кусокъ знамя, которою окутывался Наполеонъ, въ Египтѣ, и лента Почетнаго Легіона, которую носилъ

онъ, при учрежденіи ордена. Эти вещи подарены владѣльцу замка нинѣшнимъ Королемъ Шведскимъ, получившимъ ихъ изъ рукъ самого Наполеона. Карандашъ изъ бумажника Его Императорскаго Высочества Цесаревича Наслѣдника Престола, подаренный имъ владѣльцу замка; по просьбѣ его, при посѣщеніи Скокlostера. Карандашъ сей укрѣпленъ на доскутъ бумаги, на которой написано собственною рукою Его Высочества, что карандашъ подаренъ ему Ею Императорскимъ Величествомъ Государынею Императрицею. Гранатовая чаша, изъ которой нивалъ знаменитый любимецъ Густава Адольфа Великаго Канцлеръ Аксель Оксеншерн. Чашка, изъ которой нивалъ кофе великій Линней. Золотой футляръ для пера, принадлежавшій Лудовику XIV. Не изъ этого ли футляра вынуто перо, для подписанія указа объ уничтоженіи Нантскаго постановленія о протестантахъ (Edit de Nantes)! Агатовый дорожный столовый приборъ, принадлежавшій знаменитому мужу своего вѣка Канцлеру Замойскому, который никогда не хотѣлъ согласиться на войну съ Россіею, для возведенія на престолъ Самозванца. Оставляю безъ наименованія множество вещей, принадлежавшихъ Королямъ и Королевамъ

Шведскимъ отъ Густава Вазы, до нынѣшняго времени, и знаменитымъ мужамъ Швеціи.

Долго расхаживалъ я по комнатамъ, любовался превосходными картинами, драгоценными вещами, мебелими, а всего болѣе характеромъ старины, напечатлѣнномъ на всѣхъ вещахъ и на самомъ устройствѣ комнатъ, переносился воображеніемъ въ прошедшія времена, и размышлялъ о настоящихъ.

Два мнѣнія борются между собою въ Европѣ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, на счетъ государственнаго устройства. Основаніе этой борьбы состоитъ въ разрѣшеніи вопроса: быть или не быть аристократіи. Что феодальная система нигуда не годится, это дѣло рѣшенное и доказанное. Феодальныя права стѣсняли власть Государей, не облегчая участи народа, и мелкіе владѣльцы, подражая сильнымъ и богатымъ, которыхъ почитали равными, истокали свое достоинствѣ, и должны были прибѣгать къ непозволительнымъ средствамъ, для поддержанія своего знанія. Лудовикъ XI, а потомъ Кардиналь Ришелье первые потрясли древнее зданіе Феодализма, которое сокрушилось, потомъ, само собою, увлекая въ паденіи своемъ существенныя подпоры престола, аристократію и дворянство.

Новый идеи, распространения, такъ называемый философскій вѣкомъ, довершили ударъ, и теперь, *въ древней Европѣ*, только въ Англіи, въ Австріи и въ части Италіи сохранилась аристократія, съ нѣкоторыми изъ прежнихъ своихъ правъ, и только тамъ дворянское сословіе еще составляетъ отдѣльную касту, въ которую новые члены допускаются по особеннымъ заслугамъ или по особенной милости Государей. Всѣ новые публицисты объявляютъ себѣ противу этого порядка вещей, но виновны болѣе всѣхъ въ потеряхъ, понесенныхъ въ прошломъ вѣкѣ аристократіей и дворянствомъ, сама аристократія и само дворянство, отказавшись добровольно отъ мѣста, занимаемаго въ гражданскомъ обществѣ. Пока аристократія владела обширными помѣстьями, и аристократы жили въ своихъ владѣніяхъ, пока въ ихъ замкахъ, вѣсто прежняго феодальнаго варварства и разврата, было средоточіе утонченности и вкуса, пока замки были приютищемъ бѣднаго и угнетеннаго, а аристократы представителями народа у престола, покровителями наукъ, литературы, художествъ, до тѣхъ поръ аристократы пользовались безпредѣльнымъ уваженіемъ мелкаго дворянства и средняго сословія. Вѣдьможа,

посившій историческое имя, владѣлецъ замка и окрестныхъ вотчинъ, имѣвшій доступъ ко Двору, казался чѣмъ-то необыкновеннымъ, превыше простой природы человѣческой. Аристократы были какъ звѣзды на небѣ, и поклонники звѣздъ уже боготворили солнце, Государя, окруженнаго знаменитыми родами, представителями его величія въ провинціяхъ и представителями провинцій предъ престоломъ. Такимъ образомъ поддерживалась іерархія, составляющая связь въ политическомъ тѣлѣ. Но когда вѣдьможи оставили свои замки, и переселись въ города, сравнились въ образѣ жизни съ богатыми гражданами; когда древніе замки стали продаваться съ публичнаго торга, и перешли въ руки ростовщиковъ; когда историческія имена сроднились съ разбогатѣвшими торговцами, и когда, наконецъ, дворянство перешло на сторону завидующаго ему средняго сословія, тогда исчезло очарованіе, и великая пружина монархіи ослабла, на Западѣ. Богатство замѣнило породу, а существенная сила, (т. е. мѣста въ администраціи), притянули къ себѣ уваженіе, которымъ прежде пользовалась порода. Лучше ли отъ этого въ древней Европѣ? Не думаю! Говорятъ, что нынѣ талантамъ открыто обшир-

ное поприще къ почестямъ. П прежде талантъ, по законамъ природы, имѣлъ свое значеніе. Но нынѣ талантъ предпочитаетъ интригу труду, а воспламенное честолюбіе попираетъ все священное. Каждый человѣкъ почитаетъ себя умнымъ и способнымъ къ тому, что ему нравится, а возможность достигнуть всего, заставляетъ безпокойные умы проаводить смуты и ведетъ западные Государства къ гибели. Вся сила Англіи въ ея аристократіи! Англія показала на дѣлѣ, что безъ аристократіи и дворянства не можетъ быть ни силы, ни единства. Всѣ упреки, дѣлаемые аристократіи или не справедливы или ничтожны. Аристократовъ упрекаютъ въ гордости. Но что значить гордость аристократа, въ сравненіи съ чванствомъ выскочки или надѣиностью разбогатѣвшаго лапотника! Можно ли упрекать аристократію въ развратѣ? Пятна видѣе въ солнцѣ, и перелетный облакъ замѣтнѣе на ясномъ небѣ, чѣмъ гниль на грязныхъ улицахъ или соръ, брошенный въ мутную воду. Чѣмъ выше поставленъ человѣкъ въ обществѣ, тѣмъ болѣе подвергается онъ зависти. На высоту всѣ смотрятъ въ телескопъ. Одно преступленіе въ высшемъ сословіи обращаетъ на себя общее вниманіе, и сто престу-

пленій въ низшихъ слояхъ общества не производятъ ни какого особеннаго впечатлѣнія. Сдѣбость одной дамы, высшей породы, приводитъ въ соблазнъ цѣлый городъ или цѣлую провинцію, а развратъ въ среднемъ сословіи проходитъ почти безъ вниманія. И эту личную заслуту и дарованіе въ каждомъ сословіи, но думаю, что для блага каждой Монархіи необходимо уважать и отличать высокую породу. Этихъ мы увѣковѣчиваемъ заслуту предковъ, чей ихъ въ потомкахъ, и если потомки бездарностью своею и дурнымъ поведеніемъ не заслуживаютъ нашего уваженія, мы должны обходиться съ ними какъ съ больными, осторожно и внимательно, безъ оскорбленія и безъ упрековъ. Для возстановленія своего достоинства, аристократы, по моему мнѣнію, должны употребить свои богатства не на ничтожную роскошь, не на скоропреходящій блескъ, но на дѣла общепользныя, на прославленіе отечества, на сохраненіе отечественныхъ памятникѡвъ, на поддержаніе художествъ и литературы. Въ Швеціи много такихъ вельможъ. Мнѣ рассказывали о многихъ замкахъ, вмѣщающихъ въ себя неогнненныя сокровища наукъ и художествъ *.

* Съ особеннымъ удивленіемъ говорилъ мнѣ инт-

Сколостеръ можетъ назваться образцомъ хранителемъ историческихъ достопамятностей и искусствъ, и я съ благоговѣннѣмъ смотрѣлъ на портретъ вышнннго владѣльца замка, Графа Браге. Въ прекрасныхъ чертахъ его лица изображается умъ и кротость, въ физиономіи отражается рыцарское мужество и ласковость. Всѣми этими качествами обладаетъ Графъ Браге, пользующійся довѣренностью своего Государя и уваженіемъ всѣхъ благомыслящихъ людей въ Швеціи.

Изъ парадныхъ комнатъ перешли мы въ верхній этажъ, въ библіотеку, которая находится въ семи просторныхъ залахъ и вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 25,000 печатныхъ томовъ и около 400 огромныхъ связокъ рукописей. Между печатными книгами замѣчательны, по рѣдкости своей, такъ называемая *Biblia polyglota*, на семи языкахъ: Еврейскомъ, Самаритянскомъ (иарѣчн Еврейскаго), Халдейскомъ, Греческомъ, Сирійскомъ, Арабскомъ и Латин-

тераторы о Графѣ Вонде, обладающемъ богатою библіотекою, картинною галереєю, собраніемъ статуй и т. п. и покровительствующемъ литературѣ. Теперь онъ хворъ и почти отрѣкъ отъ свѣта.

скомъ Рудбекова *Атлантика*. *Revelationes Sanctae Brigittae*, печатанная на пергаментѣ, въ Любекѣ, въ 1492 году. Драгоцѣнныхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ познаній множество. Между рукописями замѣчательны: переписка Шведскихъ государственныхъ мужей о дѣлахъ политическихъ и государственнаго управленія, отъ временъ Густава Вазы. Переводъ Квинта Курція на Французскій языкъ, на пергаментѣ. *Исторія Длугоша*, по-Латыни, въ 5 фолиантахъ. *Promptuarium Statutorum omnium et Constitutum Regni Poloniae*, MDXC. Алкоранъ, на пергаментѣ. Евангеліе отъ Матвея и Катехизисъ, на Малабарскомъ языкѣ, на пальмовыхъ листьяхъ, нанизанныхъ на двухъ палочкахъ. *Ritter- und Landrechte Estlands*. *Nevagar Saga*. *Codex Legem Wisighotorum*. Много рѣдкихъ псалтырей, по-Латыни, на пергаментѣ, съ вышнестками. Относительно Русской Исторіи, замѣтилъ я слѣдующіе важныя манускрипты. О состояніи Россіи (*Om Rysslands Stat*), около 1600 года, in folio, на 464 страницахъ. *Bellum Livonicum*, anno 1564, современный манускриптъ, на Нѣмецкомъ языкѣ. *Muscovitische chronica*, время Іоанна Грознаго, in folio, продолжавшаяся до 1611 года. *Handlungar rörande Liffland*

och Riga, т. е. акты относящиеся до Лифляндии и Риги, съ особеннымъ реестромъ, in folio. Beschreibung der Reise durch Moskau in und aus Persien, von Philip Crusius т. е. описание путешествія чрезъ Россію въ Персію и обратно, въ 1655—1659 году, въ четверку. Древніе мирные договоры между Россією и Швецією, числомъ восемнадцать, въ четверку. Tuganper i Ryssland Iwan Wasilewitz Historia, современный манускриптъ, въ четвертку. Извѣстіе о бунтѣ въ Москвѣ и убійствѣ Самозванца, по-Нѣмецки, *нажется*, Бера. Множество столбцевъ писанныхъ по-Русски, содержащихъ въ себѣ судебныя дѣла города Смоленска, во время правленія воеводъ Шенна и Кизля Горчакова. Нѣсколько грамотъ Шуйскаго; частныя просьбы къ боярамъ Московскимъ, во время междоусобицъ. Кромѣ того находится весьма много актовъ историческихъ, касающихся исключительно до Россіи, въ 29 томахъ рукописей, in folio подъ заглавіемъ: Miscellanea historica et politica. Польскихъ актовъ, важныхъ для Русской Исторіи, здѣсь бездна. Особенно замѣчательно собраніе актовъ, касательно событій 1606 года; присяга, по-Русски, Владиславу; переписка многихъ Польскихъ вельможъ, во

время Самозванцевъ; и наконецъ *собственно-русска* записки или мемуары Іоанна Сапги, главнаго покровителя обоихъ Самозванцевъ, особенно Тушинскаго вора. Это неоцѣненный историческій памятникъ!

Въ Скокlostерской библиотекѣ замѣтить я особенно безпокойство Г. Соловьева, на счетъ моего любопытства! Онъ уже не могъ скрывать своихъ опасеній, и тщательно отводилъ меня отъ шкафовъ, на которыхъ указывали мнѣ библиотечарь Г. Соловьевъ поблагодарилъ, когда я взялъ въ руки *мемуары Сапги*, и я снова долженъ былъ клясться, что не стану ничего списывать. Жаль, что Г. Соловьевъ во все не знаетъ по-Польски! Дикъ Русской исторіи въ запискахъ Польскихъ актахъ много *названій*!

* Когда, возвратясь въ Стокгольмъ, я просилъ Г. Соловьева дать мнѣ краткое извѣстіе о рукописяхъ Скокlostерской библиотечки, вотъ чѣмъ онъ началъ свою записку: «Въ библиотекѣ Скокlostерской собственно Русскихъ рукописей, касающихся какой либо эпохи—*нѣтъ*. Изъ краткаго моего извѣстія можно судить о искренности показаній Г. Соловьева. А эпоха Іоанна Грознаго, а эпоха Царя

Совѣтую всѣмъ любителямъ Исторіи Русской и общей Европейской (отъ XVI вѣка до нашихъ временъ) побывать въ Швеціи и по-
рыться въ частныхъ и общественныхъ библио-
текахъ. И послѣ Г. Соловьева останется еще
много работы! Одному человѣку во сто лѣтъ
не возможно рассмотреть всѣхъ сокровищъ,
находящихся на Скандинавскомъ полуостровѣ!

Въ этомъ же этажѣ находится арсеналъ. Не
думаю, чтобъ кто либо изъ частныхъ людей имѣлъ
собраніе стариннаго оружія богаче и полнѣе
Сколостерскаго. Арсеналъ помѣщается въ ше-
сти огромныхъ залахъ, и раздѣляется на ору-
жейную фамиліи Врангеля и оружейную фа-
миліи Браге. Нѣтъ силъ и возможности исчи-
слять все рѣдкое и любопытное, потому что
здѣсь все достойно вниманія, а этими рѣдко-
стями загромождены шесть залъ! Странное
впечатлѣніе производятъ неподвижные ряды
рыцарей, въ полномъ вооруженіи, съ опущен-

Алексея Михайловича, а эпоха междоусобицъ? Г.
Соловьевъ думалъ, что я перебиваю у него ремесло,
и вмѣсто того чтобъ воспользоваться некоторыми
моими познаніями въ Исторіи и въ языкознаніи,
скрывался предо мною.

ными забралами, съ копьями въ рукѣ. Эти чу-
челы кажутся принцедами изъ прошлыхъ вѣ-
ковъ. Стѣны обвѣшаны различными мушкетерами,
карабинами, пистолетами, пиками, саблями, ме-
чами, латами, шлемами всѣхъ народовъ. Есть
даже пушки, мортиры и фалконеты. По ма-
лой мѣрѣ, здѣсь можно вооружить отъ 5 до
4000 человѣкъ! Укажу на достопамятѣйшее.
Такъ называемая адская машина, т. е. двѣнад-
цать фалконетовъ, осажженныхъ въ три ряда,
изъ которыхъ можно стрѣлять вдурь. Эта
машина, въ видѣ проекта, представлена была
Карлу XII; но онъ не захотѣлъ употребить
ея въ сраженіи. Двѣ булавы Польскихъ гет-
мановъ, взятыхъ, однакожъ, не на полѣ сра-
женія, а въ оружейной Іоанна Замойскаго,
послѣ взятія замка Замостя, войскомъ Густава
Адольфа. Жезлы и бунчуки Турецкихъ во-
начальниковъ, взятыя тутъ же. Дорожный
столовый приборъ и алебарда Герцога Кур-
ляндскаго Якова, взятые Карломъ X, въ сра-
женіи при Митавѣ. Мечи Карла X и Фельд-
маршала Торстенсона, съ календаремъ на клинкѣ.
Трость Карла XII, съ подозрною трубою. Двѣ
пары пистолетовъ, оравленныхъ въ слошовую
кость, подаренные Королевою Христиною осно-

вателю замка, Карлу Врангелю. Полное его вооружение, съ латами и шлемомъ. Золотые или раззолоченные щиты, колчаны и дѣй сабля, украшенные агатами и бирюзой, подаренные Турецкимъ Султаномъ. Иоанну Замойскому, и взятые въ замкѣ Замостьѣ. Мечъ Гуссенскаго вождя Иоанна Зиски, и щитъ Императора Карла V, стальной, съ позолотою и чудесною рѣзбою, взятые Врангелемъ въ Чешской Прагѣ. Жезлы или булавы полководцевъ разныхъ народовъ, взятые въ добычу въ Германіи и Польшѣ, въ оружейныхъ палатахъ и въ замкахъ. Мечъ Герцога Альбы, знаменитаго безцеловѣиетъ Правителя Нидерландовъ. Руническій календарь на жезлѣ. Луки и колчаны съ стрѣлами и богатая сѣдла съ конскими приборами, взятые въ Польшѣ и Германіи. Абординный крюкъ, съ придѣланнымъ къ нему пистолетомъ. Огромные механическіе дверные замки, весьма искусной отдѣлки, взятые въ Германіи, кажется въ Аутобургѣ. Богатое оружие и конскія латы принадлежавшія знаменитымъ Шведскимъ генераламъ Тридцатилѣтней Войны... но и напрасно начать указывать любопытное: я уже сказать что здѣсь все любопытно, а чтобы описывать все подробно, надобно, но крайней мѣрѣ,

годъ времени. Повторю, что весьма немногіе изъ Европейскихъ вельможъ имѣютъ такіа оружейная палаты, какъ въ Скокостерѣ. Для историка, поэта, романиста и художника, здѣсь весьма много поучительнаго!

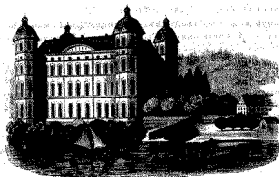
Рядомъ съ Библиотекою и въ одной изъ башенъ, находится различныя модели, физическіе и астрономическіе инструменты, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежали знаменитому астроному Тихо Браге. Въ другой башнѣ стоитъ мраморный бюстъ пышнѣйшаго Короля, во весь ростъ, въ видѣ Марса, работы знаменитаго Бюстрема. За стекломъ хранится шпата Короля и орденъ Серафима, подаренные Государемъ Графу Браге. Эту шпату послѣ пышнѣйшій Король во всѣхъ войнахъ, будучи Французскимъ Генераломъ, Маршаломъ и Наслѣднымъ Принцемъ Шведскимъ. Порядочно окурена пороховымъ дымомъ, эта шпата!

Не охотно вышелъ и изъ этого очаровательнаго замка, живаго, такъ сказать, памятника Шведской славы и аристократіи. Сокровищъ, заключающихся въ этомъ замкѣ, нельзя оцѣнить деньгами, потому что достопамятныя историческія вещи безцѣнны. Но если бѣ даже оцѣнить вещи по ихъ свѣтскому достоинству, то

редкая библиотека, драгоценное собрание картин, которыми обвѣшаны все стѣны въ жилыхъ покояхъ, чудесныя старинныя мебли, золото и драгоценныя камни составили бы огромную сумму. Мы совѣтовали бы нашимъ мебельнымъ мастерамъ-художникамъ, каковы Гг. Туръ и Гамбсъ, прогуляться въ Соклоостеръ, чтобы заимствовать оттуда подлинныя образцы для изысканныхъ модныхъ мебели. Здѣсь Среднѣ Вѣка въ натурѣ, а не на вымышленныхъ Парижскихъ чертежахъ.

Послѣ обѣда мы простились съ нашими радушными хозяевами и поблагодаривъ за хлѣбъ за-солъ, пошли къ берегу, гдѣ ожидала насъ лодка. По дорогѣ зашли мы въ древнюю церковь, окруженную кладбищемъ. У входа въ-лазанъ въ полу камень, съ изображеніемъ рыцари и руиническою подписью. Вокругъ стѣнъ красуются гербы Графовъ Врангелей и Графовъ Браге, погребенныхъ въ здѣшнемъ склепѣ. Въ одномъ придѣлѣ стоитъ статуя основателя замка, Карла Врангеля, и повѣшены его латы, которыми онъ носилъ въ Тридцатилѣтнюю Войну. Алтарь и наваанія въ церкви, отличной работы, взяты изъ Оливскаго монастыря, возлѣ Данцига, при заключеніи знаменитаго Оливскаго мира. —

Небо къ вечеру прояснилось, вѣтеръ утихъ, но всколебанныя воды озера, однако жъ, сильно волновались. Безъ всякой опасности достигли мы желаннаго берега, и уже за полночь возвратились въ Упсалу, усталые и измученные.

ДАНЦЫ СЕВЕРНОГО

VII.

УПСАЛЬСКАЯ СОБОРНАЯ ЦЕРКОВЬ (Dom). — Надгробные памятники Королей и знаменитых мужей. — Достояния вещи, хранящиеся в ризнице. — Насколько сложен о такъ называемой готической архитектуры и о шпизахъ въ особенности. — Взглядъ на городъ. — Королевскій замокъ. — Обсерваторія. — Сады Линнея. — Деявостоящая домъ его. — Отъездъ въ Данеморъ. — Гамла-Упсала. — Древние священные холмы. — Древний храмъ Олена, превращенный въ христіанскую деревянную церковь. — Хранившиеся въ церкви древности, времена языческихъ. — Достояния вещи первыхъ христіанскихъ временъ. — Древняя руническая надпись и фигура. — Шведскіе поэты. — Бытъ Шведскихъ крестьянъ. — Древнее Славянское мусскійское орудіе. — Шведское гостеприимство. — Рудники Данеморъ. — Мыза и трактиръ Эстерн. — Деятельность Шведовъ. — Возвращеніе въ Упсалу.

Не могу насмотрѣться на Упсальскій Соборъ, и полюбоваться его внутренностью! Это самое древнее и самое обширное готическое зданіе на Сѣверѣ, и принадлежитъ къ лучшему стилю готической архитектуры. Церковь имѣетъ въ

длину 180, въ ширину 76 и въ вышину 57½ Шведскихъ локтей. Стѣны изъ кирпича, крыша шедная. Церковь сию начали строить въ 1238 году, а кончили въ 1455 году. Возобновлена она въ 1805 году.

Огромный сводъ поддерживается четырьмя рядами готическихъ колоннъ, между ими въ самой серединѣ церкви, находится свободное, обширное пространство, на которомъ въ старину короновались Шведскіе Короли. Въ этомъ мѣстѣ сходятся всѣ ряды колоннъ, образующихъ родъ корридоровъ. Вокругъ стѣнъ находятся надгробные памятники, а на самыхъ стѣнахъ надписи и гербы знаменитыхъ мужей Швеціи. Кафедра для проповѣдника рѣзная, богато раззолоченная; алтарь великолѣпный, украшенный барельефами высокаго стиля; органы колоссальныя. У самаго входа помѣщено изображеніе Св. Олофа, Короля Норвежскаго, павшаго въ битвѣ съ идолопоклонниками. Онъ представленъ здѣсь символически, попирающій чудовище идолопоклонства. Въ сторонѣ отъ алтаря находится надгробный памятникъ основателя династіи, Великаго Густава Вазы, и трехъ его женъ. Густавъ и двѣ его жены лежатъ на своихъ гробницахъ; изваянія изъ алебаstra,

во весь ростъ, отличаются удивительнымъ сходствомъ лица и изящною отдѣлкою современнаго костюма. Надъ памятникомъ гербъ Королевства и гербы всѣхъ Шведскихъ провинцій. Возлѣ самаго алтаря, по лѣвой сторонѣ, за желѣзною рѣшеткою стоитъ серебряный, позолоченный гербъ, съ смертными останками Короля Эрика IX, утвердителя Христіанства въ Швецію, а по другую сторону похороненъ Олафъ Петри (Olaus Petri), поборникъ реформациі, прозванный Шведскимъ Лютеромъ. При окнѣ, (по лѣвой сторонѣ отъ алтаря) между колоннами, находится мраморный памятникъ Короля Іоанна III, превосходной работы. Памятникъ заказалъ въ Италіи сынъ его, Польскій Король Сигизмундъ III. Памятникъ конченъ уже послѣ его смерти, и отосланъ въ Швецію, на кораблѣ; на которомъ его везли, разбился близъ Данцига, и Городской Совѣтъ, имѣя расчеты съ Шведскимъ Правительствомъ, не выдалъ извѣщенія. Густаву III удалось исторгнуть памятникъ изъ рукъ жадныхъ купцовъ, и, въ 1785 году, онъ перевезенъ въ Упсалу. Густавъ III, велѣлъ отнять у статуи Іоанна III скипетръ и придѣлать его къ статуѣ Эрика XIV. Памятникъ поставленъ на мѣсто, только въ

1818 году. Между памятниками частныхъ лицъ замѣчательны, по изяществу отдѣлки: мраморный саркофагъ Варона Карла Геера (Géer), вельможи и успешнаго натуралиста, съ бюстомъ его, работы Сергеля; монументъ Варона Іоанна Ските (+1645), благодѣтеля Упсальскаго Университета; монументъ Архіепископа Менадера (+1766), работы Анжелини. Но важнѣйшій изъ частныхъ памятниковъ есть Линнеевъ. Смертные останки его похоронены въ склепѣ, при главномъ входѣ, а у стѣны, подѣ окномъ, придѣлана пирамида, изъ Эльфсдальскаго порфира, съ бронзовымъ медальономъ, изображающимъ голову Линнея, работы Сергеля.

Въ такъ называемой сакристіи (Sakristey), или ризницѣ, хранится весьма много драгоценныхъ, рѣдкихъ и достопамятныхъ вещей. Когда Сѣверная Семипирамида, Королева Маргарита, основательница Кальмарскаго союза, вздумала лишнить Шведскаго Престола Албрехта (изъ фамиліи Мекленбургской), онъ послалъ своей непріятельницѣ точильный камень, въ два локтя длиною, съ увѣщаніемъ: «чтобъ она точила на немъ свои иглы, которыми ей гораздо приличнѣе заниматься, нежели войною». Маргарита послала обратно въ подарокъ Ал-

брехту знамя, сшитое из рубахи Ланландцевъ, въ знакъ его бѣдности. Взявъ потомъ въ плѣнь несчастнаго Албрехта, нестительная Маргарита унизила собственное достоинство, повелѣвъ нарядить своего плѣнника въ шутовское платье, и въ такомъ видѣ представить себя, обременивъ его притомъ сарказмами. Точильный камень и знамя хранятся здѣсь. Тутъ же находится окровавленное платье несчастнаго Нильса Стуре, которое было на немъ, въ то время, когда Эрикъ XIV ранилъ его мечемъ. Тѣло Нильса Стуре погребено въ склепѣ Собора. Изъ древностей нѣтъ здѣсь ничего кромѣ деревяннаго изваянія Тора. Всѣ сокровища составлены изъ военной добычи въ Тридцатилѣтнюю Войну. Между ими замѣчательнѣйшія суть: золотая чаша, въ $\frac{3}{4}$ локтя, украшенная драгоцѣнными камнями, взятая Фельдмаршаломъ Кенигсмаркомъ въ Чешской Прагѣ; серебряная чаша съ драгоцѣнными камнями; серебряный, вызолоченный крестъ, съ священнымъ древомъ отъ Животворящаго Креста Господня, принадлежавшій Царю Александру III; мѣдный, съ эмалью, шкафъ, чудной работы, въ видѣ Ноева Ковчега, и много богатыхъ Католическихъ ризъ, епископскихъ митръ

и посоховъ. Кромѣ того здѣсь же хранится множество богатаго архіепископскаго облаченія новаго времени, въ которомъ, въ торжественные случаи, служатъ Шведское Духовенство. Замѣчательно, что изъ всѣхъ народовъ, отринувшихъ Католическую Вѣру и послѣдовавшихъ ученію Лютера, только одни Шведы сохранили нѣчто похожее на католицизмъ, въ служеніи и въ украшеніи храмовъ. Между прочимъ ризы не отвергнуты Шведскимъ Духовенствомъ, но только они дали имъ другой видъ.

За алтаремъ внутренность собора кончится полукругомъ. Здѣсь въ нишахъ находятся картины, альфреско, писанныя знаменитымъ современнымъ Шведскимъ живописцемъ Сандерсомъ, изображающія важнѣйшія эпохи изъ жизни Густава Вазы Великаго. Одна колоссальная картина изображаетъ торжественный въѣздъ Густава въ Стокгольмъ, а на другой колоссальной картинѣ изображенъ Густавъ на сеймѣ, говорящій рѣчь и представляющій членамъ сейма сына своего Эрика XIV. Картины меньшаго размѣра изображаютъ: Густава, просящаго помощи у членовъ Любекскаго Магистрата; Густава, въ крестьянскомъ платьѣ, въ гумнѣ, между крестьянами и крестьянками, въ то вре-

ми, когда онъ скрывался между ими отъ поисковъ Христіана II; Густава, говорящаго рѣчь передъ Далекарльскими крестьянами, въ Мора; Густава, принимающаго первый переводъ Библии, на Шведскій языкъ, сдѣланный по его порученію. Одна картина еще не кончена, а лучшая изъ нихъ есть: Густавъ въ гумнѣ. Прочія картины, кажутся мнѣ, грубой работы, въ отношеніи къ колориту и отдѣлкѣ частей. Но композиція и группировка превосходныя. Есть однакоже кой-какіе грѣхи и противу рисунка! Видно, что почтенный Сандерсъ не весьма опытенъ въ фресковой живописи. Однакожъ картины эти, на извѣстномъ разстояніи, производятъ прекрасный эффектъ.

Внутренняя и наружная отдѣлка стѣнъ собора, узоры оконъ, особенно большаго окна надъ боковымъ входомъ, своды дверей, и различныя кружевные украшенія чрезвычайно пріятельны. Церковь сія горѣла нѣсколько разъ, а потому она не имѣетъ теперь своихъ высокихъ шпицевъ надъ двумя башнями, украшавшими ее со стороны главнаго входа. Надъ башнями надстроены верхи съ крышами, и это безобразитъ ихъ. Здѣсь почитаю кстати сказать нѣсколько словъ о башняхъ и шпицахъ вообще.

Наши почтенные архитекторы, которые, всѣ безъ исключенія, почитаютъ себя великими гениями, весьма много сочиняють, и не имѣють времени ни думать, ни читать. Теперь мода на все готическое, и если имъ приходится строить что либо въ готическомъ вкусѣ, то первое дѣло у нихъ башни, по важной причинѣ, что всѣ храмы и замки Среднихъ Вѣковъ имѣють башни! Честь имѣю уведомить cadaго и всѣхъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, что башни безъ шпица, при храмѣ, есть величайшій анахронизмъ, ошибка противу азбуки, такъ называемой, готической архитектуры! Всѣ башни въ храмахъ Среднихъ Вѣковъ, наприимѣръ въ Кельнѣ, въ Реймсѣ и т. д. отъ того не имѣють шпицевъ, что храмы не кончены постройкою. Это такъ вѣрно, какъ дважды два четыре, и сказанное мною легко доказать планами, моделями и исторіей всѣхъ готическихъ храмовъ. Башни въ замкахъ, по угламъ стѣнъ, въ воротахъ и въ прочихъ мѣстахъ строились безъ шпицевъ, съ плоскими крышами и бойницами, потому что эти башни служили для защиты. Сверху ихъ бросали стрѣлы, камни и прочее на осаждающихъ. Но башни при церквахъ всегда строились или предполагались строиться

со шпицами, потому что шпиць надъ храмомъ есть символическая фигура, и означала встарину сосредоточеніе въ одномъ пунктѣ божественныхъ помысловъ правовѣрныхъ, молящихся внутри храма, или лучъ молитвы, возносящейся отъ земли къ небу. Другая цѣль шпица была: возвышеніе знаменія спасенія (креста) надъ всѣми аданіями и указаніе издали, что городъ Христіанскій. Все это давно сказано, пересказано и доказано! Не странно ли, послѣ этого, что нынѣшніе строители, подражая Среднимъ Вѣкамъ, берутъ за образецъ аданія *недоконченныхъ или поврежденныхъ пожарами*? Читайте господа и учитесь, тогда не будете грѣшить противу правилъ вкуса и Исторіи! Нѣтъ ничего безобразнѣе, какъ башни надъ храмомъ безъ шпицевъ или безъ куполовъ!

Городъ Упсала не великъ и не многолюденъ, какъ всѣ Шведскіе города. Дома здѣсь, по большей части, деревянные и довольно красивые. Есть и каменные дома, но частныхъ каменныхъ аданій вообще не много. Улицы прямыя и широкія. Садовъ множество. Жителей считается здѣсь до 4500 душъ. Городъ, какъ я уже сказалъ, лежитъ въ долинѣ, по обѣимъ сторонамъ рѣки, и примыкаетъ къ довольно высо-

кимъ холмамъ. На одномъ изъ нихъ красуется замокъ, перестроенный Густавомъ Ваазомъ изъ древняго аданія, бывшаго здѣсь при первыхъ конунгахъ Швеціи.

Замокъ много претерпѣлъ отъ пожаровъ, и отъ него остался только одинъ главный фасадъ со стороны города, и часть южнаго флигеля. Сколько можно догадываться, по остаткамъ фундаментовъ, замокъ былъ четырехъ-сторонній, съ башнями по угламъ. Зданіе высокое и величественное, весьма похожее, съ перваго взгляда, на Сколастеръ. За фасадомъ, среди бывшаго двора, стоитъ колоссальный бронзовый бюстъ Густава Вааза, а противу него на платформѣ, двѣ пушки, вѣроятно вѣстовыя. Въ этомъ замкѣ происходило весьма много важнаго для Швеціи, потому что здѣсь собиравались сеймы, въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Подземелья замка прибрѣли знаменитость со времени убійства вельможъ Шведскихъ, при Эрикѣ XIV. Для Шведовъ памятна также одна зала въ замкѣ, въ которой дочь Великаго Густава Адольфа, умная, ученая, но вѣтреная Христина, отрекалась отъ престола, для того только, чтобы прибрѣсти свободу въ жизни. Знаменитый другъ и вѣрный слуга

юцца ея. Канцлеръ Аксели Оксенперри, который, по смерти Густава-Адольфа, управлялъ въ Германіи всѣми дѣлами протестантскаго союза, и послѣ того пользовавшій почти царскими уваженіемъ въ своемъ отечествіи, Оксенперри, спавъ одну ночь безъ покоя, Христіанъ, и при каждаго новопоявившагося въ ея воступахъ, и необыкновеннаго снуха, рожденію, поклонялся. И во все время она, дочь Великаго Густава Адольфа, въ эти слова Оксенперри говорила, тѣмъ Государственному Совѣту. И такъ (замѣтьте) живѣтъ Губернаторъ провинціи, и поименованъ присутствіемъ въ Обсерваторіи, находящейся въ отдаленіи отъ другихъ университетскихъ зданий, среди города. Это была домъ принадлежавшій знаменитому астроному Андрею Целсіусу (Celsius), который извѣстенъ сего Университету. Зданіе довольно хорошо устроено для наблюдений. Какъ самое зданіе, такъ и инструменты, и библиотечка, суть принадлежанія астрономовъ. Изъ которыхъ Профессоръ Нортъ (Nort, — в 1751) подарилъ 1300 томовъ астрономическихъ инструментовъ. Впрочемъ астрономическими инструментами не можетъ похвалиться Упсальскій Университетъ. Эта часть въ плохое состояніи. И такъ

И осмотрѣвъ садъ Линнея, принимающій къ дому, въ которомъ онъ жилъ. Большая часть деревьевъ, посаженныхъ имъ, великими мужествомъ, но всѣ рѣдкія растенія пересажены въ новый Ботаническій садъ. Садъ Линнея не великъ, и въ бывшихъ его тѣнищахъ теперь уютно помещеніе (родъ кауза), для одного изъ студентскихъ мандшашафтовъ. Домъ Линнея до сихъ поръ живъ. Ей теперь около 60 лѣтъ. Она пользуется пенсіею отъ Университета и отъ Королевской фамили. Я падалъ иногда по чтенію старушку, сидящую у окна, но не разговаривалъ съ нею.

Вечеръ провели мы въ обществѣ почтеннаго Ректора, и приготовились къ пути. Завтра ѡедемъ мы въ желѣзные рудники Ланеморы. Студентъ Сталфе, сынъ отличнаго Стокгольмскаго адвоката, согласился, въ дружбѣ, сопутствовать намъ, въ качествѣ переводника. Мы срядили коляску и поѣдемъ на почтовыхъ. Почти всю ночь на площадѣ, подъ нашими окнами, и въ студентъ и мы не могли сомкнуть глазъ до утра. Въ 7 часовъ, четверочастная коляска, запряженная парой изюросскихъ лошадей, подъѣхала къ крыльцу. Она умерла въ 1830 году, когда печаталась эта книга.

и мы помчались скорою рысью, какъ будто на шести лошадахъ.

Первый нашъ привалъ былъ въ деревнѣ, или селѣ Таяла (древняя) Усала. При вѣздѣ въ село, на лѣвой сторонѣ отъ дороги, возвышаются три холма правильной формы, называемые холмами Одена, Тора и Фрей, трехъ главныхъ божествъ Скандинавскихъ. Вѣроятно въ древности здѣсь приносили имъ жертвы. Въ серединѣ села находится церковь, построенная на основаніи и изъ разваливъ стѣнъ древняго храма Оденова, воздвигнутаго здѣсь, по преданію, за 200 лѣтъ до введенія Христіанства въ Швецію. Кажется, что одна часть этой церкви древнѣе прочихъ частей, и быть можетъ, что это остатокъ древняго языческаго храма. Нынешняя церковь не имѣетъ въ наружности своей ничего необыкновеннаго, и похожа на всѣ деревенскіе протестантскіе храмы. Мы отыскали кистеръ, который отперъ намъ церковь, и показалъ всѣ здѣшнія древности. Весьма замѣчательны: древній сундукъ, (т. е. выдолбленная колода) весьма твердаго дерева, обкованный желѣзомъ, въ которомъ хранится деревянный истуканъ Тора, весьма изуродованный. Скоро онъ вовсе исчезнетъ, потому что

путешественники рѣжутъ отъ него куски, на память. Ноги уже почти нѣтъ. Жаль, что начальство позволяетъ истреблять такую рѣдкость! Истуканъ всего въ аршинъ вышины. Здѣсь же хранится желѣзный топоръ, особенной формы, вѣроятно употребившійся при жертвоприношеніяхъ. Алтарь сохранился здѣсь отъ временъ Католическихъ. Весьма любопытны деревянный, раскрашенный статуи: Ансгарія, перваго проповѣдника Христіанства въ Швецію, Сигриды Стурате, съ Королеми Олофомъ, (прозваннымъ Шюсконунгомъ) на рукахъ * и Св. Олофа. На срединѣ церкви означено мѣсто, гдѣ, въ Католическія времена, найдены истлѣвшія тѣла Св. Эрика и перваго Шведскаго Христіанскаго проповѣдника. Но самая замѣчательная древность есть руиническій четырехугольный камень, который вѣзанъ въ каменномъ полу, не подалеку отъ алтаря, по правую сторону отъ входа. Камень, въ длинномъ концѣ, имѣетъ около полутора аршина. Онъ лежалъ въки подъ алтаремъ и найденъ тамъ въ 1704 году, при перестройкѣ церкви. Я срисовалъ на мѣстѣ полное изображеніе, съ возможною

* См. Россія въ истор. стат. геогр. и антроп. отношеніяхъ. Исторія Ч. I.

точностью, и прилагая здесь. Фигура в середине, в виде креста, есть молот Тора, эмблема его могущества, а змей означает его премудрость. Руническая надпись вокруг фигуры, до сих пор не истолкована. Наверное полагают, что это самый древний рунический камень, из всех известных в Швеции. Этот камень вообще принадлежит к числу любопытнейших памятников язычества, в Европе. В других странах весьма немного языческих народных памятников, которые на Запад и на Восток заимуются Римскими и Греческими древностями. Скандинавы сохранили, больше прочих стран, остатки своей старины, и для образованного Европейца они имеют величайшую важность.

Настоящий портрет Астронома Андрея Целсия, умершего в 1743 году и Ольберга (Ahlbeg) уроженца села Тамла Унсла, который дослужился во Французской службе, кажется при Людовике XVI, до полковничьего чина и ордена Св. Людовика.

Этот Ольберг был простым солдатом в Швеции. Одна благородная девушка влюбилась в него, и он был должен был бежать из отчества. Возвратясь, в чин полковника и с состоянием,

В Швеции идти на казенных почтовых станциях, на смотрителях, на поданных почтовых лошадей. Крестьяне округа обязаны содержать в готовности известное число лошадей, для провозжающих, за назначенную Правительством плату. Место для перемены лошадей собирается или в крестьянском доми, или в корчме, или у фермера. Тогда эта почти та же, что у нас, на яских, сдаточных. Кто не желает ждать на станциях, должен послать вперед нарочного для заготовления лошадей. Подорожных идти и каждый, кто платит, имеет право требовать почтовых лошадей. Шведы, никого не задерживают на станциях, удивительно, не торгуются, не выжидают, идут, но кто не заказал вперед лошадей, тот иногда должен ждать несколько часов, пока лошадей привезут с поля или из другой деревни. В первый раз мы переменяли лошадей в Уггеста, небольшой деревушке. Мы вошли в дом к фермеру, который содержит деревенский трактир. Чистота в доме удивительная. Пока мы завтракали, впрягли лошадей в нашу коляску. Шведская Ольберг основал на своей родине, школу. Именики его живы, помню.

упряжь так удобна, что семилетнее дитя может выпрячь и запрячь лошадей, въ две минуты. Упряжь вся на крючках. Почтовая бада отъ 10 до 12 верстъ въ часъ, по прекраснѣйшей въ мѣрѣ дорогѣ. Вторая станція въ деревнѣ Андерсби. Здѣсь намъ надлежало подождать около полутора часа, пока привезутъ лошадей съ пастбища, и мы употребили это время, чтобъ осмотрѣть бытъ Шведскихъ поселенъ.

Дома Шведскихъ поселенъ деревянные, одноэтажные, съ большими окнами. Домъ раздѣляется на двѣ половины, на гостиную или чистую и на жилую. Между ними сѣни, съ чуланомъ. Въ гостиной половинѣ, состоящей изъ одной или двухъ комнатъ, окна съ занавѣсами, стѣны украшены обоями и гравюрами, полы чистые, усыпанные бѣлымъ пескомъ и сѣянкомъ. Мебели, т. е. столы и стулья, хотя простые, но прочные, печь паразитовалъ. Постель съ занавѣсами и чистымъ бѣльемъ. Жилая или правдивѣ хозяйственная половина дома состоитъ изъ одной большой комнаты, иногда переторженной. При одной стѣнѣ печь, а въ углу очагъ, въ видѣ огромнаго камина, гдѣ стригаютъ кушанье. Подъ окномъ большой

столъ, на которомъ семейство обѣдаетъ. Возлѣ стола стулья, а вокругъ стѣнъ скамьи, какъ у Русскихъ поселенъ. На стѣнахъ полки съ блестящею оловянною, жѣдною и чугуною посудой. Полъ почти всегда земляной, т. е. изъ глины, извести и мелкихъ камешковъ, гладкій, какъ токъ въ гумнахъ. Веадъ чисто и опрятно. На дворѣ, всегда выметенномъ, находится хозяйственными постройками, хлѣвъ, сарай, конюшни и одинъ или нѣсколько небольшихъ чистенькихъ домиковъ, въ одну или въ двѣ комнаты. Въ этихъ домикахъ номѣщаются женатые сивовыя хозяина или работники. Мы заходили въ нѣсколько крестьянскихъ домовъ, и въ одномъ изъ нихъ застали работниковъ за обѣдомъ. За столомъ, накрытымъ чистою скатертью, сидѣли одни мужчины, крѣпкіе, здоровые и красивые; они одѣты въ куртки и ширавары, по-матросски. Двѣ невловидныя дѣвушки (не знаю, служанки или дочери хозяйина) прислуживали, т. е. подавали кушанье. Крестьянскія дѣвушки весьма красиво заплетаютъ волосы въ косы, которыми обвиваютъ голову, и носятъ вѣстрые корсеты. Башмаки ихъ съ деревянными подошвами. Замужнія женщины въ кофтахъ и чепцахъ. На столѣ

лежать обыкновенный Шведский хлѣбъ, сушеные опрѣенокн. Въ большой чашѣ подали молоко, потомъ картофель въ молокѣ, и яичную кашу въ молокѣ, наконецъ поджареную соленую свинину. Питие — пивадрикъ. Поселкине присутствовали на сѣвѣ живя, но не смутились нашимъ появленіемъ, и продолжали преспокойно обѣдать. Дѣвушки пріятно намъ заулыбались, узнавъ, что мы чужестранцы. Мыворотились въ тотъ домъ, передъ которымъ стояла наша конюшня, и вошли въ избу. Здѣсь я увидѣлъ престланую поселнику, которая могла бы украсить собою самый блистательный балъ. Подруга ея была также не дурна. На стѣнѣ висѣлъ какой-то странный инструментъ, родъ гуслей, съ клавишами, которые надобно приводить въ движеніе, повертывая ручку, а звуки изъ инструмента извлекаются смычкомъ. Инструментъ называется никель-гарна * (Nykel-harna). Осмотрѣвъ его я нашелъ, что онъ совершенно сходенъ съ нашимъ *рыль*, о которомъ я говорилъ въ сочиненіи моемъ. Россія и проч. и описалъ по собраннѣ мною извѣстіямъ отъ старожилонъ Воронежскихъ. Но счастію, нашелся

* *Агре* слово Греческое и означаетъ кобу, для кошенія сѣна. Древніи агре похожи были на жомы

человѣкъ, умѣвшій играть на никель-гарнѣ. Сѣвъ на стулѣ, онъ положилъ инструменты на колѣни, и началъ играть народный наѣвъ. Мы попросили хозяйку дома позвать дѣвушечекъ потанцовать. Онѣ охотно приняли наше предложеніе. Сперва дѣвушки держались одиѣ, а потомъ съ молодыми мужчинами, студентами. Съ историческимъ любопытствомъ смотрѣлъ я на никель-гарну. Нѣтъ ни, какого сомнѣнія, что этотъ инструментъ извѣстенъ въ Скандинавіи и Славянщинѣ со временъ лавическихъ. У насъ *рыль*, есть исковерканное жонглии Славянца, въ произношеніи, слово *Дира*, * а у Шведовъ осталось названіе агре (harna). Танцы прерваны были подѣхавшею къ порогамъ конюшны. Проѣзжіе, одинъ мужчина и двѣ дамы, заняли гостиную половину, и расположились застракать. Узнавъ отъ Стаафа, кто я таковъ, проѣзжіи, (зажиточный купецъ) сказали мнѣ нѣсколько комплиментовъ на счетъ моего авторства, и убѣдиль меня въ томъ, что онъ меня

привѣтъ. *Дира* слово Греческое и означаетъ кобу, для кошенія сѣна. Древніи агре похожи были на жомы

См. статью Кастальскаго о фортепано, въ Revue de Paris, 1859.

читаль (въ переводѣ), пригласить откупать съ нимъ халба-соли, и выпить по рюмкѣ вина. Не было бы отказаться, особенно когда стали наливать прелестныя его спутницы. На счетъ гостеприимства и угощения Шведы точно Русскіе! Последняя конѣйка ребромъ, и что въ ночь, все на столахъ мои!

Наконѣцъ привели насъ лошадей. Мы поили проститься съ хозяйкой дома и дѣвушками, которые танцевали, въ нашу угоду. Сара (имя красавицы) улыбалась отъ нашихъ Шведскихъ комплиментовъ, и простилась съ нами, какъ сестра съ братьями, не иначе, однако жъ, какъ съ позволеніемъ матери. Добраго купца мы оставили на станціи и помчались въ Данемору.

Дорога идетъ дѣсько. На одной равнинѣ, вѣзъ самой дороги, лежитъ замокъ Салестахъ, съ прекрасными оранжереями, принадлежащій Графу Брате. Мы не имѣли времени осмотрѣть внутренности замка. Верстахъ въ трехъ отъ Данеморы находится, на берегу озера, водная машина, которая выкачиваетъ воду изъ рудниковъ. Отсюда по лугу устроены, на сваяхъ, рычаги, скрѣпленные между собою кольцами. Медянное колесо, оборащивая цилиндръ, при-

водить въ движеніе (va et vient) рычаги, изъ которыхъ послѣдній прикрѣпленъ къ ручкѣ насоса, и такимъ образомъ этотъ простой и малосложный механизмъ заводитъ дорогія паровыя машины. Вѣзъ рудниковъ лежатъ цѣлыя горы обломковъ шифера и скаль. Рудниковъ или пропастей здѣсь нѣсколько, но теперь работаютъ только въ двухъ, называемыхъ большиною и малыною рудникомъ. Если вы хотите имѣть понятіе о Тартарѣ — милости просимъ сюда! — Отвертіе большаго рудника весьма обширное. Вокругъ деревянныя ходы, дѣстницы и подѣмы для выниманія руды въ чанахъ. Рудникъ раздѣляется надвое, естественною стѣною, т. е. скалою, съ неправильными отвертіями, въ родѣ оконъ, передъ которыми вьются пороховой дымъ и паръ, исходящіе изъ глубины. Изъ пропасти раздаются стукъ молотовъ, трескъ взрываемыхъ минъ и крики работниковъ. Въ самой пропасти сыро, холодно и мрачно. Спутники мои Гг. А. Гассе, Кюсмайъ и Стаафъ, пожелали спуститься въ рудникъ. Они вѣзли въ чанъ, которымъ выносятъ на поверхность руду. Чанъ этотъ укрѣпленъ на канатъ, который нависается на шпиль, оборащиваемый двумя парами воловъ.

Канаты проходить по движущемуся цилиндру, между двумя перекладинами, выдавшимися над водою, чтобы кань, при спускѣ и подъёмѣ, не бился о скалы. Одни рудокопы, ставъ по тѣмъ на краяхъ чашъ, и придерживавши одну рукою, держали багоръ, чтобы отталкиваться отъ стѣнъ или притягиваться къ ней. Влѣзать въ кань и вывѣзать изъ него, надъ провѣстью, не только странно, но даже опасно. Тутъ надобно много осторожности. Поскольку и людей — и немалая кость авали! Случается иногда, что канаты рвется, отъ неправильнаго движенія или изъ другихъ непредвидимыхъ обстоятельствъ. Когда путешественники спросить директора, есть ли опасность, при спускѣ, въ рудники, онъ всегда скажетъ, что есть, и что онъ не хотѣлъ бы за несчастный случай и даже не совѣтуетъ сѣмъ съездомъ. Это осторожный отвѣтъ и всѣмъ и каждому. Вспомните, что рудникъ имѣетъ болѣе 75 саженъ глубины! Я сошелъ по деревянной, и притомъ весьма непрочной дѣстицѣ, только на первый этажъ рудника, чтобы съмотрѣть на воздушно-подземное путешествіе моихъ товарищей. Едва могъ я разглядѣть ихъ въ дымъ и туманъ. Г. Косманъ имѣлъ письмо къ начальнику руд-

ника, путешественнику Веронису, который вѣлся показать намъ рудники, и хотѣлъ насъ напугать вопросъ: «Вотъ, что я узналъ отъ него. Рудники Данеморы, богатѣйшіе въ Швеціи, существуютъ уже 400 лѣтъ. Рудники принадлежатъ компаніи. Ежегодно работаютъ здѣсь, за вольную плату, 250 человекъ и добываютъ 1100 рудныхъ снамовъ, изъ коихъ 100,000 пинтъ — медной, а руды, содержащей въ себѣ до 70 процентовъ чистаго желѣза, лучшей доброты. Рудники въ трижды больше, опаснѣе, отъ принадлежащаго къ нимъ озера. Не взирая на это, тамъ, которыя отдѣлено озеро, вода приближается подъ землею, и многие рудники уже оставлены. Другіе въ рудникахъ — гранитная скала, которую надобно разбивать на части порохоми. Вѣловатый камень, безъ руды, а черныи и блестящій, съ рудою. Работники только пробиваютъ, молотами, скажины для минъ, начиняютъ ихъ порохоми и выгружаютъ руду въ чашы. Главныя ихъ пещеры и кузницы имѣть въ самой Данеморѣ; онѣ въ окрестностяхъ Данемора есть родъ мѣстечка или городишка. Вошь самыхъ рудниковъ дочь начальника, сърадомъ. Съ другой стороны — Шведскій имѣетъ суды, равныя 10 Русскія рудныя.

чистые и красивые домики для работников, съ ихъ семействами, церковь и школа. Работники живутъ въ довольствѣ. Каждый изъ нихъ имѣеть свой садъ, поле, дугъ, и сверхъ того получаетъ провизію для жены и дѣтей, ниже пятинадцатилѣтняго возраста, и по пяти шиллинговъ (рикскъ) въ день жалованья.

Насмотрѣвшись на явную пропасть и наслушавшись треску отъ взрыва скалъ, мы простились съ Г. Веронсусомъ и пошли обѣдать въ трактиръ, находящійся при мызѣ Эстерби (Österby), верстахъ въ трехъ отъ Данеморы. Мы прошли по превосходному искусственному дугу, на которомъ росла трава, по крайней мѣрѣ въ полтора аршина. Это было время сенокоса. Дѣвушки, которыя требались, были въ кругломъ платьѣ, какъ городскія служанки, и въ соломенныхъ шляпкахъ, а косцы въ сертукахъ, во фракахъ, въ курткахъ. Вообще близъ столицы провинціальныя костюмы рѣдки и поселане, въ своихъ имененныхъ фракахъ или сертукахъ, похожи на неуклюжихъ лакеевъ или мастеровыхъ. Каждый работникъ носитъ кожаный передникъ.

Прелестная мыза Эстерби принадлежитъ Г. Таму. Все строеніе каменное и притомъ пре-

красное. Садъ отличный, въ старомъ Французскомъ вкусѣ, украшенъ чугуннымъ храмомъ, по рисунку скульптора Гете. Къ саду примыкаетъ обширный и превосходный паркъ. Въ домѣ драгоценное собраніе картинъ, библіотека, всѣ признаки образованности. Въ кузницахъ Эстерби выковывается до 3000 шнестъ-пундовъ полосоваго желѣза, лучшаго качества, и 500 семействъ получаютъ пропитаніе отъ этой промышленности. Г. Тамъ почитается отличнѣйшимъ агрономомъ и фабрикантомъ, но это вовсе не мѣшаетъ ему любить науки и художства. Трактиръ лежитъ въ некоторомъ разстояніи отъ мызы, между паркомъ и лѣсомъ. Рѣшительно скажу, что это лучший трактиръ въ Швеціи. Ни въ одномъ Стокгольмскомъ трактирѣ не обѣдалъ я такъ хорошо, заказывая обѣдъ, какъ здѣсь. Услуга превосходная.

Изъ Упсалы многіе ѣздитъ на прогулку въ Эстерби. Въ этотъ день было здѣсь нѣсколько семействъ и десятка два студентовъ. Можете судить о деликатности Шведовъ по ихъ поведенію со мною. Вошедъ въ трактиръ, увидѣлъ я, на нѣсколькихъ столахъ, книги. Хозяева ихъ нарочно удалялись. Я заглянулъ въ книги, и увидѣлъ переводы нѣкоторыхъ моихъ сочи-

ся поближе къ пристани, въ Стаденъ; мы пошли за прекраснѣйшею изъ нимфъ, выхававшихъ намъ квартиры. Злая и дурная служанки въ трактирѣ Г. Шландера, въ Упсалѣ, заставили насъ страшиться безобразія. Красавица шла быстро передъ нами, оглядываясь, съ безпокойствомъ, и увлекая насъ за собою нѣжною улыбкою и умильными взглядами; когда мы останавливались передъ надписью: Rum för Resande (квартира для путешественниковъ). Наконецъ она ввела насъ въ небольшой домъ, въ три окна, (на улицѣ Stora-Ny-Gatan, N 11), сдала на руки пожилой женщинѣ, хозяйкѣ квартиры, и исчезла. Съ нею исчезли и надежды наши пить кофе изъ предстѣнныхъ ручекъ, съ акомпаниментомъ умильныхъ взоровъ. Служанка въ нашей квартирѣ была вняда, добрая и услужливая, но вовсе не красавица, и мы узнали, что хозяйка квартиру принимаетъ красавицы только для приманки путешественниковъ. Согласитесь, друзья, что если бъ даже утрюмому Эпиктету пришлось выбирать между служанками, то онъ предпочелъ бы красавицу безобразной, слѣдовательно расцѣлеть хозяйку вѣрнѣе. Мы досягались этой невинной хитрости, которую заманили насъ въ довольно плохую

квартиру. Вотъ и несправедлива поговорка, что старого воробья на мякишѣ не обманешь!

Сегодня, друзья, стану я говорить съ вами о важныхъ предметахъ, хотя вкратцѣ, представляя вамъ самимъ изслѣдовать дѣло въ подробностяхъ. Во время пребыванія моего въ Стокгольмѣ, ежедневно ходилъ я къ разводу, и былъ раза два на ученьѣ, чтобы приемотрѣться къ Шведскому войску. Оно теперь одѣто иначе, какъ было въ войну 1808 — 1809 годовъ. Покрой мундировъ весьма похожъ на Русскій, только цвѣтъ ихъ снѣгій, а цвѣтъ воротника и выпушекъ различенъ, по полкамъ. Въ Стокгольмѣ содержать гарнизонъ, два полка пѣшей гвардіи, лейбъ-гвардія конный полкъ и нѣсколько ротъ пѣшей и конной артиллеріи. Шашки артиллеріи похожи на Баварскіе, а медіишныя шанки, въ первомъ полку пѣшей гвардіи, особой формы, припоимѣющія; однакъжъ, шанки пѣшихъ конныхъ гренадеръ. Въ первомъ гвардейскомъ полку воротники и лацканы желтые, во второмъ красные. Конная гвардія одѣта по-гусарски, въ голубой цвѣтъ. У артиллеристовъ мундиры зеленые, съ черными воротниками. Кто видитъ почти ежедневно Русскую гвардію, и видалъ старую гвардію Наполеона, тотъ по

неволь долженъ быть выскателенъ на счетъ солдатской выправки и върности въ эволюціяхъ. Въ этомъ отношеніи хотя Шведскаго войска нельзя сравнивать съ Русскимъ, но вообще видъ Шведскаго солдата воинственъ, и свободныя его движенія имѣютъ свою прелесть. Мнѣ страннымъ показалось, что музыканты первой пьенги одѣты по-офицерски, съ эполетами, и въ шляпѣ съ султаномъ. Это вольные музыканты, добрые Нѣмцы, которые поутру играютъ на разводѣ, а вечеромъ въ оркестрѣ театра, и называются *гобонистами*,* кто бы на чемъ ни игралъ! Пока они на службѣ, то пользуются офицерскимъ званіемъ. Въ Шведскомъ войскѣ не обращаютъ большаго вниманія на единообразіе въ формѣ. У одного солдата мундиръ и панталоны широкіе, другой заднуетъ и обляпуть, у иныхъ брыжи изъ подъ галстука, у другихъ видна манишка, часовая цѣпочка, кто въ перчаткахъ, кто безъ перчатокъ, иные въ усахъ и съ бородами, à la Gustave Adolff, другіе безъ усовъ, съ одними бакенбардами, и т. д. Вблизи эта пестрота разительна, но издали

* Итъ за сорокъ предъ снѣгъ, почти во всей Европѣ полковая музыка состояла всегда изъ нѣсколькихъ гобонистовъ.

не портить фрунта. Во время бывшаго возмущенія гарнизонъ столицы усилить двумя армейскими полками. Какъ въ гвардіи, такъ и въ арміи, люди прекрасные, рослые, сильные, здоровые, полные и румяные. Офицеры молодцы, въ должномъ смыслѣ слова. Я не видалъ между ними ни одного малорослаго, блѣднаго, хилого, изможденнаго, безсильнаго и слѣпкомъ молодого. Можно подумать, что слабосильныхъ и малорослыхъ вовсе не принимаютъ въ военную службу. Шведскіе офицеры, сколько и могъ замѣтить, превосходно знаютъ свое дѣло. По знакомившись съ многими изъ нихъ, и долженъ отдать справедливость ихъ необыкновенной образованности. Кромѣ военныхъ наукъ, всѣ они образованы литературно, т. е. какъ Нѣмцы говорятъ, имѣютъ *litterarische Bildung*. Не смѣю рѣшительно судить о такомъ важномъ дѣлѣ, но мнѣ кажется, что Шведское войско, хотя малочисленное, но по мужеству занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между Европейскою вооруженною силою.

Шведская военная сила устроена вовсе иначе, нежели въ другихъ государствахъ. Въ Швеціи нѣтъ ни конскрипціи, ни рекрутскаго набора и защита отечества вѣрена всѣмъ его сы-

наемъ, а постоянное или регулярное войско, какъ основаніе и подпора всеобщаго вооруженія, образовано совершенно описательно. И важъ даже общее объ этомъ понятіе.

Шведская армія состоитъ: первое, изъ поселеннаго (Indelta-arnes) или правильнаго земскаго войска; второе, изъ олошниковъ или войскъ вербованнаго (Vaerfvade), и третье, изъ ополченія (Bevaering). Эти три разряда войскъ составлены слѣдующимъ образомъ:

1. Земское войско (Indelta) заведено Карломъ XI, въ 1680 году. Цѣль этого заведенія есть та, чтобъ имѣть постоянное войско безъ рекрутскаго набора и безъ издержекъ наличными деньгами, изъ казны государственной. Вся Швеція издревле раздѣлена на земскіе округа или уѣзды, называемые ротами (Rote), а въ хозяйственномъ отношеніи вся земля раздѣляется на геммамы *. Въ каждомъ округѣ или въ каждой ротѣ,

* Геммама есть условная мѣра, которой не возможно опредѣлить съ точностью, также какъ нашихъ остзейскихъ гектаровъ. Геммама называется иногда *магистратомъ*, иногда просто *своромъ*. Это не всѣ округа, въ которыхъ есть земская часть земель, со всѣми угодьями, полями, лѣсами, лугами, выгономъ, для пропитанія одного семейства. Такое раздѣленіе земли существуетъ отъ перваго

каменъ отдала, въ вѣчное владѣніе, участокъ земли, * и изъ числа участковъ, составляющихъ два геммама, или въ сложности, цѣнность земли въ 8259 риксталеровъ,** содержится солдатъ, пѣхотный, конный или матросъ, смотря по условію. На этой землѣ есть особый участокъ, съ домомъ, напинею, лугомъ и огородамъ, на которомъ живетъ солдатъ, съ своимъ семействомъ. Участокъ этотъ называется *морна*. Жители округа обязаны помогать солдату въ полевыхъ работахъ, чинить домъ, одѣвать его и содержать,

переселеніи Готскаго племени, съ береговъ Чернаго моря на Скандинавскій Полуостровъ. Нѣмцы называютъ эти участки: *Нале*, отъ чего въ Русской Славянской проишло названіе: *дуба*. См. Россія, въ истор. стат. географ. и литер. отношеніяхъ.

* Казенные геммамы называются также королевскими хуторами или фермами: *Kungs-Ladugårdar*. И такъ въ древности слово *Ладуга* или *Ладого* означало *казенную ферму*! Вспомните, что Промиславъ Великій отдалъ супругѣ своей, родомъ Шведкѣ, городъ *Ладого*, какъ кормовую вотчину. Не отъ того ли это мѣсто получило названіе *Ладого* (*Ladugård*, т. е. города *Ладого*)?

** Цѣнность эта измѣняется по провинціямъ; и имѣть высшее чело.

когда онъ выступаетъ изъ округа въ карауль, на ученье или на маневры. Округъ, (т. е. живущіе въ немъ владѣльцы казенныхъ землямовъ) даетъ также мундиръ, обувь и лошадей конному солдату. Казна снабжаетъ его оружіемъ и конскимъ приборомъ. Во время дальняго похода или войны казна платитъ жалованье изъ экстраординарныхъ податей или субсидіевъ. Земскій солдатъ служить по найму или условію съ владѣльцами казенныхъ земель и, разумеется, не поминиваетъ объ отставкѣ, пока не принужденъ къ тому старостью и недугами. Тогда округъ нечется объ его пропитаніи. За дурное поведение солдатъ выгоняють изъ службы. Конный солдатъ не имѣетъ *портя*, но получаетъ готовое содержаніе отъ владѣльцевъ казенной земли. Офицеры, отъ перваго чина до высшаго званія, имѣютъ также свои участки земли, называемые *бостелами*. Это родъ нашей аренды. Прежде каждый офицеръ долженъ былъ самъ хозяйничать или отдавать *бостель* въ арендное содержаніе, для извлеченія изъ него доходовъ. Для предупрежденія разстройства мызъ и фермъ отъ частаго перехода ихъ изъ рукъ въ руки, военное управленіе отдаетъ отъ себя въ аренду оберъ и унтеръ-

офицерскіе бостелы, и выдаетъ наличныя деньги, доплативъ изъ казны недостающее, по общему положенію объ офицерскомъ жалованьи. Бостелы генераловъ и штабъ-офицеровъ остаются въ изъ владѣніи, если они того желаютъ. Земское войско раздѣлено по своимъ провинціямъ. Пѣхотный полкъ состоитъ изъ двухъ баталіоновъ на лице, и кадровъ третьяго баталіона (т. е. офицеровъ и унтеръ-офицеровъ). Полкъ собирается ежегодно, послѣ уборки хлѣба, въ лагерь на маневры. Кромѣ того полковники и майоры обязаны производить баталіонное ученье, чрезъ каждые двѣ недѣли, а капитаны должны учить по-ротно, каждое Воскресенье. Все Земское войско состоитъ изъ 4705 кавалеристовъ, 23,409 человекъ пѣхотинцевъ и 5694 человекъ матросовъ, не включая въ это число генераловъ, штабъ- и оберъ и унтеръ-офицеровъ.

2. Войско вербованное, или охотники, нанимаются въ службу по условію, на известное число лѣтъ. Изъ вербованныхъ людей составлены:

а) Два полка пѣшей королевской гвардіи, каждый полкъ въ 600 человекъ нижнихъ чиновъ.

б) Три полка артиллерии, изъ коихъ два полка имѣютъ по шести баттарей, а третій полкъ четыре баттарей. Баттарей состоитъ изъ 6 пушекъ и 2 гаубицъ. * Кромѣ того каждый полкъ имѣетъ три резервныя баттарей безъ лошадей, изъ старыхъ орудій и материаловъ. Всѣхъ нижнихъ чиновъ въ артиллеріи 2700.

с) Конница: конная гвардія въ 400 человекъ; гусарскій полкъ Кронъ-Принца въ 600 человекъ; Вермландскій конногусарскій въ 600 человекъ, всего 1600 кавалеристовъ.

5. Ополченіе, или ландштурмъ. Каждый Шведъ долженъ служить въ ополченіи, отъ 21 до 25 году отъ рожденія, на собственномъ содержаніи. Ополченіе собирается ежегодно, по провинціямъ, и обучается званіямъ и оружіемъ, приѣмать, подъ начальствомъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, составляющихъ кадры третьихъ баталіоновъ Земскаго войска. Въ военное время ополченіе, выступая въ походъ, получаетъ содержаніе и жалованье изъ государственной казны. Полагается, что въ случаѣ войны ополченіе выставитъ 95,518 человекъ.

Примечаніе: Пушки 6 и 12 фунтоваго, а гаубицы 21 фунтоваго калибра.

* Пушки 6 и 12 фунтоваго, а гаубицы 21 фунтоваго калибра.

Кромѣ того, пионеровъ въ крѣпости Кардс-боргъ имѣется на лицѣ 500 человекъ. Готландъ даетъ въ военное время 7,508 человекъ воиновъ въ ополченіе, сверхъ обыкновеннаго войска, и 5587 человекъ ставится, подъ именемъ войска экстраординарнаго. Офицеровъ состоитъ на лицѣ 1870 человекъ. И такъ въ военное время Швеція можетъ выставить подоружье 175,237 человекъ сухопутнаго войска.

Шведскій флотъ состоитъ изъ 10 линейныхъ кораблей, 8 тяжелыхъ фрегатовъ, 5 легкихъ фрегатовъ, 4 геммамовъ (родъ линейныхъ кораблей), 10 куттеровъ-бригговъ, 5 куттеровъ, 24 галеры, 4 полугалеры, 25 палубныхъ канонерскихъ лодокъ, 200 безпалубныхъ, 100 ботовъ, 16 мортирныхъ минонокъ, 10 гаубичныхъ, 8 поврежденныхъ баркасовъ, 20 пароходныхъ, 60-тоновъ, 5 шонеровъ, 12 переизданныхъ, вооруженныхъ судовъ, 12 ихтъ и 75 ластовыхъ судовъ. На флотъ всего экипажа 23,160 человекъ и въ томъ числѣ 1 адмиралъ, 2 вице-адмирала, 4 контръ-адмирала, 24 капитанъ-командора, 16 капитановъ, 100 лейтенантовъ пераго разряда, 76 втораго разряда и 58 артиллерійскихъ офицеровъ.

Содержаніе сухопутнаго войска и флота стоитъ ежегодно государству около 6,951,603 та-

леровъ банкѣ, т. е. около 15 съ половиною миллионѣ рублей, на ассигнаціи.

Долженъ ли я высказать мое мнѣніе на счетъ этой системы, въ устройствѣ военныхъ силъ? Всѣ теоретики и публицисты, мечтающіе о златомъ вѣкѣ, суть приверженцы этой системы, основываясь на томъ, что она чрезвычайно полезна для народонаселенія и для земледѣлства. Это совершенная правда и потому-то Швеція, будучи народонаселеніемъ и земными произведеніями, придерживается этой системы, въ теченіе полутора вѣка. Но, по моему убѣжденію и опыту, войско, составленное такимъ образомъ, никогда не сравнится съ войскомъ постояннымъ, или, если смѣло такъ выразиться, съ войскомъ бездомнымъ, какова была армія Наполеона, и какова нынѣ наша, Русская. Шведы храбры, но для поддержанія храбрости надобенъ военный духъ,* который бы поддерживался постоянно въ войскѣ. Нашъ поэтъ-воинъ, Д. В. Давыдовъ, сказалъ великую истину, что женатый солдатъ, есть полусолдатъ. Солдатъ на роднѣ, въ семейномъ

* То, что Наполеонъ называлъ: le moral de l'armée, нравственное войска.

кругу, при женѣ и дѣтихъ, никогда не можетъ имѣть того духу, какъ солдатъ одинокій, вдали отъ родины, у котораго семья—рота или капральство, домъ—казарма, отецъ—командиръ, мать—знамя! Карлъ XII дѣлалъ чудеса, съ войскомъ, устроеннымъ, по нѣмѣцкой системѣ—возражать мнѣ. Но Карлъ XII разрушилъ эту систему, выведя войско изъ Швеціи въ чужія страны, и продержавъ его около 20 лѣтъ, въ отдаленіи отъ родины. Швеція, при Карлѣ XI, при учрежденіи этой системы, имѣла заморскія владѣнія, гдѣ надлежало содержать гарнизоны, и войско было въ безпрерывномъ движеніи и отсутствіи изъ отечества, даже во время мира. Это даетъ совершенно другой видъ духу! Но опытъ показалъ, въ послѣдніе годы, что семейные солдаты—земляники, никогда не могутъ сравниться съ солдатами бездомными. Густавъ III долженъ былъ лишиться важныхъ выгодъ въ Финляндіи, отъ исповиновенія войска, желавшаго мира. Въ войнѣ 1808—1809, Шведы дрались храбро, но продолжительная война и отдаленіе отъ родины наконецъ утомили ихъ и привели въ уныніе. Они даже охотно ретировались, зная, что это приближаетъ ихъ къ домашнему, мирному хрову, и не

реворотъ 1809 года, низвергнувшій прежнюю династію съ престола, принять была войскою съ восторгомъ, потому что обѣщала миръ и возвращеніе въ дома. Не распространяясь о предметѣ, скажу въ заключеніе, что и полагаю пышнѣе устройство Шведской военной силъ чрезвычайно полезнымъ въ гражданскомъ отношеніи, но весьма неудобнымъ въ случаѣ продолжительной войны, особенно при неудачахъ. Исторія подкрѣпляетъ мое мнѣніе. Весьма замѣчательно также, что высокая военная образованность Шведскихъ военныхъ офицеровъ, въѣдетъ того, чтобъ приносить пользу, вѣдила войску въ войну 1808—1809 годовъ! Каждый начальникъ Шведскаго отряда дѣйствовалъ по правиламъ стратегіи и высшей тактики, и терпѣлся, когда Русскіе, своими движеніями, выводили его изъ круга теоретическихъ соображеній. Нашъ отчаянный Кульневъ не разъ перепутывалъ ученыя планы Шведовъ, и Графъ Н. М. Каменскій, смѣлыми движеніями, обходами и нечаянными нападеніями, приводилъ въ величайшее затрудненіе Шведскихъ генераловъ. Съ флотомъ было то же, съ давнихъ временъ. Шведскіе офицеры превосходно знаютъ свое дѣло; матросы отчаянные, а между тѣмъ Швед-

скій флотъ рѣдко одерживалъ существенныя выгоды. Должно сказать, по справедливости, что со времени Карла XII, Швеція не имѣла военачальниковъ, обладавшихъ истиннымъ военнымъ гениемъ, для котораго наука есть только пособіе. Полководцевъ создаетъ природа, какъ поэтовъ или живописцевъ, и по книгамъ нельзя прозвѣсть Наполеона. Кажется, будто Шведская природа истощилась, произвела столько военныхъ гениевъ, отъ Густава Адольфа до Карла XII!

Шведское войско получаетъ огромное жалованье и содержаніе, несравнимое съ доходами Государства и бѣдностью страны. Сверхъ того жалованье штабъ-офицеровъ вовсе не соответствуетъ жалованью оберъ-офицерскому. Полковники получаютъ, въ кавалеріи, до 9000 рублей, въ пѣхотѣ до 7200 р., штабъ-офицеры вообще въ кавалеріи до 5000 р., а въ пѣхотѣ до 5600 р., капитаны въ кавалеріи, отъ 2600 до 3400 р., поручики въ кавалеріи отъ 1500 до 1700 р. въ пѣхотѣ отъ 600 до 700 р., корнеты отъ 900 до 1200 р.; а прапорщики въ пѣхотѣ только 400 рублей. Содержаніе коннаго солдата стоитъ около 600 р., пѣшаго отъ 150 до 200 р. Когда солдаты на службѣ, т. е. не въ домѣ, а въ гарнизонѣ, то находятся

въ Стокгольмѣ, получаютъ ежедневно по 7 шиллинговъ, а въ провинціальныхъ городахъ по 6 шиллинговъ и по 2½ фунта хлѣба въ сутки.

Производство въ чины идетъ по очереди, до капитана. Штабъ - офицерское производство зависитъ отъ выбора Короля. Отъ вычетовъ изъ жалованья армія имѣетъ собственный капиталъ, изъ котораго офицеры, выслужившіе извѣстныя лѣта, получаютъ пенсіоны. Полковникъ получаетъ при отставкѣ 2000 р. пенсіона. Солдатъ, выслужившій 25 лѣтъ въ вербованномъ войскѣ и 50 лѣтъ въ земскомъ, получаетъ при отставкѣ 50 р. пенсіона.

Пятилѣтняя сложность государственныхъ доходовъ и расходовъ, показываетъ, что доходы, изъ всѣхъ источниковъ, не могутъ простираться болѣе 19,465,970 риксдалеровъ banco, а расходы, взявъ въ примѣръ самый дорогой, 1850 годъ, суть слѣдующія:

На Дворъ и дворскую прислугу . . . 750,470
 На жалованье гражданскихъ и земскихъ чиновниковъ 2,541,368
 На войско и сухопутную защиту края вообще 4,574,165
 На флотъ и морскую защиту вообще . 1,633,362

На поддержаніе художествъ . . . 27,116
 На богоугодныя заведенія * . . . 149,344
 На пенсіоны 65,000
 На чрезвычайныя издержки . . . 717,343
 На вспоможеніе земледѣлю, торговлѣ и промышленности . . . 157,994
 На духовенство и духовныя школы ** 675,266
 На народное просвѣщеніе *** . . . 352,902
 На мелкіе расходы 27,637
 Итого: . . . 11,249,988

Но въ обыкновенныя, или, какъ говорятъ въ Швеціи, въ хорошие годы, расходы не превышаютъ 8,900,000 шиллеровъ. Швеція есть единственное Государство въ Европѣ, не имѣющее ни конфьяки государственнаго долга! По справедливости и должно сказать громоглас-

* Почти всѣ богоугодныя заведенія въ Швеціи содержатся на счетъ обществъ, городовъ или частныхъ приношеній.

** Духовенство имѣетъ также земли и свои собственные доходы. Казна только помогаетъ.

*** Унигерситаеты имѣютъ свои земли, а владѣніи школы свои опредѣленные доходы.

но, что Швеция пылким своим благодарством обязана Королю Карлу XIV. Написано оппозиционные журналы стараются представлять в превратном виде дела правительства и в бытность призвать «подножие» безсмертного памятника. Вся Европа видит и знает, что сделано пылким Королем для Швеции. Он застал ее бедною, разоренною войною 1808 и 1809 годов, в долгах, с разстроенными финансами, и пожертвовав новому своему отечеству всею своею собственностью, вслужил своим преемникам и дарованиями, совершенно пересоздал его, в течение 25 лет. Карл XIV приобрел Норвегию, в замять Финляндию, соорудил каналы, возвысившие внутреннюю промышленность, усовершенствовал сельское хозяйство, во всех отраслях, оживил мануфактурную и фабричную промышленность, расширил торговлю и мореплавание, и довел Швецию до такой степени благоденствия, на какой она никогда не находилась, даже в самые блестящие эпохи своего существования. Карл XIV заслуживает большой благодарности от Шведского народа, нежели великие завоеватели, после которых не осталось ничего, кроме их

бронзовых памятников. Добро же, сделанное пылким Королем, есть существенное благо, разлитое и на бедного и на богатого. Потому что будет справедливее, нежели современники, и без сомнения, памятники двух основателей династий, Густава Вазы и Карла XIV, будут стоять рядом перед домом дворянского сословия.

Швеция, производя весьма мало таких материалов, которые могут поддерживать фабрики и мануфактуры, и притом будучи бедна народонаселением, едва достаточным для земледелия, не может никогда быть мануфактурным государством. Только избыток народонаселения может возвысить фабрики до такой степени, на какой они находятся в Англии и во Франции. В противном случае, все усилия будут безплодны. В Швеции ныне около 1900 всех фабрик и мануфактур, на которых работают до 12,500 человек. И это много для Швеции! * В ней всего 2,800,000 жителей, разбросанных на огромном пространстве. Лучшее мануфактурное производство Швеции

* В одной Англии, исключая Ирландии и Шотландии, работают на фабриках, около 7,500,000 человек, в 16,000,000 народонаселения, т. е. почти половина! Но за то и Англия не больше

есть холсты, вырабатываемый по большей части крестьянами, на домашних фабриках. Холсты этот тонок, прочен и чрезвычайно дешевы. По рублю ждью за локоть можно купить такой холст, за который в Петербург платят по 6 р. за аршин; в Голландских лавках. Суконых фабрик до 100; они занимают около 3000 работников, и производить сукна миллионы на шесть рублей. Сукна превосходны, особенно сукна, мундирное. Сахарные заводы, числом до 25, производят не больше 114,000 пудов сахара. Произведений из хлопчатой бумаги, выдвывается не больше как на 60,000 р. Писчей и книжной, т. е. клееной, бумаги вырабатывается, на 90 фабриках, на 153,000 р. Прежде сего Шведская бумага была весьма дурна; ныне стали работать лучше, но все так она не может сравниться ни с Французскою, ни с Английскою. Кожи в Швеции вырабатываются превосходно. Лучших оленей кожи на перчатки, называемых Шведскими, выдвываются не в Швеции, но в Финляндии, в Торнео, т. е. в Русских одной Русской губернии, и населева 16,000,000 людей! Что бы им дать без промышленности? Ну, жда—лучшее ободрение и поощрение.

владениях. Парусная Шведская превосходна. Фарфоровых фабрик двѣ, производящих на 122,000 р. Вообще все фабричное и мануфактурное производство Швеции приносит в сложности, около 9,700,000 риксталеров. Главное богатство Швеции—ея рудники. В сложности, в Швеции добывают металлов и минералов на 20,160,000 р. и в том числе одного железа на 17,000,000 р. Шведское железо, без всякаго сомнѣнія, лучшее в мірѣ. Золота находят едва по нѣскольку фунтовъ в годъ, серебра не больше, какъ на 125,000 р., ждѣ на 1,600,000 р., олова на 270,000 р. Прочіе металлы и минералы добываются в незначительномъ количествѣ. Порфиръ, добываемый в Эльфалдѣ и марморъ в Кольморденѣ могли бы приносить значительныя выгоды, если бы в Швеции было больше роскоши. Больше 53,000 человекъ занимаются добываніемъ металловъ и минераловъ. В Швеции считается больше 1100 купеческихъ судовъ и около 50 пароходовъ. Шведскіе купеческіе корабли ходятъ во всѣ части свѣта. Ввозится в Швецію ежегодно, среднимъ числомъ, на 15,564,618 талеровъ, а вывозится на 12,500,000 талеровъ разныхъ товаровъ. Ввозятъ колоніальныя произведенія,

мануфактурных изделий, предметы роскоши и соль; вывозить железо и дерево. Рыбная ловля, особенно сельдей, доставляет также значительные выгоды.

Торговля Швеции с Россією чрезвычайно понизилась, въ течение послѣднихъ пятинадцати лѣтъ. Прежде вывозили изъ Швеціи въ Россію, болѣе нежели на 2,000,000 р., а нынѣ едва вывозятъ на 210,000, между тѣмъ, какъ въ Швецію ввозятъ изъ Россіи почти на 5,000,000 р. Перевѣсъ на нашей сторонѣ! Швеція преимущественно торгуетъ съ Рижскимъ портомъ. Изъ 162 кораблей, идущихъ въ Россію, 91 корабль отправляется въ Ригу, и только 39 кораблей въ Петербургъ. Съ Финляндією торговые обороты Швеціи находятся въ совершенномъ упадкѣ. Швеція стремится всѣми силами къ тому, чтобы уничтожить торговую связь зависимости отъ сосѣдней страны. Финляндія много отъ этого теряетъ.

Климатъ въ Швеціи не вездѣ одинаковъ. Въ Сканіи, напримѣръ, т. е. въ южной ея части, климатъ и почва, какъ въ средней Германіи; здѣсь растутъ всѣ плоды умеренныхъ климатовъ, и даже тутовое дерево, каштаны и грецкіе орѣхи. Вообще западные берега Швеціи,

отъ сѣверной оконечности Готенбургской губерніи (Göteborg Län), до крайняго южнаго пункта Сканіи, города Истада, чрезвычайно плодородны, и пользуются самымъ пріятнымъ климатомъ. Восточные берега хотя уступаютъ западнымъ въ качествѣ произрастеній, но весьма способны къ земснашеству и плодородны, отъ Истада, до оконечности Упсальской губерніи, или Упландіи. Климатъ здѣсь гораздо лучше, нежели въ Русскихъ провинціяхъ, лежащихъ подъ одинакою широтами, потому что Шведскій берегъ возвышеннѣе и долины, на которыхъ производится хлѣбопашество, по большей части закрыты горами отъ сѣвера. Въ самомъ Стокгольмѣ я видѣлъ, въ саду скульптора Гете, сливы, деревья (реинклены) на открытомъ воздухѣ. Внутренность края плодородна и пользуется пріятнымъ климатомъ до 60 градуса сѣверной широты. Особенно хороши губерніи Вексје (Vexjö) и Мариестадская. Далѣе къ сѣверу снѣгъ лежитъ въ горахъ, большую часть года, и исключая береговъ, до самаго Торнео, внутренность края весьма мало обитаема. Это уже преддверіе царства зимы! Въ послѣднія тридцать лѣтъ земледѣліе въ Швеціи сдѣлало болѣе усилія, скотоводство размножилось

чрезвычайно, и почти вездѣ введено новое рациональное хозяйство. Въ хорошіе годы жатва бываетъ превосходная, и я самъ видѣлъ хлѣбъ на нивахъ поселянъ, не уступающій посѣвамъ на господскихъ поляхъ, въ лучшихъ Русскихъ губерніяхъ. Однакожъ, не взирая на прилежаніе земледѣльцевъ и на плодородіе почвы, въ Швеціи почти чрезъ каждые три или четыре года бываетъ голодъ, въ слѣдствіе обичаго неурожая, происходящаго отъ утренниковъ, раннихъ морозовъ, сѣверныхъ вѣтровъ и вредныхъ тумановъ. Сѣверъ беретъ свое! И нѣтъ ни какихъ средствъ избавиться отъ этой дани Минотавру! Важнѣйшій недостатокъ Скандинавскаго Полуострова есть тотъ, что онъ вовсе не производитъ соли и каменнаго угля. Пуждою въ соли Швеція останется навсегда въ торговой зависимости отъ чужестранцевъ. Но климатъ, даже на восточномъ берегу, здоровый и пріятный. Деревья растутъ превосходныя, какъ у насъ, въ Курляндіи и Лифляндіи.

Но я заговорился и позабылъ, что пишу не статистику Швеціи! У насъ, даже между весьма образованными людьми, кружатъ такіе ложныя понятія о Швеціи, какъ между просвѣщенными Шведами о Россіи, и я почелъ

обязанностью, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, представить Швецію въ настоящемъ видѣ. У насъ воображаютъ, глядя на карту, что въ Стокгольмѣ холодно, какъ въ Камчаткѣ, а на противъ, зима торада легче въ Стокгольмѣ, нежели въ Петербургѣ! Южная часть Швеціи то же, что наша Украина. Мнѣ бы даже слѣдовало сказать нѣсколько словъ о географіи Швеціи, потому что самыя новѣйшія извѣстія объ ней, напечатанныя въ Россіи, не вѣрны! Даже въ одномъ ученомъ изданіи, назначенномъ для распространенія самыхъ новѣйшихъ свѣдѣній, увѣряютъ, что Швеція, какъ Франція, раздѣлена на *префектуры*, а въ Швеціи искони вѣковъ не бывало *префектуръ*. Но я предоставляю себѣ трудъ исправить ошибочныя мнѣнія о Швеціи въ другомъ сочиненіи, а теперь обращаюсь къ моимъ похождениямъ.

Въ Упсалѣ я не засталъ знаменитаго историка Гейера. Онъ пишетъ теперь Исторію Среднихъ Вѣковъ Швеціи, и, для различныхъ выписокъ изъ Государственнаго Архива, отправился въ Стокгольмъ. Въ Петербургѣ увидѣлъ глубокомысленнаго историка и тѣньнаго поэта, доставившаго мнѣ столько наслажденій

своими творениями, побѣжалъ я въ архивъ, и засталъ тамъ Гейера, надъ кучею фоліантовъ, занимающагося чтеніемъ. Какъ-ни-съ-было мнѣ отрывать его отъ дѣла, но я попросилъ почтеннаго Г. Лерта представить меня ученому мужу. Гейеръ приидъ мнѣ чрезвычайно ласково. Мы говорили съ нимъ по-Нѣмецки. Онъ средняго роста, хрѣпкаго и здороваго сложенія, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ тудаконъ, будто всѣ гениальные и трудолюбивые люди должны быть блѣдные, худощавые и слабожизненные. Вертеліусъ и Гейеръ — такое доказательство противнаго. *Guter Muth macht gutes Blut!* Умственная работа не истощаетъ человѣка, когда сердце его свободно отъ пожирающихъ страстей, честолюбія и зависти! Въ чертахъ лица Гейера и во всѣхъ его приемахъ изображается добродушіе и душевное спокойствіе. Въ рѣчахъ онъ скромнень. Я говорилъ объ его Шведской Исторіи, я особенно о предхристіанской эпохѣ, представленной мнѣ неподражаемо, и сказалъ, что я поставлю за счастье именовать его ученикомъ. Въ отвѣтъ онъ дружески пожалъ мнѣ руку, и мы разошлись знакомыми. Я не смѣлъ утруждать его долѣе.

Изъ Государственнаго Архива пошелъ я къ знаменитому Шведскому скульптору Бистрому. Онъ занимаетъ тѣ самыя комнаты, въ казенномъ домѣ, гдѣ жилъ Сергелъ. Вхожу на лестницу, звоню, зову; никто не отвѣчаетъ. Вдругъ изъ какого-то корридора появляется, на лестницѣ, красавица, блѣлая, съ огненными взорами, съ привѣтливою улыбкою на розовыхъ устахъ, и спрашиваетъ меня, по-Шведски, что мнѣ угодно. Я отвѣчаю по-Нѣмецки — красавица не понимаетъ меня; приближаю къ общему Европейскому, т. е. Французскому языку, но красавица отвѣчаетъ мнѣ по-Италински. Было время, что я могъ довольно изрядно объясняться по-Италински, съ учителемъ поимѣ Джилли, котораго несчастная участь намъ извѣстна, друзья мои. Съ тѣхъ поръ я потерялъ привычку, и забылъ формы языка, но видъ красавицы пробудилъ во мнѣ уснувшія фразы Италинскія, и я объяснилъ ей, что желаю видѣть произведенія великаго художника. Красавица сказала мнѣ, что Бистрома нѣтъ дома, но если мнѣ угодно подождать его, то она покажетъ мнѣ все любопытное. Съ радостью согласился я на это предложеніе, и она ввела меня въ комнаты. Во

время двадцатипятилѣтняго пребыванія въ Италіи, Бистромъ собралъ рѣдкую коллекцію картинъ. Между ними есть нѣсколько подлинниковъ великихъ мастеровъ. Но все мое вниманіе привлечь портреты женщины: писанный Седермаркомъ (Södermark), Шведскимъ живописцемъ, съ необыкновеннымъ талантомъ. Чѣмъ болѣе восхищался я портретами, тѣмъ болѣе краснѣла сопровождавшая меня красавица. Это ея портреты, написанный за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, въ Римѣ, и съ тѣхъ поръ, хотя прелестныя черты лица остались въ подлинникѣ тѣ же, но красавица чувствовала, что сравненіе подлинника съ копіей не выгодно для перваго, потому что на холстѣ изображена роза, въ первое утро ея зрѣлости! Я попросилъ красавицу показать мнѣ мастерскую. Она въ нижнемъ этажѣ. Въ это время вносили ящики съ готовыми работами и мраморами, полученными Бистромомъ изъ Италіи. Вскорѣ онъ явился самъ, и красавица, давъ мнѣ ему, ушла. Бистромъ уже пожилой человѣкъ, но крѣпкаго сложенія и веселаго нрава. Поездъ Торвальдсена и Давида, я почитаю Бистрома однимъ изъ первыхъ современныхъ скульпторовъ. Особенно искусенъ онъ въ изображеніи

женщинъ. Позы его такъ естественны и анатомія такъ вѣрна, что кажется, будто мраморъ одушевленъ. Я боюсь ошибиться и обидѣть кого либо сравненіемъ, не долженъ сознаться откровенно, что кромѣ антиковъ, ни одна женская статуя великихъ современныхъ художниковъ, не производила на меня такого пріятнаго впечатлѣнія, какъ женскія статуи Бистрома. Знаменитая статуя жира, Каповы, въ Румянцевскомъ Музѣ, чудно по отдалѣ, кажется нѣсколько принужденною (roide, steif). Въ женскихъ статуяхъ Раушаха — тотъ же недостатокъ. Напротивъ, мраморныя женщины Бистрома живут и кажется, движутся. Если бы я былъ богатымъ человѣкомъ, то купилъ бы немедленно, не спрашивая о цѣнѣ: *Вакхантку*, распростертую на ложѣ, и лежащую *Венеру*, играющую съ Амуромъ младенцемъ. Это просто чудо искусства и совершенство формъ! Обѣ копіи съ натуры. Пламенная *Вакхантка*, изъ глазъ которой выннать, кажется, пламя, а въ фізіономіи выражается весь пылъ страсти — копирована съ Италіянки; *Венера*, въ чертахъ которой изображено, какъ бы воспоминаніе о прошлой любви и помыслъ о будущей — копирована съ Шведки, и я узналъ портреты Седермарка! Превосходна также *ман-*

цорка, въ современномъ костюмѣ. Правая ножа поднята, а на лѣвой она, кажется, дѣлаетъ пируеть. Переломъ таимъ, драпировка нижняго платья, — выказывающая очаровательныя формы... прелесть, прелесть, прелесть! Двѣ купальницы также прекрасны. Одна изъ нихъ, выжимающая воду изъ волосъ, названа изъ мрамора четырехъ лѣтвотъ. Покровъ: сѣроголубоватый, вода и скала почти естественнаго цвѣта, тѣло бѣлое. Другая купальница въ самомъ роскошномъ положеніи. Отлично хороша также *Гармонія*, лепящая двухъ младенцевъ: Амура и Гименея. Въ работахъ Бистрома преобладаютъ поэзія, пламенное воображеніе и изысканный вкусъ. Не упоминаю о множествѣ бюстовъ, но весьма замѣчательна колоссальная статуя нынѣшняго Короля, въ 12 футовъ, въ ровень (pendant) къ статуѣ Карла XII, которую давно уже предполагается воздвигнуть въ память соперника Петра Великаго. Давно я не наслаждался такъ живо художествами, какъ въ мастерской Бистрома! Онъ просилъ меня поклониться многимъ изъ нашихъ художниковъ, которыхъ знавалъ въ Римѣ. Возвратясь въ Петербургъ, я говорилъ о трудахъ Бистрома съ Карломъ Павловичемъ Брюловымъ, и онъ

весьма высоко цѣнить дарованіе Шведскаго художника. Судь К. П. Брюлова въ дѣлѣ художества чрезвычайно важень, и я привожу его свидѣтельство, въ подтвержденіе моего мнѣнія.

Я наѣзжался плыть изъ Стокгольма въ Готенбургъ, Готенбургскимъ Каналомъ, и изъ мастерской Бистрома отправился въ контору пароходовъ, за билетомъ. Проходи по набережной, мимо дворца, и увидѣлъ нашу Финскій пароходъ: Князь Меншиковъ. Общаюсь капитану Палену, возвратиться съ нимъ, на Сторфурстенъ, т. е. чрезъ двѣ недѣли отъ нынѣшняго дня, и только изъ любопытства поглядывалъ на пароходъ Князя Меншиковъ. Но чувства и мысли о домѣ, о семействѣ невольно во мнѣ пробудились. Цѣлымъ мѣсяцъ одна половина души моей, не имѣла ни какихъ извѣстій отъ другой половины души, т. е. отъ семьи моей. Сердце заняло! Вдругъ, откуда ни возмись, мальчикъ, лѣтъ трехъ отъ роду! Малышка бѣжалъ опрометью, и бросился прямо ко мнѣ, съ распростертыми рученками. Мальчикъ этотъ показался мнѣ такъ похожимъ на моего младшаго сына, что я содрогнулся! Я взялъ его на руки, прижималъ, цѣловалъ...

признаюсь въ слабости—плакать, плакать и смѣяться вмѣстѣ, и немочь разстаться съ ребенкомъ. Нанюшка догнала меня, и насильно отняла у меня, а я пошелъ поспѣшнее въ контору пароходовъ, и взялъ билетъ не въ Потенбургъ, а въ Ревель, а тѣмъ домой. Нѣтъ силъ выдержать разлуки. Друзья! если вы намѣрены странствовать по свѣту—не жейтесь и не заводитесь сѣмьею. Не знаю какъ другимъ, а мнѣ разлука — пытка!

Прощальныя визиты. — Послѣдній разговоръ съ Берцелюсомъ. — Вечеръ у скучнаго Пета. — Маетерская околица. — Проводы. — Знакомство съ докторъ Вексеномъ. — Отъѣздъ изъ Стокгольма. — Приятное общество на пароходѣ. — Безтолковая ночь на морѣ. — Присыпте въ Або. — Новое знакомство и козовое гостеприимство. — Минеральные воды и Общество сельскаго хозяйства. — Статистическій, этнографическій и философическій взглядъ на Финляндію. — Народонаселеніе городовъ, деревень и селъ Финляндіи. — Правы житейскія. — Просвѣщеніе, торговля, промышленность, мореходство и земледѣліе. — Управленіе. — Ученныя заведенія. — Войско. — Опіе выводы. — Торжество въ честь Русской императрицы. — Отъѣздъ. — Бума. — Концы, прощанья.

Весь день провелъ я въ прощальныхъ визитахъ и въ приготовленіяхъ къ отъѣду. Въ послѣднюю бесѣду мою съ почтеннымъ Берцелюсомъ, онъ завелъ рѣчь объ Уральскихъ и Алтайскихъ рудникахъ, и о методѣ предложенной Г. Амосовыхъ, къ употребленію желѣза, при плавлѣ золота. Берцелюсъ думаетъ, что было бы полезнѣе и дешевле употреблять къ

тому олово. Изъ рѣчей Верцелюса могъ я замѣтить, что изъ любви къ наукамъ, онъ охотно рѣшился бы на путешествие въ Уральскій хребетъ и на Алтай, если бы имѣлъ къ тому средства. Какія благодѣтельные послѣдствія произонесли бы для наукъ вообще и для горнаго дѣла въ особенности, еслибы первый химикъ нашего времени изслѣдовалъ подробно наши сокровища, и устроилъ производство работъ! Я слушала Верцелюса, какъ Дельфійскаго оракула, и душевно желала, чтобы знаменитый ученый посѣтилъ Россію. Добрый Верцелюсъ подарилъ мнѣ, на память, свой портретъ, съ подписью. Высоко цѣню и этотъ даръ! Необыкновенное добродушіе Верцелюса равняется его гениальному уму. Онъ приковалъ къ себѣ мое сердце.

Вечеръ провелъ я у стараго, Петербургскаго моего знакомаго, скульптора Гете, котораго прекрасный трудъ (Вакхантку) знаютъ у насъ всѣ любители изящнаго. Теперь Гете, занимаясь постройкою Риддаргольмскаго шпина, оставляетъ скульптуру, и въ его мастерской видѣлъ я одну только неконченную работу: Венеру, ласкающую Амура. Но слѣпки съ прежнихъ работъ Гете и множество бюстовъ, пріятно занимали

меня. Въ чертежной любовался я моделью шпина и его рисунками. Гете нарисовалъ мнѣ видъ его, въ моей записной книжкѣ, въ память моего посѣщенія его мастерской, и подарилъ медальонъ, большого размѣра, съ портретомъ незабвеннаго Графа Павла Петровича Сухтелена*. Чай пили мы въ Гетевомъ садикѣ. Умная, прекрасная и любезная жена Гете представила мнѣ своихъ милыхъ малютокъ, и сказала, что она надѣется побывать, съ мужемъ своимъ, въ Петербургѣ, о которомъ онъ сохранялъ столь много пріятныхъ воспоминаній. Надежды наши не исполнились! Ныѣшнюю зиму получалъ я письмо отъ Г-жи Гете, съ горестною вѣстью о его кончинѣ. Гете, былъ вмѣстѣ съ Верцелюсомъ, присяжникомъ (Жигу) при сужденіи дѣла Крузенстолпе, и по совѣсти своей, призналъ его виновнымъ. Оппозиціонныя газеты панили на всѣхъ присяжныхъ, подавшихъ голосъ противу Крузенстолпе, и стали оскорблять ихъ насмѣшками и сарказмами. Верцелюсъ твердо переносилъ эту бурю, но я замѣтила, что она сильно подѣйствовала на пѣтическое воображеніе Гете, непривычнаго къ такимъ нападкамъ.

* Онъ хотѣлъ прислать мнѣ этотъ медальонъ въ Петербургъ.

Безъ сомнѣнiя: это обстоятельство много со-
дѣйствовало къ ослабленiю нервовъ художника,
и ускорило его смерть. Я думалъ, Гете соб-
ственными прихватами, и даже показавъ ему
написаннъ, напечатанный противу меня въ Гер-
мании, и въ Коимбру, Кениггофъ, котораго я отъ
роду не видывалъ и вовсе не знаю, не читалъ
ни какихъ его сочиненiй, следовательно не могу
оскорбить ни словомъ, ни дѣломъ, и который,
однакожъ, по винушенiю также незнакомаго мнѣ
Русскаго, (какъ говорить Кенигъ) названнаго
мнѣ литераторомъ, напечаталъ на меня самыя
жестокія клеветы. Гете хотѣлъ, вмѣстѣ со
мною, читать въ книгѣ Кенига мое изображение,
въ которомъ я представленъ какъ-то прав-
ственнымъ чудовищемъ, звѣремъ Апокалипсиса!
«Отвѣчалъ ли вы на это?» спросилъ Гете. «До
этой степени я не могу унижаться», сказалъ я:
«чтобъ войти въ сознанiе съ человекомъ, ко-
торый, по винушенiю чужеземца, изъ одной
корысти, посягнувъ, всенародно, на честь ли-
тератора, отца семейства, обвинивъ его въ са-
мыхъ гнусныхъ, но счастливо небывалыхъ по-
ступкахъ, не выслушавъ прежде оправданiя! Противу такихъ черпильныхъ героев не дол-
жно дѣйствовать честнымъ авторскимъ це-

рокомъ... Мнѣ даже приятно, приговаривая,
я, что литературные мои завистники прибѣ-
гали къ такимъ гнуснымъ средствамъ. Откаж-
и обнаруживали себя предъ свѣтомъ. Ни одинъ
честный и благородный человекъ не станетъ
печатать клеветы за границею, и ни одинъ чест-
ный и благородный человекъ не возмется быть
органомъ одной партii, не зная другой. Все это
такъ глупо, такъ гадко, что я согласился бы
лучше быть такымъ, какимъ описалъ меня Ке-
нигъ, по винушенiю мелкихъ моихъ завистниковъ,
чѣмъ быть на ихъ мѣстѣ! Одно пожатiе руки
Гете, одно воспоминанiе о дружбѣ Грибоѣдова,
вознаграждаютъ меня за весь этотъ отдаленный
свистъ бессильной зависти и злобы. Гете со-
гласился со мною, но по привычкѣ къ похваламъ
и къ любви общей, ему казалось, что выходки
его враговъ повредить ему въ обществѣ мнѣи,
хотя противники вовсе не касались его чести.
Меланхолия уже сидѣла его! Гете зани-
маетъ отличное мѣсто между современными
художниками. Особенное достоинство его есть
удивительное сходство его бюстовъ съ подлин-
никами. Онъ умѣлъ сообщать лицу полный его
характеръ и даже игру фiзиономiи. Въ этомъ
отношенiи бюсты его неподражаемы.

На другой день, въ 7 часовъ утра, медленными шагами побрелъ я на пароходъ. Противоположныя чувствованія волновали мою душу: радость о возвращеніи домой, и горестъ о томъ, что такъ скоро оставляю Швецію. Здѣсь такъ было тепло одной половинѣ моего сердца, посвященнаго человѣчеству, что если бы другая, собственная половина моего сердца, т. е. семья моя, была со мною, я вѣрно не скоро бы расстался съ Скандинавіей! . . . .

На берегу и на палубѣ парохода было множество людей: одни отъѣзжали, другіе ихъ провожали. Мени некому провожать, на чужой сторонѣ, подумалъ я. Кому охота встать такъ рано, чтобъ проводить чужеземца, новаго знакомаго! . . . . Я ошибся въ моихъ заключеніяхъ. Друзья мои, Баръ и Арвидсонъ, ждали меня на пароходѣ, съ распростертыми объятіями. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ Гофмаршалъ Бесковъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ поэтовъ Швеціи. Онъ былъ въ деревнѣ, во время пребыванія моего въ Стокгольмѣ, возвратился поздно вечеромъ, и узнавъ, что я отъѣзжаю сегодня, пришелъ познакомиться со мною. Бесковъ красавецъ и чрезвычайно пріятель въ общеніи. Въ глазахъ его блистаетъ умъ,

а фисіономія выражаетъ искренность и неподдѣльное добродушіе. Какъ жаль, что я не могъ долѣе насладиться его пріятною и умною бесѣдою!

Вотъ уже раздался звонъ колокольчика на пароходѣ, и машина зашипѣла! Одни только пассажиры остались на палубѣ; помость, соединявшій пароходъ съ берегомъ—снять, и настъ уже раздѣляеть *ажность*. Крѣпко пожали мы другъ другу руки. . . . пароходъ двинулся, но мы до тѣхъ поръ прощались, сигналами, пока пароходъ не скрылся за островами отъ взоровъ друзей, стоявшихъ на берегу.

Увижу ли я еще милую мою Скандинавію, богатую умомъ, чувствомъ, добродушіемъ, эту Индію нравственныхъ сокровищъ! . . . Не знаю, а надѣюсь! . . . .

Всѣ мѣста на пароходѣ были заняты. Изъ прежнихъ пассажировъ возвращались въ Россію, Графъ Сентъ-Альдетонъ, Генералъ въ свитѣ Его Императорскаго Величества, и Графъ Бозе, Саксонскій уроженецъ, поселившійся на родинѣ суируги своей, въ Лифляндіи. Первый провожалъ семейство свое, возвращавшееся изъ Петербурга во Францію, черезъ Стокгольмъ;

второй наввизалъ своихъ родныхъ, находящихся въ Швеции. Я былъ свидѣтелемъ магическаго дѣйствія красоты, которое напоминаетъ баснословные вымыслы Греціи. Двѣ дочери Графа Сентъ-Альдегонда, въ первомъ цвѣтѣ юности, похожи одна на другую, какъ двѣ Граціи, одарены такою удивительною красотою, что когда онѣ вошли на пароходъ, въ Реннѣ, всѣ пассажиры, мужчины и женщины, различныхъ сословій, вдругъ умолкли и обратили взоры на красавицъ, какъ на что-то сверхъестественное. Послѣ перваго удивленія, поднялся шопотъ въ похвалу красотѣ. Во все время нашего плаванія до Стокгольма, лишь только Графини Сентъ-Альдегондъ показывались на палубѣ, всѣ пассажиры, какъ будто какою-то невидимою силою, отрываемы были отъ своихъ обыкновенныхъ занятій, и даже не смѣли приближаться къ тому мѣсту, гдѣ онѣ находились, какъ къ какимъ-то сверхъестественнымъ существамъ. Черты лица обѣихъ сестеръ имѣють формы Гретескія, какъ изображается совершенство женской красоты, въ древнихъ статуяхъ. Черные волосы, живые глаза, ловкія движенія возвышали красоту лица. Кромѣ того, обѣ красавицы исполнены ума и любезности.

Это въ полной мѣрѣ совершенство! Забѣательно, что даже въ Швеции, отечествѣ красоты, по превосходству, Графини Сентъ-Альдегондъ произвели удивительное впечатлѣніе, и въ Стокгольмѣ только было и речей, что о прекрасныхъ странницахъ. Какъ радостно смотрѣли на нихъ родители, какъ они наслаждались всеобщимъ восторгомъ, при появленіи ихъ милыхъ дѣтей! Могъ ли помышлять счастливый отецъ, что одного изъ этихъ ангеловъ онъ провожаетъ въ вѣчность, и что это послѣдніе минуты ихъ свиданія на землѣ! Одна изъ этихъ чудныхъ красавицъ, которымъ удивлялись въ Парижѣ, какъ и повсюду, кончила жизнь въ отечествѣ, прошлою зимою, на восемнадцатомъ году отъ рожденія. Французскіе журналы, всѣхъ партій и жившія, единогласно воздали посѣдную дань красотѣ и добродѣтели.

Изъ новыхъ пассажировъ были въ нашей каютѣ Графъ Реннсье, уроженецъ Надрейнскихъ провинцій, служившій въ Прусскомъ войскѣ; Ангійскій путешественникъ, или туристъ Г. Нидкокъ, ѣдущіе въ Россію изъ одного любопытства, и Шотландскій купецъ Кроссъ, имѣющій дѣла въ Петербургѣ. Общество наше было самое пріятное, и бесѣда всегда заниматель-

ная, а часто и поучительная. Графъ Сентъ-Альдегондъ служилъ въ войскѣ Наполеона, во время его славы и могущества, и былъ близокъ къ некоторымъ лицамъ, занимавшимъ важные роли въ тогдашней великой драмѣ, и самъ участвовалъ въ знаменитѣйшихъ событіяхъ военного поприща Наполеона. Графъ Воге занималъ значительный постъ при Саксонскомъ Дворѣ, во время политическаго перевѣса Франціи, и удержалъ въ памяти много весьма замѣчательныхъ подробностей. Графъ Реншесъ и Г. Пидкокъ люди молодые, но весьма образованные и пріятные въ общедѣніи. Другъ мой, Н. И. Греть, былъ несчастенъ при встрѣчѣ съ Англичанами, во время своего путешествія, сталкиваясь всегда съ людьми молчаливыми, угрюмыми, холодными. Напротивъ того, и въ Г. Пидкокѣ нашелъ любезность Француза, съ Англіійскою основательностью, и самый веселый, любезный нравъ. Даже Г. Кроссъ, человѣкъ пожилой и молчаливый, потому только, что не зналъ чужеземныхъ языковъ, могъ бы служить примѣромъ въѣзжаности и добродушія. Плаваніе наше было чрезвычайно пріятное, и мы, въ каютѣ нашей, составляли одно семейство.

Чтобы вознаградить себя за Стокгольмскую безсонницу, прилежъ я въ моей каютѣ, послѣ обѣда, и едва забылся, какъ вдругъ мелодійные звуки раздались въ ушахъ моихъ. Полу-сонный, и никакъ не могъ разгадать, что бы это значило, зная, что на пароходѣ нѣтъ ни какого музыкальнаго инструмента. Протираю глаза, выхожу на палубу и вижу двухъ арфистокъ, которыя распѣвають Нѣмецкія пѣсни, среди пассажировъ. Этихъ сирень взялъ нашъ капитанъ съ берега одного изъ Аландскихъ Острововъ. Вотъ новое развлеченіе для насъ! Странствующія артистки, родомъ изъ Штиринъ, имѣютъ весьма пріятные голоса, не дурны собою, и, какъ говорится, порядочно обстружены. Молодымъ пассажирамъ понравилась ихъ бойкость, и они стали шутовать ихъ пѣснями, которыя артистки отражали весьма искусно. Это занимало насъ до вечера, но когда пароходъ остановился на ночь, на якорѣ, а шутки, хохотъ и бѣготня, надъ нашими головами, не переставали, то намъ, каютнымъ жителямъ, наконецъ надоѣлъ этотъ шабашъ, тѣмъ болѣе, что несносная жара отъ печи и безъ того уже тревожила нашъ сонъ. Особенно одинъ изъ насъ, чрезвычайно сердился, и какъ всѣ мы не

могли удержаться от смѣха отъ его нетерпѣнія, то кончилось тѣмъ, что и онъ присталъ къ намъ, и мы провели ночь въ смѣхѣ и шуткахъ надъ своимъ горемъ. Въ этотъ разъ мнѣ не позволили остановиться въ трактирѣ, въ Абовѣ. Бригадный начальникъ Финскихъ баталіоновъ, Генералъ-Майоръ Дмитрій Федоровичъ Сперчковъ, пригласилъ меня къ себѣ на квартиру. Семейство его проживаетъ на дачѣ, въ окрестностяхъ Выборга, и только старшій сынъ, инженеръ, при немъ. Два дня прожилъ я у почтеннаго Дмитрія Федоровича, наслаждаясь, въ полной мѣрѣ, Русскимъ гостеприимствомъ, которое имѣетъ особую прелесть тѣмъ, что всегда соединено съ добродушіемъ и сердечнымъ участіемъ, а не съ тщеславіемъ, какъ у народовъ западной Европы. Я былъ точнехонько какъ дома. Въ комнатахъ моей были шкафы съ книгами, виды Финляндіи, писанные съ натуры, масляными красками, самимъ Дмитріемъ Федоровичемъ, и небольшія собранія монетъ, рѣдкостей, минераловъ, раковинъ. Я въ Европѣ... здѣсь пахнетъ образованностью! Мнѣ какъ автору, весьма приятно было найти мои собственные сочиненія, въ парадномъ мундирѣ, т. е. въ хорошемъ переплетѣ.

Въ Або есть заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ и естественныя воды, желѣзнаго качества. Все это находится за городомъ. Я пошелъ туда пѣшкомъ. Въ залѣ я застаю многочисленное общество. Явились пасторъ и всѣ присутствующіе помолились Богу; послѣ стали пить воду; наконецъ заиграла музыка, и молодые люди начали танцовать, старики пошли прогуливаться, а маманьки и бабушки качались на скамьяхъ, сдѣланныхъ изъ длинныхъ, тонкихъ досокъ и поставленныхъ вокругъ стѣнъ. Внесли кофе, и меня, незнакомаго, также просили выкупать. Всякое дѣло въ Финляндіи начинается молитвою, и кончится увеселеніемъ.

Я осмотрѣлъ заведеніе Финляндскаго Экономическаго Общества, въ которомъ дѣланы дѣвунки, довольной дѣль, и дѣлутъ, ткутъ и дѣлаютъ кружера, подъ руководствомъ искусныхъ наставницъ. Холстъ не уступаетъ Голландскому. Общество это принесло величайшую пользу Финляндіи, со времени своего существованія, и возвысило не только земледѣліе но и промышленность. Я нахѣрпѣлъ отдѣльную статью познакомить Русскую публику съ этимъ истинно благотворнымъ обществомъ.

Въ Або въ встрѣтилъ я Г. Моллера (родомъ изъ Курляндіи) котораго я зналъ за 30 лѣтъ предъ симъ, въ Лейбъ-Гренадерскомъ полку, во время Финляндской войны. Онъ женился на Финляндкѣ, и сдѣлался Финляндецъ, однакожъ не позабылъ по-Русски. Вообще весьма многіе изъ Русскихъ служащихъ офицеровъ, женаты на Финляндкахъ, и выучились Шведскому языку. Красота и благопріятіе здѣшнихъ женщинъ, добродушіе и гостепріимство всѣхъ вообще жителей Финляндіи, и тихая, безмятежная и дешевая жизнь, отсутствіе обременительной роскоши, привлекаютъ къ этому краю всѣхъ Русскихъ, которые имѣютъ истинное понятіе о счастьи и жизни, и предпочитаютъ существенность блистательнымъ мечтамъ и обманчивымъ надеждамъ. Я говорилъ со многими образованными офицерами, и всѣ они хвалятъ Финляндію. Иные сказываютъ, это еслибъ имъ даже пришлось выйти въ отставку, то они не оставятъ Финляндіи. Не взирая на гостепріимство Д. Ф. Сверякова, съ радостью принявъ предложеніе къ обѣду, почтеннаго коменданта К. Ф. Дершау, чтобъ насладиться пріятною бесѣдою въ его милыхъ семействахъ. Почти всѣ Русскіе въ Або провели нѣсколько дней моего пребыванія въ этомъ городѣ.

Въ Воскресенье, въ 6 часовъ утра, вышелъ мы въ море, и остановились на почлегѣ въ шерахъ, на якорѣ. Ночи уже стали темны, и страшно было пускаться на удачу между подводными камнями. 25 Іюля, въ 8 часовъ вечера, въ Погребѣнникъ, прибылъ мы въ Гельсингфорскую гавань, и я, по приглашенію А. А. Вейсенберга, снова остановился у него на квартирѣ. Весь вечеръ и слѣдующій день послышалъ я повѣсти друзей, моихъ и знакомыхъ, ихъ явлюсь бесѣды и различныя распросы о здѣшнемъ край. Многіе у насъ, въ Россіи, не знаютъ вовсе Финляндіи, и я прошу у васъ позволенія, друзья, сказать нѣсколько словъ объ этой любопытной странѣ. Присоединеніе Финляндіи къ Россіи Императоромъ Александромъ I (въ 1809 году), почтила я самымъ важнымъ приобретеньемъ, со времени Петра Великаго, въ отношеніи геогрфическомъ, политическомъ, коммерческомъ и нравственномъ. Обезпечивъ сѣверныя свои предѣлы, и утвердивъ за собою владычество на Балтійскомъ Морѣ, Россія приняла въ нѣдра свое народъ нравственный и спокойный, въ которомъ высшее и среднее сословіе (т. е. дворянство и купечество) равняются образован-

ностью со всеми древними Европейскими народами. Финляндія имѣть въ крайнюю длину свою около 1100 верстъ, въ ширину отъ 500 до 750 верстъ. Поверхность почвы (areal) составляетъ 5,500-кв. географ. миль, изъ того числа Лапландія принадлежитъ около 450 Швед. квадрат. миль, что составитъ для цѣлой Финляндіи около 55,000 квадратныхъ верстъ. Горь большихъ нѣтъ, но вся страна, особенно внутренняя, средняя полоса составлена изъ возвышенностей каменистаго или гранитнаго характера, и потому воды не могутъ изливаться на большомъ протяженіи, и образовать большія рѣки, но сливаются въ низменности и составляютъ множество озеръ. Всѣ значительнѣйшія рѣки текутъ въ море, на западъ, потому что почва склоняется особенно къ берегу. Самое большее пространство плодородной и удобной къ хлебопашеству земли находится на западномъ берегу, отъ Порго до Брагелитада, между 60 и 64½ градусами сѣверной широты. Главнѣйшія рѣки суть Тава, или Тено, Торнео, Кемпъ, Улео, Киро, Куужо, Кякене или Кюмень. Важнѣйшія озера Улео — Троскь, Калавеси, Нелмьсери, Гейтаейненъ (Höytäjänen), Оливеси, Питаэри, Гауквисеи, Неснери, Рой-

не и Малавеси, * Пейене (Päijäne), Саймень и Ладога.

Финляндіи издревле раздѣлялась на провинціи: Остерботнію, настоящую Финляндію или Финмаркъ, (Абовская Губернія), Аландъ, Тавастгускую Провинцію, Ниландію, Саволакскъ и Карелію. Нилъ она раздѣляется на 8 губерній: 1) Улеборгскую, 2) Вазовскую, 3) Абовскую, съ Аландомъ, 4) Ниландскую, 5) Тавастгускую, 6) Сентъ-Михельскую, 7) Куопіоскую и 8) Выборгскую. ** Губерніи раздѣляются на уѣзды или герарды (Närad), а герарды на кирхпини или приходы. Вліянемъ отдѣльно на каждую губернію.

1. Улеборгская Губернія имѣетъ 5 уѣздовъ или герардовъ: Торнео, Кемпъ, Улео, Кална, и Сало. Народонаселеніе всей губерніи состав-

* Если значить вода, а ери озеро, следовательно не слѣдовало бы прибавлять ери и еси къ слову озеро. Но такъ пишутъ даже Шведы, на ятскѣ.

** Губернія по-Шведски Лепъ (Län), а въ административномъ отношеніи: Гёфдингедеме (Höfvingedöme). Губернаторъ, по Шведски Лансхёфдингъ. Съ прошлаго года имъ повелѣно называться, въ бумагахъ, Губернаторами.

длетъ около 126,450 душъ. * Губернскій городъ Улеаборгъ, значительнѣйшій торговлю, послѣ Або и Гельсингфорса, имѣть превосходную гавань и около 5,500 жителей. Основанъ въ 1605 году. Торнео, съ гаванью, имѣть около 650 жителей, получилъ привилегію города въ 1721 году. Вратенгадъ, съ гаванью основанъ въ 1649 году имѣть около 4,660 жителей. Въ Каппъ, основанномъ въ 1650 году всего до 400 жителей.

2. Вазская Губернія раздѣляется на 4 уѣзды: Каргопольскій сѣверный, южный, восточный и западный. Народонаселеніе всей губерніи простирается до 195,990 человекъ. Губернскій городъ Ваа, съ гаванью, получилъ городскія привилегіи въ 1611 году. Здѣсь есть навигаціонная школа. Жителей около 3,530. Древняя Карлеби (Gamla-Carleby), основана въ 1620 году, имѣть также гавань: жителей 2,590. Якобстадъ, основанъ въ 1655 году, въ имя Якова де ла Гарди. Жителей около 1400. Новый - Карлеби (Ny - Carleby), съ гаванью,

* И хотя круглыми числами, соображался съ послѣдней ревизіею, бывшею въ Финляндіи въ 1834 году. Эти приблизительныя числа можно принять за самыя вѣрныя.

основанъ въ 1614 году, считается около 850 жителей. Каске, мѣстечко съ гаванью, основанное въ 1785 году, имѣть до 650 жителей. Христианштадтъ, съ гаванью, основанъ въ 1649 году, имѣть около 1700 жителей.

3. Абовская Губернія, съ Аландомъ и прежнее Бюрьнеборгскаго Губернію, имѣть 9 уѣздовъ: три уѣзда называемыя Сатакундскими, съ прилагательными, по своему географическому положенію: Вемо (Weimo), Вирмо, Маску, Шиккье и Галико. Народонаселеніе всей губерніи составляетъ около 243,750 человекъ. Або, древнѣйшій городъ въ Финляндіи и столица ея до 1827 года, имѣть до 15,400 жителей, гимназію, навигаціонную школу и гавань. Таммерфорсъ, основанъ въ 1779 году, имѣть до 1600 человекъ жителей. Бюрьнеборгъ, одинъ изъ древнѣйшихъ Финляндскихъ городовъ, съ гаванью, имѣть около 4,700 жителей. Привилегіи его относятся къ 1558 году. Рауно, также весьма древній городъ, котораго привилегіи подъ 1441 годомъ. Жителей имѣть около 1860 человекъ. Нистадъ, основанъ въ 1617 году, имѣть около 1950 человекъ жителей. Наидола, основанъ въ 1445 году, имѣть до 750 жителей. На Аландскихъ Островахъ нѣтъ городовъ; тамъ

8. церквей (при которых бывають торги и суды) и 7. зависящихъ отъ главныхъ церквей канцель или часовень. Жителей на Аландскихъ Островахъ около 14,000 человекъ.

4. Ниландская Губернія, имѣть 4 уѣзда, западный и восточный Разборгъ, Гельсинге и Перно. Губернскій городъ Гельсингфорсъ, съ гаванью, имѣть около 10,500 жителей. Въ крѣпости Свеаборгъ считается до 500 человекъ гражданъ. Борго основанъ въ 1546 году, имѣть гавань и до 2700 человекъ жителей. Экнесъ, древній городишко, близъ мыса Ганге, имѣть до 1250 человекъ жителей. Ловиза, съ гаванью, основанъ въ 1745 году, въ имя Королевы Луизы (по Шведски Lovisa) Ульрики, имѣть около 2600 жителей. Передъ Ловизою лежить крѣпость Свартгольмъ, защищающая гавань.

5. Тавастгуская Губернія имѣть 5 уѣздовъ: верхній и нижній Голлола (Hollola), верхній и нижній Сексменъ (Sääksmäki) и Сатакунда. Въ Ниландской и Тавастгуской Губерніяхъ вмѣстѣ, считается до 217,750 человекъ жителей. Губернскій городъ Тавастгусъ названъ городомъ въ 1650 году и имѣть до 2,500 жителей. Неподалеку города лежить древній замокъ, называвшійся прежде Кронаборгомъ, а

потомъ Тавастеборгомъ, основанный знаменитымъ правителемъ Швеціи Виргеръ-Ярломъ.

6. Сентъ-Михельская Губернія имѣть одинъ только городъ, Нейшлотъ, основанный въ 1475 году, и называвшійся Олофеборгомъ, имѣющій около 400 человекъ жителей. Уѣздовъ всего 4, Рандасальми, Лекаскъ, Сентъ-Михель и Гейнола. Народонаселеніе губерніи составляетъ около 146,750 человекъ. Вмѣсто городовъ служатъ здѣсь, такъ называемыя, кирки, т. е. мѣста, гдѣ построена приходская, церковь гдѣ находится дома пастора, лагмана и нѣсколькихъ мастеровыхъ. Нынѣ эти мѣста, превратились въ городишки, въ родѣ Литовскихъ мѣстечекъ. Губернское мѣсто, не скажу городъ, при киркѣ Сентъ-Михель, гдѣ уже построены многія зданія, для судовъ и т. п. Прежде, губернскіе мѣста были въ Гейноль, гдѣ уже собралось до 900 жителей.

7. Куопіоская Губернія, имѣть также одинъ городъ, Куопіо, основанный въ 1776 году, вмѣщающій въ себя около 2,000 жителей. Уѣздовъ пять: Верхняя и Нижняя Карелія, Индесальми, Куопіо и Рауталамби. Всѣхъ жителей въ губерніи до 201,908 человекъ.

8. Выборгская Губернія, или Старая Финляндія, имѣть 8 уѣздовъ: Кюменегородскій,

или Кимене, Страда, Ланвеси, Кехиси, Оуре-ре (Ангараа) и три Кексольмские: северный, южный и западный. Всѣхъ жителей въ губерніи до 213 800 человекъ, а въ томъ числѣ Грекороссійскаго исповѣданія около 20,060 человекъ.

Выборгъ, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ на Северѣ, основанъ въ 1295 году, имѣетъ 5000, съ небольшими, жителей, и прекрасную гавань. Вильманстрандъ, основанъ въ 1656 году имѣетъ около 550 жителей. Кексольмъ, основанъ въ 1295 году, также имѣетъ небольшое 550 жителей. Сердоболь (по Фински и по Шведски Serdabala, названъ городомъ въ 1640 году, и имѣетъ только 220 жителей. Въ цѣлой Финляндіи жителей считается (въ концѣ 1854) года 1,376,811 душъ. Народонаселеніе довольно быстро увеличивается. Въ 1790 году было 703,670 душъ, а въ 1825 году, (со включеніемъ Выборгской Губерніи) * уже 1,239,151 душъ. По послѣдней переписи 1834 года, въ 9 лѣтъ прибыло: 117,660 душъ. Очевидно, что наибольшее

* После присоединенія Старой Финляндіи къ Полю, часть послѣдней включена въ Выборгскую Губернію.

состояніе Финляндіи лучше прежняго, когда народонаселеніе увеличивается въ такой пропорціи. Въ 50 лѣтъ народонаселеніе можетъ увеличиться 600,000 душъ. Изъ всего народонаселенія въ городахъ находится, кругомъ числомъ, только около 75,000 душъ.

Исключая Або и Гельсингфорса, перестроенныхъ во время Русскаго правленія, всѣ Финляндскіе города имѣютъ одинакій видъ, красивые и небогаты. Одна или двѣ каменные церкви, самой простой и, такъ сказать, египетской архитектуры, * нѣсколько узкихъ улицъ и небольшихъ площадей, обстроенныхъ деревянными домами, большую частью одностажными (выращенными красною домашнею краскою, съ черными бортами воокъ оконъ и дверей) и нѣсколько каменныхъ казенныхъ зданій и частныхъ домовъ, составляютъ городъ, въ которомъ не видно ни богатыхъ магазиновъ, ни экипажей, ни другихъ принадлежностей утонченной городской жизни. Народонаселеніе, какъ мы видѣли, вездѣ чрезвычайно малое, исключая двухъ городовъ. Въ Швеціи тоже

* Обыкновенно большое параллелограммическаго, съ башикою надъ входомъ.

самое. Для нравственности малонаселенность городов полезна, а для промышленности вредна. Занятие жителей приморских городов составляет заграничную торговлю, а во внутренних городах, которых весьма немного, граждане занимаются торговлею внутреннюю, т. е. торгуют вещами, необходимыми въ крестьянскомъ быту: солью, железомъ въ дѣлѣ, табакомъ, сельдами и произведениями сельской промышленности, а именно льняными тканями. Колониальные товары, виноградныя вина и шелковые ткани составляютъ какъ бы постороннее занятіе, при заграничномъ торгѣ внутренними произведениями края. Русскихъ простыхъ товаровъ въездъ бездна. Финляндцы способны ко всякаго рода мануфактурной промышленности, но они не могутъ распространить ее у себя, потому что Шведскія мануфактурныя произведенія чрезвычайно дешевы въ Финляндіи, а Русскіе ввозятся или беспошлинно, или съ малою пошлиною, когда на противъ того, всѣ фабричныя и мануфактурныя произведенія Финляндіи запрещены къ привозу во всѣхъ сосѣднихъ странахъ, или обложены большими пошлинами. Холстъ бѣлый и крашеный, выдѣлывается превосходно въ Финляндіи, и онъ

чрезвычайно дешевъ, но вывозить его къ намъ весьма невыгодно, и эта отрасль промышленности не приноситъ той прибыли, которой отъ нея можно было бы ожидать. Важнѣйшіе предметы вывозной Финляндской торговли составляютъ: стросовой дѣлъ, доски, деготь, поташъ и дрова. Иногда вывозятъ rogатыи скотъ и зерновой хлѣбъ въ Швецію. Въ теченіи десяти лѣтъ, лучший торговый годъ для Финляндіи былъ 1827, въ которомъ отвозъ превышалъ привозъ на 2,942,319 рублей ассигнаціями. Съ 1832 года торговля приняла противный оборотъ. Привозится товаровъ болѣе, нежели вывозится, и въ 1854 году привозъ былъ на 8,144,299 рублей ассигнаціями, а отвозъ на 6,597,665 рублей ассигнаціями, следовательно привозъ превышалъ отвозъ 1,546,568 рублями, что для бѣднаго металлами и произведениями края составляетъ весьма много. Рудники стали воздвѣивать прилежно весьма недавно, въ Русское владычество, но это дѣло еще не на высокой степени. До сихъ поръ вылакивали железо и ковали его изъ руды, привозимой изъ Швеціи, что и нынѣ продолжается, пока Финскіе рудники не дадутъ достаточнаго количества металла. Жельза выковывается въ годъ,

наз своей и Шведской руды до 15,000 шипспундов * мѣди до 2,930 шипспундов. Олово только что открыто, и послѣдствій еще надобно ждать. Въ Россію вывозятъ до 20,000 пудовъ фарфоровой глины. Предполагается учредить въ Финляндіи Технологическую школу, но если изъ этой страны вывозъ товаровъ будетъ также тяжелъ, какъ нынѣ, и ввозъ облегченъ всеми средствами, то умноженное число искусныхъ фабрикантовъ не поможетъ торговлѣ. Самое прибыльное занятіе есть мореходство. Финляндцы строятъ превосходныя суда и имѣютъ отличныя моряковъ. Всѣхъ купеческихъ кораблей въ Финляндіи, въ 1834 году, было 365, въ 29,159 талентовъ, съ 3,539 челоѣкъ экипажа. Суда, по большей части, занимаются каботажею, т. е. перевозкою товаровъ изъ порта въ портъ и доставленіемъ въ отечество выписныхъ товаровъ. Финляндіи имѣетъ заемно-депозитный и вексельный банкъ, для облегченія денежныхъ оборотовъ. Почти всѣ важныя предпріятія, и даже постройка зданий, производится на акціяхъ, потому что

* Шведскій шипспундъ заключаетъ въ себя 20 лезиковъ или 10 Русскихъ пудъ.

въ Финляндіи нѣтъ богатыхъ капиталистовъ. Одно и спасеніе для края — отсутствіе роскоши! Но, по несчастію, заимѣли и, что и Финляндцы уже начинаютъ отступать отъ прежней умеренности своихъ предковъ! Собщеніе съ Петербургомъ и Русская роскошь, произвела свое вліяніе на нравы, особенно въ Гельсингфорсѣ и Абовѣ. Тамъ, гдѣ прежде за столомъ почетному гостю подавали рюмочку водки или портерина, а обыкновенно угощали холоднымъ пуншемъ, даже за обѣдомъ, теперь также дѣлится шанпанское и благоухаетъ лафитъ, кнѣсто прежнихъ двухъ или трехъ блюдъ, уже подаютъ ихъ по нѣскольку. За десять лѣтъ предъ симъ, кричали противу роскоши, когда видѣли Русскія дрожки, а теперь не удивляются уже каретамъ, коляскамъ и небелямъ красного дерева! Мени это нисколько не радуешь, а напротивъ печалитъ. Выпало, мы разбѣжали въ каріодахъ, въ одну лошадь, на званомъ обѣдѣ довольствовались кускомъ жаренаго мяса или рыбы и молочныхъ супомъ, и были веселы, довольны, счастливы, потому что радушіе и любезность лучше всѣхъ лакомствъ въ мірѣ!

Быть крестьянъ и состояніе земледѣлія не одинаковы въ Финляндіи. Самые богатые крестья-

ние по берегамъ моря, особенно въ Ваимской губернии и въ приморской части Улеаборгской, до Лиманго. Здѣсь сельское хозяйство въ цѣлѣмъ состояніи, * крестьяне живутъ въ большихъ, чистыхъ деревянныхъ домахъ, иногда двухъ-этажныхъ, богаты, и, по своему состоянию, весьма образованы; знаютъ всѣ грамоту и свои законы, а даже нѣкоторые изъ нихъ занимаются литературою. Въ губерніяхъ Куо-ниоской и Сентъ-Михельской, т. е. на востокъ Финляндіи, въ Саволахѣ и Карелии и на сѣверѣ, въ Каанѣ, крестьяне гораздо ниже образованности береговыхъ жителей; болѣею частью бѣдны, живутъ въ малыхъ хижинахъ и уже не такъ чисто. Въ Старой Финляндіи поселіе нечисты, невѣжественны, бѣдны и безпечны. Русское прозваніе Чухонъ относится именно къ Выборгцамъ, Карелямъ и Саволахсамъ. Вообще сѣверныя и юговосточныя части Финляндіи, т. е. отъ 44 градуса долготы на

* Но и здѣсь, какъ въ Швеціи, утренники и вѣданные ранніе морозы иногда истребляютъ весь посѣвъ и травы, и производятъ повсемѣстный недостатокъ; круглыхъ чиселъ это случается разъ въ пять лѣтъ.

востокъ, составляютъ противоположность съ прибрежною Финляндіею, въ отношеніи образованности и благосостоянія. Крестьяне въ Финляндіи живутъ отдѣльно, дворами, при своихъ нивахъ, какъ въ Англии, Эстляндіи и Курляндіи. Это весьма выгодно для земледѣія и даже для нравственности, хотя вредно для общезнательности. Въ цѣлой Финляндіи я знаю только одну деревню, похожую на Русскія села, это Лиманго, неподалеку Улеаборга.

Въ Финляндіи три господствующіе языка: Шведскій, употребляемый высшимъ и среднимъ сословіемъ и введенный въ учебныя заведенія и въ присутственныя мѣста, какъ Нѣмецкій языкъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, Финскій языкъ говорятъ поселіе, мелкіе граждане и ремесленники. Финскій языкъ обработанъ, имѣетъ свою грамматику, лексику и даже литературу. Но Фински пишется и печатается все, что должно быть доведено до свѣденія простаго народа; на Финскомъ языкѣ издаются народныя учебныя книги, и даже газеты. Во всѣхъ нижнихъ инстанціяхъ, гдѣ засѣдаютъ поселіе, производство дѣлъ, на Шведскомъ и на Финскомъ языкахъ. Русскій языкъ употребляется въ сношеніяхъ съ высшимъ Правитель-

ством, чрезъ канцелярію Военнаго Губернатора и преподается въ учебныхъ заведеніяхъ. Жители острововъ Аландскихъ всѣ Шведы, но на твердой землѣ, между среднимъ сословіемъ, нынѣ говорящимъ по-Шведски, и почитаемымъ Шведани, весьма много природныхъ Финновъ. Дворянство и высшее кунечество и вообще аристократія среднего сословія т. е. пасторы, адвокаты, мелкие чиновники чрезвычайно образованы въ Финляндіи. Нравственность здѣсь высокая! Честь поставляется выше жизни и богатства. Взятокъ нѣтъ вовсе. Безразличныя, обманчивыя, ложныя банкротствѣ, исключеніе изъ правилъ! Они обыкновенно должны оставлять отечество и переселяются въ обитываемую землю, за море! Мѣстность много способствуетъ нравственности. Города малы, крестьяне живутъ отдѣльно, помѣщики проводятъ жизнь на своихъ имѣяхъ. Всѣ знаютъ другъ друга, каждый смотритъ на сосѣда, и семейныя связи удерживаютъ человека въ предѣлахъ, предначертанныхъ закономъ и общимъ мнѣніемъ. Основаніемъ всего добраго въ Финляндіи, какъ въ Швеціи, служитъ религіозность. Финляндцы набожны, а о безвѣріи здѣсь даже не слыхи-

вано! — Пасторы всѣ люди примѣрной нравственности и благочестія. Они пользуются общимъ уваженіемъ. Это настоящіе посредники между небомъ и землею. Въ Финляндіи считается до 25,000 душъ Греко-Россійскаго Исповѣданія: Русскихъ и Кареловъ.

Финляндія имѣетъ свое отдѣльное управленіе, по особому Уложенію, дарованному Императоромъ Александромъ I, и утвержденному нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ. Законы здѣсь Шведскіе. Сводъ ихъ напечатанъ по-Шведски, съ Русскимъ переводомъ. Въ теченіе 50 лѣтняго Русскаго владычества, прибавлено много новыхъ постановленій, сообразно потребностямъ края, и нѣкоторые законы устранены, особенно по уголовной части. Но основаніе Гражданскаго Права—Шведское. Финляндія управляется Генераль-Губернаторомъ*, назначаемымъ Государемъ Императоромъ, а въ отсутствіе Генераль-Губернатора его Помощникомъ**. Канцелярія Генераль-Губернатора есть средоточіе исполнительной власти.

* Нынѣ Генераль-Губернаторомъ Его Свѣтлости Адмиралъ Князь А. С. Меншиковъ.

** Нынѣ Помощникомъ Генераль-Губернатора Генераль-Лейтенантъ Теслевъ.

Высшее судилище по всем частям управления есть Императорскій Финляндскій Сенатъ, состоящій изъ двухъ Департаментовъ: судебного и хозяйственнаго. На рассмотрение Сената поступаютъ дѣла:

1. Изъ верхняго военнаго судилища Финляндскихъ войскъ и леѣманскаго вѣдомства. Предсѣдатель въ семь судилищъ Русскій Генералъ, а членами прикомандированные офицеры Лейбъ-Гвардіи Финскаго Стрѣлковаго баталіона и перваго Финскаго флотскаго экипажа.

2. Изъ Гюфгерихтовъ (Höf-rätt), состоящихъ подъ предсѣдательствомъ президентовъ (считающихся въ 5 классѣ, по табели о рангахъ). Въ Финляндіи только три Гюфгерихта: въ Або, въ Вааъ и въ Выборгѣ.

3) Изъ межевыхъ судовъ (Aodelnings-rätt)*. Въ каждомъ хирггиницѣ или приходѣ есть такой судъ.

* Agor, (древнее Шведское слово) значитъ угодіе; тотъ же корень находится въ Славянскомъ языкѣ: угорь, т. е. напня, отдыхающая послѣ застѣва. Delning и дѣленіе, дѣленіе. — также весьма близка между собою.

Первая инстанція въ уѣздѣ есть уѣздный или герадскій (Härad-rätt) судъ, въ который поступаютъ всѣ дѣла, исключая подлежащихъ межевымъ и городскимъ судамъ. Въ каждомъ герадѣ, или уѣздѣ, есть свой судъ. Изъ него уголовныя дѣла переносятся, по жалобѣ, въ Гюфгерихты, а гражданскія дѣла въ Лагманскій судъ (Lagmans-rätt), составляющій вторую инстанцію. Предсѣдатель сего суда есть Лагманъ (Lagman)*. Въ Финляндіи всего 7 Лагманскихъ судовъ. Изъ Лагманскихъ судовъ дѣла, по апелліаціи, поступаютъ въ Гюфгерихты.

Въ члены Герадскаго и Лагманскаго судовъ выбираются, предсѣдательствующимъ въ судѣ, по 12 человекъ изъ поселянъ, имѣющихъ свою собственную землю. Эти выборные называются Немидеманами. (Nämndemän.)

Въ каждомъ городѣ есть полицейская управа, (Police-kammar), а въ городахъ Або и Гельсингфорсѣ Кемерскіе суды (Kämmars-rätt) и Ратушные суды (Rådhus-rätt). Въ Або есть Мануфактурный судъ (Hall-rätt).

* Отъ слова Lag (Lag), законъ, и man (man) мужъ. Это тоже, что законники.

Финляндскому Генералъ-Губернатору подчинены Корпусъ чиншенъ рѣкъ и каналовъ въ Финляндіи *. Народное воспитаніе подчинено двумъ властямъ: духовной и свѣтской. Гимназія въ Або состоитъ въ вѣденіи Архіепископа, а Гимназія въ Борго и Выборгѣ, въ вѣденіи Воротскаго Епископа. Во всѣхъ городахъ есть приготовительныя школы, а въ приходахъ приходскія, подъ вѣденіемъ пасторовъ. Александровскій Гельсингфорскій Университетъ

* Кроме того каждая отдѣльная часть имѣетъ свое высшее правительственное мѣсто, для управленія, какъ то: Высшее Ценсурное управленіе, Медицинская коллегія, Правленіе банка, Дирекція почтъ, Главная межевая контора, Интендантская контора, Генеральная Дирекція Таможенъ, Главная Ревизіонная контора, Горный судъ, Лоцманское правленіе и проч. Этихъ правительственныхъ мѣстъ подчинены конторы второго разряда, какъ то: ревизіонныя конторы, контрольная, мажоранъ, чиншенъ рѣкъ и каналовъ и проч. Словомъ, Финлядія устроена вполне. Въ Петербургѣ находится: Статсъ-Секретаріатъ, подъ начальствомъ Министра Статсъ-Секретаря (нынѣ Графа Ребиндера) и Контора пашпортовъ.

состоитъ въ непосредственномъ вѣденіи Канцлера Университета. Нынѣ Канцлеромъ Его Императорское Высочество Государь Цесаревичъ Наслѣдникъ Престола. Должность Его исправляетъ Министръ Статсъ-Секретарь, Графъ Ребиндеръ. Ближайшее управленіе Университета поручено нынѣ Помощнику Генералъ-Губернатора. Новый уставъ и штатъ Университета Высочайше утверждены въ 1828 году, по перенесеніи Университета изъ Або въ Гельсингфорсъ. Постройки и новое устройство Университета стоили казны болѣе миліона рублей ассигнаціями. По новому штату, Профессоры уже не получаютъ жалованья хлѣбомъ, какъ было прежде, но имъ выдается деньгами, по рыночнымъ цѣнамъ хлѣба. Жалованье почти то же, что и Русскихъ Профессоровъ. Ежегодныя надержки по штату составляютъ 61,875 рублей серебромъ. Студентовъ, вписанныхъ въ хлѣбомъ, бывають, круглымъ числомъ, ежегодно отъ 400 до 500 человекъ. Духъ въ Университетѣ превосходный, и студенты ведутъ себя отлично. Я не слыхалъ ни какихъ жалобъ на нихъ въ городѣ, и имѣлъ случаи замѣтить ихъ вѣжливость и благоправіе. Между Профессорами есть нѣсколько отличныхъ писате-

лей*, но какъ познаніе Шведскаго языка не распространено въ Европѣ, то Шведскія весьма трудно приобрести Европейскую извѣстность, какъ и намъ, Русскимъ. Даже Гейера знаютъ въ Европѣ только, которые читаютъ по-Нѣмецки. О Тегнерѣ знаютъ по слухамъ, ибо народная поэзія въ переводѣ хуже еще, нежели плохая литографія Рафаэлевыхъ мастерскихъ произведеній. Русский языкъ здѣсь не въ пренебреженіи. Университетъ высыластъ по нѣскольку студентовъ въ Москву и Казань, для усовершенствованія въ Русскомъ языкѣ и въ Русской литературѣ. Вообще Финляндцы не только не чуждаются Русскаго языка, но занимаютъ имъ съ удовольствіемъ.

Въ Фридрихсгамѣ существуетъ Финляндскій Кадетскій Корпусъ, кажется, на 90 человекъ, по штату. По усиліямъ въ наукахъ и правственности воспитанниковъ, заведеніе сіе можно почесть образцовымъ въ дѣлой Европѣ. Это

* Читатели мои безъ сомнѣнія замѣтятъ, что я не говорю ни слова ни объ Упсальскихъ ни о Гельсингфорскихъ Профессорахъ. Послѣ того, что я возвращаюсь и дерзну въ помянутую мою по Англандіи въ 1828 году, я сдѣлалъ осторожнѣе.

и слышалъ отъ Русскихъ, заслуживающихъ полное довѣріе, которые, по службѣ, входили во всѣ подробности заведенія. Финляндскій корпусъ далѣе уже Русской арміи отличнѣйшихъ инженерныхъ* и артиллерійскихъ офицеровъ.

Финское войско составляетъ Лейбъ-Гвардіи Финскій Стрѣлковый баталіонъ, изъ четырехъ ротъ, по 150 нижнихъ чиновъ въ каждой ротѣ, и первый Финскій Морской Экипажъ, изъ 1,000 человекъ нижнихъ чиновъ. Въ Финскомъ Стрѣлковомъ баталіонѣ не только нижніе чины, но и офицеры всѣ природные Финляндцы, а въ Морскомъ экипажѣ офицеры почти всѣ Русскіе. Нижніе чины для Стрѣлковаго баталіона и Финскаго экипажа вербуются по всему краю. Финны вообще чрезвычайно мужественны и неустрашимы. Они составляли отличное войско при Густавѣ Адольфѣ и Карлѣ XII. Въ войнѣ 1808 и 1809 годовъ Финны сражались храбро и Саволаксскіе егеря намяты намъ своимъ искусствомъ въ стрѣлбѣ и отчаяннымъ мужествомъ. Въ послѣднюю Польскую войну

* Въ чинахъ инженерныхъ я разумѣю и офицеровъ Генеральнаго Штаба.

Лейбъ-Гвардіи Финскій Стрѣлковый баталіонъ покрылся славой.

Кромѣ того, въ Финляндіи расположена 24 пѣхотная дивизія Русскихъ войскъ, состоящая изъ 12 баталіоновъ. Эти баталіоны называются обыкновенно Финскими, хотя солдаты въ нихъ Русскіе. Въ этой дивизіи служатъ много офицеровъ изъ природныхъ Финляндцевъ, бывшихъ въ прежнемъ Финскомъ войскѣ. Офицеры эти отличаются приятнымъ поведеніемъ и точностью въ исполненіи своихъ обязанностей. Русскіе начальники говорили мнѣ объ нихъ, что это люди неправые и надежные.

Можетъ быть, нѣкоторые усомнятся въ истинѣ словъ моихъ, не находя въ описаніяхъ моихъ ни порицаній, ни строгой критики. Конечно, и Финляндцы не святые, и въ Финляндіи есть пороки, средины природѣ человеческой, и бываютъ даже преступленія; и въ Финляндіи есть злые люди, потому что злость есть тѣнь въ добрѣ. Но суди о народѣ, надобно называть зло и добро, а добро, въ Финляндіи, такимъ образомъ относится ко злу, какъ зоть къ пуду. Это тоже, что ложка дегтю въ бочкѣ меду. Читайте всѣхъ путешественниковъ, отъ рѣзкаго, но основательнаго, благороднаго, ученаго и остроумнаго Зейме, до

серіознаго, холоднаго и религіознаго Шуберта (нѣмецкаго Настора), спросите у каждаго, кто только знаетъ Финляндію, у Русскихъ, Англичанъ, Французовъ и Нѣмцевъ, проживавшихъ по 10 и по 25 лѣтъ въ Финляндіи; они вамъ подтвердятъ мои слова, и скажутъ еще болѣе, чего я сказать не смѣю. Во всѣхъ сословіяхъ жителей Финляндіи такъ глубоко вкоренилась Шведская образованность, что въ Финляндіи почти тѣ же пороки и тѣ же добродѣтели, что и въ Швеціи. Общій порокъ простаго народа: привязанность къ крѣпкимъ напѣткамъ. Преступленія хотя весьма рѣдки въ Финляндіи, но происходятъ почти всегда отъ пьянства, которое на Сѣверѣ то же, что язва на Востокѣ. Между образованнымъ сословіемъ есть конечно люди ничтожныя (insignifiants), но такихъ, которые бы промышляли обманами и подостыями — рѣшительно нѣтъ. Общее мнѣніе связало бы руки такому молодцу, и запечатало бы уста. Что противно чести и нравственности, то наказывается въ Швеціи и Финляндіи общимъ презрѣніемъ, и безвинно оскорбленные получаютъ удовлетвореніе въ обществѣ къ нимъ соучастиін. Я знаю много призывовъ этому. Ни Г-нъ Кенингъ, издатель и редакторъ псковскихъ, ни су-

флеры его не ужались бы спокойно въ Финляндіи и даже въ Швеціи, не взирая на свободу книгопечатанія въ послѣдней.

Человѣку любящему роскошь, шумъ, блескъ, привыкшему къ сильнымъ ощущеніямъ, къ большой карточной игрѣ, къ пирамъ, къ жизни разсыпанной, конечно покажется скучно въ Финляндіи. Г-жа Сталь сказала, что въ Парижѣ можно обойтись и безъ счастья. Въ Финляндіи, напротивъ, невозможно жить безъ того счастья, котораго зародыши покоятся въ добромъ сердцѣ и въ умѣ образованномъ. Если вы можете наслаждаться зрѣніемъ семейнаго счастья, умною и откровенною бесѣдою, скромнымъ веселіемъ людей добродушныхъ, повсемѣстною нравственностью — то вѣрно будете счастливы въ Финляндіи. Гдѣ свѣтитъ солнце, тамъ не можетъ быть мрака. Мрачно можетъ быть только въ пещерахъ и зданіяхъ, куда не доходятъ лучи солнца. Точно также, при переѣздѣ просвѣщенія, основаннаго на нравственности, пороки не замѣтны въ народѣ. Они скрываются подъ завѣсомъ стыда. Тотъ весьма ошибется, кто станетъ судить о нравственности женскаго пола, по безнравственности нѣкоторыхъ Финляндокъ, внѣ отечества. Отъ того-то именно безнрав-

ственнымъ женщинамъ и оставляютъ отечество и бѣгутъ въ пучину большихъ городовъ, что имъ не было бы житья дома! Кто только поскользнулся въ Финляндіи — тотъ уже не можетъ жить тамъ спокойно. Вотъ величайшее доказательство нравственности народа! Богатствомъ и покровительствомъ нельзя купить въ Финляндіи уваженія! Кого Финляндцы приняли въ свой кругъ, тотъ вѣрно чистъ душою, и въ Финляндіи никогда не составляетъ въ обществахъ заговоръ, для преслѣдованія человѣка за то, что онъ не льститъ страстямъ большинства или коноводамъ общества. Духъ корпорации не порождаетъ въ Финляндіи ни несправедливаго, ни смѣшнаго, какъ въ другихъ привилегированныхъ провинціяхъ. Добрые и умные Русскіе въ Финляндіи — дома!

Къ величайшей моей радости, сошелся и здѣсь съ Александромъ Евстафьевичемъ Вульфбертомъ, нынѣшнимъ Почтъ-Директоромъ въ Финляндіи. Онъ родомъ Финляндецъ, но кончилъ курсъ наукъ въ Дерптскомъ Университетѣ, и, при другихъ глубокихъ свѣдѣніяхъ, приобрѣлъ основательное познаніе Нѣмецкаго языка. По-Русски говорить онъ, какъ Русскій. Я узналъ Г-на Вульфберта за многіе годы предъ симъ, въ Пе-

тербургъ, чрезъ посредство одного изъ друзей моихъ, въ котораго и вѣрилъ безусловно, какъ въ олицетворенную честь и благодѣтельство. Друга моего уже нѣтъ въ живыхъ! Переживъ его, я имѣлъ несчастье видѣть на его могилѣ самую гнусную частичку сердца человѣческаго, въ которой таится самый скверный изъ пороковъ: неблагодарность. Покойный другъ мой имѣлъ средства и охоту дѣлать добро и дѣлалъ его всегда, когда только представлялся къ тому случай. Всѣ окружающіе его были обязаны ему чѣмъ нибудь, а весьма многіе обязаны ему всѣмъ своимъ существованіемъ. Изъ этихъ-то именно вышли неблагодарные, которые не только измѣнили памяти его, но даже оквернили чистое имя его клеветою. Покойный другъ мой любилъ и уважалъ А. Е. Вульфerta, былъ ему полезенъ и почтенный Александръ Евстафьевичъ сохранилъ въ душѣ благодарное чувство къ его памяти. Вотъ точка соединенія моего съ А. Е. Вульфертомъ, котораго я впрочемъ уважаю и люблю не только какъ человѣка, но и какъ автора. Никто лучше его не постигнулъ духа поэзіи Пушкина, и перепечатавъ въ своемъ изданіи его поэзію, покойный М. А. Фоминъ, въ предисловіи къ ней, писалъ:

воду Г-на Вульфerta, на Нѣмецкій языкъ (стихами), Бахчисарайскаго Фонтана—превосходенъ, но сознанію всѣхъ знающихъ Нѣмецкій языкъ. Кроме того Г. Вульфертъ написалъ много прекрасныхъ стиховъ, запечатлѣнныхъ глубокимъ чувствомъ и возвышеннымъ умомъ. Я не хочу казаться предъ вами, друзья, лучше, чѣмъ я созданъ природою, а потому скажу откровенно, что я былъ виноватъ предъ А. Е. Вульфертомъ, и что мы разстались съ нимъ не выдавшись. Онъ былъ Редакторомъ С. Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостей, на Нѣмецкомъ языкѣ, въ 1851 году, и не вникнувъ въ нѣкоторыя обстоятельства, перепечаталъ статью изъ Русскихъ С. Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостей, которая поставила Сѣверную Пчелу (безъ всякой вины съ ея стороны) въ весьма непріятное положеніе предъ публикою. Все дѣло произошло отъ недоразумѣнія, но пылкость моя увлекла меня, и я, при объясненіи, погорячился и переступилъ за черту, за которую не должны никогда выходить, даже въ горячемъ спорѣ, образованные люди. Длиннее слово сорвалось съ языка моего, и хотя я вполне раскаялся, но не имѣлъ случая загладить

моей неосторожности. Но какъ у А. Е. Вульфберта хороша память только на добро, и сердце его не принимаетъ на сохраненіе и на проценты ни какихъ дурныхъ ощущеній, какъ то бываетъ съ иными людьми, то добрый и милый А. Е. Вульфбергъ принялъ меня съ распростертыми объятіями, и когда я заговорилъ о прошломъ, онъ расхохотался, сказавъ, что давно забылъ объ этомъ и никогда не сердился, зная, что по мнѣ виновно не сердце, а виновата слишкомъ горячая кровь! Въ первое пребываніе мое въ Гельсингфорсъ, я не могъ раздѣлится съ ними его хлѣба-соли, потому что былъ занятъ осмотромъ города. Теперь онъ убѣдилъ меня позавтракать съ нимъ, въ кругу моихъ пріятелей, въ день отъѣзда. Пароходъ долженъ былъ отправиться въ 2 часа, по-полудни, а завтракъ назначенъ въ 12 часовъ, въ ресторацин, находящейся въ публичномъ городскомъ саду.

Весь вчерашній день была буря. Сегодня вѣтеръ не утихъ, и Княгиня парохода объявила намъ, что онъ не выйдетъ въ море, пока оно не успокоится нѣсколько. Онъ обещалъ прислать за мною, когда можно будетъ выйти изъ гавани.

Не предполагая никакихъ дальнихъ замысловъ, я думалъ, что мы закусимъ на скорую руку, въ обществѣ нѣсколькихъ пріятелей А. Е. Вульфберта, и выпивъ по рюмкѣ вина за здоровье другъ друга, разстанемся. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа, мы съ А. А. Вѣйсбергомъ, отправились въ публичный садъ. Представьте себѣ мое удивленіе, друзья, когда вмѣсто нѣсколькихъ пріятелей, мы въ обществѣ Александрѣ Евстафьевичѣ, я нашелъ въ павильонѣ многочисленное общество, нѣсколько десятковъ человекъ, изъ которыхъ я зналъ едва нѣсколькихъ. Столъ былъ накрытъ великолепно, и превосходная музыка 1 Флотскаго Финскаго экипажа загрѣмѣла передъ входомъ. Хозяйка праздника, Генералъ-Майоръ И. А. Чепурновъ, человекъ съ истинно Русскимъ сердцемъ, принялъ и откровеннымъ, и А. Е. Вульфбергъ, объявилъ мнѣ, что здѣсь собрались люди, которые, уважая мои литературныя заслуги, хотѣтъ доставить себѣ удовольствіе проводить меня по Русски, съ хлѣбомъ-солью, и что если общество не слишкомъ многочисленно, причина тому лѣтняя пора и вакаціи, въ которыхъ любите жить въ деревнямъ или на дачахъ. Вмѣсто краснорѣчиваго отвѣта, я приказалъ любезнымъ

хозяйствъ къ сердцу; и просилъ ихъ представить мнѣ каждому изъ собесѣдниковъ. Черезъ полчаса я былъ въ этомъ обществѣ также непринужденъ, какъ въ кругу самыхъ старинныхъ друзей. Это былъ истинный Англійскій обѣдъ, на которомъ, между различными тостами, говорены были рѣчи (speech). Смыслъ всѣхъ этихъ рѣчей заключался въ желаніи успѣховъ Русской Словесности, и процвѣтанія просвѣщенія въ любезной нашей Россіи!

Первый тостъ, разумѣется, провозглашенъ былъ, единодушно, съ радостнымъ восклицаніемъ, за здравіе, въ честь и во славу Августѣйшаго Покровителя Русскаго просвѣщенія. Мнѣ позволено было провозгласить нѣсколько тостовъ, въ честь уважаемыхъ мною литераторовъ, и я предложилъ: въ память Державина, Карамзина, Дмитріева, Пушкина, и за здравіе Н. А. Крылова и В. А. Жуковского. Потомъ всѣ присутствовавшіе, какъ будто по инстинкту, провозгласили здравіе друга моего Н. И. Греча, за его многолѣтніе труды на поприщѣ литературы и неоцѣненныя заслуги въ Русскомъ языкѣ. Въ заключеніе — извините, друзья, едва смѣю вымолвить. — Профессоръ Исторіи Александровскаго Гельсингфорскаго

Университета, почтенный Рейнтъ поднесъ мнѣ лавровый вѣнокъ, и произнесъ рѣчь, на которую я отвѣчалъ не помню что, но вѣрно что-нибудь плохое, потому что я былъ тронутъ до глубины души, и жия въ это время сердцемъ, а не головою, т. е. чувствованія заглушали во мнѣ мысли.

Я не столь самолюбивъ и тщеславенъ, чтобы приписать это торжество *единственно* мнѣ достоинствамъ, но и не столь простъ, чтобы сказать, что я не признаю въ себѣ ни какихъ литературныхъ заслугъ! Во всякомъ случаѣ однако жъ, торжество это почитаю я не *личнымъ* моимъ, но общимъ, т. е. принадлежащимъ всемъ заслуженнымъ и достойнымъ Русскимъ литераторамъ, которыхъ я былъ случайнымъ представителемъ. Торжество сіе, безъ всякаго сомнѣнія, приносить столько же чести тѣмъ, которые его устроили въ честь Русской Литературы, какъ и намъ, Русскимъ писателямъ, извѣстнымъ за предѣлами древней Россіи.

Бури утихла къ вечеру, но море такъ сильно волновалось, что Капитанъ рѣшился подождать до утра. Пробывъ до 7 часовъ вечера (отъ 12 до полудня) въ обществѣ друзей Русскаго

Слова, и наконец распространился съ ними *, и отдохнувь въ семейномъ кругу моего добраго хозяина, А. А. Вейсенберга, отправился на па-

* А именно съ Генераль-Майоромъ Н. А. Чепурновымъ, Генераль-Майоромъ Иваномъ Евстафьевичемъ Вульфбергомъ, Почтъ-Директоромъ А. Е. Вульфбергомъ, Капитаномъ 1-го ранга Маркизомъ де Траверсе, Подполковникомъ Шеле, Профессоромъ Рейномъ, Майоромъ Гилбовымъ, Капитаномъ Латынымъ, Коммерции Советникомъ Киселевымъ, Г-мъ Энгелемъ (начальникомъ Строительной части въ Финляндіи), Г-мъ Эльвигомъ, Г-мъ Векманомъ, Барономъ Клеркеромъ, Г-мъ фонъ Шульцомъ, Оберъ-Аудиторомъ Григорьевымъ, Г-мъ Карломъ фонъ Розенкамфомъ, Г-мъ Экелундомъ, (Оберъ-Аудиторомъ Финскаго Оберъ-кригс-герихта и редакторомъ Гельсингфорской газеты: Helsingfors Tidning), Г-мъ Норденгейкомъ, Г-мъ Соколовымъ (7 класса) и весьма остроумнымъ и веселымъ казачьимъ офицеромъ Ивановымъ, который даже сочинилъ акс-проимъ, на наше торжество. Прошу остальныхъ собесѣдниковъ извинить, если не могу вспомнить ихъ именъ — но дѣла не забуду и за могилкою. 26 Июля будетъ всегда домашнимъ моимъ праздникомъ, въ воспоминаніе Гельсингфорскихъ любителей Русскаго Слова!

роходъ, ждать погоды. Ночью вѣтеръ утихъ, и Капитанъ хотѣлъ еще одинъ день остаться въ Гельсингфорсѣ, но вѣншію нѣкоторыхъ пассажировъ, не желавшихъ подвергаться опасности, но большинство голосовъ рѣшило, что должно плыть, и мы, съ разсвѣтомъ, снялись съ якоря, и пустились въ бурное море. Я одинъ изъ первыхъ былъ наказанъ бурю, за мое къ ней неуваженіе. Въ первый разъ въ жизни меня укачало, какъ будто для того, чтобы и узнала, что такое морская болѣзнь. Однакожъ припадки ея были столь легки, что Капитанъ излечилъ меня рюмкою рому и кускомъ копченой ветчины. Но во весь переѣздъ, я не могъ стоять прямо, долженъ былъ держаться за рѣшетку, и голова моя безпрестанно кружилась. Другіе пассажиры, особенно дамы, жестоко страдали и лежали замертво на палубѣ и въ постеляхъ. Пароходъ нашъ летѣлъ, какъ щепка, по нѣистымъ волнамъ, которыя разбивались о переднюю его часть, образовали родъ фонтана и часто вторгались на палубу. На среднѣй Финскаго Залива качка была ужасная, и я, закупорясь въ мой норъ, не видалъ даже нашего флота, возвращавшагося изъ крейсерства.

Слава Богу!... вот Ревель! Меня свели подь руки съ парохода, и, странное дѣло, лишь только я ступилъ на твердую землю, круженіе головы и тошнота тотчасъ прошли, и я даже сталъ свѣжѣе прежняго. Съ Таможеню и не имѣлъ ни какого дѣла, потому что все приобрѣтенное мною, во время моего путешествія, хранилось въ моемъ сердцѣ и въ моей головѣ, куда, по счастью, не достигають взоры ни какихъ въ мірѣ досмотрщиковъ.....

Въ Ревелѣ я остался столько времени, сколько нужно было, чтобъ уложить вещи и запрячь почтовыхъ лошадей. Въ 7 часовъ вечера я уже ѣхалъ рысцой, * по дорогѣ въ Дерптъ.

Чѣмъ ближе къ дому, тѣмъ сильнѣе нетерпѣнье. Такъ бываетъ во всѣхъ дѣлахъ мірскихъ: чѣмъ ближе къ цѣли, тѣмъ болѣе торопливости, а отъ того и частыя неудачи! — Хотѣлось бы полетѣть душою, но мы только

* Даже въ поэзін, говоря о путешествіи по Остасійскимъ Губерніямъ, нельзя употреблять выраженій: *помагала, полетѣлъ, поесся, поскалака*, потому что здѣсь не *магала* и не *скакала* на почтовыхъ, а ѣдутъ по-гозляски, не торопясь, такими образомъ, что вы всегда можете считать сичи въ колесахъ вашего экипажа.

можете летать мыслями, и то не даѣе нашей головы... Я вспомнилъ о трогательной сценѣ отцовской любви, изображенной гениальнымъ Байрономъ, въ его Чильдѣ - Гарольдѣ. * Несчастный боецъ (гладіаторъ) умираетъ въ Римскомъ циркѣ, при возгласахъ тысячей кровавадныхъ зрителей, и въ эту роковую минуту, онъ переносится, мыслями, въ дикое свое отечество, на берега Дуная, и видитъ дѣтей своихъ..... Не знаю ничего выше этого!

..... and now

The arena swims around - him he is gone,
Ere ceased the inhuman shout which hail'd the
wretch who won.

He heard it, but he heeded not - his eyes
Were with his heart, and that was far away;
He reck'd not of the life he lost nor prize,
But where his rude hut by the Danube lay;
There were his young barbarians all at play,

* Но - Русски мы неправильно называемъ героя повѣсти: Чильдъ - Гарольдомъ. Childe, по-древне - Саксонски значить то же, что по - Русски *Баринъ* или *Князь*. Нѣмцы перевели слово Childe: *Junker* - Герольд. Воля ваша, а *юнкеръ* — ситишно. Ужъ не ландъ - юнкеръ ли?

There was their Dacian mother-he, their sire,
Butcher'd to make a Roman holiday.
All this rush'd with his blood etc.*

И мои милые варварята безпрестанно были у меня передъ глазами..... я видѣлъ ихъ за тысячу верстъ!..... Но вотъ они, вотъ жизнь моя!..... Сюда, сюда — къ сердцу!..... Бро-саю страпническій посохъ: и дома! Здѣсь мое счастье, котораго не въ силахъ разрушить ни зависить, ни клевета!

* Вейрона почти нельзя переводить стихъ въ стихъ ~~или слово въ слово~~ и едва ли можно даже передать полный смыслъ его ~~высокихъ~~ идей и чудныхъ картинъ. У него *свой* языкъ. Вотъ ~~смыслъ~~ этой строфы: «Уже циркъ кажется ему (т. е. бойцу) кружащимся, и онъ испускаетъ последнее дыханіе, прежде чѣмъ утихли безчеловѣчными восклицаніями зрителей. Онъ слышалъ эти звуки, но они не произвели въ немъ ни какого впечатлѣнія. Взоръ его и сердце были далеко! Не дорога ему жизнь, которую у него исторгнули... Тамъ, на берегу Дуная, въ бѣдной хижинѣ, играютъ его маленькіе варварята, воокъ своей матери..... а онъ гибнетъ, на Римскомъ празднествѣ!..... Эта ужасная мысль отравляетъ послѣднюю каплю крови, истекающую изъ несчастнаго бойца!».....

Судите, какъ вамъ угодно, друзья и недруги о моемъ путешествіи! Высто всѣхъ оправданій и объясненій, я привожу слова изъ Предисловія, ко второму изданію Зеймовой: *Пешеходной прогулки въ Сиракузы* (Spaziergang nach Syrakus, im Jahre 1802): «Factisch waren die Dinge so, wie ich sie erzähle; und in dem Uebrigen ist meine Ueberzeugung nicht von gestern und ehegestern. Wahrheit und Gerechtigkeit werden immer mein einziges Heiligthum seyn. Warum sollte ich zu entstellen suchen? Zu hoffen habe ich nichts, und fürchten will ich nichts.» т. е. «Всѣ дѣла происходили точно такъ, какъ я ихъ рассказываю; а на счетъ моего мнѣнія о различныхъ предметахъ, могу утвердительно сказать, что оно не новое, не вчерашнее. Правда и Правосудіе будутъ навсегда единственными святынями моими. Да и зачѣмъ мнѣ искажать истину? Я ничего не надѣюсь и ничего не хочу страниться.» Прибавлю отъ себя, къ словамъ Зейма: исполнии, по совѣсти, по закону и по крайнему разумію, долгъ смиреннаго гражданина и писателя.

конецъ.

Jan 8th April 1849.

Price: 75. Coy. 616.